

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И.

Григулевич
ПРЕДИСЛОВИЕ

История католической церкви в странах Латинской Америки продолжает привлекать внимание многочисленных исследователей. Это объясняется в первую очередь ее ролью в последние годы в общественной жизни этих стран, ее активным участием в происходящих там социально-политических процессах. Немаловажное значение имеет и другое обстоятельство: в этом регионе проживает около половины всех католиков мира, т. е. от судеб латиноамериканского католицизма в известной степени зависит будущее всей католической церкви. По-видимому, исходя из подобных соображений, папы римские уделяют большое внимание Латинской Америке, о чем свидетельствуют, например, посещения Павлом VI Колумбии в 1968 г., Иоанном Павлом II Мексики в 1979 г. и Бразилии в 1980 г.

В двух ранее опубликованных монографиях мы исследовали деятельность католической церкви в Латинской Америке в колониальный период и те перемены, которые произошли в католическом мире в этом регионе после II Ватиканского вселенского собора (1962–1965), а главное под воздействием Кубинской революции и связанным с ней подъемом антиимпериалистической борьбы¹. тории церкви лишь частично изучен в советской литературе. Из специальных работ можно указать книгу Н. С. Ларина о войне кристеросов в Мексике в 20-е годы нашего века². Названный сюжет затрагивался в работах других советских латиноамериканистов – И. Зориной, С. Семенова, А. Шульговского, в коллективных трудах, посвященных истории Аргентины, Бразилии, Мексики, Кубы, Эквадора и других стран Латинской Америки. Мы поставили перед собой задачу дать более цельную и детальную картину деятельности церкви в указанный выше период, вскрыть ее социально-экономическую подоплеку, показать, в интересах каких классов действовала тогда церковь, каково было ее влияние на общественное развитие стран Латинской Америки. На эту тему имеется за рубежом разнообразная литература, в основном на испанском языке, многие документальные источники опубликованы. Мы попытались использовать их, а также, разумеется, работы советских исследователей.

История стран Латинской Америки в XIX и в первой половине XX в. характеризовалась острейшими конфликтами церкви с государством, нередко принимавшими форму затяжных гражданских войн. В чем причины таких конфликтов?

После завоевания независимости либеральное течение в лагере патриотов терпит поражение, что позволяет церкви быстро избавиться и от собственных «крамольников» – реформистски настроенных священников. Впредь, если таковые объявлялись, они сами покидали церковь, переходя в стан либералов, главным образом в результате того, что заинтересованные в дипломатическом признании Ватикана патриоты были вынуждены оставить за папой право назначения папских епископских должностей. Папы же использовали это право для создания консервативной реакционной иерархии, которая подавляла любое проявление либерализма или патриотизма в духе 1810 г. в рядах церкви.

Либералы в свою очередь стремились не столько к ликвидации церковного влияния, сколько к подчинению церкви государству в духе традиционного «королевского патроната», подчеркивая свою преданность не только традиционным католическим догмам, но и самому папству. Такая ориентация либералов не способствовала укреплению их позиций и позволяла церковникам сохранить свое влияние при любых режимах.

Католическая церковь не утратила после войны за независимость своего экономического могущества и особых привилегий (фуэрос), которыми она пользовалась на протяжении всего колониального периода.

Важную роль в общественной жизни новых республик играла олигархия. По существу реальная власть находилась в ее руках. Олигархия не была однородной по своему социальному составу и в каждой стране имела свои особенности. Как правило, ее ядро состояло из крупных помещиков. Эта прослойка в свою очередь складывалась как из латифундистов колониальной эпохи, так и из новых крупных землевладельцев, разбогатевших в годы войны за независимость. Среди них было немало консервативно настроенных военных, всякого рода каудильо – демагогов, продажных политиков, а также ажиотистов-спекулянтов, занимавшихся ростовщичеством и государственными подрядами. Все они обзаводились рано или поздно земельной собственностью и превращались в латифундистов. К этим же слоям примыкала и новая – креольская – церковная иерархия, связанная с ними родственными узами и общностью экономических интересов, ибо представляла интересы церкви –

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org обладательницы 73 всей земельной собственности и значительной части национальных капиталов. Церковь, отмечает Уильям З. Фостер, «как крупнейший землевладелец и вообще собственник была основным источником политической реакции и неизменно поддерживала все крупные движения против демократического прогресса, а некоторые из них сама же и спровоцировала. Церковь питала «каудильизм» и была главной движущей силой многих реакционных переворотов, приведших к установлению тиранических диктаторских режимов» 3~4.

Светские и церковные олигархии в периоды кризисов объединялись и действовали сообща против прогрессивных сил. Но и у них имелись свои противоречия. Светская олигархия стремилась превратить церковь в свою служанку, а церковь претендовала на руководящую роль в обществе. Отсюда конфликты, возникавшие иногда между этими силами. Постепенно, однако, противоречия между ними сгладились, и к концу XX в. они выступают уже единым строем против рабочего движения, а затем и против социалистов, коммунистов, Советского Союза.

В годы войны за независимость церковь разделилась на два противоположных, враждебных лагеря. Церковная иерархия, в основном испанского происхождения, выступала в защиту колониальных порядков, в то время как креольское духовенство поддерживало и даже в некоторых случаях возглавляло сторонников независимости. В процессе войны многие видные священники-патриоты погибли, другие покинули церковное сословие, к руководству которым на смену испанским иерархам пришли умеренно или консервативно настроенные креольские священники, связанные во многих случаях родственными узами с местными олигархами, в чьих руках оказалась политическая власть в новых республиках. Таким образом, всякие попытки либералов, представлявших интересы буржуазии, средних слоев и в известной мере трудящихся, ограничить власть олигархии и обеспечить демократические свободы наталкивались на противодействие не только крупных землевладельцев, но и церкви, а попытки секуляризировать имущество последней и добиться отделения от государства встречали сопротивление как церковников, так и олигархов, в руках которых была сконцентрирована реальная власть.

«На протяжении многих десятилетий, – пишет Уильям З. Фостер, – отношение к церкви в латиноамериканских странах неоднократно менялось то в одну, то в другую сторону, и это до некоторой степени приобрело характер исторической закономерности. Когда власть оказывалась в руках либеральных партий, последние часто оказывали давление на церковь – ограничивали или уничтожали ее монополию в области образования, требовали уплаты причитавшихся с нее налогов и даже частично или полностью конфисковали ее огромные земельные владения, и, напротив, когда у власти в латиноамериканских странах стояли консерваторы – а это бывало чаще всего, – они восстанавливали экономические привилегии и монопольную диктатуру церкви в отношении религиозных верований народа» 5.

Либеральная буржуазия вовсе не была антирелигиозной или антицерковной. Церковную проповедь смирения и повиновения установленному порядку она даже была готова использовать в своих интересах. Но она хотела видеть церковь, повинующуюся властям и лишенную экономического могущества, как то, представлялось ей, имело место в США или в Англии, порядки которых служили ей своего рода моделью, достойной подражания.

Если латиноамериканские церковники считали, что национальной традиции соответствует только католицизм ограниченный, авторитарный и иерархический, отмечает католический автор Фредерик Пайк, то это в значительной степени потому, что их взгляды отражали идеологию господствующих классов 6.

Объединенные в своем стремлении защищать консервативную программу, указывает тот же автор, латиноамериканские церковники и их светские союзники в середине XIX в. исповедовали социальную доктрину патернализма, согласно которой низшие классы были навсегда осуждены выполнять самые тяжелые обязанности. Любое их возвышение противоречило иерархическому порядку, установленному божественным провидением. Их можно было только жалеть, им следовало оказывать милостыню, но не больше 7.

Мельчор Окампо, один из идеологов мексиканской революции Реформ, упрекал церковников в середине прошлого века в том, что они, следуя одному из канонических Тридентского вселенского собора 8, видят в Христе не избавителя от жизненных невзгод, а сурового законодателя, приказам которого верующие обязаны подчиняться.

Следует отметить, что современные папы стали выступать за проведение верхушечных реформ в развивающихся странах как за средства предотвращения революционного взрыва. Однако перед ростом революционного процесса в Латинской Америке и все более активным участием в нем католиков и представителей духовенства Ватикан стал отходить от реформистского курса и вновь призывать неимущих и обездоленных к терпению и смирению. В таком духе

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
он выступил на II конференции организации латиноамериканского епископата (СЕЛАМ) в Медельине (Колумбия) в 1968 г. В свою очередь нынешний глава католической церкви Иоанн Павел II в выступлениях на III конференции СЕЛАМ в Пуэбле (Мексика) в начале 1979 г. отверг так называемую теологию освобождения и призвал «мятежных» церковников оставить политику и вернуться в ризницы.

Эти высказывания Иоанна Павла в Мексике вызвали решительные протесты в рядах духовенства, что заставило папу во время посещения Бразилии в 1980 г. резко осудить социальные несправедливости и даже утверждать, что нищета не является «божьим благодеянием», хотя именно так учила церковь на протяжении веков.

Но такие «крутые виражи» Ватикана, вызванные конъюнктурными соображениями, вряд ли могут прибавить ему сторонников в современной Латинской Америке. В XIX в. церковь – л не только в Латинской Америке, но и в Европе, включая Италию, – стояла на позициях защиты старого порядка, феодальных пережитков, неприятия буржуазно-демократических преобразований, а тем более социализма, даже в его утопической и христианской –форме. Об этом стыдливо умалчивают многие церковные историки, пытаясь объяснить борьбу –за отделение церкви от государства– «кознями дьявола», масонскими заговорами или, как это делает Поль Мюррэй, шизофренией, которая якобы является национальной чертой мексиканцев, особенно отличавшихся своим антиклерикализмом 9.

Другие церковные авторитеты, признавая, что церковь и в колониальный период, и после завоевания независимости выступала в роли союзника колонизаторов и олигархии, винят в этом институт патроната, ставивший церковь в зависимость от правящий классов или антиклерикалов, которые якобы своей враждебностью к церкви толкали ее в объятия правых. Так, в декларации III конференции СЕЛАМ в Пуэбле, принятой в феврале 1979 г., говорится буквально следующее: «В колониальный период церковь, за исключением некоторых достойных епископов и миссионеров, была подчинена патронату и принимала обязанности и привилегии, навязанные ей королевской властью. Во время движения за независимость и в республиканский период происходит разрыв между церковью и государством. В ответ на деятельность либеральных, антиклерикальных и антирелигиозных группировок церковь начинает поддерживать консервативные и конфессиональные (читай: клерикальные. – И. Г.) партии» 10.

Здесь что ни фраза, то передержка. В колониальный период королевская власть вовсе не заставляла церковь сотрудничать с колонизаторами, ни тем более не навязывала ей привилегии. И то и другое церковь принимала как должное. Что касается республиканского периода, то церковь поддерживала олигархию задолго до появления на свет антиклерикальных партий, а тем более «антирелигиозных» – таких вообще не было в Латинской Америке. Появление же этих партий объясняется тем, что церковь не желала расставаться с привилегиями, якобы «павязан-ными» ей испанской короной, и тем более согласиться на патронат республиканского государства, хотя она его безропотно сносила все 300 лет испанского господства.

Что же касается периода от начала XX в. до победы кубинской революции в 1959 г., то он вообще выпадает из поля зрения авторов цитируемого документа. Церковные иерархи делают вид, что не было ни сотрудничества церкви с империализмом и ультрареакционными режимами, ни симпатии церковников к Гитлеру, Муссолини, Франко, ни их участия в погромных антикоммунистических кампаниях, ни в вооруженных восстаниях типа кри-стеросов в Мексике. Конечно, куда легче и выгодней умолчать такие факты, чем пытаться оправдывать их, тем более сегодня, когда церковь выступает в роли поборника прав человека.

Нельзя согласиться и с теми учеными, которые, подобно Н. С. Ларину, автору содержательной работы о восстании кри-стеросов в Мексике, объясняют затяжной характер конфликта церкви с государством тем обстоятельством, что буржуазия этих стран не была достаточно сильна, чтобы сбросить феодальные путы в ходе одной революции, как это сделала, например, французская, американская, английская буржуазия. Ее борьба с феодализмом, а стало быть, и с католической церковью растянулась более чем на сто лет и прошла последовательно ряд подъемов и спадов¹. На наш взгляд, этот тезис не вполне обоснован. Дело в том, что перечисленные им революции далеко не сразу ликвидировали феодальные путы. Общеизвестно, что потребовалось целое столетие, чтобы осуществить программу французской революции 1789 г. Задачи американской революции были достигнуты только в результате войны Севера с Югом, а английская революция завершилась компромиссом с феодально-абсолютистскими кругами. Затяжной характер конфликта церкви с государством в Мексике, как и в других странах Латинской Америки, на наш взгляд, объясняется не столько слабостью креольской буржуазии, хотя она, разумеется, была значительно менее развитой, чем ее европейские или

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
американский аналог, а ее желанием сохранить церковь, лишенную материального могущества, в качестве союзника, с одной стороны, и способностью церковников приспосабливаться к новым обстоятельствам – с другой, что позволяло им «возродиться» всякий раз после того, как они терпели поражения и лишались тех или других позиций. Одной из форм такого приспособления была эволюция церкви в сторону союза с реакционной буржуазией и империализмом в целях более эффективной борьбы с коммунистическим, рабочим и национально-освободительным движением, что особенно характерно для сорокалетия, отделяющего Великую Октябрьскую социалистическую революцию от Кубинской революции. Отношения между церковью и государством в странах Латинской Америки в новое время развивались на фоне событий, происходивших в Европе, начиная с французской революции 1789 г. Последняя, впервые отделив церковь от государства, нанесла весьма чувствительный удар не только авторитету церкви, но и религии. Действия Наполеона – захват Рима, пленение Пия VI и затем Пия VII – потрясли основы папства. Наполеон всецело подчинил церковную иерархию правительству Франции, сделал священников VIP-никами своей государственной машины. Он же ликвидировал трибуналы инквизиции. Не менее решительно действовали против церкви испанские демократы. Кадисские кортесы отделили церковь от государства, провозгласили свободу слова, запретили иезуитский орден, распустили трибуналы инквизиции, сократили число монастырей и размеры десятины, национализировали церковную собственность. И хотя Фердинанд VII отменил это законодательство, как и кадисскую конституцию, после революции 1820 г. все было вновь восстановлено. Борьба либералов против королевского абсолютизма и его союзницы – церкви продолжалась в Испании с переменным успехом вплоть до отмены монархии в 1931 г. Причем монархия неоднократно вставала на пути союза с буржуазией, «ущемляла» церковные права и привилегии. Такие же «зигзаги» в политике государства по отношению к церкви наблюдались и в других западноевропейских странах, где периоды «культуркампа» чередовались с периодами тесного сотрудничества. И все же в целом церковь в Европе в XIX в. продолжала повсеместно терять свои позиции вплоть до того, что в 1870 г. папство лишилось светской власти, а папа провозгласил себя «узником» Ватикана. Положение начинает меняться в (конце XIX в., когда Лев XIII выступает за сближение с буржуазией в целях совместной борьбы против общего врага – социализма. Но процесс сближения проходит через сложные конфликтные ситуации, такие, как отделение церкви от государства во Франции в 1908 г. После Великой Октябрьской социалистической революции Ватикан и церковная иерархия повсеместно выступают в союзе с наиболее реакционными кругами мирового империализма против Советского Союза и международного революционного движения. Этот процесс достигает своей кульминации в 1929 г. союзом папства с фашистской Италией, в результате чего возникает Город-Государство Ватикан и папство вновь обретает свое «законное» место в семье буржуазных государств. Эти события отражались и на Латинской Америке, оказывая свое воздействие на взаимоотношения церкви с государством, которые, как и в Европе, часто принимали острый конфликтный характер. Положение осложнялось тем обстоятельством, что церковная иерархия в Латинской Америке выступала, с одной стороны, как союзница олигархии и действовавших с ней заодно правых военных кругов, а с другой – как проводник господствовавшей в Ватикане реакционной политической ориентации. Более подробно мы рассматриваем деятельность церковных институтов, анализируя историческое развитие отдельных стран региона. 2 1

Глава первая ЦЕРКОВЬ

И ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Принято считать, что война за независимость испанских колоний в Америке началась в 1810 г. и закончилась в 1826 г. взятием патриотами последнего форпоста испанцев на континенте – крепости Кальяо в Перу.

К началу войны за независимость католическая церковь располагала в испанских колониях Америки 7 архиепископствами, 35 епископствами и около 4000 монастырями. Священников в Новой Испании – было 14 тыс., Перу – 5, Новой Гранаде – 3, в остальных колониях – около 18–20 тыс. Всего – около 40 тыс.² Церкви принадлежали земли, недвижимое имущество в городах, она являлась главным ростовщиком в колониях, контролируя колониальную финансовую систему. Доходы церковных иерархов (например, архиепископа Мексики) составляли до 130 тыс. песо в год, как об этом сообщил Гумбольдт, посетивший испанские владения в 1799–1804 гг.

Войне за независимость предшествовал ряд антииспанских движений и восстаний, крупнейшим из которых было восстание перуанских индейцев в 1780 г. под предводительством Хосе Габриэля Кондорканки – Тупак Амару II.

В последней четверти XVIII в. освободительные идеи начинают проникать в среду колониального духовенства. Отдельные священники-креолы, представлявшие по существу местную интеллигенцию, под влиянием зарубежной «подрывной» литературы (в основном произведений Руссо, Вольтера и других просветителей), войны за независимость английских колоний в Северной Америке и французской революции 1789 г. прониклись патриотическими идеями и выступали за независимость испанских колоний. Таких священников-патриотов инквизиция преследовала с особым ожесточением.

Американский исследователь Ричард Гринлаф отмечает, что инквизиция отождествляла еретиков с врагами колониального режима. Это приводило к тому, что всякий, кто отступал от апробированных церковью норм, считался «социальным революционером, пытающимся подорвать политическую и религиозную стабильность колониального общества»².

После «фамильного пакта» 1761 г., превратившего Испанию в союзницу Франции, практически испанские колонии были открыты для французов, которые стали проникать туда через Луизиану и французские владения в Карибском море. В колониаль-

ных городах появились французы – врачи, кондитеры, парикмахеры, моряки, а через них и книги французских энциклопедистов и просветителей XVIII в. Пока жил «офранцуженный» Карл III (1759–1788), сторонник просвещенного абсолютизма, инквизиция была вынуждена смотреть сквозь пальцы на распространение в колониях такой литературы. Но с его смертью и с началом французской революции св. трибунал вновь приобретает прежнюю агрессивность. Чудом избежал церковных застенков предтеча движения за независимость венесуэльский патриот Франсиско де Миранда, служивший в чине подполковника адъютантом губернатора Кубы. Трибунал в Картахене отдал приказ об его аресте в 1783 г., однако комиссарий инквизиции в Гаване сообщил, что «преступник бежал к американцам», поэтому нет надежды, что его постигнет «заслуженное наказание»³.

В 1794 г. инквизиторы планируют выслать из колоний на манер иезуитов всех французов и «офранцуженных», но из этих проектов ничего не получилось. В 1789 г. церковь запрещает книги о французской революции, всех английских авторов («еретиков»). Спрос на такого рода литературу огромен. Ее привозят контрабандой во все большем количестве. Ее читают сами священники. Об этом говорят анналы инквизиции. Так, в 1794 г. св. трибунал в Мехико привлек к суду за чтение «крамольной» литературы профессора духовной семинарии Хуана Пастора Моралеса, одобрявшего публично казнь Людовика XVI и призывавшего покончить также с испанским королем; священника и церковного судью Анастасио Переса де Аламилло, подвергавшего сомнению явление девы Гуаделупской и веру в чудеса; францисканца Хуана Рамиреса и ряд других духовных лиц⁴.

В 1797 г. инквизиция в Мехико арестовала французов – капитана Жан-Мари Мюрже и врача Жозефа Франсуа Мореля по обвинению в распространении революционной пропаганды. Оба были подвергнуты пыткам и покончили самоубийством. Тем не менее их посмертно «казнили» на аутодафе в Мехико, а с ними еще трех французов. Тогда же в Мехико был взят под стражу и заключен в застенки инквизиции 53-летний францисканский монах Хуан Рамирес Орельяно, обвиненный в том, что одобрял казнь французских короля и королевы, называл королей, в том числе испанских, тиранами, обвинял их в безудержном грабеже колоний. «Французы, – утверждал францисканец, – пробудили нас от сна и открыли нам глаза». На допросах обвиняемый заявил, как следует из сохранившегося протокола, что французы, совершив революцию, показали себя спасителями человеческого рода, что Вольтер – папа этого века, и, говоря о 40 тыс. священников, покинувших революционную Францию, воскликнул: «Смотрите, сколько моли было бы во французском королевстве!» Приговор

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
инквизиции по делу Рамиреса Орельяно не сохранился, и его дальнейшая судьба нам неизвестна.

И

В 1802 г. инквизиция в Мехико судила Антонио Кастро-и-Сальгадо, «зараженного» революционными идеями. Его обвиняли в том, что он на память знал целые страницы «Эмиля» и считал Жан-Жака Руссо «величайшим человеком в мире». Обвиняемый называл св. Августина – «лошадью», а св. Фому – «животным». Кастро признал свою вину, отрекся и отделался годом заточения в монастыре б.

Последовавший вслед за этим союз Испании с Францией заставил инквизицию несколько умерить свою репрессивную деятельность, которую она вновь возобновит с особым рвением в начале войны за независимость.

Иезуиты – поборники независимости?

В 1767 г. испанское правительство, как известно, запретило иезуитский орден и выслало его членов из метрополии и колоний. Собственность ордена была конфискована в пользу казны. Эти меры были предприняты сторонниками «просвещенного абсолютизма», стремившимися ограничить экономическое и политическое могущество католической церкви.

Церковные и консервативные авторы увязывают антииспанские выступления с антииезуитскими мероприятиями правительства Мадрида б. Они утверждают, что, ликвидируя орден Лойолы, испанская монархия якобы лишилась своего самого верного и преданного союзника, восстановила его против себя, толкнула в объятия сторонников независимости, чем подписала свой смертный приговор. Известный исследователь культуры Марселино Менендес-и-Пелайо одним из первых выразил эту мысль в своей монументальной «Истории испанских этородоксов (отступников) », первый том которой вышел в 1880 г. В этом сочинении автор вопрошал: «Разве сегодня кто-либо сомневается в том, что изгнание иезуитов ускорило потерю Испанией ее американских колоний?» После их изгнания, утверждал далее Менендес-и-Пелайо, в колониях воцарился «ужасный беспорядок как в светской администрации, так и в церковной»⁷. Этот тезис перепевался затем на разные лады многими клерикальными и буржуазными авторами.

Испанский историк-«либерал» Сальвадор Мадариага, ярый защитник испанского колониального строя, утверждал, что испанский король, запретив иезуитский орден, тем самым якобы разорвал самое солидное звено, связывавшее корону с ее заморскими владениями. В результате к двум «интернациональным братствам» – евреям и масонам, копавшим могилу испанской колониальной империи, присоединилось третье – иезуиты, которых толкнула на такое преступление «группа испанских просвещенных деспотов»⁸.

В свою очередь венесуэлец Мариано Пикон-Салас, автор популярной книги по истории испано-американской культуры, уверяет, что иезуиты, глубоко укоренившиеся в американской среде, якобы еще до их изгнания являлись глашатаями гуманистических идей в колониях и «относились с одобрением к автономистской идее отделения от Испании». Их интересы, считает автор, начинали совпадать с интересами местной буржуазии, выступавшей против засилья испанских колониальных властей. Изгнание порождает в иезуитах чувство мести по отношению к испанской монархии, они объявляют Испании войну, образуя, по словам Пикон-Саласа, «левый революционный фронт» в движении сторонников независимости⁹.

Аргентинский иезуит Г. Фурлонг стремился доказать, что борцы за независимость колоний находились под влиянием не французских просветителей и идеологов революции 1789 г., а «популистской» доктрины испанского иезуита Франсиско Суареса (1548–1617), якобы отстаивавшего превосходство народного суверенитета над королевской властью¹⁰.

Подобные измышления иезуитских апологетов убедительно опроверг Хосе Инхеньерос (1871–1925) – аргентинский прогрессивный философ и историк – в известном труде «Эволюция аргентинских идей», опубликованном в 20-х годах XX в. Он показал, что движение за независимость в Аргентине (а эта страна не была исключением из общего правила) смогло развиваться и победить не благодаря участию в нем иезуитов, а вопреки их противодействию. Инхеньерос правильно отмечал, что изгнание иезуитов, как и другие реформы Карла III, в частности свобода торговли с метрополией и между колониями, явилось предпосылкой для вызревания общественных сил, стремившихся к ослаблению колониального гнета. Инхеньерос цитировал видного аргентинского историка прошлого столетия Висенте Фиделя Лопеса, писавшего со слов участников войны

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org за независимость: «Правда заключается в том, что, если бы Общество Иисуса не было бы изгнано в 1767 г., наша майская революция 1810 г. обрела бы в нем своего самого грозного врага. Пятнадцать или двадцать тысяч свирепых индейцев, дисциплинированных и фанатизированных отцами-иезуитами, которые все были роялистами и папистами, могли бы оказать огромное влияние на исход борьбы, и, кто знает, смогли бы мы завоевать независимость и стать хозяевами нашей судьбы, имея против себя столь сильного внутреннего противника» п.

В период войны за независимость, указывал Инхеньерос, поборники компромисса с Испанией пытались воскресить иезуитский орден, чтобы с его помощью затормозить борьбу за независимость. Эта «иезуитская партия», как ее называл Инхеньерос, стремилась протащить через кадисские кортесы резолюцию, разрешающую восстановить в колониях Общество Иисуса.

Столь же безосновательны утверждения о поголовном участии духовенства и иезуитов в восстании индейцев под руководством инки Тупак Амару. Некоторые священники-креолы оказывали помощь Тупак Амару, например священник Васкес де Веласко писал ему воззвания. Кое-кто из них подвергся впоследствии судебному преследованию «за участие в беспорядках под Куском»¹². Но это были исключения из правила. Приходские священники в основной своей массе выступали против Тупак Амару, что вынуждало его смещать их с постов и заменять людьми, преданными делу восставших. Этот факт фигурировал в качестве одного из пунктов обвинения на процессе против Тупак Амару II. Многие священники снабжали колониальные власти значительными денежными средствами для борьбы с Тупак Амару, возглавляли карательные отряды, принимали непосредственное участие в подавлении восстания. В рядах индейцев духовных лиц, тем более иезуитов, не было.

Идейным вождем и вдохновителем колонизаторов в период подавления восстания Тупак Амару был епископ Куско Хуан Мануэль Москосо. Он применил против повстанцев, по его словам, «грозное оружие» – отлучил Тупак Амару и его сподвижников от церкви, проклял их, объявил, что все, кто предаст инку, совершат «богоугодное дело». Это вызвало массовое дезертирство метисов и индейцев из повстанческой армии¹³.

Франсиско де Миранда и иезуиты

Консервативные историки утверждают, что изгнанные из колоний иезуиты якобы принимали участие вместе с Мирандой в борьбе против испанского господства. В подтверждение этого тезиса они ссылаются на списки изгнанных иезуитов, имевшиеся у Миранды и опубликованные им вместе с «Письмом к американским испанцам» перуанского иезуита Хуана Пабло Вискардо, увидевшим свет в 1799 г. в Лондоне, хотя на титульном листе в конспиративных целях местом издания названа Филадельфия. Письмо Вискардо считается одним из первых документов, в котором было сформулировано требование о предоставлении независимости испанским колониям в Америке.

Известна связь Миранды с иезуитом Х. Хосе Годоем-и-дель-Посо, противником испанского господства в Америке. Исследователи называют и другие имена иезуитов, якобы выступавших в поддержку независимости. Создается впечатление, что изгнанные из колоний иезуиты были чуть ли не зачинателями борьбы против испанского колониализма.

Эту версию опроверг не кто иной, как видный историк иезуитского ордена Мигель Батльори, опубликовав в 1953 г. монографию о жизни и деятельности аббата Вискардо с красноречивым подзаголовком «История и легенда участия иезуитов в движении за независимость Испанской Америки»¹⁴.

Из данных, приводимых Батльори в его монографии, следует, что Хуан Пабло Вискардо, как и его брат Хосе Ансельмо, родился в вице-королевстве Перу в семье богатых креольских помещиков. Оба брата, рано потеряв отца, вступили в иезуитский орден. Хуану Пабло было тогда 13 лет, а его брату – 10. В год запрещения ордена первому исполнилось 18, второму – 15 лет. Высланные из Перу, оба брата еще в порту Санта-Мария, как и многие из их коллег по ордену, следуя предложению испанских властей, заявили о выходе из Общества Иисуса и о возвращении в «светское состояние», надеясь благодаря такому отступничеству вернуться со временем в Перу и вступить в права на богатое отцовское наследство. Вскоре они прибыли в Италию, где вместе с другими иезуитами, пожелавшими покинуть орден, получили на то папское согласие. И все же «ренегаты» не получили разрешения Мадрида на возвращение не только в

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org колонии, но и в Испанию. Не получили они такого разрешения и после того, как в 1773 г., иезуитский орден был запрещен папой Климентом XIV. Лишенные возможности вступить в права наследования, оба брата влачили жалкое существование, располагая нищенской рентой, получаемой от испанской казны за «лояльное» поведение. Все их слезные верноподданнические просьбы к испанскому королю и правительству разрешить им доступ к наследству неизменно отвергались.

Когда положение братьев казалось безвыходным, из Перу пришла в Италию обнадеживающая весть: на их родине против испанского господства восстали индейцы во главе с Тупак Амару. В Европу сведения из Америки поступали с большим опозданием и часто в искаженном виде. Ходили слухи о победах Тупак Амару, о том, что он провозгласил себя верховным инкой-королем. Эти известия произвели большое впечатление на братьев Ви-скардо. Отчаявшись получить наследство при помощи испанского короля, они решили предложить свои услуги его сопернику – королю английскому. В то время Англия находилась в состоянии войны со своими американскими колониями, Францией и Испанией, оказывавшими военную помощь Вашингтону, и весть об индейском восстании в Перу, самой богатой части испанских владений в Америке, должна была привлечь внимание английских властей.

Казалось, что иезуиты имели все основания быть недовольными испанским правительством и желать ему поражения в войне с Англией. Их влияние в колониях, осведомленность о тамошнем положении дел, способность к решительным действиям были общеизвестны. Заручиться услугами этих некогда верных «янычар» папства и слуг испанского короля было как нельзя кстати английскому правительству, которое, чтобы навредить своей традиционной сопернице Испании, готово было забыть, что те же иезуиты в прошлом являлись злейшими врагами британской короны.

Весьма примечательно, что, как только в Лондоне узнали о запрещении иезуитского ордена в Испании и ее владениях, английское правительство заявило испанскому послу о своей готовности предоставить убежище последователям Лойолы в Англии. Испания отвергла предложения англичан, опасаясь, как бы Англия не использовала иезуитов в своих интересах. Испанское посольство сообщило в Мадрид ходившие в Лондоне слухи о баснословных вкладах иезуитов в английских банках, о существовании подпольного иезуитского банка в Лондоне, называлась даже конкретная сумма ежегодной ренты иезуитов – 16 млн. фунтов 15.

Впрочем, и сами иезуиты готовы были теперь сотрудничать с еретиками, для борьбы с которыми они были некогда созданы. К тому времени многие из последователей Лойолы нашли приют у прусского короля Фридриха и при дворе Екатерины. Поэтому когда в середине 1781 г. Хуан Пабло Вискардо явился к британскому консулу в Ливорно Джону Адни и выразил ему от имени брата и своего готовности передать важную информацию о положении в Перу, то он был принят и выслушан весьма любезно.

Вискардо не был одинок в стремлении служить английскому королю. Почти одновременно с его визитом к Адни его собрат по ордену пьемонтец Пьетро Эсруджина, в прошлом работавший в Перу, посетил английского поверенного в делах в Турине Луи Дютана и предложил ему свои услуги для борьбы с Испанией.

30 сентября 1781 г., вскоре после первого визита к Адни, Вискардо направил ему письмо. В нем автор призывал Англию послать военную экспедицию на помощь восставшим в Перу индейцам, победа которых не только должна была ослабить Испанию, но и открыть англичанам доступ к сказочным богатствам бывшей империи инков. Вискардо выразил готовность отплыть с экспедицией в качестве советника или эксперта, обосновав это своими достоинствами: владение языком кечуа, на котором говорят индейцы; знание французского, которое облегчит его сношения с английскими офицерами; знание обычаев, поведения и предрассудков тамошних жителей; принадлежность к аристократической перуанской семье, обладающей значительным состоянием; положение креола; длительное пребывание в Италии, что укрепит его авторитет в глазах соотечественников; членство в иезуитском ордене, не отягощенное орденскими обязательствами; весьма солидные знания Южной Америки, почерпнутые из хороших книг, и длительное общение с просвещенными иезуитами из других испанских колоний. Набивая себе цену перед англичанами, Вискардо подчеркивал, что его примеру последуют многие американские иезуиты, если увидят хороший прием и покровительство, оказанное ему англичанами. Поэтому Вискардо просил консула, «не ожидая предварительного согласия британского двора», немедленно направить его в Лондон.

Когда велись переговоры, ни Вискардо, ни Адни еще не знали о поражении восстания Тупак Амару и его казни, что уже было известно английскому правительству, которое не ответило на предложение Вискардо, пересланное Адни в Лондон. Но молчание англичан отнюдь не обескуражило братьев

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

Вискардо, которые, судя по всему, подкармливаемые консулом Адни, продолжали снабжать его различными сведениями о Перу по происходящих там событиях, поступавшими в Италию. Адни пересылал получаемую информацию через британского министра во Флоренции (Тоскана) сэра Хораса Монка в Лондон. 15 июня 1782 г. сэр Хорас в письме министру иностранных дел Англии Джеймсу Фоксу сообщал, что бывшие иезуиты Вискардо «страстно желают предоставить себя в распоряжение английского двора для того, чтобы вызвать революцию в Южной Америке» 16. Далее он излагал план братьев для захвата Лимы английским флотом в составе 4 линейных кораблей и 2 фрегатов, гарантируя, что их появление у берегов Перу вызовет всеобщее антииспанское восстание. Для осуществления этого плана оба иезуита вновь выразили свою готовность немедленно направиться в Лондон. Восемь дней спустя Монк сообщает Фоксу, что встретился с братьями во Флоренции и они произвели на него самое положительное впечатление своей серьезностью и знанием обстановки в Перу. Поэтому, не ожидая разрешения Лондона, Монк решил удовлетворить их просьбу и направить обоих иезуитов в Англию, учитывая важность дела и небольшие дорожные расходы. Вскоре, снабженные фальшивыми паспортами (Хуан Пабло Росси – на имя Пабло Росси, а Хосе Ансельмо – на имя Антонио Валеси), оба брата прибыли в Лондон. Фокс к этому времени ушел в отставку. Его преемник – министр иностранных дел Грантам – одобрил приезд бывших иезуитов в Лондон, встретился с ними, обеспечил им «достойное» проживание, однако воспользоваться их предложением организовать вооруженное вторжение в Перу отказался. Английское правительство в то время уже вело переговоры с Испанией о прекращении военных действий. В середине 1774 г. после заключения Версальского мира и прибытия испанского посла в Лондон братья Вискардо были вынуждены покинуть Англию и вернуться в Италию, где они вновь, как ни в чем не бывало, продолжали строчить испанскому королю верноподданнические просьбы, вымаливая разрешение получить принадлежавшее им в Перу наследство. Братьям Вискардо весьма повезло по сравнению с их коллегой по ордену чилийским иезуитом Хуаном Хосе Годой-и-дель-Посо, который тоже перешел на службу Англии и появился в Лондоне за год до приезда туда перуанских иезуитов.

Сын генерала, Годой родился в 1728 г. в провинции Мендосе, входившей в состав Чилийского губернаторства, стал иезуитом в 1762 г. Во время высылки иезуитов Годой бежал из Мендосы в Чаркас, но здесь местный епископ выдал его испанским властям. Высланный в Италию, Годой перебирается в 1781 г. в Лондон, где живет под фамилией Анджел (Ангел) и сотрудничает с английскими властями. Некоторое время спустя он попадает в поле зрения испанского посольства в Лондоне, которое устанавливает за ним наблюдение. В 1785 г. посольство сообщает в Мадрид, что Годой скрылся, по всей вероятности перебрался на Ямайку, откуда намеревается вести подрывную деятельность против Испании в колониях. Мадридское правительство немедленно предупредило об этом колониальные власти, приказав сделать все возможное для поимки бывшего иезуита. Вскоре пришло сообщение вице-короля Новой Гранады епископа Антонио Кабальеро-и-Гонгоры, что, по сведениям его агента на Ямайке Хосе Фуэртеса, Годой находится в Чарлстоне, США, и что Фуэртесу дано задание доставить Годоя в Картахену. Фуэртес послал в Чарлстон корабль, напитан которого уговорил Годоя направиться на Ямайку якобы по просьбе местных католиков, которым были срочно необходимы услуги священника. В пути корабль повернул в Картахену, и 14 июля 1786 г. Годой оказался в застенках инквизиции этого города. Затем Годой был переправлен в Кадис, где был заключен в каземат крепости Санта-Каталина. О его дальнейшей судьбе ничего не известно. По-видимому, Годой был казнен или умер в заключении.

Хотя Годой и братья Вискардо одновременно находились в Лондоне, они не поддерживали между собой связи. Не встречался с Годоем и братьями Вискардо и Франсиско де Миранда. Когда Миранда прибыл из США в Лондон в 1785 г., там еще находился Годой, но англичане утаили от Миранды этот факт. Миранда не встречался с братьями Вискардо и во время двукратного посещения им Италии (11 марта 1785–30 марта 1786 г., 23 декабря 1788– 10 февраля 1789 г.), и во время повторного пребывания в Лондоне Хуана Пабло Вискардо.

Были ли другие иезуиты в Лондоне? Американский министр Руфус Кинг сообщал, что знал нескольких иезуитов, находившихся на службе и содержании английского правительства, которого они снабжали информацией об условиях жизни и положении в Южной Америке 17. Миранда тоже утверждал, что по его совету Уильям Питт (Младший), которому он передал в 1791 г. список 327 иезуитов-креолов, проживавших в Италии, пригласил нескольких из них в Лондон 18. Если и были такие, то имена их неизвестны. Зато известны имена нескольких авантюристов, которые, выдавая себя за иезуитов, дурачили английских должностных лиц. Один из таких псевдоиезуитов, некий Франсиско

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
Хосе Морконо-и-Арисменди, прибыл на английском военном корабле в Рио-де-Жанейро, где был схвачен испанскими агентами и доставлен в Буэнос-Айрес.

Вернемся, однако, к братьям Вискардо, которые, как уже было сказано, возвратились из Англии в Италию в 1785 г. Здесь они вновь очутились без средств к существованию. В том же году умирает Хосе Ансельмо, оставляя на попечении брата свою жену и малолетнюю дочь. Хуан Пабло не в состоянии их содержать, и они вынуждены существовать на милостыню. Просьбы и мольбы Вискардо вернуть ему хотя бы часть его перуанского состояния встречают в Мадриде категорический отказ. Со смертью Карла III и восшествием на престол Карла IV в положении Вискардо никаких перемен не происходит: враждебное отношение испанских властей к иезуитам не меняется, им по-прежнему запрещено возвращаться в Испанию и ее колонии¹⁹.

В 1792 г. умирает племянница Вискардо, и вскоре после этого он вновь появляется в Лондоне под своей кличкой Росси. Приезжает ли он в Лондон по приглашению англичан или по своей собственной инициативе – нам неизвестно. Во всяком случае на этот раз он был принят Питтом и взят на содержание английскими властями. Правда, связь с ним осуществляется сугубо секретно, ибо Англия в то время не только не воевала с Испанией, но являлась ее союзницей. Во Франции – революция, в которой активное участие припимает Миранда, покинувший Лондон вскоре после появления там Вискардо. Международная обстановка быстро менялась. К судьбе испанских колоний проявляет интерес революционная Франция, она может воспользоваться услугами Миранды. Питту необходим свой человек в этом регионе, которого он мог бы в случае надобности противопоставить Миранде. На такую роль англичане готовили Вискардо.

В этой обстановке рождается «Письмо к американским испанцам» Вискардо. Батльори утверждает, что оно «зародилось» во Флоренции, а было «отредактировано» в Лондоне. Однако в другом месте он же заявляет, что «невозможно с уверенностью сказать», где оно было написано в действительности: во Флоренции или в Лондоне²⁰. Оригинальный текст «письма» написан по-французски²¹. Батльори объясняет это тем, что якобы Вискардо предназначал свое письмо в первую очередь европейскому читателю. Однако, вероятнее всего, Вискардо написал документ по-французски для Питта, с которым объяснялся на этом языке.

«Письмо» увидело свет после смерти Вискардо и благодаря стараниям Миранды, а не Питта, по заказу которого было написано.

Вскоре после смерти Вискардо, в феврале 1798 г., вернувшийся к тому времени из Франции в Лондон Миранда обнаружил у Руфуса Кинга, посланника США, архив иезуита, в том числе и «Письмо к американским испанцам». Каким образом оказались они у Кинга? Луи Дюперо, бывший сотрудник Миранды, перебежавший к французам, утверждает: «Вискардо был так разочарован лицемерием Питта, что отдал свои бумаги перед смертью Кингу». Но Дюперо – предатель, его показания не заслуживают доверия. Можно предположить и другое: Вискардо продал Руфусу Кингу эти документы, которые, возможно, являются копиями врученных им в свое время Питту. Вискардо, вымаливавший свое наследство у испанского короля, вряд ли устоял бы перед предложением Кинга уступить ему за определенное вознаграждение архив.

«Письмо» Вискардо было издано Мирандой в Лондоне в 1799 г., а затем в испанском переводе там же в 1801 г. В 1816 г. оно вышло в Буэнос-Айресе и в 1822 г. в Лиме. Но с завоеванием независимости «Письмо» исчезает из арсенала борцов против испанского господства, ибо в последовавших затем острых конфликтах с церковью, которая в 1814 г. воскресила иезуитский орден и пыталась его вновь внедрить в Латинскую Америку, сочинение перуанского «лойолика» могло сыграть на руку только врагам молодых республик. «Письмо» Вискардо предается забвению, его стыдятся и «возрожденные» иезуиты, выступающие теперь в поддержку своего нового покровителя – мракобеса Фердинанда VII. Вспомнили о «Письме» только в 1911 г., когда его текст вновь был опубликован венесуэльским историком К. А. Вильянуэвой²².

Какой же вывод следует из сказанного? Если не считать Вис-кардо, Годоя и, возможно, очень немногих их собратьев по ордену, участие иезуитов в борьбе за независимость испанских колоний – историческая легенда, категорически утверждает М. Бат-льори²³, и у нас нет никаких оснований возражать этому автору.

Подавляющее большинство иезуитов как до, так и после запрещения ордена, а затем его восстановления представляло интересы крайней реакции, находилось в числе злейших врагов народов не только Латинской Америки, но и других стран, на которые распространялось их влияние.

Не случайно власти молодых республик Латинской Америки относились отрицательно к восстановлению иезуитского ордена. Патриотически настроенные государственные деятели этих республик решительно возражали против

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
возвращения иезуитов в Латинскую Америку, считая их с полным основанием пособниками самых реакционных и антинациональных сил. Хотя иезуитам и удалось в 40-е годы прошлого века вернуться в некоторые республики с разрешения господствовавших там феодально-помещичьих режимов, они затем неоднократно подвергались изгнанию, а в 1890 г., с установлением республики в Бразилии, их деятельность была запрещена и в этой стране. Такой запрет по сей день сохраняется в Мексике и некоторых других странах Латинской Америки. Эти факты вынудили католического историка П. Мюррея признать, что вряд ли найдется какой-либо другой монашеский орден в истории Латинской Америки, против которого было бы издано столько законов и который столько раз изгонялся и возвращался обратно²⁴.

Начальный период войны за независимость

В 1810 г. французские войска вторглись в пределы Испании и вскоре оккупировали почти всю страну. Испанский король Фердинанд VII стал пленником Наполеона, а испанское правительство, оплот колониального деспотизма, фактически перестало существовать. В Испании началось всенародное восстание против французских оккупантов. Как только сведения об этих событиях дошли за океан, в Буэнос-Айресе, Сантьяго, Каракасе и многих других городах колониальная администрация была свергнута и власть перешла к патриотическим хунтам (советам), в которых преобладали представители креолов – местных уроженцев, потомков испанцев. Так началась война за независимость испанских колоний, продолжавшаяся 15 лет. В ходе этой войны обозначились три основных района освободительного движения: в Северной Америке – Мексика, в Южной Америке – Венесуэла (на севере) и Аргентина (на юге). В Мексике народные массы во главе со священником Мигелем Идальго, а затем священником Хосе Марией Морелосом вели упорную, но безуспешную войну с испанскими колонизаторами, которых поддерживали местные помещики. В 1815 г. основные силы мексиканских патриотов потерпели поражение, а Идальго и Морелос были казнены. В 1821 г., опасаясь нового массового восстания, помещики с согласия местных испанских властей объявили независимость, провозгласив генерала Итурбиде императором Мексики. В Аргентине освободительная война протекала под руководством генерала Хосе де Сан-Мартина. В 1816 г. была провозглашена независимость Соединенных провинций Ла-Платы (так называлась тогда Аргентина). Вскоре после этого армия Сан-Мартина перешла Андские горы и вступила в Чили, где разгромила испанские войска в сражениях при Чакабуко и Майпу. При поддержке аргентинцев чилийцы в 1818 г. завоевали независимость, провозгласив верховным правителем страны генерала Бернардо О'Хиггинса. Затем армия Боле кровопролитной и затяжной характер носила война за независимость на севере Южной Америки. В 1811 г. испанцам удалось задушить провозглашенную ранее Венесуэльскую республику. Франсиско де Миранда, вождь венесуэльских патриотов, попал в руки колонизаторов, которые отослали его в Испанию, где он несколько лет спустя умер в заточении. Руководство патриотами взял в свои руки Симон Б. Боливар, сын богатого креола, последователь Руссо и Вольтера. В 1812 г. Боливар перешел с отрядом бойцов из соседней Новой Гранады (современная Колумбия) Анды и вновь освободил свою родину. Но год спустя испанцам удалось нанести поражение патриотам. В Венесуэлу был послан из Испании карательный корпус в 12 тыс. солдат под командованием маршала Морильо, который оккупировал эту страну, а также Новую Гранаду. В 1816 г. война против колонизаторов вспыхнула в Венесуэле с новой силой. Патриотам удалось укрепиться в устье р. Ориноко, в г. Ангостуре. Отсюда Боливар с небольшим отрядом добровольцев в 1819 г. предпринял новую освободительную экспедицию через Анды. Преодолев огромные трудности горного похода, Боливар достиг Новой Гранады, где нанес поражение испанцам и занял столицу Боготу. Из Новой Гранады войска патриотов вновь вернулись в Венесуэлу и после ряда кровопролитных сражений изгнали испанцев из этой страны. Затем армия патриотов освободила Эквадор, а в 1825 г. – Перу. Область Горного Перу была переименована в честь Боливара в республику Боливию. В январе 1826 г. сдался последний гарнизон испанцев в порту Кальяо. В войне

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org за независимость принимали участие все народы Испанской Америки, венесуэльцы и цовогранадцы, аргентинцы и уругвайцы, чилийцы и перуанцы, а также многочисленные волонтеры из европейских стран. Победа была достигнута в результате усилий и самопожертвования многоликой семьи народов континента и европейских волонтеров.

Как же относились к освободительной войне колоний католическая церковь и папский престол?

Точку зрения церковников и их последователей по атому вопросу можно резюмировать следующим образом: католическое духовенство не только принимало участие в освободительном движении испанских колоний, но и было его «движущей силой»; папский престол придерживался в период войны за независимость благожелательного для патриотов нейтралитета; ведущие деятели войны за независимость были правоверными католиками, защитниками церкви и духовенства²⁵.

Таким образом, получается, что освободительная борьба испанских колоний Америки вдохновлялась и проходила при поддержке католического духовенства и папского престола. Аргентинский прелат Пиаджио утверждает: «Духовенство дало нам родину, своими слезами и своим потом оно поливало древо нашей свободы: титаническим усилием оно порвало цепи, приковывавшие нас в политической и гражданской областях к позорному прошлому. Духовенство было апокалипсическим ангелом, сеявшим семя революции по всей земле вице-королевства (Ла-Платы.- И. Г.), оно своим словом и примером увлекало массы в ряды сторонников независимости»²⁶.

Таких велеречивых, по совершенно не соответствующих исторической правде утверждений, можно было бы привести много.

Многие светские историки придерживаются другой точки зрения. Так, например, американец Карл Шмитт в своем исследовании, основанном на архивных материалах, по нашему мнению справедливо и с полным основанием отмечает, что, несмотря на растущее беспокойство среди колониальных церковников по поводу их отношений с испанской короной, фактически все епископы и прочие церковные иерархи оказали поддержку Испании, когда ее власть оспаривалась патриотами. Церковная иерархия была связана с Испанией не только через личную преданность иерархов королю, на верность которому они присягали, но и тем обстоятельством, что по крайней мере половина из них была родом из Испании и принадлежала к семьям высшего, если не аристократического, класса. Многие рядовые священники, как правило, уроженцы колоний, открыто присоединились к движению независимости, в особенности в Мексике, где первыми вождями революционной войны часто были клирик. Однако большинство рядового духовенства решило «переждать» конфликт и подчинилось любой военной и политической силе, которая контролировала их приходы или епархии в данный момент²⁷.

Идальго и Морелос – жертвы инквизиции

В Мексике антииспанское восстание возглавили, как уже было сказано, Идальго и Морелос. Означало ли участие этих двух священников в освободительном движении переход духовенства на сторону патриотов?

Идальго, креол, настоятель сельского прихода в местечке Долорес, находился под влиянием идей французской революции. Вся деятельность Идальго, предшествовавшая восстанию, показывала, что он мало считался с церковными канонами. У Идальго было двое детей. Его приход называли «маленькой Францией». И неудивительно. Этот священник организовывал для своих прихожан театральные представления, причем в числе пьес ведущее место занимал «Тартюф» Мольера. Естественно, что за таким священником внимательно следила инквизиция. В начале XIX в. св. трибунал в Мехико завел два дела на Идальго по обвинению в ереси. Доказать обвинение инквизиторам не удалось. В 1808 г. к ним поступил донос на Идальго со стороны женщины по фамилии Эррера, которая по «приказу своего исповедника» сообщила о том, что Идальго отрицал божественный характер Христа и существование ада и чертей. Инквизиторы собирали обвинительный материал и готовились арестовать Идальго. Этому помешало восстание, поднятое Идальго в ночь на 16 сентября 1810 г. Патриоты вынуждены были выступить раньше намеченного срока, ибо были преданы священником, узнавшим на исповеди о готовящемся выступлении и сообщившим об

Идальго поднял восстание под лозунгами: «Да здравствует независимость и вера, смерть плохому правительству!», «Да здравствует наша пресвятая богородица из Гуадалупе!», «Да здравствует Америка!», «Да здравствует фердинанд VII!». В Новой Испании большим почетом пользовались две иконы: богородицы из Ремедиос и богородицы из Гуадалупе. Первую привезли с собой конкистадоры из Испании, и она считалась патронессой испанцев. Вторую сфабриковало духовенство в XVII в. с тем, чтобы привлечь на свою сторону индейцев. Богородица из Гуадалупе якобы явилась «чудесным образом» одному индейцу, представ перед ним в виде индеанки. Такой она и была изображена на иконе. В XVIII в. папа Бенедикт XIV провозгласил ее «патронессой мексиканцев». Обращаясь к ее покровительству, Идальго тем самым хотел придать освободительному движению характер священной войны против испанцев. Комментируя программу Идальго, мексиканский консервативный историк первой половины XIX в. Лукас Аламан писал: «Да здравствует богородица из Гуадалупы и смерть гачупинам! 28 чудовищный союз религии с убийствами и грабежами...»²⁹. Аламан и его единомышленники предпочитали бы видеть в Идальго атеиста, нежели верующего. Вместе с тем Идальго весьма решительно действовал против служителей церкви, выступавших в поддержку испанцев. Начав восстание, он арестовал клириков в Долорес, которые отказались его поддержать.

Против восстания Идальго ополчилась церковная иерархия. Мануэль Абад-н-Кейпо, епископ Мичоакана и непосредственный начальник Идальго, 24 сентября опубликовал эдикт, обвинявший его и его сторонников в кощунстве и клятвопреступлении и отлучавший их от церкви. Епископ запретил верующим оказывать Идальго помощь под страхом отлучения³⁰. В эдиктах от 30 сентября и 8 октября Абад-и-Кейпо обвинил Идальго в том, что он обещал возратить индейцам землю, захваченную конкистадорами. Архиепископ Мексики Франсиско Хавьер де Лисана-и-Бомон подтвердил эти эдикты 10 октября и со своей стороны заявил, что Идальго – «посланец антихриста». Так как законность эдиктов Абад-и-Кейпо вызвала у некоторых сомнения, ибо их автор хотя и занимал пост епископа, но еще не был утвержден папой в этой должности и поэтому не имел формального права предавать отлучению, архиепископ Лисана-и-Бомон предал анафеме всех сомневающихся в законности действий Абад-и-Кейпо.

Инквизиторы тоже ополчились против Идальго. В эдикте инквизиции от 13 октября 1810 г. он обвинялся в мятежных стремлениях, хитрости, разврате, скупости, подлости, зависти, в склонности к убийствам, вражде, обману, коварству, сплетням. Инквизиторы объявляли его отвратительным клеветником бога, гордецом, наносящим оскорбления, зазнавшимся изобретателем зла, неподчиняющимся, презренным, нескромным, злым, без веры и сострадания. Инквизиция отлучила Идальго от церкви и угрожала ему всеми карами, «установленными церковью против нарушителей общественного порядка, возбудителей гражданской войны и анархии в католическом обществе и против тех, кто общается с ненавистными отлученными, против клятвопреступников, повинных в святотатстве, еретиков, каким является данный преступник»³¹. Эдикты, осуждающие Идальго, издали епископ Пуэблы и другие церковные иерархи, а епископ Гуадалахары Хуан Крус Руис организовал вооруженный отряд из служителей церкви для борьбы с повстанцами³². Вице-король обратился к духовенству столицы с призывом «с амвона, из исповедальни и в беседах в обществе» выступить против Идальго и его сторонников. На этот призыв откликнулись монахи монастыря св. Фердинанда, духовенство в Пачуке и в других местах. В сентябре св. трибунал опубликовал новое решение, в котором назвал Идальго «безбожником», фанатиком французской свободы, раскольником, еретиком, иудействующим лютеранином, кальвинистом и «крайне подозреваемым в атеизме и материализме»³³.

На обвинения инквизиции Идальго ответил «Манифестом к нации». Он утверждал, что ни сам, ни восставшие не являются врагами религии, что они признают только «католическую, апостолическую римскую церковь», которую намереваются сохрaппть «незыблемой и во всех ее частях».

«Будьте уверены, дорогие мои сограждане, – писал Идальго, – что если бы я не стал бороться за освобождение нашего королевства от великих зол, его угнетающих, и еще больших, угрожавших ему, и которые вот-вот обрушились бы на него, то меня никогда не провозгласили бы еретиком. Все мои преступления происходят от моего стремления обеспечить вам счастье. Если бы оно не толкнуло меня взяться за оружие, я жил бы спокойной, мирной и довольной жизнью и прослыл бы подлинным католиком, коим я и есть и чем горжусь на самом деле, и никогда не нашлось бы такого, который унизил бы меня позорным обвинением в ереси».

Далее Идальго призывал: «Откройте глаза, американцы, не позволяйте вашим врагам соблазнять вас. Они называют себя католиками только потому, что это

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosofff.org им выгодно, их бог – это деньги, и их угрозы направлены на сохранение порабощения. Неужели вы поверите, что добрым католиком может быть лишь тот, кто подчиняется испанскому деспоту? Откуда взялась эта новая догма, этот артикул веры?»³⁴.

Вожди восставших в своих выступлениях доказывали, что колонизаторы, в том числе церковные иерархи, – плохие христиане; исповедуя католическую религию, проповедуя любовь к ближнему, они на деле угнетали местное население.

В серии документов – заявлений, памфлетов, других публикаций – мексиканские церковники пытались опровергнуть основные аргументы, выдвигавшиеся вождями и идеологами независимости в пользу тезиса о независимости колоний. Завоевание колоний, заявляли духовные отцы, было совершено по велению божьему, конкистадоры были инструментами воли божьей и верными толкователями его желаний; испанцы – «благодетели» колоний, они носители «христианской цивилизации», они приобщили индейцев к католицизму, чем обеспечили им «вечное спасение».

На утверждение патриотов, что испанцы не имеют законного права на владение колониями, а американцы имеют, ибо являются их уроженцами, богословы цинично отвечали: индейцы тоже, мол, были пришельцами, они «добровольно» уступили свои земли испанцам. Тезис патриотов о том, что индейцы и креолы – коренные жители колоний и поэтому должны управлять ими, церковники объявляли беспочвенным, ибо, по их словам, с таким же основанием могли бы претендовать на власть в колониях родившиеся здесь ослы!

Повстанцы отрекаются от христианства, утверждали служители церкви, если выступают против религии, короля и родины, против существующего созданного богом порядка. Повстанцы заставляют священников совершать молебны, исповедовать и выполнять другие религиозные функции против воли епископов. «Иисус! Это ужас, это оскорбление властей, это профанация всего самого священного!» – восклицал с негодованием архиепископ Пуэблы в адрес патриотов.

После пленения Идальго испанцами трибунал инквизиции выдвинул против него 53 всевозможных обвинения³⁵. Идальго был лишен священнического сана и тайно расстрелян неподалеку от города Чиуауа 13 июля 1811 г. Вместе с ним были казнены еще шесть священников-патриотов.

Расстрел Идальго и его сподвижников был отпразднован духовенством в Мехико торжественным молебном 10 августа 1811г. Члены капитула в приглашениях указывали, что молебен будет отслужен в честь «безграничной божьей мудрости, которая спасла это королевство от преступных планов чудовищ, покушавшихся на драгоценную и важную жизнь его превосходительства господина вице-короля»³⁶.

Идальго остается одиозной фигурой для многих церковников и их апологетов по сей день. Вот, например, как пишет об Идальго французский клерикал М. Андрэ: «Революция (в Мексике) началась движением кровавой анархии, вызванным недостойным священником (т. е. Идальго.– Я. Г.), осужденным церковью, у которого не было другой цели, как установить царство безумной демагогической теократии и истребить белых при помощи индейцев, действуя от имени пресвятой богородицы»³⁷.

Со временем некоторые наиболее дальновидные религиозные деятели поняли, что, осуждая Идальго, национального героя Мексики, они тем самым подтверждают антинациональный характер католической церкви в этой стране. Церковники начали проводить «реабилитацию» Идальго, т. е. фальсифицировать историю, подобно тому как французское духовенство «реабилитировало» другую жертву инквизиции – национальную героиню Франции Жанну д'Арк. Взятая за это дело мексиканский иезуит Мариано Куэвас, автор многотомной «Истории церкви в Мексике». Он призвал служителей церкви не отрещиваться от Идальго, не отдавать отца мексиканской независимости «безбожным партиям», которые используют его имя для обвинения церкви в отсутствии патриотизма.

Иезуитский историк «реабилитирует» Идальго. Он утверждает, что осуждение инквизицией Идальго было «неправомочным», ибо инквизиция к тому времени действовала в Мексике «незаконно» – она зависела от испанской, а испанская была распущена Иосифом Бонапартом, вследствие чего и мексиканская утратила свою законность. Но если это так, то позволительно спросить, почему церковники только спустя сто лет вспомнили об этом и почему до сих пор осуждение Идальго инквизицией не отменено Ватиканом?

А как же с отлучением Идальго от церкви и преданием его анафеме архиепископом Мехико и епископами других епархий? Церковные иерархи, отвечает Куэвас, действовали, нисписываемые ему «преступления». Куэвас заявляет: так как отсутствует оригинал «отречения» (сохранились только его копии), то, по всей вероятности, отречение было сфабриковано инквизиторами»³⁸.

Вывод Куэваса такой: Идальго был хорошим католиком и священником, а его

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
осуждение церковью – недоразумение. Но Куэвас не говорит главного: церковная иерархия расправилась с Идальго вовсе не за то, что он был плохим католиком, а за то, что он выступал за независимость, церковь же поддерживала колонизаторов.

В 1813 г. кадисские кортесы приняли решение о запрещении трибунала инквизиции и его роспуске в Испании и ее заморских владениях. Но в колониях, где власть находилась в руках сторонников старого порядка, это решение не было проведено в жизнь. Более того, вице-король Новой Испании 25 июня 1812 г. издал так называемый кровавый закон, согласно которому все сторонники независимости подлежали преданию военно-полевым судам. Им предписывалось присуждать к смертной казни всех повстанцев-офицеров – от лейтенанта и выше и всех священников, оказывавших повстанцам поддержку, даже в роли капелланов. Священников следовало судить, как мирян, без предварительной церемонии отлучения. Вице-король мотивировал это тем, что церковная иерархия неоднократно предавала анафеме всех патриотов скопом, в том числе служителей церкви, а испанские власти объявляли их вне закона зэ. Террор в колониях еще более усилился, когда в 1814 г. Фердинанд VII вернулся в Испанию, отменил кадисскую конституцию и формально восстановил деятельность инквизиционного трибунала в Испании и ее колониях. В Мексике после казни Идальго борьбу за независимость возглавил другой священник – метис Хосе Мария Морелос-и-Павон, которого Андрес называет «зловещим попом», восставшим против церковной власти. Политические идеи Морелоса, отмечает Андрес, были, как и его предшественника Идальго, «чудовищной смесью теократии, неумной нетерпимости, демагогии и коммунизма»⁴⁰.

Морелос, учитывая кампанию клеветы, проводившуюся против него и других патриотов, выступал как ортодоксальный католик. Конгресс в Чильпансинго, созданный по его инициативе в ноябре 1813 г., не только провозгласил католическую религию единственно законной и призвал всех мексиканцев «блюсти чистоту католической веры, ее догм и охранять ее монашеские ордена», но и восстановил иезуитский орден⁴¹. Принятая затем в Апатсин-гане патриотами первая конституция Мексики (22 октября

1814 г.) провозгласила единственной религией Мексики католическую. Морелос, как и другие вожди движения за независимость, неоднократно подчеркивал свое уважение к религии, к церковным обрядам и традициям. И тем не менее его постигла та же участь, что и Идальго: церковная иерархия преследовала его с не меньшим ожесточением, чем его предшественника. Прелаты утверждали, что Морелос – враг церкви, безбожник и антихрист, «с рогами и копытами».

Церковная верхушка была сильно обеспокоена тем обстоятельством, что правительством, возглавляемое Морелосом, смещало происпанских священников, назначало на их посты преданных патриотам людей, учредило пост генерального vicaria армии патриотов, т. е. создавало свою собственную церковную иерархию. Такие действия, по мнению церковных властей, могли привести к возникновению национальной церкви, независимой не только от Испании, но и от папского престола.

Епископ Пуэблы, выражая мнение мексиканского епископата, писал в связи с этим, что указанные действия патриотов показывают, что они хотят установить схизматическую церковь.

2 ноября 1815 г. Морелос был взят в плен испанцами. Его доставили в Мехико и поместили в тюрьму инквизиции. Не теряя времени, генеральный инквизитор Флорес предложил свои услуги вице-королю Кальехе: «Участие трибунала инквизиции (в преследовании Морелоса. – И. Г.) могло бы быть очень полезным и способствующим чести и славе божьей, интересам короля и государства и, возможно, наиболее действенным средством для прекращения восстания и достижения неопределимого блага усмирения королевства и отречения восставших от их ошибок»⁴².

Вице-король передал Морелоса инквизиции, которая объявила его «еретиком и распространителем ереси, гонителем и преследователем церковного начальства, осквернителем церковных таинств, раскольником, развратником, лицемером, неисправимым врагом Христа, поклонником еретиков Гоббса, Гельвеция, Вольтера, Лютера и им подобных проклятых авторов, материалистов и атеистов, предателем бога, короля и папы»⁴³. Инквизиция предъявила ему обвинение из многих пунктов⁴⁴.

Трибунал инквизиции осудил Морелоса на пожизненную каторгу. Это было отвратительным лицемерием со стороны инквизиторов, они знали, что Морелосу не миновать смерти. Переданный ими же военному суду Морелос был приговорен к расстрелу и казнен 14 дней спустя после пленения испанцами. Всего две недели понадобилось инквизиции и военным властям, чтобы провести два процесса – духовный и светский – и расправиться со своей жертвой.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

Иезуит Куэвас пытается оправдать церковную иерархию, осудившую Морелоса. Но если по отношению к Идальго он мог утверждать, что мексиканская инквизиция не имела права его судить, ибо в Испании она была распущена, то в отношении Морелоса даже этого слабого аргумента у него нет. Ведь инквизиция с одобрения папского престола была восстановлена в Испании приказом Фердинанда VII от 30 декабря 1814 г. Таким образом, ее мексиканская ветвь, осуждая Морелоса, действовала уже на «законном» основании. Тем не менее Куэвас утверждает, что мексиканская инквизиция продолжала оставаться «фиктивным» институтом, за деятельность которого церковь «не несла и не несет ответственности» 45. Но факты есть факты, и, как бы ни изощрялся иезуитский историк, они показывают, что церковная иерархия, включая инквизицию, стояла на стороне колонизаторов, помогала им, участвовала в истреблении патриотов. Нельзя не согласиться с мнением американского историка католицизма Дж. Дж. Кеннеди, который пишет: «Нынешние апологеты готовы преуменьшить злополучную деятельность инквизиционного трибунала, ставя под сомнение его юридическую основу. Сомнение, возможно, обоснованное, однако оно не изменяет того факта, что деятельность Морелоса и Идальго подверглась (церковниками) осуждению, а не одобрению» 46.

Но какие бы чудовищные преступления ни совершали коло-, низаторы и их пособники, инквизиторы, против патриотов, им не удалось сломить движение за независимость. В 1826 г. после 15 лет освободительной войны патриоты одержали победу и все испанские колонии, за исключением Кубы и Пуэрто-Рико, добились независимости. Одним из первых актов новых правительств была полная и окончательная ликвидация трибуналов инквизиции. Первым был ликвидирован трибунал в Картахене декретом Патриотической хунты от 12 ноября 1811 г., на следующий же день инквизиторы и другой персонал суда были высланы в Испанию.

Венесуэльский конгресс в 1812 г. постановил «навсегда и во всех провинциях Венесуэлы прекратить деятельность трибуналов инквизиции» 47. В 1814 г. командующий испанского карательного корпуса генерал Пабло Морильо восстановил инквизицию в Новой Гранаде и Венесуэле. В 1821 г. конгресс Великой Колумбии окончательно ее отменил. Такая же участь постигла инквизицию и во всех других бывших испанских колониях Америки.

На Кубе и Пуэрто-Рико инквизиторы прекратили свою деятельность только в 1834 г., когда были распущены трибуналы инквизиции в Испании. Так бесславно закончилась деятельность в колониях этого террористического учреждения, в застенках и на кострах которого нашли мученическую смерть многие лучшие сыны народов Латинской Америки.

Почти триста лет действовала, защищая интересы колониальных эксплуататоров, инквизиция в Америке. Она не только истребляла инакомыслящих, не только казнила мужественных и достойных патриотов, но и растлевала души верующих, убеждая их, что предательство, шпионаж, доносы – доблесть, а пытка – законный атрибут правосудия.

Нанеся огромный вред духовному развитию колониального общества, она тем не менее потерпела полный провал даже с точки зрения тех интересов, во имя которых совершала свои бесчисленные преступления. Она не только не улучшила нравы, не искоренила «мелкое» отступничество от католической веры – богохульство, двоеженство, несоблюдение религиозных обрядов, веру в колдовство и тому подобное, но и не смогла предотвратить распространения в колониях освободительных идей.

Некоторые церковные и буржуазные историки утверждают, что рядовое духовенство в основном поддерживало мексиканских патриотов в их борьбе против испанцев. Это не вполне соответствует известным фактам. Так, епископ Пуэблы, правда, сторонник испанцев и поэтому заинтересованный «обелить» духовенство, писал в 1812 г.: «Европейские и американские епископы, церковные капитулы, которые в своем большинстве состоят из креолов, образованные и добродетельные священники, другие представители церкви, украшенные теми же достоинствами... ненавидят и презирают восстание, его сторонников и главным образом его творцов... Напротив, те, кто поддерживает восстание, имеют на своей стороне только несколько плохих священников и других субъектов порочной репутации» 48.

Клерикальный историк Х. Эйсагирре отмечал в середине прошлого столетия, что на 6 тыс. священников и монахов, имевшихся в Мексике в начале XIX в., на стороне патриотов было всего 140 человек⁴⁹. Иезуит Куэвас называет общее число священников – 8 тыс. и, не приводя ни единого доказательства, утверждает, что из них на стороне патриотов выступало около 6 тыс. Эта цифра – плод воображения иезуитского историка.

После подавления восстания под руководством Идальго и Морелоса в Мексике продолжалась партизанская война против колониальных властей. В 1821 г. глава карательных войск Итурбиде и вождь партизан Герреро пришли к соглашению, в результате которого была провозглашена независимость Мексики.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

Церковники видят в этом немалую заслугу духовенства, склонившего Итурбиде перейти на сторону патриотов. Соответствует ли сказанное действительности? Освободительная борьба в Мексике с переменным успехом продолжалась десять лет. В 1820 г. в Испании произошли политические события, заставившие часть колонизаторов изменить свое отношение к вопросу о независимости. В Кадисе вспыхнуло восстание экспедиционного карательного корпуса, предназначенного к отправке в американские колонии. Вслед за этим было образовано правительство, практически лишившее Фердинанда VII власти и возродившее демократическую конституцию 1812 г. Конституция отменяла инквизицию, запрещала деятельность иезуитского ордена, секуляризировала недвижимую собственность монастырей и объявляла свободу печати. Действие конституции распространялось и на колонии.

Эти события вызвали большую растерянность у мексиканских властей, которые опасались, что связь Мексики с метрополией приведет к осуществлению демократических свобод, провозглашенных конституцией 1812 г. Церковь и действовавшие с ней заодно колониальные власти предпочитали скорее отделиться от Испании, чем согласиться на проведение реформ, к которым их обязывала конституция 1812 г. Именно такое решение приняла влиятельная группа прелатов во главе с испанскими священниками Монтеагудо, Барсена и Лопесом Браво-и-Пименталь.

В начале 1821 г. на совещании в столичном монастыре Ла-Професа, на котором присутствовали в числе других инквизиторы Монтенегро и Тирадо, а также Итурбиде, было решено порвать с либеральным правительством Испании и провозгласить независимость Мексики. Политическая программа заговорщиков была сформулирована в Игуальском манифесте, названном так по имени местности, где он был обнародован Итурбиде 2 марта 1821 г. Манифест провозглашал католическую религию государственной, запрещал исповедание любой другой религии и обеспечивал церкви все привилегии и особые права («фуэрос»), которыми она пользовалась при колониальном режиме.

В результате произведенного переворота власть перешла к регентскому совету, в который вошли наряду с Итурбиде священники Барсена и Лопес Браво-и-Пименталь. Последние надеялись превратить Мексику в монархию во главе с Фердинандом VII или одним из его отпрысков и тем самым сохранить в ней существовавшие при колониальном режиме порядки.

5 июля 1821 г. Лопес Браво-и-Пименталь в послании к Фердинанду VII писал, что «никто из американцев и европейцев не может наблюдать хладнокровно деспотизм (кадисских) кортесов и отсутствие у них набожности и веры, с которыми они лишили ваше королевское величество суверенных прав с тем, чтобы разрушить королевство и католическую религию. Поэтому господа офицеры, стоящие на страже прав своего католического монарха, восстали со своими войсками и провозгласили независимость от кортесов и их конституции для обеспечения вашему величеству этих владений и просят вас или одного из вашей семьи прийти править ими, только так Америка обретет спокойствие и сохранит свою религию» 50.

Убедившись, что ни Фердинанд VII, ни один из его отпрысков не захотел управлять мексиканцами, Лопес Браво-и-Пименталь в опубликованном в Испании 30 марта 1822 г. заявлении вновь повторил, что «деспотизм кортесов – вот причина потери Америки и провозглашения ею независимости, ибо было невозможно терпеть плохое правительство, основанное на конституции, его безбожных и кощунственных декретов, аннулировавших набожный и апостолический трибунал священной инквизиции, который поддерживал права трона и церкви, а также ликвидацию мо-пашеских орденов во главе с отцами-иезуитами, являвшимися опорой католической веры и религии в Испании и в Америке» 51.

Таким образом, страх перед демократическими преобразованиями в метрополии и желание во что бы то ни стало сохранить политическое влияние и привилегии, которыми пользовалась церковь в колониальный период, побудили мексиканских церковников и их союзников – креольских олигархов пойти на разрыв с Испанией.

Духовенство против патриотов Великой Колумбии

На севере Южной Америки главными центрами антииспан-ского восстания стали Венесуэла и Новая Гранада. Какова же была роль церкви в этом районе в период войны за независимость? Церковники утверждают: духовенство поддерживало патриотов, оказывало помощь Боливару, а что касается его самого, то он был примерным верующим и другом

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org церкви. Таков тезис венесуэльского клерикального историка епископа Наварро. В одной из своих работ он пишет, что «церковь всегда восхваляла Симона Боливару, освободителя Америки, и с большим основанием, ибо в его жизни и в его действиях имеется много достоинств, которые религия может считать заслуживающими божественного одобрения и обессмертившими его славу среди последователей Христа»⁶². Клерикальный историк Андрэ заявляет: «Американское духовенство с 1814 по 1830 г. считало честью для себя сотрудничать в деле политической и религиозной организации, предпринятой Боливаром, всегда его поддерживать, защищать его в последние два года его жизни, бывшие для Боливару тернистым путем»⁵³. Соответствует ли это действительности? Обратимся к фактам. В восстании 19 апреля 1810 г. в Каракасе, низвергнувшем испанскую власть, активное участие на стороне патриотов принимал только один священник – каноник Кортес Мадариага. Церковные апологеты обходят молчанием это имя. Почему? Потому что Кортес Мадариага был убежденным республиканцем и сторонником народовластия. Он был активным участником основанной Мирандой в Париже патриотической ложи «Американское собрание», члены которой посвятили себя борьбе за независимость. Кортес Мадариага, чилиец по национальности, очутился в Каракасе накануне апрельских событий в роли посланца Миранды. Каноник призывал к крутым мерам по отношению к церковникам, выступавшим в поддержку колонизаторов. Вот почему о Кортесе Мадариаге «забывают» клерикальные историки.

В Венесуэле были три епархии – Каракаса, Мерида и Гвианы. Епископ Мерида Милапес – «ярый роялист», как признает католический историк Варгас Угарте, вынужден был, опасаясь репрессий, примкнуть к патриотам. В марте 1812 г. он умер, что «спасло его от больших неприятностей» со стороны патриотов, отмечает тот же Варгас Угарте. Кабальеро, епископ Гвианы, стал на сторону испанцев. Должность архиепископа Каракаса была к тому времени вакантной. В июле 1810 г. прибыл из Испании назначенный задолго до апрельских событий новый архиепископ Нарсисо Коль-и-Прат, которому патриотическая хунта разрешила возглавить церковную иерархию в Венесуэле, с тем чтобы не давать фанатикам повода обвинять ее в «преследовании» религии. Когда в 1811 г. была провозглашена независимость страны, Коль-и-Прат заявил, что принимает ее «к сведению» и что отныне считает патронат недействительным, а церковь непосредственно подчиненной панекему престолу. Тем самым Коль-и-Прат как бы говорил, что для него распоряжения новых властей будут иметь силу только в случае их одобрения Римом.

Архиепископ с первых же дней своего пребывания в Венесуэле стал идейным главой колонизаторов и связанных с ними креолов. В октябре 1810 г. патриотические власти раскрыли в Каракасе заговор испанцев, намеревавшихся свергнуть хунту и создать контрреволюционное правительство во главе с архиепископом Коль-и-Пратом, каноником Эчеверрией и священником Мон-тенегро. Только нерешительность хунты, в которую в то время входили консервативные элементы, спасла заговорщиков от заслуженного наказания. Через несколько дней после провозглашения независимости в Валенсии вспыхнул мятеж, вызванный агитацией фанатиков священников. Мятеж был подавлен войсками молодой республики под командованием Миранды. Но и на этот раз патриоты оступились со снисхождением к мятежникам в рясе. Лишь немногие из них подверглись аресту. Патриоты не принимали крутых мер против контрреволюционных священников, так как опасались обвинений в неверии и преследовании церкви. Однако церковники отвечали на снисходительность властей распространением именно таких клеветнических обвинений. Когда в феврале 1811 г. в Каракасе было опубликовано сочинение Берка в защиту веротерпимости⁵⁴, Коль-и-Прат и его сторонники начали бешеную кампанию против этого постулата. Коль-и-Прат, уже будучи в Испании, вспоминал, что его сторонники в Каракасе писали на стенах: «Мы католики. Да здравствует религия, смерть Берку!»⁵⁵.

В пасхальный четверг 26 марта 1812 г. страну постигло тяжелое несчастье – землетрясение. Столица и многие города Венесуэлы подверглись разрушению, десятки тысяч жителей погибли под развалинами обрушившихся строений. Этим воспользовались сторонники испанцев, в первую очередь духовенство. Вот что пишет в своих воспоминаниях современник событий О'Лири, адъютант Боливару: «фанатичный и невежественный народ может истолковывать самые незначительные события так, как это выгодно взглядам и интересам тех, кого массы привыкли уважать. К несчастью для дела независимости, духовенство, пользовавшееся большим влиянием в Венесуэле, относилось враждебно к революции, оно делало вид, что ужасное бедствие, постигшее страну, было бичом, при помощи которого божественное провидение наказывало восставших. Духовенство проповедовало против патриотов самые подрывные доктрины и взывало к небу ниспослать новые кары на тех, кто не проявлял немедленного раскаяния, пожелал признать справедливость божественной мести. Тот факт, что революция

(антииспанское восстание. – И. Г.) и землетрясение произошли в святой четверг, злоумышленно преподносился как доказательство избрания всемогущим этого дня для проявления своего гнева. Хотя властям своевременно было сообщено о мятежной деятельности духовенства и об опасных направлениях в его выступлениях, власти были столь напуганы, что не было принято никаких мер для их пресечения» 56.

Как О'Лири, так и другие современники и очевидцы этих событий, в частности испански настроенный креол Диас, опубликовавший в 1829 г. в Мадриде воспоминания, признают, что одним из немногих патриотов, не потерявших голову в день землетрясения, был Симон Боливар. Со шпагой в руке Боливар бросился на монаха, призывавшего население к бунту на главной площади Каракаса, столкнул его с импровизированной трибуны и, заняв его место, призвал народ не верить поповской клевете, сохранять порядок и оказывать помощь пострадавшим. Очевидец этой сцены Диас пишет, что Боливар закончил свое выступление фразой: «Если природа и сам бог сопротивляются нашим намерениям, мы будем бороться против них и заставим нас подчиниться» 57. Эта фраза цитируется многими консервативными историками без слова «бог» и для доказательства, что Боливар якобы был примерным «сыном церкви».

Выступление Боливара, отмечает О'Лири, принесло пользу: оно нашло отклик в пародии и подтолкнуло правительство принять меры против призывавших к бунту священников 58.

4 апреля правительство республики потребовало от архиепископа Коль-и-Прата обнародовать послание к верующим и объяснить в нем, что землетрясение – «такое же обычное природное явление, как дождь, град, молния и т. п., и что в крайнем случае оно могло служить инструментом, при помощи которого божественная справедливость наказывает моральные пороки, как это могло быть и с другими явлениями, но оно не имеет ничего общего с политическими системами и реформами Венесуэлы». На следующий день в новой ноте правительство потребовало от архиепископа немедленно указать священникам на их «строгую и незыблемую обязанность не вводить в заблуждение народ нелепыми инсинуациями о том, что политическая революция вызвала землетрясение», и на их обязанность «использовать свое влияние на прихожан, с тем чтобы они поддерживали дело свободы».

Коль-и-Прат не спешил выполнить требования правительства. Он знал, что на Каракас наступают сторонники Испаншт под командованием капитана Монтеверде, и всячески пытался выиграть время. Одним из вдохновителей Монтеверде был священник Андрес Торрельяс, который, пользуясь своим влиянием на туземное население, убедил индейского вождя Рейеса Варгаса поддержать Монтеверде, что способствовало успехам испанцев.

10 апреля в ответе правительству архиепископ писал: ему «хорошо известно, что дождь, град, молния и землетрясения являются следствием естественных причин, однако также известно, и никто в этом не сомневается, что суверенный творец природы, властвуя, управляя и руководя подчиненными ему силами, использует их для наказания порочных людей и для раскаяния грешников».

В конце своего ответа Коль-и-Прат обещал издать соответствующее послание, когда он сможет освободиться от «бесчисленных дел, требующих его внимания днем и ночью».

Иезуитский ответ архиепископа ясно показывал, в интересах кого он действовал. Несмотря на новые напоминания и приказы правительства, Коль-и-Прат под предлогом недомоганий и других надуманных причин тянул с посланием до 8 июня, когда он, наконец, представил его текст на одобрение властям. В нем не осуждалась контрреволюционная проповедь духовенства. Ввиду этого Миранда, возглавлявший правительство, принял решение больше не церемониться с архиепископом и отдал приказ арестовать его и выслать из страны. Этому приказу не суждено было осуществиться. Каракас 30 июля был занят испанцами.

Архиепископ Коль-и-Прат встретил испанцев колокольным звоном. Этот «слуга божий» стал помогать карателям преследовать патриотов. 5 августа он направил инструкцию священникам своей епархии следующего содержания: «Немедленно сообщите под секретом списки лиц, у которых имеются изображения и скульптуры, книги и другие запрещенные издания, указывая при этом имя, фамилию и адрес лица, названия книг или брошюр, их число, место хранения или места, где выставлены недозволенные изображения и скульптуры, а также как их использовали или используют, как используют указанные выше книги или распространяют содержащиеся в них тлетворные доктрины. Также сообщите мне под секретом о политических грешниках, в особенности о безбожниках и неверующих, совратителях и апостолах неверия, о тех, кто ежегодно не исповедуется и не причащается, кто отказывается освятить в церкви брачные узы, несмотря на полученное предупреждение» 59.

Вслед за этим полицейским циркуляром архиепископ Каракаса опубликовал

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

послание к верующим, в котором утверждал, на этот раз без всяких оговорок, что землетрясение было карой божьей за их «безбожные» действия.

Испанцы, захватив Каракас, не церемонились с патриотами так, как те церемонились с враждебными им священниками. Кортес Мадариага вместе со многими другими сторонниками был выслан в Испанию, где его заточили в тюрьму.

Одним из немногих патриотов, которому удалось спастись от террора колонизаторов, был Боливар. Он перебрался в Новую Гранаду? где начал готовить освободительную экспедицию в Венесуэлу. В воззвании, опубликованном в Картахене 15 декабря 1812 г., Боливар, анализируя причины падения первой Венесуэльской республики, писал: «Влияние церковников, кощунственно использовавших свой священный сан в поддержку тех, кто развязал гражданскую войну после землетрясения, сыграло очень большую роль в поднятии против республики населения сельских местностей и провинциальных городов и в том, что враг мог одержать такую победу. Однако мы должны откровенно признать, что эти предатели-священники могли совершить свои отвратительные преступления, в которых их справедливо обвиняют, только потому, что они пользовались полной безнаказанностью». В том же документе Боливар отмечает, что «клерикальная партия всегда оказывала поддержку деспотизму и была его союзницей» 60.

Освободительная экспедиция, предпринятая Боливаром из Новой Гранады в 1813 г., увенчалась освобождением Каракаса. 7 августа 1813 г. войска патриотов под командованием Боливара вошли в столицу Венесуэлы, где вновь встретили Коль-и-Прата. На этот раз патриоты решили заставить его действовать в их интересах. Это было тем более необходимо, что регентство (испанское правительство) направило епископам Испанской Америки циркуляр, предписывающий активизировать борьбу с патриотами. В циркуляре говорилось: «Высокое звание вашего степенства, священный характер священников и других представителей духовенства, моральная сила их проповедей, основанных на неопровержимых истинах святого Евангелия, принесут более продолжительный и прочный результат, чем покорение и подчинение при помощи победоносного оружия, выступающего за справедливое дело» 61.

10 августа Боливар направил архиепископу резкое письмо, в котором указывал, что в случае использования церковниками их влияния во вред республике они будут наказаны со всей строгостью закона. Боливар приказал архиепископу, чтобы все приходские священники, проповедники и исповедники еженедельно объясняли прихожанам с амвона «справедливые принципы американской эмансипации, убеждали в необходимости поддерживать и защищать ее всеми средствами и жизнью, предупреждали простых людей против провокаций врагов республики. Тех же священников, которые не будут выполнять этих указаний, епископу следует отстранять от должности» 62.

Еще более резкое письмо направил архиепископу Рафаэль Мерида, министр внутренних дел, в котором отмечал, что предыдущая деятельность Коль-и-Прата способствовала «закабалению американцев, преследованиям и охаиванию друзей свободы». Мерида осуждал изданные архиепископом после падения первой республики послания, «клеветнические и враждебные американскому имени», и требовал немедленного обнародования нового послания в защиту республики: «Генерал (Боливар. – И. Г.) просит передать, – говорилось в письме, – что в противном случае даже он не сможет обеспечить Вашему степенству личную безопасность» 63.

Лишь месяц спустя Коль-и-Прат опубликовал послание к верующим, призывая их поддерживать правительство республики. Боливар приказал ему лично объехать епархию, чтобы повлиять на население в пользу патриотов.

Коль-и-Прат во время этой поездки много говорил об ужасах войны, но воздерживался от призывов поддержать правительство республики. В новом письме Мерида возмущался и осуждал от имени Боливара поведение архиепископа.

Между тем испанцы и их сторонники продолжали плести заговоры против патриотов. По приказу Боливара мятежников расстреливали, что возмущало епископа Коль-и-Прата, требовавшего от Боливара сохранения им жизни. Отвечая на одно из таких домогательств церковного иерарха, Боливар писал ему 8 февраля 1814 г.: «Только что прочел письмо вашей светлости, в котором вы высказываете очень важную для меня просьбу – пощадить жизнь испанцам, приговоренным по моему приказу к расстрелу. Мне не меньше вашей светлости присоробен этот жертвенный акт. Только благополучие моей родины могло вынудить меня при-л пять такое решение. Я убежден, что в этом случае пощада увели- чила бы число жертв и обманула бы те самые чувства жалости, которые движут вашей светлостью в стремлении охранить их от наказания. Иначе я бы поспешил сообщить вам о своей готовности удовлетворить вашу просьбу» 64.

И все же врагам республики вскоре вновь удалось взять перевес и оккупировать столицу. Боливар вновь очутился в новой Гранаде, где был

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

назначен главнокомандующим войсками патриотов. Созданный после свержения испанского владычества конгресс Новой Гранады поручил ему предпринять наступление на Боготу, власти которой отказались подчиняться патриотам. Подойдя к Боготе, Боливар предложил властям города сдаться. Но последние предпочли вооружить испанцев и мобилизовать духовенство против Боливару. Местные церковники специальным эдиктом отлучили Боливару и его солдат от церкви и предали анафеме. Один из священников, пресвитер Торрес-и-Пенья, сочинил вирши, в которых клеветал на Боливару и его солдат. Поэт в сутане писал: «Кровавый Боливар наносит нам оскорбление, он требует оказывать бандитам-неграм уважение. Хотя у них и офицерский мундир, но это только банда убийц – погонщики мулов, рабы и бродяги, воспитанные Боливаром на преступлениях». Этот же поп сочинил и такое «произведение»: «Боливар, жестокий Нерон, ирод, каких мало, хочет разрушить нашу жизнь и религию. Пусть свой долг исполнят все – чапетоны (аристократы. – И. Г.), граждане и добрые христиане. В бой же, пока не добьемся смерти этого тирана» 65. Боливару не оставалось другого выхода, как взять штурмом Боготу. О'Лири, адъютант Боливару, пишет по этому поводу: «В Новой Гранаде часто политика и религия идут об руку, и имеется немало примеров, когда совершались ошибки и даже преступления во имя всевышнего... Священники-фанатики приучили смотреть на солдат (патриотов. – И. Г.) как на врагов бога, на отлученных от церкви, любое общение с которыми означало бы нарушение церковного учения» 66.

Войдя в Боготу, Боливар, возмущенный поведением церковных властей, направил им письмо, в котором протестовал против использования для борьбы с ним «религиозных чувств и фанатизма толпы». В церковном эдикте, писал Боливар, «поносился мой характер, я представлялся святотатцем и неверующим, я и все мои войска предавались отлучению. В эдикте было сказано, что я являюсь виновником смерти и разрушения, постигших эти страны, и утверждалось, что вся моя армия, лишенная чувства человечности, намеревалась покуситься на нашу святую и нерушимую религию, на ее священников и храмы, на ее ренты и драгоценности и даже на девственниц и священные сосуды» 67. Отметив, что его армия крайне гуманно отнеслась к побежденным, Боливар потребовал от церковников отменить эдикт и влиять на население в доброжелательном для его армии духе. Церковники, опасаясь возмездия, поспешили выполнить требование Боливару и стали служить молебны в его честь.

Патриоты в Новой Гранаде, однако, и на этот раз были вынуждены сдать свои позиции под натиском превосходящих сил испанцев – экспедиционного корпуса под командованием маршала Пабло Морилью, направленного из Испании в Венесуэлу в 1814 г. для подавления восставших. И вновь Боливару пришлось оставить Венесуэлу, он нашел убежище на Ямайке.

Между тем Морилью объявил, что его задача – «защитить» религию и уничтожить «еретические» принципы независимости. Он смотрел на духовенство как на инструмент колонизаторской политики. Маршал восстановил трибунал инквизиции, преследовал священников, заподозренных в симпатиях к патриотам, и репрессировал тех из них, родственники которых участвовали в борьбе за независимость. По его распоряжению 95 «ненадежных» священников были высланы из Новой Гранады в Венесуэлу.

Морилью не пощадил и самого Коль-и-Прата. Сочтя его прошлое поведение недостаточно решительным по отношению к патриотам, маршал добился в 1816 г. его отзыва в Испанию. Перед отъездом архиепископ Каракаса обратился к верующим с прощальным посланием, в котором пытался оправдать свою двуличную политику и подтверждал враждебность к освободительному движению. «Если в прошлом, – писал он, – уступая обстоятельствам и добываясь спасения этих провинций от окончательной гибели и сохранения их для законного суверена, мы звали вас, как и многих других его верных вассалов, присягать так называемой независимости; если затем после вторжения (подразумевается освобождение Каракаса Боливаром. – И. Г.), расстройству правительственного порядка и охватившей всех нас разрухи мы призывали в наших письмах подчиняться вождям восстания, одним словом, если во время самой катастрофической революции, стоившей нам стольких слез, вы нас видели послушным и скромным, точно голубь, знайте, что мы действовали с хитростью змия и что перед господом мы думали то, что нам следовало думать». Оправдываясь, Коль-и-Прат утверждал, что своим поведением он пытался сохранить существование «несчастной церкви». В этом заключалась наша великая цель, и мы ее добились» 68. Этот документ довольно красноречиво рисует двуличный облик архиепископа Каракаса Коль-и-Прата и его подлинное отношение к борьбе за независимость.

Морилью настоятельно требовал от испанского правительства присылки надежных церковников, с тем чтобы использовать их в качестве пропагандистов на службе колонизаторов. 20 сентября 1818 г. маршал писал испанскому военному министру: «...Я не колеблюсь утверждать вашему превосходительству, что 40

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosofff.org или 50 монахов и такое же число священников для приходской службы повлияют больше на общественное мнение и будут больше способствовать усмирению этих стран, чем целая дивизия отборных войск»⁶⁹. Испания, однако, уже была не в состоянии посылать в Америку ни войска, ни надежных церковников.

В 1817 г. Боливар вновь возвратился в Венесуэлу и возглавил освободительное движение. Патриотам удалось на этот раз укрепиться в провинции Гвиана, главный город которой – Анго-стура стал местопребыванием правительства независимой Венесуэлы. В Гвиане было много миссий, руководимых монахами ка-пуцинского ордена. Капуцины не преминули поднять индейское население против патриотов, что вынудило последних ликвидировать миссии. Капуцины подверглись аресту, а затем были расстреляны по распоряжению патриотических властей.

В 1819 г. армия патриотов предприняла поход через Анды, вторглась в Новую Гранаду, освободила Боготу. Вскоре было провозглашено объединение Венесуэлы и Новой Гранады в республику Великая Колумбия, президентом которой стал Боливар, а вице-президентом – Франсиско де Паула Сантандер. С этого времени Новая Гранада становится основной базой сопротивления патриотов испанцам. Как и в других областях испанской колониальной империи, высшее духовенство Новой Гранады враждебно отнеслось к независимости. Возникшая в 1810 г. патриотическая хунта в Боготе запретила архиепископу Хуану Б. Сакристану, прибывшему из Испании, явиться в столицу ввиду его откровенной враждебности к патриотам. Сакристан обосновался на Кубе. Карильо, епископ Картахены, выступил против независимости и был выслан. Ре-дондо, глава церковных властей в Санта-Марте, за враждебное отношение к патриотам был арестован, бежал и вернулся в Испанию. Когда Морильо завладел Новой Гранадой, архиепископом Боготы был назначен прелат Герра. Он отказался поддержать патриотов и был смещен с должности по приказу Боливара. Сальвадор Хименес де Энсисо, епископ Попайяпа, поддерживал испанцев и призывал население к борьбе с патриотами. Смещенный со своей должности, Хименес разразился проклятиями и руганью в адрес правительства. Впоследствии Хименес в течение нескольких лет был душой антипатриотического восстания в районах По-пайяна и Пасто.

Столь же враждебно –отнеслись к патриотам новый епископ Картахены Родригес и епископ Мерида Лассо де ла Вега.

Освободив Новую Гранаду от колонизаторов, Боливар принял строжайшие меры против испанских церковников. В письме к вице-президенту Сантандеру от 15 ноября 1819 г., отмечая «неизмеримый ущерб, наносимый республике священниками – сторонниками испанцев», Боливар требовал немедленно отстранить их от должностей и заменить преданными патриотами⁷⁰.

Тем не менее церковники – враги независимости не унимались. Особенно злобствовал епископ Попайяна Сальвадор Хименес, предавший своих прихожан за поддержку патриотов анафеме. Сантандер писал Боливару 7 января 1820 г.: «Епископ Попайяна принес мне больше беспокойства, чем Вам – Бовес⁷¹. Все боятся отменить отлучение, наложенное Хименесом (против патриотов.– И. Г.) перед его бегством из епархии. Я попытался использовать все разумные средства (давления), но наши теологи и церковники больше боятся Ватикана, чем я – Морильо (подчеркнуто Сантандером. – И. Г.). Я уже решился действовать иначе. Этот епископ мне написал тридцать тысяч всяких гадостей, доктора Куэрво (священника-патриота. – И. Г.) обзывает исчадием дьявола, если не хуже. Кальсада (вожак испанцев. – И. Г.) остается в Пасто, собирая людей при помощи божьего помазанника и его анафем»⁷².

29 марта 1820 г. Боливар сообщал Сантандеру, что в местности Согомосо десятки солдат-патриотов погибли от отравления, которое является делом рук испанцев и их приспешников – церковников. «Я готов, – писал Боливар, – расстрелять всех тех, кто окажется преступником. Это событие заставило меня приказать губернаторам северных провинций немедленно арестовать и доставить в мою ставку священников и жителей, являющихся видимыми врагами нашего дела; конфисковать их имущество, использовать из него все представляющее интерес для государства и армии, а остальное оставить семьям тех арестованных, кто женат». Боливар приказал направить арестованных в Венесуэлу и держать их там в качестве заложников, а родственников предупредить: если они нанесут малейший вред делу патриотов, то заложники поплатятся жизнью. Таким образом, заключил Боливар, «мы предотвратим рост зла и обеспечим смирное поведение значительного числа враждебных нам лиц»⁷³.

Не только Боливар, но и его заместитель – вице-президент Великой Колумбии, возглавлявший гражданскую власть в республике, генерал Франсиско де Паула Сантандер считали необходимым принимать репрессивные меры против контрреволюционных церковников. В 1820 г. по приказу Сантандера священники Торрес и Флорес были высланы в Картахену из провинции Ка-санаре, где вели антипатриотическую пропаганду. В дороге, по полученным Сантандером

сведениям, священники продолжали сеять смуту среди населения. Ввиду этого Сантандер 26 марта 1820 г. приказал указанным священников «немедленно расстрелять, без каких-либо разговоров или объяснений, разрешив им только исповедоваться друг перед другом. Если этот приказ не будет выполнен из-за недоверия или фанатического страха, ответственные за неповиновение поплатятся не только своей должностью, но и своей жизнью» 74.

О взглядах генерала Сантандера и его единомышленников на роль католической церкви в колониальное время и в годы войны за независимость говорит так называемый «Политический катехизис». Сантандер приказом от 27 июня 1820 г. вменял в обязанность преподавать его во всех публичных и частных школах Новой Гранады. Этот важный, на наш взгляд, документ, состоящий из неполных 8 страниц печатного текста, свыше столетия замалчивался буржуазными историками. Политический катехизис был опубликован только в 1964 г., да и то не в Колумбии, а в Чили⁷⁵.

В Катехизисе, во-первых, оспаривается право папы римского, «дарить» не принадлежащие ему земли, тем самым доказываемое отсутствие у испанцев юридического основания на владение американскими колониями, которые им были «дарованы» папой Александром VI. Во-вторых, опровергается другой коронный аргумент испанцев: будто бы они обрели право владеть колониями в результате обращения их жителей в «истинную христианскую веру».

В «Политическом катехизисе» утверждается, что сама мысль, согласно которой право колониального владения основывается на распространении христианства, является оскорбительной для религии и что только «невежество» и «варварство» испанцев могли привести их к оправданию конкисты. Далее следуют такие вопросы и ответы:

- Разве с конкистадорами не было служителей и проповедников Евангелия?
- После первых набегов были те и другие, но такие же алчные и жадные до золота, как и их товарищи.
- И они проповедовали Евангелие?
- Когда им это было удобно. При этом они превращали все указания его божественного автора в прямую противоположность.
- Объясни мне, каким образом?
- Проповедуя Евангелие, которое все – мир и милосердие, под конвоем солдат, обычно покрывавших место проповеди трупами, объявляя точным и самым главным требованием Евангелия подчинение Испании, свержение законных принцев и огромные контрибуции 76.

Автор Катехизиса утверждает далее, что испанцы боролись с местными верованиями и обращали индейцев в христианство, применяя насилие вопреки подлинному учению Евангелия, и что если иногда среди проповедников находились подлинные апостолы, то их преследовали больше сами испанцы, чем индейцы.

В Катехизисе решительно опровергается претензия королевской власти на то, что она за свой счет строила католические храмы, алтари, содержала духовенство. Автор Катехизиса категоричен: все это делалось за счет поработанных индейцев, которых «священник с крестом в одной руке и плеткой в другой обучал тайнам нашей веры...»⁷⁷.

Автор отвечает отрицательно на «утверждение наших врагов, что религия исчезнет с провозглашением независимости». Наоборот, заявляет он, с установлением независимости религия выиграет. Государство будет покровительствовать религии, фанатизм и невежество, пропагандировавшиеся испанскими церковниками, уступят место сознательному восприятию подлинного христианского вероучения; испанцы будут заменены местными служителями культа, а после восстановления отношений с папским престолом бывшие колонии получат соответствующие их нуждам церковные привилегии, равные тем, которые ранее имела Испания.

Катехизис заканчивается следующим резюме: «Из того, о чем говорилось в этом уроке, вытекает, что прежняя зависимость не имеет законного юридического основания: что ни в результате дара папы Александра VI, или конкисты, или пропаганды и распространения католической религии Америка не могла принадлежать Испании или ее королям. Отсюда – провозглашение нашей независимости справедливо и свято, а с ним и война, которую мы ведем во имя сохранения этой независимости. С тех пор как мы провозгласили независимость, мы получили возможность пользоваться правами свободного человека, и как таковые смогли и должны были образовывать новое общество и встать в ряд и число других стран» 78.

Конгресс Великой Колумбии в Кукоте принял в 1821 г. новую конституцию, в которой вообще не было упоминания о религии, ибо Боливар считал, что при отделении церкви от государства конституция не должна регламентировать их взаимоотношения. Тем не менее конгресс отменил трибунал инквизиции, запретил церкви заниматься цензурой печати, передал государству право на сбор десятины и распределение ее. Депутаты обратились к па-селению с

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org манифестом, в котором предупредили, что церковники будут обвинять конгресс в распространении ложных и антирелигиозных учений, хотя депутаты не отказались от своей веры. «Бог этих проповедников, – говорилось в манифесте, – это выгоды, и их религия сводится к идолопоклонческому культу...» 79

В связи с либеральной революцией в Испании в 1820 г. Боливар усилил попытки привлечь на сторону патриотов испанских священников, уверяя их в своей лояльности по отношению к церкви и противопоставляя эту позицию антирелигиозным действиям испанских либералов⁸⁰. Однако Боливар каких-либо обещаний о сохранении прежних привилегий церковникам не давал. Более того, государственная деятельность Боливара свидетельствует, что он считал необходимым урезать права и привилегии духовенства. Боливар был зачинателем светского образования в Южной Америке, он лишил духовенство десятины и права пользоваться бесплатным трудом индейского населения, он секуляризировал кладбища, в значительной мере сократил доходы капитулов и монастырей, накладывал на церковников налоги и контрибуции, которые шли на военные нужды, конфисковывал с этой же целью церковную утварь, снимал колокола и пускал их на литье пушек. В написанной Боливаром конституции для республики Боливии провозглашался революционный для того времени принцип отделения церкви от государства. Религия должна быть частным делом по отношению к государству, утверждал Боливар в комментариях к этой конституции.

Политика ограничения прав и привилегий духовенства, особенно настоятельно проводившаяся Боливаром во время его пребывания в Перу в 1825–1826 гг., была встречена в штыки церковниками. С амвона и в исповедалъне, пишет О’Лири, они осуждали политику правительства как безбожную. Священники призывали избирать в органы местной власти наиболее реакционных и испански настроенных кандидатов, что вынудило Боливара сместить епископа Арекипы.

В 1828–1830 гг. Боливар, стремясь добиться сплочения освобожденных под его руководством республик, наладил отношения с церковной иерархией, которую он надеялся использовать для укрепления своих позиций. 30 июня 1828 г. Боливар писал генералу Паэсу (будущему президенту Венесуэлы): «Мой план – обосновать мои реформы на солидной базе религии и приблизиться, насколько это совместимо с нашими условиями, к старым законам, менее сложным и более надежным и действенным»⁸¹. Церковная верхушка после изгнания испанцев из Южной Америки была готова оказать Боливару поддержку в надежде, что этот отпрыск креольской аристократии в конечном итоге «одумается» и будет вынужден сделать церкви определенные уступки. Этому периоду жизни Боливара, который заканчивается его политической и физической смертью, с особым предпочтением уделяют внимание клерикальные историки. Именно тогда, утверждают они, Боливар понял, что прежде относился к церкви несправедливо, отрекся от своих вольнодумных идей, стал практикующим христианином и умер, примирившись с церковью.

Имеется документ, который опровергает подобные утверждения: это дневник полковника де Лякруа, секретаря и адъютанта Боливара в 1828 г. Дневник относится именно к тому периоду, когда Боливар якобы стал идейным союзником церкви. В течение многих десятилетий дневник де Лякруа хранился в рукописи в Каракасе, его публикации противились церковники и реакционеры. Первый том дневника утерян, а может быть, уничтожен. Публикация дневника колумбийцем Корнелио Испано в 1914 г. вызвала настоящую бурю протестов со стороны церковников и их единомышленников, утверждавших, что дневник «порочит» Боливара, является фальшивкой и т. п. Сегодня авторитетные венесуэльские историки признают не только подлинность дневника, но и его поразительную достоверность.

Каким же предстает перед нами «примерный христианин и друг церкви» Боливар в 1828 г.? Судя по его собственным высказываниям, скрупулезно записанным де Лякруа, – таким, каким он был всегда: деистом, последователем просветителей XVIII в., с презрением относящимся к религиозным предрассудкам, видевшим в церкви «неизбежное зло», которое следовало использовать в интересах справедливого дела.

Но обратимся к дневнику де Лякруа. «Священник – это совсем ненужная, дорогостоящая и лишняя мебель», – говорил Боливар своему адъютанту. Философское кредо Боливара изложил в следующих словах: «Я не люблю заниматься метафизическими упражнениями, которые зиждятся на ложных основах. Мне достаточно знать и быть уверенным, что душа способна чувствовать, иначе говоря, получать впечатления от наших чувств... Человек обладает материальным телом и материальным разумом – в виде мозга; согласно же нынешнему состоянию науки, разум является не чем иным, как эманацией мозга. Называйте, как хотите, этот продукт – душой, разумом, духом, это не имеет значения, не стоит об этом спорить... Мозг умирает вместе с телом, и

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org со смертью мозга прекращается деятельность разума». Судите сами после этого, каково мое отношение к взглядам на этот счет теологов, говорил Боливар.

Когда де Лякруа отметил, что немногие способны подняться до столь «возвышенной философии», Боливар сказал: «Время, мой друг, и просвещение, помогающее людям, а также известная склонность разума постепенно будут способствовать познанию моими соотечественниками естественных вещей, освобождая их от идей и вкусов к сверхъестественному» 82.

Только замалчивая эти высказывания Боливара, можно называть Освободителя «правоверным христианином» и лицемерно утверждать, что он был «верным сыном» церкви. И тем не менее именно так поступают современные церковники: им нужен авторитет Боливара-Освободителя для подкрепления своего собственного престижа в глазах верующих.

Боливар, посещая мессу, никогда не преклонял колена, никогда не крестится, во время молебна, как правило, читал Вольтера или Руссо, свидетельствует де Лякруа. Любимым автором Боливара продолжает оставаться Вольтер, многие страницы произведений которого он знал наизусть. Однажды во время прогулки Боливар и его адъютант зашли осмотреть церковь, в которой увидели довольно примитивные изображения святых. Боливар сказал: «Каков народ? Его легковерие и невежество делают из христиан секту идолопоклонников. Нас возмущают язычники, потому что они поклонялись статуям, а мы что делаем? Разве мы, подобно им, не почитаем куски грубо обработанного камня и дерева, куски намалеванной материи, подобно тем, которые мы здесь видели, или подобно холсту, представляющему деву из Чинкин-киры. Это самая худшая мазня из всех мне известных, которую тем не менее больше всего почитают у нас и которая больше всего приносит денег. О двуличные и невежественные священники! Я их всех делю на эти два вида. Если они представляют первый, почему народ позволяет руководить собой обманщикам? Если представляют второй, почему следует за невеждами? Я знаю многих, которые мне говорили: «Я философ для себя самого или для моих немногих друзей и священник для простого народа».

Я утверждаю, что, исповедуя такие принципы, они перестают быть философами и сами превращаются в обманщиков».

Продолжая развивать свою мысль, записывает де Лякруа, Боливар сказал: «Достижения науки таковы, что только немногие продолжают оставаться незыблемы в вере. Разумные люди уже не обращают внимания на принципы догм и на таинства, основы которых заведомо ложны и о которых известно, что они являются продуктом предрассудков и обмана».

Об отношении духовенства к нему самому Боливар говорил де Лякруа: «Я не могу вспомнить без смеха, как отлучили меня и всю мою армию управляющие архиепископством Боготы прелаты Рей и Дукесне 3 декабря 1814 г., утверждавшие, что я иду грабить церкви, преследовать священников, истреблять религию, насиловать девственниц, резать мужчин и детей. Все это было публично отменено ими же другим эдиктом, в котором я представлялся уже не безбожником и еретиком, как в первом эдикте, а хорошим и правоверным католиком! Какой глупый фарс и какой урок для народов! Девять или десять дней отделяли эти два эдикта. Первый был издан потому, что я наступал на Боготу по приказу конгресса, и второй – потому, что я победоносно вступил в столицу. Наши священники все еще сохраняют прежние идеи, но результат их отлучений теперь равен нулю. Продолжая метать громы и молнии на своих противников, они только все больше ставят себя в дурацкое положение, показывают свое бессилие и увеличивают с каждым днем презрение, которого заслуживают»83.

«Таковы мои философские идеи, – утверждал Боливар, – но я уважаю противоположные взгляды, и, учитывая, что большинство населения Колумбии исповедует католическую религию, я, как глава государства, оказывал и буду оказывать ей покровительство».

Дневник де Лякруа разоблачает попытки церковников превратить Боливара в раскаивающегося грешника, слугу церкви. Дневник – ярчайшее свидетельство того, что даже в период, когда Боливар делал ставку на поддержку церкви, он сохранял свое критическое, даже враждебное отношение к религии и ее служителям, в которых он в лучшем случае видел неизбежное зло, должное исчезнуть с прогрессом общества и с распространением просвещения. Боливара и других руководителей патриотического движения можно причислить к лагерю либеральных католиков.

Оставаясь формально католиками и сторонниками дипломатических отношений с Ватиканом, не подвергая публично сомнению основные религиозные постулаты католицизма, признавая авторитет церкви только в вопросах догмы, латиноамериканские либералы вместе с тем выступали за отделение церкви от государства, секуляризацию ее имуществ, отстаивали превосходство государства над церковью, считая себя наследниками испанского патроната.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
Газета «Эль Либераль», выходившая в Сантьяго, Чили, в номере от 24 августа 1824 г. так объясняла отношение таких либералов к вопросам религии: «Либералы считают, что религия может быть воспринята только путем убеждения, и не верят, что» принуждение, анафемы, наказания, направленные на искоренение испорченных взглядов или экстравагантных законов, могут служить полезными средствами убеждения. Поэтому они желают: свободы культов, а также потому, что знают, что в тех странах, где она господствует, люди более моральны и более религиозны, и что, конечно, если каждый по свободному выбору верует в свою веру, благодаря этому возникает атмосфера соревнования между всеми сектами без опасения, что возникнут между ними столкновения и войны, ибо все они находятся под охраной закона. В то время как отсутствие терпимости и наличие одного признанного культа порождает, с одной стороны, гордыню и чувство превосходства, желание господствовать, что формирует людей невежественных, наделенных предрассудками и фанатизмом; с другой стороны, безразличие, неверие и развращение нравов – результат применяемого против инакомыслящих насилия. Либералы считают, что тем более необходимо и полезно распространение их принципов, что при недостатке рабочих рук, населения, промышленности и ремесел мы вынуждены приглашать в нашу страну людей различных верований, каждый из которых любит свою веру, как мы свою, и что без гарантии свободы религии они никогда не решатся поселиться среди нас, ибо будут бояться, что, не практикуя обрядов своего культа, они превратятся в открытых атеистов, как это обычно наблюдается. И не может убедить в противном, что среди нас живут немногие иностранные купцы, ибо люди этого сорта никогда не испытывают такой любви и привязанности, точнее, * преданности и влечения к своей вере, обрядам и богослужениям, как ее испытывают трудящиеся, ремесленники и другие классы, которые, наверное, более полезны и в которых мы больше всего нуждаемся, те, кого справедливо называют народом» 84. После разгрома испанских войск в Перу испанцы получили возможность при желании покинуть Америку. Этим воспользовались многие церковники. По данным чилийского историка XIX в. Диего Баррос Араны, в 1808 г. в Испании насчитывалось 14 тыс. служителей церкви, а в 1828 г. их было уже 104 тыс. Такое увеличение произошло в основном за счет вернувшихся из Америки священников и монахов 85.

Враги независимости в Буэнос-Айресе

В вице-королевстве Ла-Плата, центре освободительного движения на юге Американского континента, отношение большинства церковников к борьбе за независимость было столь же враждебным, как и в других областях испанской колониальной империи. Правда, в Майской революции в Буэнос-Айресе, в результате которой в 1810 г. возникла Патриотическая хунта, участвовало несколько священников и монахов, а среди депутатов Первого аргентинского конгресса в Тукумане, провозгласившего независимость страны, были и церковники. Но и в Майской революции, и в Тукумане они, за немногими исключениями, занимали умеренные позиции, отстаивали идеи компромисса с колонизаторами. Симпатии некоторых священников-креолов делу патриотов либерал Эскивель объясняет тем, что они надеялись занять места испанских прелатов, выступавших против независимости⁸⁶. Такую же мысль высказывает и клерикал Суретти⁸⁷. «Подлинно революционных священников, – отмечает Инхенерос, – сторонников изменения (колониального. – И. Г.) режима, были единицы: Планес, Апчорпс Рамирес и еще не больше трех в Буэнос-Айресе, полдюжины в сельских районах Восточного берега (Уругвая) на службе Артигаса; один-другой из горноперауанцев, подобно Висенте Посасу, снявшему с себя сутану, или Бельтрану, уроженцу области Куйо, отказавшемуся от священнического сана задолго до своего поступления артиллеристом в войска Сан-Мартина» 88.

А вот свидетельство самих участников Майской революции. «Среди различных классов, образующих государство, ни один не был столь мало активен (в участии в революции), как наиболее просвещенный, уважаемый и больше других оказывающий влияние на дух общества и на мнение народа класс духовенства», – писал орган патриотической хунты «Гасета де Буэнос-Айрес». Аргентинский клерикальный историк Карбия отмечает: «Вопреки тому, что утверждает историческая литература, посвященная деятельности клира в период независимости, следует уточнить, что не все священники, находившиеся в

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org момент переворота в районе Рио-де-ла-Платы, были революционерами, а их патриотическая пропаганда не соответствовала их подлинным взглядам» 89. Его точку зрения разделяет и прелат Пиаджио: «Нет сомнения, что многие священники, в особенности испанцы, не встретили сочувственно революционную идею и ее результаты, которые, как они легко понимали благодаря своему образованию, означали полную потерю для испанской короны этих огромных владений» 90.

Иезуит Варгас Угарте признает, что прелаты епархии Рио-де-ла-Платы встали на сторону испанского колониального режима, когда 25 мая 1810 г. началось движение за независимость, ибо «учитывая их прошлое и обстановку, иначе они не могли поступить». Почему? Оказывается, не потому, что церковь была связана с колониальными захватчиками и заинтересована в колониальной эксплуатации, а потому, объясняет Варгас Угарте, что у церковников не оказалось... «достаточно времени» на переориентацию, и «аргентинские революционеры, отличавшиеся своим радикализмом, закрыли им путь к соглашению и осудили их на изгнание»⁹¹. Получается, что ответственность за контрреволюционную деятельность духовенства несет вовсе не оно, а патриоты, против которых выступали церковники. Поистине иезуитская логика! Образование Патриотической хунты в Буэнос-Айресе было встречено враждебно местным епископом Бенито Луэ-и-Риега, умершим в 1812 г. После него временно епархию возглавил священник Мариано Медрано.

Епископ Кордобы Родриго Антонио де Орельяна был одним из главарей происпанского заговора во главе с Линьерсом. Руководителей заговора по приказу патриотических властей расстреляли. Орельяна отделался арестом. Находясь под стражей, он писал властям послания, в которых заверял в своем патриотизме. Ему поверили и отпустили, но он вновь принялся организовывать заговоры и снова угодил за решетку. Вскоре Орельяне удалось бежать и возвратиться в Испанию, где он был назначен архиепископом Авили и откуда вел кампанию клеветы против патриотов.

Епископ Сальты креол Николас Виделя дель Пино тоже враждебно встретил движение за независимость. Он вошел в контакт с генералом Гойенече, командующим испанскими войсками в Горном Перу, которому сообщал сведения о передвижении войск патриотов. Пойманный с поличным, Виделя был выслан в 1812 г. в Буэнос-Айрес и заключен под арест. Приказ о его высылке отдал командующий армией патриотов генерал Бельграно, известный своей набожностью. Виделя умер в 1812 г., так и не вернувшись в Сальту. Таким образом, все три епархии Аргентины оказались в результате войны за независимость без своих глав.

Решительные меры аргентинских патриотов выдавались испанцами и сочувствующим им духовенством за преследование религии. Командующий испанскими войсками Гойенече и помогавшие ему церковники разжигали фанатизм солдат, утверждая, что душа того, кто погибнет в войне с патриотами, «вознесется в рай». Испанцы клеветали на сторонников независимости, называли их антихристами, учениками дьявола, последователями сатаны, сторонниками религиозной войны.

Это заставило патриотов наряду с мерами против контрреволюционного духовенства применять и такие, которые опровергали обвинения в их адрес в безбожии и враждебности к атеизму. В армии были учреждены должности капелланов, на которые назначались антииспански настроенные креолы, зачастую вовсе не священники, устраивались молебны в честь победы над испанцами, бойцам разъясняли, что религия не противоречит независимости и что ее сторонники не преследуют верующих. Особенно усердствовал генерал Бельграно, которого более радикальные креолы называли «лицемером». Несомненно, однако, что действия Бельграно диктовались потребностями войны с испанцами.

Учитывая враждебное отношение церковных властей к независимости, Патриотическая хунта Буэнос-Айреса взяла под свой контроль капитулы и монастыри и предписала всем священникам читать с амвона прихожанам орган хунты «Гасета де Буэнос-Айрес». Стараниями священников, действовавших по указанию новых властей, из церковных книг были исключены места, в которых возносились молитвы за испанского короля. Вместо этого священники стали молиться за свободу, а потом и за республику. Все это совершалось без санкции папского престола. Церковные власти оговаривали, что изменения будут впоследствии согласованы с папой римским.

Важные решения, ставившие церковников в зависимость от правительства патриотов, были приняты конституционной ассамблеей, заседавшей в Буэнос-Айресе в 1813 г. Суверенная (конституционная) ассамблея объявила духовенство независимым от каких-либо духовных властей за пределами Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы. Монашеские ордена тоже были объявлены независимыми от их руководства, находящегося за пределами страны. Вступление в монашеское состояние особам моложе 30 лет запрещалось.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosofff.org

Ассамблея отменила право папского нунция в Мадриде вмешиваться в церковные дела страны, а местную церковь объявила независимой от Испании. Для руководства монашескими орденами ассамблея учредила специальный комиссариат во главе с назначаемым правительством церковником. Эти решения ассамблеи фактически вели к образованию аргентинской национальной церкви. Большинство членов ассамблеи были сторонниками ограничения влияния церкви. Об этом свидетельствуют и такие ее решения, как запрещение хоронить в церквях, секуляризация кладбищ, запрещение крестить в холодной воде, роспуск трибунала инквизиции. Больницы, находившиеся под контролем церкви, передавались светским властям. В целом конституционная ассамблея следовала церковному законодательству кадисских кортесов.

Виделя, епископ Сальты, обратился к председателю ассамблеи Карлосу Марии Альвеару с просьбой о помиловании. Альвеар ответил отказом. Он заявил: «Епископ должен быть проповедником мира. Его первой заботой должно быть умиротворение его паствы. Если он нарушает эту обязанность, само его высокое звание требует наказать его. Будем уважать представителей культа, но пусть они трепещут, если, к несчастью, используют святые дары против прав народа, пусть тогда постигнет их участь других преступников, и да будет им известно, что никому не дано права нарушать закон» 92.

Когда главнокомандующий армией патриотов генерал Сан-Мартин готовился к своему походу в Чили в 1816 г., правительство Буэнос-Айреса предписало ему попытаться завоевать симпатии местного духовенства, изолируя его от священников-испанцев, которых следовало выслать из Чили в Аргентину. Сан-Мартин выполнял эти инструкции: церковников, выступавших против патриотов, он смещал с постов, высылал или арестовывал. Такую же политику проводил Сан-Мартин, освободив Лиму, столицу Перу: в 1821 г. он заставил подать в отставку архиепископа Лас Эраса, отказавшегося выполнять его приказы⁹³, отстранял испанских церковников от исполнения их обязанностей, если они не могли представить доказательства своего патриотизма перед Очистительной хуптой (Junta de Rasta, закрыл многие монастыри, наложил контрибуцию в 20 тыс. песо на церковников 94.

Патриотические власти Рио-де-ла-Платы на всем протяжении периода войны за независимость принимали меры к обузданию церковников, враждебных освободительному движению. 18 мая 1818 г. верховный правитель Пуэйредон издал приказ, по которому предписывалось всем иностранным служителям культа, не принявшим аргентинского гражданства, в течение двух месяцев покинуть страну. В результате 49 человек должны были оставить республику. Конституция Рио-де-ла-Платы 1819 г. лишала священников права избрания в конгресс. Испанцы и их сторонники использовали религиозный вопрос для разжигания фанатизма среди коренного населения. Местные каудильо, среди них Фаундо Кирога, вели военные действия против правительства Буэнос-Айреса под девизом «Религия или смерть». Испанцы, говорилось в Манифесте к народам Генерального конгресса Объединенных провинций Южной Америки (Ла-Платы), принятом в Буэнос-Айресе 25 октября 1817 г., старались расколоть патриотов, чтобы они убивали друг друга. «На нас возводили чудовищную клевету, – сказано в Манифесте, – нам приписывали поползновения уничтожить пашу святую веру, искоренить всякую нравственность и насаждать моральную распущенность. Они ведут с нами религиозную войну, тысячами бесчестных спосов сеют в умах замешательство и смятение, велят испанским епископам проклинать нас с амвонов, отлучать от церкви и при помощи невежественных исповедников распространять через трибуналы инквизиции фантастические доктрины. Этими религиозными раздорами они ссорили между собой семьи, сеяли вражду между родителями и детьми, разрывали супружеские узы, вызывали неумолимую злобу и ненависть между любящими братьями, кажется, они хотели бы внести раскол в самую природу» 95.

В 1822 г. Бернардино Ривадавия, министр внутренних дел Аргентины в правительстве генерала Мартина Родригеса, провел церковную реформу, отменившую традиционные привилегии церкви. Была конфискована собственность некоторых монашеских орденов и капитулов, запрещалось поступать в монахи до достижения 25-летнего возраста, закрыты монастыри, имеющие меньше 16 монахов (максимальное число монахов на монастырь было определено в 30). В 1824 г. были закрыты все монастыри, а их собственность поступала в казну государства, запрещен въезд в страну церковникам без разрешения правительства, члены церковных капитулов отныне назначались правительством, которое определяло и расходы капитулов; церковь лишалась права заниматься благотворительной деятельностью, для этих целей была образована светская организация – Общество благотворительности⁹⁶; создавался Капитулярный корпус (Духовный сенат) из 5 пресвитеров и 4 каноников (2 дьяконов и 2 субдьяконов), его председатель – настоятель провозглашался главой церкви в стране, жалование ему и другим священникам выплачивало государство, десятина отменялась; семинария превращалась в национальный колледж

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

церковных исследований, тоже содержавшийся правительством; настоятель уполномочивался возвращать в светское состояние монахов, ликвидировался монашеский орден бетлеми-тов, руководители монашеских орденов обязывались ежегодно отчитываться перед властями; председатель Духовного сената становился верховным руководителем монашеских орденов и монастырей. Таким образом, порывались связи аргентинских церквей--ников с Испанией и Ватиканом.

Государственная казна получила от продажи церковной собственности и национализации церковных капиталов весьма солидную сумму – 577 951 песо⁹⁷. Реформу поддерживали многие церковники-патриоты, в их числе настоятель кордобской епархии Грегорио Фунес; за нее голосовали 8 священников – членов конгресса.

Церковная реформа Ривадавии и сам Ривадавия на протяжении десятилетий являлись излюбленным объектом всякого рода нападков и осуждений со стороны реакционеров. Последние приписывали все последующие беды Аргентины, в том числе ужасы диктатуры Х. М. Росаса, «катастрофическим последствиям» церковной реформы⁹⁸. Действительно, Ривадавия был масоном, вольтерьянцем, регалистом. Аргентинец Г. Гальярдо причисляет Ри-вадавию к еретикам на том основании, что положения религиозной реформы были впоследствии осуждены «Силлабусом» и энцикликой «Куанта кура» Пия IX, а масонство – различными папскими документами⁹⁹. Гальярдо следовало бы добавить, что масонами, вольтерьянцами были и другие вожди борьбы за независимость: Боливар, Сан-Мартин, Идальго.

И все-таки их отношение к церкви определялось не столько враждебностью к религии, сколько стремлением поставить церковь на службу дела независимости, превратить ее из инструмента испанского колониализма в инструмент национальных интересов новых государств. В этом отношении регализм новых властей принципиально отличался от регализма испанской короны и «просвещенного» абсолютизма XVIII в.

В ряде стран Западной Европы в XVIII в. предпринимались меры по подчинению церкви, в частности монашеских орденов, интересам государства. Монастыри и их собственность, являясь феодальными институтами, тормозили развитие торгово-капиталистических отношений, препятствовали консолидации абсолютистской власти, которая, укрепившись в XVIII в., стремилась подчинить их деятельности своему контролю. Доктрина этого нового регализма была сформулирована немецким прелатом Николаем де Хонтгеймом, заместителем архиепископа Трира, в книге «Настоящее состояние церкви и законная власть римского понтифика» (1763), изданной под псевдонимом Феброниус. Автор защищал тезис о преобладании светской (королевской) власти над папской. И хотя Феброниус был осужден папским престолом, тезис его был принят на вооружение сторонниками «просвещенного» абсолютизма и возобладал в Испании, Португалии, Франции, Австрии.

Первым ярким проявлением на практике этого тезиса было запрещение иезуитского ордена в середине XVIII в. Во Франции при Людовике XV комиссия из белого духовенства закрыла около 500 монастырей. Затем в 1786 г. в защиту регализма были опубликованы «Тезисы Эмса» немецких князей и церковных иерархов, а в Австрии император Иосиф II подчинил церковь королевской власти – закрыл 700 из 2000 монастырей, запретил церковникам поддерживать какие-либо прямые связи с папским престолом, конфисковал монастырскую собственность на 60 млн. флоринов, из которых был создан фонд для финансирования деятельности сельских приходов. Такие же реформы были осуществлены его братом Леопольдом – герцогом тосканским, Венецианской республикой. Затем последовали реформы французской революции, Наполеона, наконец, кадисских кортесов 1812 г. Кортесы закрыли монастыри с числом монахов меньше 12 и запретили вступление в монашеское состояние особам моложе 24 лет. Кортесы закрыли ряд орденов, в частности кармелитов и бенедиктинцев, а францисканцам запретили строить новые монастыри или иметь больше одного на район. Это законодательство было затем отменено Фердинандом VII и вновь возрождено после победы либеральной революции в Испании в 1820 г. Ла Серна, вице-король Перу, пытался осуществить его в Горном Перу в июле 1823 г. В таком же духе действовали и Сан-Мартин, и Боливар, верховные правители Парагвая – Франция и Чили – Фрейре ³.

Реформа Ривадавии вызвала ожесточенное сопротивление реакционных церковников. Против него высказался провизор (временный глава местного духовенства) Медрано, обвинявший членов конгресса в том, что они «ученики Вольтера»¹⁰¹. Ривадавия сместил его, назначив провизором каноника Мариано Савалеру, который, как и Грегорио Фунес, одобрил реформу и сотрудничал с правительством. Таким образом, к концу войны за независимость в районе Ла-Платы представители колониальной церковной иерархии были смещены, высланы или бежали, а на их место назначены сочувствующие патриотам священники, церковь оказалась подчиненной государству, ее связи с

- Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosofff.org
заграницей, в частности с папским престолом, прервались.
- Церковная иерархия Чили, Перу, Эквадора и других областей Южной Америки также выступала против независимости. Епископ Сантьяго Родригес всемерно помогал испанцам. После освобождения Сантьяго вождь чилийских патриотов Бернардо О'Хиггинс выслал его в Мендосу, заставив предварительно назначить на свое место сочувствовавшего патриотам прелата Сьенфуэгоса. Епископы городов Лимы и Трухильо за подобные же действия подверглись той же участи. Свирепо сопротивлялся епископ Май-нас (Перу) Санчес Ранхель. В 1821 г., сопровождая испанские войска, Санчес Ранхель отлучил от церкви всех прихожан, выступавших за независимость, предал анафеме церковников, сотрудничавших с патриотами, наложил интердикт на города, население которых выступало против колонизаторов.
- В 1957 г. в одном из пастырских посланий аргентинского епископата утверждалось, что католическая церковь, начиная с Майской революции 1810 г., всегда участвовала в решении национальных задач, боролась за единство и мир аргентинского народа. В действительности все происходило наоборот: большинство католического духовенства (и не только в Аргентине, но и в других частях Америки) поддерживало испанцев, выступало против национальных интересов. Таковы факты. 4 5 6 7 8 9 10 11 12 3 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23
- подлинного автора письма, ии что в оригинале оно было написано по-французски.
- 22 Villanueva
- 23 Batllori M. El abate..., p. 640.
- 24 Murray P. V. The catholic church in Mexico (1519-1910). Mexico, 1965, v. I. p. 53.
- 25 Vargas Ugarte R. El episcopado en los tiempos de la emancipaci
- 26 Piaggio A. Influencia del klero en la inaependencia argentina. Buenos Aires, 1934, p. 246-247.
- 27 Schmitt K. The Catholic church in Latin America since idependence. Washington, 1968, p. 8.
- 28 «Гачупины» – презрительная кличка испанцев в Мексике.
- 29 Alaman L. Historia de M
- 30 Amunategui M. L.} Barros Arana D. La Iglesia..., p. 114-115.
- 31 Los procesos militar e inquisitorial del Padre Hidalgo y de otros caudillos insurgentes. M
- 32 Amunategui M. L., Barros Arana D. La Iglesia..., p. 120-121.
- 33 Lop
- 34 Los procesos militar e inquisitorial..., p. 326-329.
- 35 Ibid., p. 259, 262.
- 3(3 Ibid., p. 275.
- 37 Andr
- 38 Cuevas M. Historia de la Iglesia en M
- 39 Amunategui M. L., Barros Arana D. La Iglesia..., p. 126.
- 40 A ndr
- 41 Amunategui M. L., Barros Arana D. La Iglesia..., p. 131.
- 42 Cuevas M. Historia..., p. 101.
- 43 Morelos y la Iglesia Cat
- 44 Medina J. T. Historia del Tribunal del Santo Oficio de la Inquisici
- 45 Cuevas M. Historia..., p. 98.
- 40 Kennedy /. /. Catholicism, nationalism and democracy in Argentina. Notre Dame, Indiana, 1958, p. 5.
- 47 Felice Cardot C. El Impacto de la
- 48 Lopez Camara F. La genesis..., p. 170.
- 49 Eyzaguirre J. Intereses cat
- 50 Vargas Ugarte A. El episcopado..., p. 114-115.
- 51 1 bid., p. 119.
- r2 Navarro N. E. La cristiana muerte del Libertador. Caracas, 1955, p. 69.
- 53 Andr
- f4 Burke TV. Derechos de la America del Sur y M
- 35 Leturia P. de. Relaciones entre la Santa Sede e Hispanoam
- 5G Memorias del General Don F. O'Leary. Caracas, 1952, v. I, p. 91.
- 57 Diaz J. D. Recuerdos sobre la Rebeli
- 58 Memorias_____v. I, p. 92.
- 59 Or
- 60 Bolivar S. Obras completas. La Habana, 1950, v. III, p. 545, 546.
- 51 Andr
- 52 Bolivar S. Obras completas. La Habana, 1950, v. I, p. 59-60.
- 63 Vargas Ugarte R. El episcopado..., p. 232-233.
- 64 Cartas del Libertador. Caracas, 1959, t. XII, p. 130.
- 05 f

- Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosofff.org
- 66 Memorias..., v. I, p. 258.
 07 Ibid., p. 258.
 68 Documentos para el historia do la vida publica del Libertador de Colombia, Per
 69 Andr
 70 Cartas del Libertador, t. XII, p. 142.
 71 Хосе Томас Бовес, вожак жителей степей (льянеро) в Венесуэле, поддерживавший испанцев и отличавшийся жестокостью.
 72 Leturia P. de. Relaciones..., p. 138.
 73 Ibid., p. 178-179.
 74 Hoenigsberg J. Santander..., p. 62.
 75 Revista Chilena de Historia y Geograf
 76 Ibid., p. 259-260; католицизм и свободомыслие в Латинской Америке в XVI-XX вв. М.: Наука, 1980, с. 66.
 77 Revista..., p. 261.
 71 Ibid., p. 262, 264; католицизм и свободомыслие..., с. 69.
 79 Vargas Urage R. El episcopado..., p. 259.
 80 Ibid., p. 261-262.
 81 Bolivar S. Obras completas, v. II, p. 905.
 82 Per
 83 Ibid., p. 192-194.
 84 Leturia P. de, Batllori M. La Primera misi
 85 Amunategui M. L., Barros Arana D. La Iglesia..., p. 142, 169-170.
 86 Esquivel H. D. R
 87 Zuretti J. C. Historia eclesi
 88 Ingenieros 7. La evoluci
 89 Carbia R. D. La revoluci
 90 Piaggio A. Influencia..., p. 111.
 91 Vargas Ugarte R. El episcopado..., p. 292.
 92 Ingenieros 7. La evoluci
 93 Amunategui M. L., Barros Arana D. La Iglesia..., p. 183-185.
 94 Vargas Ugarte R. El episcopado..., p. 185.
 95 Ingenieros 7. La evoluci
 96 Штрахов В. И. Война за независимость Аргентины, с. 387.
 97 Gallardo G. La pol
 98 La Primera mission, p. 225.
 99
 100 Tonda A. A. El dean Funes y la Reforma de Rivadavia: Los Regulares. Buenos Aires; Santa F
 101 Gallardo G. La pol
 Глава вторая

ПАПСТВО - ПОСОБНИК КОЛОНИЗАТОРОВ

Как относился папский престол к продолжавшейся в Испанской Америке в течение 15 лет войне за независимость? Ватикан, утверждает иезуит Фурлонг, придерживался нейтралитета. По словам ученого иезуита, папство считало, что «поддерживать и вдохновлять неизвестных повстанцев, подлинные намерения которых оставались невыясненными, означало бы нанести оскорбление (испанскому. – И. Г.) королю и народу, имевшим высокие заслуги перед церковью и папами, а это было бы не только политической ошибкой, но и низостью» 1.

Остановимся сначала на вопросе об отношении патриотов к папскому престолу. Патриоты считали, что с провозглашением независимости все права испанской короны, в том числе и право патроната, перешли к новым республикам. Право патроната давало возможность властям смещать контрреволюционных священников и назначать на их место сторонников независимости. фактически все правительства патриотов пользовались правом патроната. Представители же контрреволюционного духовенства утверждали, что это право связано не с испанской короной, а с особой короля, таким образом с изгнанием испанцев из колоний церковь становилась независимой от местных властей и возвращалась непосредственно в подчинение папы римского. Такое положение лишало правительства молодых республик права смещения враждебных

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
церковников и по существу ставило церковь под контроль сочувствующей испанцам ватиканской верхушки. Поэтому патриоты считали важнейшей задачей, во-первых, заручиться дипломатическим признанием папского престола и, во-вторых, добиться от него признания за ними права патроната. Это выбило бы почву из-под ног происпанских церковников и оказало бы положительное воздействие на массы верующих, которым контрреволюционное духовенство без устали внушало, что папский престол выступает за сохранение испанского колониального режима.

В 1813 г. в Париж прибыли агенты патриотов Мануэль Пала* сию Фахардо (Новая Гранада) и Луис Дельпеч (Венесуэла). Они ходатайствовали перед Наполеоном, чтобы французское правительство заставило Пия VII, находившегося тогда в Фонтенбло, поддержать патриотов, а Фердинанда VII, тоже пребывавшего пленником императора, призвать своих сторонников в колониях прекратить борьбу против патриотов. Миссия Паласио и Дельпеча не увенчалась успехом. Наполеон в свою очередь рассчитывал завладеть испанскими колониями в Америке, и укрепление позиций сторонников независимости вовсе не входило в его планы.

Папство поддерживает испанцев

Крушение наполеоновской империи в 1814 г. и попытка со стороны участников Священного союза вернуть Европу к положению, предшествовавшему революции 1789 г., ослабили международные позиции патриотов. В Испанию вернулся Фердинанд VII, полный решимости не только покончить со сторонниками конституции 1812 г. у себя в стране, но и наказать бунтовщиков за океаном. Вернулся в Рим и Пий VII, такой же ретроград, как и испанский король. Для Пия VII сторонники независимости испанских колоний являлись якобинцами, которых следовало стереть с лица земли. И хотя патриоты публично провозглашали свою преданность церкви и обещали поддерживать и защищать ее, Пий VII не доверял им: ведь эти мятежники, выдававшие себя за католиков, были республиканцами, сторонниками народовластия и просвещения и пытались совместить католицизм с приверженностью к крамольному учению Руссо и ему подобных французских еретиков XVIII в.

Следует ли в свете сказанного удивляться, что Пий VII превратился в верного союзника Фердинанда VII по борьбе с движением независимости в испанских владениях Америки? Вскоре после своего возвращения в Рим папа по представлению Мадрида замещает вакантные епископские должности в Америке прелатами, преданными испанской короне. Многие из вновь назначенных – креолы, легитимизм которых не вызывает сомнений. Выдвигая на эти посты верных Испании креолов, Мадрид надеялся завоевать доверие уроженцев колоний. Кроме того, развитие событий после 1810 г. показывало, что далеко не все креолы выступали за независимость. Те же, кто выступал против, оказались даже более непримиримыми легитимистами, чем сам Фердинанд VII, и поэтому вполне заслуживали доверия испанцев. С 1814 по 1820 г. Ватикан утвердил 28 новых епископов в колониях (всего там было 42 епархии), подавляющее большинство которых относились с нескрываемой враждебностью к патриотам².

С возвращением Пия VII в Рим в Ватикане возникают планы опубликования энциклики с осуждением сторонников независимости. Вначале Фердинанд VII не особенно стремился получить такую энциклику, не желая быть обязанным папе, ибо за издание такого документа папа мог потребовать немалую компенсацию. В 1815 г. испанцам удалось восстановить свою власть по всей Америке, за исключением Буэнос-Айреса. Однако сопротивление колонизаторам продолжало шириться и Фердинанд VII решил, что в борьбе с патриотами без помощи Ватикана не обойтись, он попросил Пия VII издать соответствующую опцкплку. Папа с молниеносной быстротой удовлетворил просьбу короля. Энциклику под названием «Этси лонгиссимо» («Хотя огромные») сочинил по поручению папы прелат Доминго Геда, бывший секретарь нунциатуры в Мадриде, любимчик Фердинанда VII. Она была подписана Пием VII 30 января 1816 г. и опубликована в Мадриде в официальном органе правительства «Гасета» 13 апреля того же года³.

Энциклика обращена к церковной иерархии и духовенству Америки, «находящейся под властью католического короля Испании». В энциклике сказано: «Одна из наших самых прекрасных и основных заповедей предписывает повиноваться высоким властям. Поэтому мы не сомневаемся, что к переверотам в этих странах, столь огорчительным для нашего сердца, вы непрестанно внушаете вашей пастве справедливую и решительную ненависть»⁴. Пий VII призывал

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
духовенство «не жалеть усилий, чтобы выкорчевать и совершенно истребить губительное сплетение бунтов и мятежей, вызванных врагами в этих странах». Вы этого легко добьетесь, уверял папа священников, если каждый из вас будет напоминать с максимальным усердием своим овечкам об ужасных и серьезных последствиях мятежа и о чрезвычайных и первостепенных добродетелях «патроне любимейшего сына во Христе, Фердинанда, нашего католического короля, для которого превыше всего религия и благополучие его наместников». В заключение, обещая небесные награды, папа призывал духовенство соблюдать верность и послушание Фердинанду VII.

Можно ли назвать этот документ выражением нейтралитета папского престола по отношению к войне за независимость? Текст энциклики настолько ясен, что ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. Своей энцикликой папа недвусмысленно показал, что он стоит на стороне колонизаторов. Иезуит Фурлонг, желая, обелить папский престол, заявляет: «Все это может показаться прямо-таки чудовищным, однако только идиоты или мерзавцы могут придать этой энциклике значение и важность, которой она не имеет». Фурлонг не жалеет сил, чтобы лишить энциклику ее значения. На каком, однако, основании? Он заверяет, что энциклика явилась продуктом недоразумения, ибо папа ошибочно (!) считал движение за независимость продолжением «европейской революции»; эта энциклика будто бы не была «программным и окончательным заявлением против свободы и автономии бывшей испанской империи в Америке» 5. Впрочем, Фурлонг не оригинален, он повторяет аргументы своего учителя и коллеги по иезуитскому ордену Педро де Летурия. Приуменьшая влияние энциклики, Летурия, в частности, отмечал, что «отеческий призыв папы не смог создать атмосферу легитимистских убеждений там, где они раньше не существовали» 6.

Иезуитов Фурлонга и Летурию опровергают факты. Энциклика Пия VII была широко использована церковниками в Америке для борьбы против патриотов. Ссылаясь на нее, церковники перепрохп призывали верующих прекратить борьбу против испанского господства. Епископ Попайяна Сальвадор Хименес де Эписко опубликовал в поддержку энциклики послание, озаглавленное «Об упрямстве и безумствах сторонников мятежа». В таком же духе высказался и епископ Калама (впоследствии Куско) Хосе Калисто де Орнуэля, утверждавший, что «никто не может считаться подлинным христианином и божьим чадом, не будучи добрым подданным и преданным вассалом своего короля» 7. Разумеется, такие заявления божьи слуги делали в районах, находившихся под контролем испанцев. В республиканских зонах энциклика тайно распространялась противниками независимости.

Как же реагировали на этот папский документ патриоты? В Венесуэле и Новой Гранаде сторонники Симона Боливара требовали от местных церковников заявлений, признававших законность республиканских властей. В республиканской печати высказывались мнения, что : энциклика была силой или хитростью вырвана испанским королем у папы или является фальшивкой, что дало основание впоследствии и клерикалам утверждать подобное. Патриоты утверждали, что выступать в поддержку республики вовсе не ересь, и напоминали, что само папство в лице Пия VI в свое время признало французскую директорию и Цизальпинскую республику, а до этого признавало Венецианскую и Генуэзскую республики, т. е. власть, порожденную революцией. Усилия патриотов заставить церковников поддержать своим авторитетом такого рода комментарии далеко не всегда приводили к желаемым результатам. За сопротивление патриотическим властям был смещен исполняющий обязанности архиепископа Боготы Франсиско Хавьер Герра. На его место был избран Николас Куэрво, но и он боялся осудить папскую энциклику и призвать верующих к безоговорочной поддержке патриотов.

Отвечая вице-президенту Сантандеру, извещавшему его о поведении Куэрво, Боливар в письме из Памплоны от 8 ноября 1819 г. писал: «Хватит шуток, пора ясно говорить с отцом Куэрво и со всеми другими отцами. Необходимо, чтобы они называли вещи по их имени, чтобы громко провозгласили: правительство, республики законно, свято, ибо бог установил для людей право и обязанность признавать законность вещей, собственности и государственных учреждений. Бог не может одобрить нарушение своих собственных принципов, своих собственных основных законов. Напротив, бог видит с ужасом преступления узурпирующей власть тирании. Бог одобряет создание правительства, цель которого – общественное благо... Об этом пусть многократно говорят служители бога, к тому же вдохновенно, с благостным чувством, как и свойственно церковному стилю» 8.

Когда несколько месяцев спустя Куэрво, наконец, призвал верующих поддержать патриотов, последним не понравился его текст, ибо не содержал ссылок на Библию, которыми обычно изобиловали церковные послания, направленные против сторонников независимости.

Либеральная революция 1820 г. в Испании, восстановившая конституцию 1812

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

г., вызвала большую озабоченность в Ватикане. Испанские кортесы приняли ряд законов – об экспроприации церковного имущества, закрытии монастырей, женских монашеских орденов. Попытки Ватикана воспротивиться принятию этих законов привели к высылке папского нунция Джустиниани из Мадрида. Вместе с тем новое испанское правительство требовало от папы римского полной поддержки в борьбе со сторонниками независимости в Америке. Посылая в мае 1822 г. своему римскому поверенному в делах для передачи папе Заявление испанского правительства о его правах на владение колониями в Америке, премьер Мартинес де Роса просил напомнить папе следующее: «Его святейшество не может забыть, что испанцы завоевали этот континент для религии, и его святейшество в своей мудрости знает, что у всех народов, и в особенности у тех, кто находится в таком положении, как американские, аморальность и освобождение от любого религиозного тормоза есть неизбежное следствие длительных революций. Последствия еще более ужасные, когда эти элементы смешиваются с общей отсталостью народной массы, лишенной цивилизации и культуры» 9. Если, утверждал далее Мартинес де Роса, колонии добьются независимости, то религии будет нанесен непоправимый ущерб.

Пий VII так же опасался этого с той только разницей, что он не верил уже в возможность Испании удержать свои колонии, а теперь и не желал оказывать ей прежнюю поддержку из-за ан-тицерковных действий испанских либералов. Более того, Пий VII подумывал о признании заморских республик, тем более что патриоты не только не выступали против папства, но всячески подчеркивали свою лояльность к нему в расчете на установление официальных отношений: это, несомненно, укрепило бы их международный авторитет.

Революция 1820 г. в Испании оказала свое влияние и на развитие событий в Испанской Америке. Морильо по распоряжению Мадрида заключил перемирие с Боливаром, Испания фактически признала патриотов воюющей стороной. Опасаясь испанских либералов больше, чем креольских патриотов, и считая дело колонизаторов в Америке проигранным, многие церковники воспользовались событиями в Испании, чтобы переметнуться в лагерь патриотов, надеясь таким образом сохранить свои посты и привилегии. Так поступили епископы Санта-Марта – Гомес Поланко, Панама – Игинио Дуран, мексиканские прелаты и даже епископ Попайяна Хименес де Энсисо. Так же поступил и венесуэльский епископ Мерида Рафаэль Лассо де ла Вега, до этого ярый роялист. Он направил в 1822 г. папе римскому письмо, оправдывая свой переход на сторону патриотов революцией 1820 г. в Испании и призывая Пия VII произвести назначения на вакантные епископские должности в Испанской Америке. «Спаои нас от гибели!» – взывал епископ к главе католической церкви, 0. Письмо Лассо было получено в Ватикане в самом начале сентября 1822 г. Пий VII послал молниеносный ответ – уже 7 сентября! в нем обращают на себя внимание следующие слова: «Мы, естественно, весьма далеки от вмешательства в дела, относящиеся к политике государства, но, озабоченные только судьбами религии п божьей церкви, которую возглавляем, и благополучием душ наших последователей, глубоко сожалея о стольких ранах, наносимых церкви в Испании, мы также горячо желаем удовлетворить потребности верующих в этих американских землях и, следовательно, хотели бы знать о них со всеми подробностями» п.

Ответ Пия VII был встречен в Колумбии с нескрываемым восторгом. Как сообщал об этом в Рим Лассо, назначенный сенатором республики, подпись папы под ответом целовали публично вице-президент Сантандер, министры, генералы, церковные иерархи, рядовые верующие.

О том, как оценивали руководители Колумбии послание Пия VII, можно судить по статье в венесуэльской газете «Эль Ирис де Венесуэла». Газета писала: «Взирайте, колумбийцы, как верховный понтифик общается с республиканским епископом, выдающимся патриотом Лассо. Убеждайтесь, что нет такого греха, такого проклятия, такого запрета, которыми вас не пугали сектанты священники, недостойные этого святого звания, с целью подчинить вас гнету деспотизма. Его преосвященство желает знать ваши нужды, чтобы помочь вам. Его сердце подобно сердцу отца, полно доброты п нежности к нам. . Народы, узнайте из этого послания, что независимость не противостоит религии, что божественное провидение раздает дары людям независимо от правительств или управляемых и что наместник Иисуса Христа, примеру которого должны следовать служители культа, не вмешивается в политические дела, которые никоим образом не входят в компетенцию церкви. Пусть это послание научит вас, как отвечать священникам, которые, кощунственно нарушая свои священные обязанности, помогают тирану; научитесь презирать их, недостойных вселенской религии. Мы в них не нуждаемся, ибо отец церкви „горячо желает удовлетворить потребности верующих в этих американских землях41 при помощи таких преданных и решительных колумбийцев, как достойный прелат из Мерида» 12.

Эти восторги по поводу папского ответа Лассо носили чисто тактический

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
характер: они были направлены на изоляцию церковников, выступавших в поддержку испанцев, и вовсе не означали отказа патриотов от принципа отделения церкви от государства.

Провал миссии Муци

В Чили, как и в других испанских владениях, церковники раскололись на сторонников и противников независимости. Причем епископы Сантьяго и Консепсьона, руководители монашеских орденов активно поддерживали испанцев, рядовые же служители церкви – креолы выступали с оружием в руках против испанцев, причем из 500 священнослужителей Чили около 70 высказывались за независимость, а из 190 священников Сантьяго – только 22 13.

Патриоты решительно реагировали на действия врагов независимости – служителей церкви. Так, один из руководителей войны за независимость, Хосе Мигель Каррера, арестовал 18 францисканцев, настроенных происпански, а 14 других выслал в Мендосу м.

Бернардо О'Хиггинс в свою очередь действовал не менее решительно. Войдя в Сантьяго во главе освободительных войск, он сослал епископа Хосе Родригеса-и-Соррилью, выступавшего в поддержку испанцев. Бернардо О'Хиггинс направил ему письмо следующего содержания: «Светлейшему епископу. Общественное благополучие превышает всяких соображений. Оно требует вашего полного отстранения (от занимаемой должности... – И. Г.). Правительству неприятно посылать в ссылку столь видную особу, но пусть это будет одной из жертв в пользу существования нации. Ваша светлость немедленно направится в назначенную ему ссылку, предварительно назначив губернатором епископства со всеми полномочиями и правами каноника этой церкви дона Педро Вивара. Это распоряжение не может быть опротестовано, по нему не будут рассматриваться обращения, жалобы, соображения или сомнения. Да охранит бог Вашу светлость. Сантьяго, 26 февраля 1817. Бернардо О'Хиггинс»¹⁵.

Испанцы же патриотически настроенных священников бросали в тюрьмы, ссылали, а священника Хуана Фариньяса даже приговорили к смертной казни за связь с партизанами и патриотами ¹⁶.

Тем не менее О'Хиггинс был заинтересован в установлении нормальных отношений с папским престолом: признание Римом правительства патриотов значительно укрепило бы их международную позицию. Именно с этой целью и был направлен в Рим прелат Х. Игнасио Сьеифузгос, временно исполняющий обязанности главы соборного капитула в Сантьяго.

В 1823 г., незадолго до своей кончины, Пий VII воспользовался приглашением О'Хиггинса, переданным через Сьенфуэ-госа, и направил в Чили апостолического викария. Им стал бывший сотрудник нунциатуры в Вене архиепископ Джованни Муци. Его помощниками были назначены прелат Саллюстн и молодой священник граф Джан-Мария Мастай Феррети, будущий папа Пий IX. В связи со своим назначением Муци был возведен в номинальное звание (без епархии) архиепископа Филипос. Такими званиями наделялись посланцы папы, действовавшие «в стра-пах неверных» (*in partibus infidelium*). Одна, если не главная, причина, побудившая папский престол пойти на такой шаг, заключалась в победе либеральной революции в Испании, вызвавшей резкое обострение отношения между папством и этой страной.

Известие о посылке Ватиканом миссии Муци было встречено патриотами с удовлетворением. Они усмотрели в этом акте шаг к признанию независимости. Орган перуанских патриотов «Га-сета» писал 6 декабря 1823 г.: «Святой престол признал, что нашей борьбе за независимость свойствен дух религии и Евангелия, что борьба, начатая за уничтожение испанской системы нашего унижения и рабства, не только не враждебна морали и учению Спасителя, но укрепляет его. Папа оказал нам благодеяния, которые до этого оказывались только королям... Наша республика, которая гордится своим послушанием папе, испытывает чувство безопасности и справедливости, будучи уверенной, что политическая свобода обеспечивает существование святой веры, исповедуемой ею» ¹⁷.

Пий VII, направляя Муци в Чили, всемерно подчеркивал, что его миссия носит чисто духовный характер и вовсе не означает признания независимости испанских колоний. Такое утверждение с формальной точки зрения соответствовало действительности, но сам факт вступления папского престола в дипломатические отношения с правительством Чили свидетельствовал об отказе от прежней его позиции, что было, несомненно, на руку патриотам.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

Накануне отъезда Муци из Италии в Чили скончался Пий VII. Потребовались подтверждения полномочий Муци новым папой Львом XII. Объясняя причины, побудившие Ватикан направить Муци в Чили, кардинал Гонзальви, бывший статс-секретарь Пия VII, говорил Льву XII: «Я всемерно старался получить от испанских кортесов согласие на замещение вакантных должностей в Америке, но не добился этого, ибо они хотели использовать нашу позицию во вред мятежникам. Между тем нам было необходимо сохранить католицизм в тех областях во всей его чистоте. Если бы испанское правительство разрешило нам назначить епископов в Колумбии, Мексике и других местах, где нас просили это сделать, я считаю, что за три десятилетия законный порядок был бы там восстановлен. В противном случае спасайте свою церковь, как можете! Тогда будет слишком поздно для Рима» 18.

Лев XII, хотя и принадлежал к партии ультраправых «эс-ланти», подтвердил по той же причине полномочия Муци в пртсьме па имя «любимого сына Рамопа Фрейре. пынешнего верховного директора Республики Чили». Письмо было подписано 3 октября 1823 г., а 16 октября в Риме было получено известие о падении 30 сентября в результате французской интервенции либерального правительства в Испании и наделении Фет) динанда VII прежними полномочиями абсолютного монарха19. Лев XII встретил это известие с огромным облегчением и удов-летворением. Теперь он был вправе рассчитывать на восстановление позиции церкви в Испании, что не могло не затормозить процесса сближения с республиками в Америке.

В инструкциях, подготовленных Гонзальви для Муци, отмечалось со слов происпански настроенных церковников, жаловавшихся папе на действия патриотов, что в Объединенных провинциях Ла-Платы, «революцию начали, как и в других колониях, люди, лишенные любой религии и морали, стремившиеся подорвать в одинаковой степени как гражданский, так и религиозный порядок. Следовательно, они в первую очередь добивались отмены инквизиции, признания принципа веротерпимости, свободы печати, распространения трудов Руссо, Вольтера и других неверующих, но главным образом – начать беспощадное преследование епископов и большинства законного клира, которое было испанским по происхождению (основной недостаток в их глазах) или, будучи американским, по своим религиозным взглядам отвергало бунт».

По поводу правительства Буэнос-Айреса в инструкции отмечалось, что оно, «кажется, следует примеру революционного правительства Испании, тем более что никто там не отстаивает дело религии настойчиво и решительно. Секретарь (глава правительства.--Я. Г.), некий Ривадавия, во время пребывания во Франции пропитался принципами якобинизма и современного философизма. По мнению информаторов, его главная цель – создать церковь, отделенную от Рима, он считает папство иностранной державой» 20.

Инструкция призвала Муци вести себя с особой осторожностью и осмотрительностью, а в случае, если, прибыв на место, окажется, что имеются шансы на реставрацию испанской власти, вообще воздержаться от какой-либо деятельности, чтобы не поставить под угрозу отношения папского престола с Испанией21.

Однако миссия папского викария успеха не имела. И в Буэнос-Айресе, где высадился Муци, и в Сантьяго его встретили с недоверием, настроенно. В Буэнос-Айресе у власти находился Ривадавия, сторонник отделения церкви от государства. Муци назвал его «главным министром ада в Южной Америке, врагом веры, а следовательно, Рима, папы, апостолического викария и его миссии» 22.

Приезд Муци в Буэнос-Айрес вызвал оживление деятельности происпанского духовенства, ввиду чего власти запретили папскому легату участвовать в церковных церемониях и он под конвоем отбыл в Чили. По дороге из Мендосы он писал в Рим (18 февраля 1824 г.) о положении в этой части света: «Повсеместно самой крупной партией является партия религии, хотя всюду все еще существует и партия развратников с центром в Буэнос-Айресе, дышащая революцией и жаждущая разрушить все, что имеет отношение к религии. Во Франции переводят сочинения Вольтера, Руссо на испанский. В Англии их печатают и распространяют по Южной Америке».

В другом своем сообщении – от 14 июня 1824 г. – статс-секретарю папского престола Муци пишет, что в результате происшедших событий, т. е. завоевания независимости, «власти назначили провинциалов-патриотов вместо заслуженных монахов, занимавших высокие посты, но негодных властям из-за своей враждебности» (к независимости). Муци жаловался, что в результате попустительства новых настоятелей монахи, в частности доминиканцы в Сантьяго, исповедуют «развращающие максимы», читают Руссо и Вольтера, не носят монашеского одеяния, не соблюдают молитв, постов, прелюбодействуют и т. д.23

К моменту его приезда в Чили власть находилась в руках диктатора Фрейре, по

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org приказу которого была конфискована церковная собственность, а священникам правительство обязалось выплачивать жалование. Газеты Буэнос-Айреса и Сантьяго писали о Муци как об агенте Священного союза, его обвиняли в шпионской деятельности.

Чилийское правительство, ознакомившись с полномочиями Муци, сочло, что они «превышают» те, о которых ходатайствовали чилийцы через Сьенфуэгоса. Поэтому правительство выразило Муци пожелание, чтобы он воздержался предавать их гласности, соглашаясь на публикацию только верительных грамот. Судя по всему, чилийские власти были недовольны не столько превышением полномочий Муци, сколько тем обстоятельством, что в них не входило фактическое признание новой республиканской власти и принципа независимости. Тем не менее чилийское правительство пыталось использовать Муци именно в этих целях.

В ноте мистра Диего Бепаvente, направленной Муци 9 июня 1824 г., указывалось: «Учитывая влияние приходских священников на паству, особенно в сельских местностях, чилийское правительство считает, что на эти посты должны назначаться не только грамотные и достойные пастыри, но и известные своим патриотизмом и заинтересованные в поддержке справедливого дела, отстаиваемого нами»²⁴. Однако зная, что таких пастырей трудно найти в нужном количестве, правительство просит Муци разрешить занимать эти должности монахам, соответствующим указанным выше требованиям. Муци ответил, что согласен в случае отсутствия достойных священников рассматривать кандидатуры правительства на должности кураторов из числа монахов. Иначе говоря, фактически он оставлял за собой окончательное решение по поводу их назначения. Но Муци был вынужден согласиться на упразднение многих церковных праздников, число которых было сокращено до одиннадцати.

Муци не ограничился только ролью пассивного наблюдателя за положением в Чили и других областях Испанской Америки. В своем пастырском послании от 6 марта 1824 г., напечатанном в Сантьяго и широко распространенном в Чили и за ее пределами, папский викарий открыто ополчился против «врагов религии», которые якобы намеревались создать национальную церковь, независимую от Рима, подчинить своей воле епископов, завладеть источниками доходов религиозных корпораций, самовольно реформировать монашеские ордена под предлогом распушенности нравов монахов. Он не отрицал, что «скандалы» всегда происходили в церкви, но утверждал, что даже сам Христос считал их неизбежными, учитывая склонность человека к пороку, и полезными, ибо их наличие позволяет по достоинству оценить подвиг истинных праведников. Но, утверждал Муци, правом исправлять пороки церкви пользуется только она сама, а не светская власть. На практике же он отказался одобрить предложение правительства подчинить монахов священникам, утверждая, что контролировать их деятельность поручено папой римским ему лично ²⁵.

Такие публичные высказывания Муци вызвали не только возмущение чилийских патриотов, но и их соседей в Буэнос-Айресе. Об этом говорит содержание следующей официальной ноты правительства Буэнос-Айреса от 25 октября 1824 г., направленной местному епархиальному провизору Мариано Сава-лере: «Правительство располагает сведениями, что дон (!) Джованни Муци, называющий себя апостолическим викарием при Республике Чили, издавал распоряжения, которые касаются лиц, проживающих в этих провинциях и находящихся в юрисдикции этого правительства. Такие действия не только противоречат законам и решительным заявлениям правительства Объединенных провинций, но являются в высшей степени оскорбительными для авторитета независимого правительства, которое не признало никаких полномочий за доном Джованни Муци. Правительство уверено, что во исполнение своего долга господин провизор-губернатор епископства запретит распространение любого рескрипта, исходящего из названного источника. Правительство, кроме того, желает, чтобы ему направлялась любая информация, получаемая по этому делу»²⁶. Мариано Савалера ответил, что полностью согласен с точкой зрения правительства Буэнос-Айреса по данному вопросу.

Муци резко воспротивился декрету чилийского правительства от 6 сентября 1824 г. о монашеской реформе, хотя она основывалась на подобном же акте от 10 сентября 1820 г. испанского патриарха архиепископа Толедского. Декрет повторял в общих чертах реформу Ривадавии. Он обязывал монахов жить в монастырях, соблюдать орденский устав, разрешал им секуляризацию (выход из монашеского состояния), вступление в монашеские ордены только лицам не моложе 21 года, закрывал монастыри, имеющие меньше 8 монахов, запрещал иметь больше одного монастыря одного и того же ордена в одном районе, монахам заниматься делами, связанными с управлением имуществом, которое переходило в руки правительства. Последнее обеспечивало, монахам жалование в размере от 100 до 200 песо в год, одну сутану бесплатно на 16 месяцев и расходы на культу по требованию епархиального начальства. Церковная утварь

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosofff.org оставалась во владении монастырей 27.

Ознакомившись с текстом этого декрета, Муци потребовал немедленно вернуть ему паспорт для отбытия в Рим. Министр Пинто ответил, что «достоинство правительства не позволяет вступать с ним в полемику» по поводу монашеской реформы, и попросил до отбытия назначить трех епископов, среди них администратора столичной епархии Сьенфуэгоса на должность епископа Сантьяго. Но Муци и на эту просьбу ответил категорическим отказом, заявив, что может назначать только помощника епископа Сантьяго, и то с согласия отстраненного от этой должности протеспански настроенного епископа Хосе Родригеса-и-Сор-рильи. Следует отметить, что последний был крайне недоволен деятельностью папского викария. Вначале он ожидал, что Муци потребует его восстановления в должности, когда же этого не произошло, он стал опасаться, что викарий назначит на его место священника-патриота. Родригес направлял тайные послания папе римскому, обвиняя Муци в «узурпации и оскорблениях» и требуя его немедленного отзыва. Такие же жалобы Родригес посылал в Мадрид Фердинанду VII²⁸.

Муци забраковал и кандидата на пост епископа Консепсьона, считая, что он не обладает знаниями, необходимыми для этой должности, а кандидата в епископы Кокимбо вообще отказался обсуждать, утверждая, что речь идет об создании новой епархии, а на это якобы у него нет папских полномочий. В действительности же нежелание Муци выполнить просьбу правительства объяснялось только тем, что Сьенфуэгоса и других кандидатов правительства он считал патриотами.

Объясняя мотивы своего поведения, Муци писал в Рим: «Патриотизм -- преобладающая страсть г-на Сьенфуэгоса. Патриотические речи, которые он произносил за столом, когда мы с ним обедали в Генуе (направляясь в Чили. -- И. Г.), вызывали у меня „рвоту*4. На острове Мальорка Сьенфуэгос орал, как ошалелый: „Да здравствует конституция!44. Он сторонник веротерпимости, свободы печати, во всем потакает правительству. Его прозвище „сеньор44. Он уволил церковных служителей -- сторонников испанцев» 29.

Муци также отказался от предложения правительства передать свои полномочия апостолического делегата канонику из Сантьяго Хоакину Ларраину, считая его также патриотом. Муци утверждал, ссылаясь на инструкции папского престола, что чилийское правительство вообще не имеет права предлагать ему кандидатов на церковные должности. Максимум, на что он мог согласиться, -- это назначить заместителей двух епископов³⁰. Он даже отказался возвести Сьенфуэгоса на должность епископа без епархии, предлагая вместо него каноника Эйсагирре, сторонника испанцев, чем вызвал возмущение правительства.

Убедившись, что Муци не желает сотрудничать с властями, верховный директор Чили Фрейре приказал вернуть ему его паспорт, и папский викарий покинул страну.

После его отъезда Фрейре сделал в конгрессе следующее заявление: «Приезд в Чили апостолического викария Муци вначале оценивался как полезное явление, так как восстановление духовных связей со святым престолом всеми приветствовалось. Однако ни уважение, с которым относились к этому священнику, ни знаки внимания, проявленные к нему, не могли ни удовлетворить его требований, ни способствовать его дальнейшему пребыванию среди нас. Он претендовал вмешиваться во все наши дела и все подчинять своей духовной власти, считая себя на то уполномоченным. Он восставал против принципов нашего политического права и тоном иадменного превосходства легатов Гильдебранда (папы Григория VII. -- И. Г.) вмешивался в действия правительства, требуя, чтобы они получали его санкцию. Он конспирировал против институтов, завоеванных нами в результате пятнадцатилетних трудов и жертв. Правительство отнеслось к этим наглым притязаниям, как они того заслуживали. Апостолический викарий, нарушив таким образом принципы христианской скромности и милосердия, которые должны были сделать его и порученную ему миссию уважаемыми, скрытно исчез, неблагодарно бросив верующий и гостеприимный народ, стремившийся завоевать его путем значительных денежных подарков. Правительство надеется, что его святейшество папа Лев XII сурово осудит поведение своего посланца и отнесется справедливо к нашим усилиям восстановить с главой католической церкви отношения, желаемые всеми верующими этой страны»³¹.

Покинув Чили, Муци в пути на корабле продолжает строчить различного рода заявления, мемориалы и отчеты о пребывании в Южной Америке с целью оправдать перед Римом и потомством свод враждебные делу независимости действия. Его писания изобилуют злобными выпадами против патриотов, клеветой, подтасовкой фактов, презрением к латиноамериканцам, причем автор не щадит и самих церковников, от которых он ожидал более энергичных действий в защиту колониального строя.

В проекте заявления (манифеста), предназначенного для публикации, но так и

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org оставшегося в рукописи, объясняющего причины, побудившие его покинуть Чили, Муци вопрошает: «Какую основную цель преследуют независимые американские государства, обращаясь с просьбой к святому престолу о присылке папского представителя? Ничего другого, и в этом убедился апостолический викарий в Чпп, как укрепить, по крайней мере косвенно, их независимость, заставляя его присутствовать на их гражданских и церковных патриотических актах» 32. Муци советует не посылать папских представителей в эти государства, считая, что власть там неустойчивая, быстро меняющаяся, на нее нельзя положиться. Но, кроме того, направление папского представителя опасно, ибо почти все эти страны возглавляются личностями «просвещенными», в результате чего папскому представителю придется или поддаться несправедливым требованиям властей и таким образом влечить жалкое существование, или вернуться в Ватикан, как решил Муци³³.

В сообщении о политических и религиозных условиях в Южной Америке, в особенности в Чили, сочиненном Муци в ноябре 1824 г. на корабле при его прохождении вдоль берегов Патагонии, папский викарий вновь повторяет, что огромное число «заразной литературы» распространяется в этих широтах. Он пишет: «Ересь не только политическая, но и религиозная, поднявшая голову в Республике Соединенных Штатов Америки и затем во французской революции, была объявлена здесь основой власти. Местные руководители утверждают, что суверенная власть в основном порождена человеком и заключается в его основных правах, а не в боге. Вот ересь, во власти которой находятся эти новые правительства. Считая эту доктрину откровением Нового Света, невероятно с какими превосходством и заносчивостью эти правители говорят о самих себе и с каким презрением и подлостью рассуждают о суверенности и суверенах и народах, управляемых последними. Само собой разумеется, что Испания и испанцы являются мишенью их язвительных диатриб».

Далее Муци заявляет: «Эта политическая болезнь, именуемая принципом свободы и независимости, вызывает тошноту, но еще большее отвращение испытываешь от того, как там используют религия и церковь. Местные власти часто декламируют против излишеств клира, введенных испанцами, требуют церковной реформы, которая сводится к разрушению старых институтов и использованию остального в целях консолидации пустых идей свободы и независимости. Святые отцы подвергаются клевете, и власти считаются только с теми из них, а таких немного, которые запродались правительству» 34.

Обвиняя во всех этих бедах североамериканцев и англичан, Муци утверждает, что «иллюминизм» (просвещение) и масонство быстро распространяются в Южной Америке. Вместе с тем он заявляет, что «народ, который, несомненно, не понимает философских теорий и не читает книг, восхваляющих «просвещенный век», любит и желает удержать религию своих отцов. И этого желают все сторонники испанской партии, а также многие из тех, кто выступает на стороне независимости и кто не принадлежит к каким-либо партиям» 35. Это большинство, состоящее из верующих, могло бы всего достигнуть, если бы оно подпиралось мощной церковной организацией. Между тем, продолжает Муци, церковь развалилась. Почти не осталось епископов. Многие из них бежали, умерли, были отравлены или сосланы сторонниками независимости. На их места патриотическими властями были назначены губернаторы или провизоры епархиальных капитулов, их же едновременно лишают. Многие же места сельских куратов остались вакантными. Монастыри пришли в упадок. В политике господствует анархия, в экономике – полный упадок. С освобождением негров и индейцев никто не желает работать. «Если Испания не сможет прислать сюда большое войско, чтобы вновь отвоевать свои колонии, она ничего не добьется и беды Америки будут расти. Республиканцы, занимая такие огромные пространства, имеют слишком большие преимущества, тем более что их поддерживают многие англичане, французы и итальянцы, находящиеся у них на военной и гражданской службе».

Описывая положение церкви в Чили, Муци сообщает, что кафедральный собор был превращен патриотами в конюшню, а монастыри – в казармы. Монахи развращены, а миссионеры пораз-бегались. Церковные иерархи преданы испанскому монарху, хотя смотрели на Муци косо, ибо считали, что папский викарий назначался только к дикарям. Сельские капелланы готовы за церковные требы содрать с прихожан последнюю рубаху, церковники же обещают за деньги совершать заупокойные обедни, но этих обещаний не выполняют. Иногда один священник должен выполнять по 6 тыс. таких молитв, что физически невыносимо³⁶.

В другой записке «Новые наблюдения о религии в Южной Америке», написанной в Монтевидео и датированной 18 февраля 1825 г., Муци сообщает, что священник-патриот, член Национального конгресса в Буэнос-Айрес Х. В. Гомес внес предложение исключить упоминания бога в присяге, заменив его «честным словом», а его коллега священник Хулиано Агуэро предложил отменить безбрачие церковников и установить свободу культов. Двоюродный брат Х. Агуэро Мануэль Фернандес де Агуэро, тоже священник, профессор философии

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
буэнос-айресского университета, проповедует с кафедры атеизм п т. д. В театрах, кафе и других общественных местах к служителям церкви относятся как к двуличным фанатикам, спешащим к ложу умирающего с единственной целью завладеть его имуществом.

Далее в записке Муци пишет, что всюду, где правят сторонники независимости, религия уничтожается. Она исчезнет, если испанцы не вернутся к власти или бог не поможет иначе. С умилением вспоминает Муци иезуитские редукции в Парагвае. При иезуитах 1767 г. там была 141 тыс. индейцев, а теперь только 5 тыс. «Вот как Религия строит, а философия разрушает», – глубокомысленно заключает он³⁷.

Папский викарий задержался в Монтевидео в ожидании корабля, идущего в Европу, до 25 января 1825 г. Здесь Муци написал «Апологетическое письмо», в котором отрицал, что он действовал в интересах Священного союза, и всячески оправдывал свое поведение в Чили.

Испанский посол при папском престоле Т. Куртиос, ознакомившись с результатами миссии Муци, писал в Мадрид, что провал этой миссии, выразившийся в первую очередь в том, что он так и не сумел возвести кого-либо в епископский сан в Америке, «вместо того чтобы повредить Испании, принесет ей пользу, ибо всегда будут ссылаться на этот пример в случае каких-либо переговоров с мятежными американскими провинциями»³⁸. Что касается папы, то он был не в восторге от неспособности Муци укрепить авторитет Ватикана в новых республиках, хотя внешне это недовольство выразилось только в том, что по возвращении викария в Рим Лев XII не счел нужным даже принять его. По-видимому, этими настроениями воспользовался секретарь папской миссии Джузеппе Саллюсти, опубликовавший в Риме в 1827 г. четырехтомную историю деятельности миссии в Америке. «Муци, – писал Саллюсти, – отказываясь назначать епископов в Чили под предлогом, что это может быть истолковано как признание независимых правительств, нарушил данные ему папой инструкции». Пятый том этого сочинения был задержан папской цензурой из-за «неточностей», которые могли подорвать авторитет папского прелата³⁹. Следует отметить, что в 1827 г. папа Лев XII все-таки присвоил сан епископа Сьенфуэгосу, который вновь прибыл в Рим ходатайствовать о новых церковных назначениях. Правда, Сьенфуэгос стал епископом без епархии и предварительно был вынужден письменно отречься от всех своих еретических «ошибок» и вновь присягнуть на верность папскому престолу. И все же его возведение в епископский сан не могло не прозвучать как неодобрение деятельности Муци, хотя и выраженное с некоторым опозданием.

Лев XII осуждает патриотов

Дальнейшая политика Льва XII по отношению к Испанской Америке претерпела немало изменений. После того как в Испании либералы потеряли власть и Фердинанд VII вновь стал вершителем судеб в Мадриде, отношение Рима к патриотам вновь ожесточилось. Священный союз бряцал оружием, угрожая подавить «гидру революции». Поговаривали о неминуемой посылке крупной испанской армады в восставшие колонии. В Рим вновь вернулся испанский посол Антонио Варгас, доверенный человек Фердинанда VII, который – стал усиленно «давить» на Льва XII, требуя осуждения патриотов. Да и сам Лев XII, представлявший партию «зелянты», был рад такому повороту дел. По просьбе испанского монарха он довольно охотно согласился издать новую энциклику, направленную против движения независимости, хотя к тому времени почти во всех испанских владениях в Америке сторонники Фердинанда VII потерпели сокрушительное поражение.

Новая энциклика папы «Этси иам деу («Хотя нам») была подписана им 24 сентября 1824 г. и опубликована в Мадриде 10 февраля 1825 г. Она обращена к архиепископам и епископам Америки. В этом документе папа осуждал «бунтовщиков», т. е. патриотов. «Мы горько жалуемся, – писал папа римский, – наблюдая ярость и распутство злодеев и отмечая, как ширится зараза, распространяемая поджигательными книгами и брошюрами, в которых принижается, презирается и представляется одиозной церковная и светская власть, и, наконец, видя, как выползают из мрачного колодца, подобно саранче, эти хунты, образующиеся под покровом мрака и заключающие в себе, мы не сомневаемся утверждать это вместе с папой святым Львом, точно зловонная клоака, все, что было и есть самого кошунственного и

богохуль-ственого в еретических сектах». Обливая грязью борцов за независимость, папа в то же время восхвалял испанских колонизаторов. Он превозносил «великие и исключительные качества, характерные для нашего любимого сына Фердинанда, католического короля Испании, которому возвышенная и прочная добродетель позволяет заботиться в первую очередь не о блеске своего величия, а о религии и счастье своих подданных». Хотя в энциклике нет прямого осуждения идеи независимости, не подлежит сомнению, что в целом ее содержание направлено в поддержку испанского монарха и против патриотов. Энциклика содержала рассуждения о божественном происхождении монархического порядка и долге подданных повиноваться монархам. Но эти общие слова не удовлетворили Фердинанда VII. Ознакомившись с текстом энциклики, он обратился к Льву XII с просьбой дополнить ее прямым указанием американскому духовенству «призвать верующих тех владений к должному подчинению и преданности монархической власти и к единению с матерью-ро-диной, показав им с этой целью грустную картину многих и серьезных бедствий, выпавших на их долю из-за отделения, которые умножатся, если они будут проявлять упрямство». Лев XII увернулся от выполнения этой просьбы, воспользовавшись смертью испанского посла при Ватикане Варгаса, а Фердинанд VII, получив известие о разгроме своих войск в Аякучо (9 ноября 1824 г.) и о признании Англией независимости Мексики, Великой Колумбии и Объединенных провинций Ла-Платы, на ней не настаивал. Более того, Фердинанд VII поспешил опубликовать энциклику 10 февраля 1825 г. Статс-секретарь Сомалия, отвечая нунцию, сообщившему ему эту новость, писал: «Да поможет бог, чтобы она принесла результаты, соответствующие чистоте ее замысла. То, что произошло до сих пор, вовсе не обнадеживает, и есть основания ожидать, что, несмотря на ее очень умеренный тон, она не принесет пользы. Будьте в этом уверены» 40.

Папский нунций в Мадриде Джустиниани был ярким сторонником Фердинанда VII. По его мнению, энциклика не оказалась действенной потому, что была опубликована с большим опозданием. На это Сомалия ответил, что «оба участника борьбы», т. е. патриоты и испанцы, в равной степени с «изъяном» и что папскому престолу следовало «полностью отстраниться от всякого политического контакта, занимаясь с энергией и осторожностью только духовными вопросами» 41.

Переписка Сомалии с Джустиниани показывает, что если последний полностью разделал точку зрения Мадрида, то первый более трезво оценивал обстановку, создавшуюся в Америке, считая неизбежной победу патриотов, что, разумеется, не делало ни Сомалию, ни тем более Льва XII сторонниками независимости. Для них возникновение независимых государств в Америке было не меньшим бедствием, чем для Фердинанда VII. Правда, Фердинанд VII еще надеялся вернуть себе американские владения, а Сомалия и Лев XII уже не испытывали к тому временен подобной иллюзий и готовы были войти в сношения с новыми республиками, чтобы укрепить позиции церкви в новых странах. Речь шла о разнице в тактике между Ватиканом и Мадридом, а не о принципиальных разногласиях между ними.

Совсем иначе пытается представить тогдашний курс Ватикана иезуит Фурлонг. Для него Ватикан чуть ли не борец за независимость испанских колоний. С дешевым пафосом и вопреки им же самим приводимым фактам Фурлонг утверждает: «Никто из пап не осудил испаноамериканскую независимость, не намеревался осуждать ее, хотя испанский двор желал и добивался этого. Ни один из пап не говорил с презрением об испаноамериканских революционных движениях, не отзывался плохо о политических хунтах и конгрессах, действовавших или имевших место в 1810– 1825 гг. Ни один из американских предшественников движения независимости или его вождей, даже те из них, кто принадлежал к духовенству, не подвергся отлучению или даже критике за то, что они подняли креольское восстание или участвовали в нем» 42. И это при наличии папских энциклик 1816 и 1824 гг. и отлучении Идальго и Морелоса, не отмененного по сей день!

Энциклика вызвала волну возмущения и негодования среди патриотов, которые, однако, публично из тактических соображений не осуждали папу, а концентрировали все внимание на испанцах. Они утверждали, что энциклика была или фальшивой, т. е. сфабрикованной испанцами, или «обманом» получена ими у папы Льва XII. Такое мнение выразил, например, каноник Мигель Рамос Ариспи, министр юстиции и церковных дел в правительстве президента Мексики Гуадалупе Виктория, выступая в конгрессе в 1827 г. 43

Иначе реагировало на папскую энциклику колониальное духовенство. В Колумбии она вызвала антиправительственные выступления, среди происпански настроенного духовенства. Правительство Боливара – Сантандера весьма решительно реагировало на эти выступления. «Некоторые проповедники подверглись аресту и суду за свои подрывные речи, – писал бывший государственный министр этой страны и современник указанных событий Хосе

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
Мануэль Рестрепо. – Эти суровые меры умерили их пыл и нетерпимость, и они перестали возбуждать народ своими поджигательными проповедями» 44.

Чилийское правительство, получив сообщение о папской энциклике, направило 23 июля 1825 г. через государственного министра Хуана де Диас Виаль дель Рио ноту отстраненному от должности епископу Х. Родригесу-и-Соррилье с копией энциклики, требуя осудить ее или объявить фальшивкой. В противном случае правительство угрожало принять соответствующие меры. 25 июня Родригес ответил, что немедленно опубликует папский эдикт против энциклики, которую назвал ложной, фальшивой и апокрифической⁴⁵.

Пообещав со страху издать такой эдикт, Родригес стал тянуть с его опубликованием и в конечном счете своего обещания не выполнил.

В 1826 г. в Рим прибыл Техада, посланник правительства Колумбии, с целью добиться от папского престола дипломатического признания. По приказу церковных властей он был выслан из Рима. Но уже в следующем году папа, опасаясь «раскола» – образования национальной церкви в Колумбии, назначил епископов в этой республике. Вместе с тем он поспешил заверить Фердинанда VII, что, поступая так, заботился не только об интересах церкви, но и об интересах короля, ибо «религиозные связи есть единственное, что может вернуть выбившихся из колеи подданных (т. е. колумбийцев. – И. Г.) к вашему послушанию» 46.

Назначенные папой епископы были креолы, их кандидатуры одобрил предварительно Боливар. Последний воспринял этот акт Льва XII как победу дела независимости, тем более что в Мадриде он вызвал бурю недовольства. Фердинанд VII счел этот акт нарушением своего права патроната» 47.

Боливар не жалел похвальных слов в адрес папы, он стал говорить о союзе кадила со «шпагой закона», но эти его высказывания вовсе не означали, что он превратился в клерикала, «послушного сына церкви». Нет, Боливар всего лишь хотел и надеялся использовать влияние церковных иерархов в целях укрепления своей власти, а точнее, интересов независимости Колумбии, так как он их понимал.

Папству же понадобились еще долгие восемь лет для того, чтобы оно решилось на дипломатическое признание латиноамериканских республик. Это произошло в 1835 г. при Григории XVI. Папа пошел на такой шаг, надеясь укрепить идеологическое и политическое влияние Ватикана и церкви в Новом Свете. Немалую роль играли и финансовые соображения. Алчная римская курия потечет американское золото, которое в колониальное время шло в казну испанского короля. В 1824 г. посланец министра иностранных дел Мексики консерватора Лукаса Аламапа доминиканский монах Хосе Марчена сообщал из Рима: «Этот (т. е. папский. – И. Г.) двор самый худший в мире, он ожидает получить сокровища из Америки. Представитель папы (Муци. – Я. Г.), направившийся в Чили, и его сотрудники думают только о том, как бы побольше достать денег. Вы ведь знаете этих итальянцев» 48.

Гомес Лабрадор, испанский посол при Ватикане, сообщал своему правительству в 1831 г., что кардиналы высказывали надежду: «В случае признания указанных (латиноамериканских. – // И. Г.) правительств в папские владения потекут реки серебра в результате большого количества диспенсаций, индульгенций и услуг, необходимых этим странам. Надежда датарип (ватиканское финансовое ведомство. – И. Г.) получить эти поступления оказывает большое влияние на настроения даже тех кардиналов и прелатов, которые славятся своей скромностью и набожностью» 49.

Политику папы по отношению к борьбе за независимость испанских колоний в Америке следует рассматривать в свете положения папства в Европе. Враг французской революции, а затем, после разгрома Наполеона, глашатай легитимизма, реставрации и контрреволюции, папство всеми средствами боролось против демократизации в своих владениях, призывая на помощь австрийские и французские штыки, осуждало автономистские, национальные движения в Италии, Австрии, армян в Турции, стремление к независимости поляков, как об этом свидетельствует энциклика «Comprimus» от 9 июля 1832 г. Теперь церковники и эту энциклику считают фальшивкой⁵⁰.

Итак, лишь боязнь потерять свои позиции и желание вновь обрести источники дохода в бывших испанских колониях заставили Ватикан, да и то только 25 лет спустя после начала освободительного движения, признать латиноамериканские республики. Но и потом церковь в Латинской Америке продолжала опираться на сторонников Испании, на помещиков и плантаторов, на компрадоров и другие реакционные элементы, вдохновляя их на борьбу с прогрессивными силами. Таким образом, объективный анализ фактов подтверждает вывод американского историка Мечэма о том, что «нет чернее страницы в истории католической церкви в Америке, чем отношение церковной иерархии к движению за независимость»⁵¹. Иначе и быть не могло. Папство, враг демократии и прогресса, верный союзник мракобеса Фердинанда VII, и церковные власти в

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org колониях, служившие испанцам, были в числе непримиримых врагов независимости колоний. Попытки церковных апологетов опровергнуть эти не вызывающие сомнения факты основываются, как мы показали, на грубых фальсификациях и подтасовках.

Советский историк Л. Г. Крицкий пишет: «Страх перед демократическими преобразованиями в Испании и желание во что бы то ни стало сохранить свое политическое влияние и привилегии явились основными причинами отделения американской церкви от Испании, в результате чего ей удалось не только не потерять, но даже укрепить свои позиции в ходе освободительных войн благодаря отмене права патроната, принадлежавшего королевской короне. Американская церковь обрела полную независимость от государства» 52. Нам кажется, что такая точка зрения может быть отнесена главным образом к Мексике. В других же колониях Америки духовенство «отделилось» от Испании не по своей воле, а в результате побед патриотов над испанцами. Права патроната нигде официально не отменялись патриотами, и церковь, даже будучи отделенной от государства, никогда не находилась в «полной независимости» от него, ибо оно, как правило, всегда стремилось заставить церковь служить своим интересам. В свою очередь церковь была готова поддержать государство, если оно выражало интересы олигархии, реакции, и противилась служить государству, если его возглавляли демократические слои буржуазии. Вряд ли можно утверждать и то, что церковь вышла из горнила войны за независимость с укрепленными позициями. Скорее всего наоборот.

Враждебное отношение церкви к движению независимости подрывало ее авторитет в глазах верующих и показало им, чьи интересы в действительности она защищает. Церковь становилась политической партией, защитницей колониального строя и союзницей колонизаторов. Таким образом, как отмечает мексиканский историк Ф. Лопес Камара, критика колониального режима превращалась в критику духовенства, антиколониализм становился синонимом антиклерикализма⁵³. Так в Латинской Америке начало формироваться светское мышление, столь ненавистное церковникам, испанским колонизаторам и местной олигархии.

1 Furlong G. La Santa Sede y la emancipaci

2 Leturia P. de. Relaciones entre la Santa Sede e Hispanoam

3 Ibid., p. 109-110.

4 Furlong G. La Santa..., p. 64.

5 Ibid., p. 46, 71.

6 Leturia P. de. Relaciones..., p. 116, 149.

7 Amunategui M. L., Barros Arana D. La Iglesia frente a la emancipaci

8 Leturia P. de. Relaciones..., p. 137.

9 Ibid., p. 190.

° Ibid., p. 174-175.

1 Ibid., p. 176.

2 Ibid., p. 177-178.

3 Amunategui M. L., Barros Arana D. La Iglesia..., p. 13.

4 Ibid.: p. 11.

5 Vargas Ugarte R. El episcopado en los tiempos de la emancipaci

6 Amunategui M. L., Barros Arana D. La Iglesia..., p. 12.

7 Leturia P. de. Relaciones..., p. 206.

8 Amunategui M. L., Barros Arana D. La Iglesia..., p. 61.

9 Ibid., p. 24.

20 Ibid., p. 96, 100.

21 Ibid., p. 107. Испанцы отнеслись с подозрением к миссии Муци. Они задержали ее во время остановки на Балеарских островах, считая, что она должна была быть санкционирована Мадридом, в противном случае нарушалось право патроната.

22 Leturia P. de. Relaciones..., p. 215.

23 Amunategui M. L., Barros Aran

24 La Primera misi

25 Ibid., p. 231-238, 336.

28 Об этом сообщил дипломатический представитель Колумбии в Лондоне. В поте миссии от 12 марта 1825 г. колумбийскому государственному министру Мариано Эстаиье, содержащей данное сообщение, отмечалась необходимость прервать тайные сношения враждебных церковников ие только с Фердинандом VII, но п с папским престолом, находящимся в зависимости от держав, поддерживающих колониальные захваты Испа-ппи: Amunategui M. L., Barros Arana D. La Iglesia..., p. 27-28.

29 Ibid., p. 346-348.

30 Ibid., p. 340.

31 Vargas Ugarte R. Historia de la Iglesia en el Per

32 Ibid., p. 411. В записке «О том, почему апостолический вкарпй не мог остаться в Америке» (Монтевидео, 18 февраля 1825 г.) Муци эту же мысль

- Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org формулирует так: «Независимые американские правительства не преследуют другой цели, как подтвердить присутствием папского легата свою независимость. Исполнение его обязанностей они используют так, «будто верховный глава церкви признает их свободу» (Ibid., p. 531).
- 33 Ibid., p. 412.
 34 Ibid., p. 418.
 35 Ibid., p. 14.
 36 Ibid., p. 421, 430.
 07 Ibid., p. 509–510, 516, 519.
 38 Leturia P. de. Relaciones..., p. 56.
 39 Ibid., p. 323, 380–384.
 40 Ibid., p. 266, 275–277.
 Ibid., p. 277.
 42 Ibid., p. 121.
 43 Amunategui M. L., Barros Arana D. La Iglesia..., p. 46.
 44 Ibid., p. 75.
 45 Ibid., p. 67–69, 78.
 46 Ayarragaray L. La Iglesia en America y la dominaci
 47 Даже в 1830 г., когда Пий VIII попытался назначить епископов в Мексике, глава испанского правительства Хуан Мануэль Гонсалес Сальмон писал своему послу при папском престоле Лабрадору: «Если новые епископы Мексики будут возглавлять епархии его Величества, то король Испании сможет их уволить, когда вновь завоеет Новую Испанию. Кроме того, те, кто командует в Америке, смеются над религией и только хотят обманывать народ, представляя ему папу, назначающего епископов, как признающего независимость. О боже! Римский двор нам наносит такими действиями больший вред, чем объявление войны» (Leturia P. de. Relaciones..., p. 373–374).
 48 Cuevas M. Historia de la Iglesia en Mexico. Mexico, 1947, t. V, p. 171.
 49 Ayarragaray L. La Iglesia..., p. 297–298.
 50 Винтер Э. Папство и царизм. М.: Прогресс, 1964, с. 264–265.
 51 Lloyd Mechara J. Church and State in Latin America. Chapel Hill, 1934, p. 47.
 52 Крицкий Л. Г. Испанская церковь и роль католицизма в Латинской Америке в XVI–XIX веках. – Вопросы истории, 1973, № 4, с. 100.
 53 Лор
 Глава третья

КОНФЛИКТ ЦЕРКВИ С ГОСУДАРСТВОМ (Мексика)

Подписанное в 1820 г. в Кордобе соглашение креолов во главе с Итурбиде с испанцами фактически завершает войну за независимость Мексики. Но добытая высокой ценой человеческих жертв (в войне погибло около 600 тыс. жителей, или половина тогдашнего трудоспособного населения страны) независимость не принесла Мексике коренных социальных изменений по сравнению с колониальным режимом.

Компромисс патриотов с креольской верхушкой и колониалистами, повернувшимися спиной к «матери-родине», как они называли Испанию, после победы либеральной революции 1820 г. привел к тому, что власть в конечном итоге оказалась в руках помещиков, богатых негоциантов, церковных иерархов и генералов, воевавших ранее на стороне испанцев. Их кумиром стал Агустин Итурбиде, провозглашенный вскоре после кордобского соглашения императором. Однако он продержался у власти меньше года. Его казна была пуста, никто налогов не платил, а таможенные сборы ввиду контроля испанцами крепости Сан-Хуан-де-Улуа (они покинули ее лишь в 1829 г.) на подступах к Веракрусу фактически прекратились. В этих условиях можно было добыть нужные средства на покрытие нужд алчного двора «императора» и на оплату жалованья армии, насчитывавшей тогда около 80 тыс., только путем займов или конфискации. Итурбиде прибегал к тем и другим. Займами за огромные проценты его стали снабжать местные и иностранные, в основном британские, ростовщики; что касается конфискации, то император мог наложить руку на имущество илп'церковников, или «гачупинов» – испанских негоциантов и крупных колониальных чиновников. С церковью Итурбиде предпочел не ссориться, тем

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
более что план Игуала обязывал его сохранять неприкосновенными ее особые права. С испанцами же Итурбиде не особенно церемонился. Большинство их состояло из «бурбонистов» – сторонников Бурбонской династии, все еще лелеявших надежду па реставрацию испанского колониального господства. Обвинив наиболее видных «бурбонистов» в заговоре, Итурбиде конфисковал их собственность, но это не спасло его режим от падения. Вскоре против него восстали республиканцы во главе с креолом Антонио Лопес де Санта-Анной, служившим ранее, как и Итурбиде, в испанских войсках. В марте 1823 г. Итурбиде отрекся от престола и бежал в Европу. Годом позже он вернулся в надежде взять власть, но был схвачен и расстрелян.

Противоборство светского и церковного начал

Сразу же после провозглашения независимости Мексики встал вопрос о взаимоотношении новой власти с церковью, которая, как отмечает американский историк Г. Паркс, «вышла из войны за независимость с окрепшими силами и увеличившимися поместьями. Права патроната, в силу которого испанский король контролировал назначения на церковные должности, уже не существовало, так что церковь стала совершенно независимой от государства. Духовенство сохранило свой «фуэрос», согласно которым священников-правонарушителей судили только церковным судом. Духовенство по-прежнему было освобождено от налогов, а во время военной сумятицы приобрело новые земли и новые закладные...

Каждого политического лидера, касавшегося церкви хотя бы пальцем, встречали анафемой, отлучением от церкви, пророчествами о божьей каре и проповедью гражданской войны. Духовенство хотело не только сохранить свои доходы и привилегии, оно стремилось также бороться со свободой мысли, со светским образованием, со всем, что могло подорвать ту власть над массами, которую давали ему невежество и суеверие» 1.

Итурбиде п первый учредительный конгресс, созданный вскоре после провозглашения независимости, пытались определить взаимоотношения церкви п нового мексиканского государства. Еще будучи президентом регентского совета, Итурбиде обратился 19 октября 1821 г. к архиепископу Мехико испанцу Педро Фонте с вопросом: какой политики следует придерживаться новому правительству в деле назначений на вакантные посты церковных иерархов? Вопрос был принципиальный: во время испанского господства, согласно патронату, такие назначения делал от имени короля Совет по делам Индии и по его указанию вице-король. Фонте обсудил этот вопрос со своим капитулом и специально созданной хунтой епископов и сообщил следующее мнение церковной иерархии; 1) с провозглашением независимости право патроната, предоставленное папой испанской короне, перестало существовать; 2) для пользования этим правом мексиканское правительство должно получить санкцию папского престола; 3) до тех пор право назначения на церковные должности принадлежит исключительно капитулу каждой епархии.

Хотя Итурбиде провозгласил себя верным сыном католической церкви, обещал сохранить ее «фуэрос» п запретил исповедание другой веры на территории Мексики, он тем не менее как правитель не желал разделять свою власть с кем-либо и потому не мог согласиться с точкой зрения архиепископа Фонте и других церковных иерархов на патронат. Его министр юстиции и церковных дел и Комитет по церковным делам конгресса заявили, что право патроната принадлежит нации. Однако они согласились, что это должно быть юридически подтверждено заключением соответствующего конкордата с папским престолом, до подписания которого следует отложить новые церковные назначения. Для переговоров о конкордате конгресс постановил направить в Ватикан каноника Франсиско Пабло Васкеса.

Папский престол вовсе не спешил установить контакт с руководителями независимой Мексики. Как мы уже говорили, Пий VII и его преемник Лев XII активно выступали в поддержку испанской короны, осуждая стремление патриотов к независимости. После подавления в Испании революции 1820 г. Ватикан надеялся на «воскресение» испанской колониальной империи с помощью штыков Священного союза. Этим надеждам не суждено было осуществиться, и в конце 1825 г. вся Испанская Америка, за исключением Кубы и Пуэрто-Рико, обрела независимость, Ватикану потребовалось еще десять лет, чтобы освободиться от испанского влияния и установить официальные отношения с ведущими республиками Нового Света.

Что касается миссии Васкеса, то он прибыл в Рим только в 1825 г., после свержения Итурбиде. Папа отказался признать его дипломатический статус, и

Васкес покинул Вечный город. Он вернулся в Ватикан только в 1830 г. с требованием к папе назначить новых епископов в Мексике, которая оказалась без церковных иерархов (часть из них вернулась в Испанию, остальные умерли). Отсутствие в Мексике епископов² вынуждало будущих священников совершать длительную поездку в Нью-Орлеан, где местный епископ возводил их в сан. Васкес сообщил папе имена кандидатов, рекомендуемых самими церковными капитулами. Васкес не настаивал на признании Ватиканом мексиканского правительства. Более того, он соглашался, чтобы назначение исходило «*motu proprio*» (по собственной инициативе папы), а в тексте говорилось бы о «районах, называемых Мексикой». И хотя к тому времени происпанский пыл римской курии поубавился, папа Григорий XIV согласился назначить в Мексике только апостолических викариев или номинальных (*in partibus*) епископов, как это делалось обычно для колониальных владений. Когда возмущенный Васкес заявил о своем намерении вновь покинуть Рим, то папские чиновники его задержали, обещая переубедить папу. Григорий XIV вскоре умер, его преемник Пий VIII поспешил удовлетворить просьбу Васкеса, назначив «*motu proprio*» 5 епископов, в их числе был и сам Васкес, возведенный в сан епископа Пуэблы. В 1835 г. папский престол, наконец, признал независимость Мексики, но патронат никогда так и не был восстановлен, а конкордат не заключен. Церковь фактически была отделена от государства с той только разницей, что при консервативных правительствах она неизменно пользовалась своими «фуэрос», а при либеральных их лишалась. Однако и в том и в другом случаях церковники самостоятельно решали свои внутренние дела, в том числе назначения на духовные должности, выходя на прямую связь с папским престолом всякий раз, когда того требовали обстоятельства.

Тем временем события в Мексике после свержения Итурбиде развивались с калейдоскопической быстротой. Вповь был созван учредительный конгресс, распущенный Итурбиде. Новый конгресс выработал окончательный текст конституции. 4 октября 1824 г. была принята первая в истории Мексики конституция. Она провозглашала (ст. 4) «навсегда» католическую религию «религией мексиканской нации, запрещала исповедание любой другой и сохраняла традиционные для церкви «фуэрос». Наряду с этими реверансами в сторону церковной иерархии конституция наделяла государство правом «покровительствовать церкви путем создания мудрых и справедливых законов», заключать конкордаты, вводила «*placet*» (право государства осуществлять цензуру папских документов) и оставляла за государством право установить над церковью патронат. Кроме того, по конституции церковные иерархи не могли быть избранными в конгресс. Это вызвало с их стороны протесты, тем более что в конгрессе заседали несколько бывших священников, отрекшихся от сана и занимавших по отношению к церкви весьма враждебные позиции. Стремление независимой Мексики унаследовать права королевского патроната не могло привести в восторг церковных иерархов, хотя их волновала не столько возможность установления патроната, сколько судьба их движимого и недвижимого имущества. Последующие конфликты между церковью и государством в Мексике в основном возникали при попытках последнего секуляризировать имущество церкви.

Как уже было указано в нашей предыдущей работе³, католической церкви в Мексике принадлежала половина национального богатства страны. По подсчетам Хосе Марии Луиса Море, видного деятеля радикального крыла либеральной партии, в прошлом священника, церковь в 1832 г. владела капиталом в 180 млн. песо. Годовая рента с них доходила до 7500 тыс., 2/3 этой суммы расходовались на содержание 10 епископов и 177 каноников⁴. Это немалая цифра по сравнению с доходом государства, который составлял в то время около 10 млн. песо, а расходы почти наполовину его превышали. Шли они в основном на содержание армии, состоявшей из 5 тыс. солдат и 18 тыс. офицеров⁵.

По мнению Дж. Ллойда Мечэма, в результате покровительства креольской верхушки, в руках которой находилась (за немногими исключениями) власть на протяжении почти 30 лет после провозглашения независимости, и значительного уменьшения в эти годы числа священников, влияние и богатство церкви продолжали расти⁶. Между тем экономическое и политическое положение страны постоянно ухудшалось.

Креольские священники, участвовавшие в борьбе против испанского господства, или погибли, или отказались, подобно Море, от церковного сана. Очистившись таким образом от «мятежных» элементов, духовенство стало еще более реакционным, чем до войны 1810 г. Новые церковные иерархи – креолы были тесно связаны с олигархией не только финансовыми интересами, но и семейными узами. Они являлись, как правило, сыновьями или близкими родственниками крупных помещиков-асьендадов, интересы которых были им близки больше, чем интересы других социальных прослоек⁷.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

Мексика, как и другие латиноамериканские республики, освободившиеся от испанского гнета, оказалась на первых порах физически изолированной от остальных частей бывшей испанской империи, Европы и Дальнего Востока, ибо не располагала своим флотом. Росло напряжение и на северной границе страны: быстро развивающиеся агрессивные Соединенные Штаты открыто претендовали на захват мексиканских территорий. Если не считать пограничных областей, практически прекратилась внешняя торговля. Региональный сепаратизм проявлял себя не только из-за отсутствия сильной центральной власти, национального рынка, но и из-за полного упадка дорожного хозяйства, который делал зачастую невозможным посылку войск в ту или другую «бунтующую» провинцию⁸. Нельзя было недооценивать и возможность реванша со стороны испанцев, удерживавших Кубу и Пуэрто-Рико. Они готовили в Гаване мощный экспедиционный корпус для броска на континент. Мексиканцы помнили, что первые конкистадоры во главе с Эрнаном Кортесом тоже прибыли к ним из Гаваны. Действительно, в 1829 г. испанцы* высадились в Тампико, намереваясь повторить авантюру Кортеса. И хотя Санта-Анна разбил их и вынудил отступить, возможность нового возвращения колонизаторов не исключалась, тем более что они надеялись на поддержку влиятельной испанской колонии в Мексике, насчитывавшей около 80 тыс. человек. Испанская угроза заставила мексиканское правительство выслать всех испанских подданных из страны. И так как торговля в значительной мере находилась в их руках, то это привело к еще большей экономической неразберихе.

В 1835 г. Соединенные Штаты захватили мексиканский штат Техас, а в 1838 г. французы высадили вооруженный десант в Веракрусе,⁹ требуя немедленной уплаты долгов. Это вынудило агрессивной войны захватили больше половины территории Мексики. Но на этом ее беды не закончились. В начале 1862 г. Англия, Испания и Франция предприняли военную интервенцию в Мексику. Вскоре Наполеон III попытался превратить страну во французскую колонию, навязав ей в качестве императора своего ставленника – австрийского эрцгерцога Максимилиана. Война против оккупантов продолжалась до 1867 г., когда французы и их союзники – местные олигархи и клерикалы – потерпели решительное поражение.

Эти события развивались на фоне многочисленных военных переворотов – пронунсиаменто, заговоров, восстаний. Их было более 200 за 35 лет, прошедшие после провозглашения независимости. Только один президент – Гуадалупе Виктория смог удержаться у власти в течение положенного ему конституцией срока, а другой – Хосе Хаокин де Эррера мирно уступил бразды правления своему преемнику. Остальные были насильственно свергнуты, а два правителя – Итурбиде и Герреро казнены. За этот срок страна четырежды меняла конституцию – централист-скую на федеративную и обратно. Между 1828 и 1867 гг. форма правительства менялась 8 раз, а власть – 37 раз. Главным персонажем этого 35-летия был генерал Антонио Лопес де Санта-Анна, участвовавший в казни Итурбиде и борьбе против испанского десанта в 1828 г. Он попеременно находился у власти с 1833 по 1855 г. (11 раз был президентом Мексики).

«Со своим талантом к составлению планов и к организации мятежей, – писал о нем американский историк Г. Паркс, – со своей страстью к пышным зрелищам и позерству, со своей любовью к красивой внешности и своим непониманием реальной действительности, со своим легкомыслием и нечестностью, со своими чрезмерными претензиями и поразительным невежеством он был олицетворением всех тех пороков, которым более всего были подвержены мексиканские политики. Выразитель алчности генералов и ажиотистов, изменявший всему, за что он брался, Санта-Анна до конца своей жизни проявлял своеобразную мальчишескую несдержанность. Придя к власти, он украшал себя титулами и орденами, совершал бесстыдные набеги на казну, увлекался любовными похождениями, служившими предметом вульгарных сплетен, путешествовал повсюду, даже в походах, в сопровождении клеток с боевыми петухами и предавался унынию при каждой неудаче. Поэтому, несмотря на то что он четыре раза достигал диктаторской власти и четыре раза был свергнут, он умер, покинутый и одинокий, в Мексике, забывшей о его существовании»⁹.

Следует ли удивляться, что именно этот беспринципный авантюрист стал лидером блока помещичьих олигархов, церковных иерархов и высших армейских чинов? Этот ультраконсервативный блок, к которому вскоре примкнули «бурбонисты», стремился установить в стране сильную диктаторскую власть со старыми колониальными привилегиями («фуэрос»). Ему противостояли либералы – умеренные (модерадос) и крайние (пурос). Первые, пользовавшиеся поддержкой «просвещенной» части помещиков и крупной буржуазии, выступали сторонниками секуляризации церковных земель и ограниченных реформ. Крайние же требовали отделения церкви от государства, национализации церковной собственности и ликвидации всех «фуэрос», введения системы парламентской демократии и федеральной формы правления. Многие консерваторы и либералы являлись

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

членами масонских лож: первые – шотландского ритуала, которых поддерживал английский посланник в Мексике, вторые – Йоркского, связанного с США, оказывавшими на либералов определенное политическое влияние 10.

Хотя в целом церковники не только не возражали против масонских лож, но и самп в них участвовали, некоторые иерархи выступали с их резким осуждением. Так, епископ Антонио Хоакин Перес из Пуэблы в пасторском послании 20 ноября 1828 г., ссылаясь на авторитет пап Климента XII, Бенедикта XIV, Пия VII, осудил секретные общества и участие в них духовенства: «Но ни одно из зол, которое мы осуждаем, не возмутило нас больше, чем скандал, вызванный служителями бога, мира и примирения в рядах верующих не только их участием в секретных обществах, но и тем, что они занимают в них руководящие должности, учреждают их филиалы в городах и проявляют свое моральное и религиозное разложение до такой степени, что с амвона пытаются освятить масонские ложи. Они игнорируют, что абсолютно все ложи, какое бы ни было их название, их принципы, их нелепые обряды, – запрещены, осуждены и отвергаются под угрозой строжайшего отлучения, за исключением на смертном одре (*in articulo mortis*), по повелению верховного викария Иисуса Христа» п. Но эти отлучения уже никого не пугали в Мексике. Масонские ложи продолжали направлять деятельность как консерваторов, так и либералов.

В 1833 г. на смену консервативному правительству к власти пришел лидер крайних врач Валентин Гомес Фариас. Президентом был избран Санта-Анна, а вице-президентом – Гомес Фариас. Но Санта-Анна, сославшись на болезнь, удалился в свое поместье, оставив Гомесу Фариасу бразды правления. Казна была пустой, и правительство могло раздобыть нужные средства или залезая дальше в долги, или конфискуя капиталы и имущество церкви. Последнее больше привлекало либералов, которые надеялись таким образом не только пополнить государственную казну, но и ослабить одного из самых могущественных союзников консерваторов. Возможно, Санта-Анна, зная об этих настроениях либералов и не желая компрометировать себя перед правыми, ушел в тень, чтобы предоставить своему вице-президенту свободу действий в отношении церкви. Гомес Фариас воспользовался этой возможностью и провел первую в истории Мексики серию законов, лимитировавших как экономическое могущество церкви, так и ее пресловутые «фуэрос».

Гомес Фариас возглавлял правительство в течение года. За этот сравнительно короткий срок он осуществил, по словам Дж. Ллойда Мечэма, целую «оргию реформ» 12, в первую очередь антиклерикального характера. Одним из его ближайших сотрудников был Хосе Марпя Лупе Мора, бывший священник, отказавшийся от сана, блестящий публицист и непоколебимый сторонник отделения церкви от государства» 13.

Мора требовал ликвидации сословных привилегий, выступая за преобладание гражданского права («фуэро» комун) над сословным. «Сословный дух» ослабляет, разрушает «национальный дух», утверждал Мора. Наличие привилегированных сословий препятствует национальному единству, образованию и укреплению мексиканской нации. Отделение церкви от государства Мора мотивировал необходимостью ослабить влияние духовенства, считая его антидемократичным по своей сущности. «Духовенство, – писал Мора, – ненавидит религиозную терпимость и свободу мысли и печати, ибо эти принципы и созданные на их основе учреждения являются таковыми, что уничтожают или подрывают его господство над умами людей. Духовенство презирает равенство перед законом, устраняя особые привилегии иерархии... Духовенство противится светскому статусу граждан, ибо это лишает его влияния на основные моменты в жизни граждан – рождение, брак и смерть, а вместе с тем и контроля над семьями» 14.

Как отмечает Н. С. Ларин, законы, принятые в 1833–1834 гг, правительством Гомеса Фариаса, можно подразделить на три группы: а) ликвидация феодальных привилегий духовенства («фуэрос»); б) разрешение вопроса о выплате национального долга на основе секуляризации церковной собственности; в) реформа системы народного образования¹⁵.

17 августа 1833 г. конгресс ликвидировал власть церковных миссий в Верхней и Нижней Калифорнии. Собственность миссий была конфискована и роздана местным фермерам. Вместо миссий устанавливались приходы, содержание которых взяло на себя государство, гражданскими делами ведали местные власти. Вслед за этим была национализирована собственность филиппинских миссий¹⁶, располагавших в Мексике поместьями и недвижимостью, а вскоре собственность по остальным миссиям, действовавшим на территории Мексики.

Гомес Фариас покончил с церковной монополией на просвещение. Он закрыл церковный колледж св. Марии и так называемый папский университет в Мехико, преподавание в которых контролировалось церковниками. Их собственность была конфискована и передана впервые созданному в Мексике правительственному департаменту народного просвещения, которому было поручено организовать светскую школьную сеть. Гомес Фариас основал первую национальную

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org библиотеку, открыл две учительские семинарии, школу для ремесленников.

27 октября 1833 г. конгресс принял закон, отменявший принудительную оплату десятины. До сих пор правительство собирало по этой статье около 2,5 млн. песо в год, из них 9/ю шло на жалование церковникам, Vio – сборщикам. Теперь эти средства могли пойти на развитие экономики страны. Отмена десятины вызвала резкие нападки церковников на правительство. В ответ министерство юстиции запретило духовенству выступать с амвона по политическим вопросам.

6 ноября того же года правительство разрешило монахам и монахиням возвращаться в светское состояние, что церковь считала кощунством, а испанские колониальные власти строго ка* ралш

Декретом от 3 ноября 1883 г. правительство вернуло себе право патроната, отменив закон президента Анастасио Бустаманте от 16 мая 1831 г. об отказе от патроната как нарушающий конституцию 1824 г. и права нации. Таким образом, замещение церковных должностей впредь могло осуществляться только с согласия правительства, а деятельность приходов ставилась под контроль местной гражданской власти. Другим декретом – от >17 декабря 1883 г. – было предписано епископам назначать на все вакантные места священников только с предварительного согласия властей, что соответствовало праву патроната. Епископы отказались подчиниться. В письме Гомесу Фариасу они настаивали, что правительство без согласия на то папского престола не может претендовать на право патроната.

22 апреля 1834 г. правительство предписало епископам в 48 часов выполнить требование о назначении священников на имеющиеся вакансии или незамедлительно покинуть страну. Некоторые из них подчинились, а другие ушли в подполье, начав готовить заговор против правительства. Между тем власти продолжали свою реформаторскую деятельность. Было запрещено создание религиозных корпораций (в частности, новых монашеских орденов), регистрация всех актов гражданского состояния (рождение, браки, смерть) изымалась из ведения церкви и передавалась государству. Правительство предложило национализировать церковную собственность на сумму 15 млн. песо, равную приблизительно тогдашнему годовому бюджету государства. Но предложение не было одобрено конгрессом, который тем не менее объявил незаконной фиктивную продажу или передачу церковной собственности подставным лицам, чем занималось духовенство в широких масштабах с целью сокрытия церковного имущества.

Если бы реформаторская деятельность Гомеса Фариаса ограничилась только стремлением отделить церковь от государства, то, возможно, ему и удалось бы удержать власть на более длительный срок. Но когда он попытался лишить и военных их «фуэрос», сократить численность армии и упразднить использование армией наемников, восстания и заговоры против него под лозунгом «Да здравствует религия и „фуэрос“!» приняли всеобщий характер. Этим воспользовался неожиданно «выздоровевший» Санта-Анна. Он поддержал мятежников и сместил Гомеса Фариаса, ставшего к тому времени для церковников самой ненавистной фигурой в стране. Они называли его Иудой, «Бешеным» (Фуриас) и прочими нелестными прозвищами, хотя Гомес Фариас был активным верующим. Санта-Анна, вернувшись к власти, выслал из страны своего вице-президента и его ближайших соратников.

В правительстве Санта-Анны, в которое вошли представители клерикалов и консерваторов, пост министра юстиции и церковных дел занял епископ из Мичоакана Хуан Кастаньо Португаль.

Сапта-Анна отменил все антиклерикальные законы и декрет! своего предшественника. «Фуэрос» были возвращены как духовенству, так и военным. Церковники справляли по этому поводу торжественные молебны, провозглашая Санта-Лнну «спасителем». Их излюбленным кличем стал «Да здравствует религия и святейший Санта-Анна!» Получая от духовенства 40 тыс. песо в месяц на «богоугодные» дела, Сапта-Анна не скупился на дифирамбы в адрес церкви. Поражение либералов в 1834 г. Н. С. Ларин объясняет «их крайней нерешительностью в борьбе с клерикалами, боязнь опереться на народные массы, страхом перед необходимостью обратиться к вооруженной борьбе. Имея подавляющее большинство в конгрессе, пользуясь поддержкой мелкой и средней буржуазии города и деревни, а также симпатиями широких народных масс, Гомес Фариас мог бы отстранить Санта-Анну, сосредоточить в своих руках всю полноту власти и довести до конца намеченные реформы. Слабость и неорганизованность мексиканской буржуазии предопределили нерешительность и непоследовательность Гомеса Фариаса» 17.

Конечно, Гомес Фарнас мог попытаться сместить Санта-Анну, но к тому времени политическое лицо этого деятеля еще не вполне определилось, Гомес Фариас ему доверял и поэтому не предпринимал против него каких-либо решительных действий. Более того, несмотря на предательство Санта-Анны, Гомес Фариас некоторое время спустя вновь выступит с ним вместе на выборах. Нет

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

оснований упрекать Гомеса Фариаса и в нерешительности в борьбе с клерикалами, в боязни опереться на народные массы или обратиться к вооруженной борьбе. Скорее всего главная слабость его и его единомышленников заключалась в отсутствии политического опыта, в слишком большой уверенности в своей правоте и силе, в недооценке реакционного влияния церкви на широкие слои верующих и роли армии, точнее, ее склонного к мятежам и грабежам офицерства. Политический опыт поражения научит левых либералов (пурос) действовать в будущем и более решительно, и более осмотрительно – смотря по обстоятельствам.

Клерико-консервативная эйфория по случаю свержения ненавистного для реакционеров правительства Гомеса Фариаса длилась недолго. Вернув церкви все ее прежние привилегии, Санта-Анна все-таки постарался сохранить за собой право патроната, и это не могло не озлобить его недавних поклонников из числа церковников. Не желая вступить с ними в конфликт, Санта-Анна вновь отказался от президентского поста и удалился в свою асьенду «Манга де Клаво» в провинции Веракрус. Но и последующие президенты (генерал Мигель Баррагап, пришедший к власти в 1835 г., и Анастасио Бустаманте – в 1837 г.) настаивали признать за государством право на церковные назначения. Церковники пытались подкупить Бустаманте, предоставив ему заем в 750 тыс. песо. Инство получили либералы. Экономическое положение между тем продолжало оставаться критическим. В 1838 г. Мексика обязалась выплатить Франции 6000 тыс. песо в качестве компенсации за потери, которые якобы понесли французские подданные в результатах гражданских войн. Пополнить казну можно было только за счет церковных капиталов. На этом настаивали левые либералы в конгрессе. Под давлением церковников и других реакционных элементов Санта-Анна разогнал конгресс, присвоив себе диктаторские полномочия. Новая конституция – «Органические основы» – подтвердила церковные и военные «фуэрос», объявила католическую религию государственной, хотя зарезервировала за государством право на церковные назначения и на заключение конкордата. Вскоре, однако, Санта-Анна был вновь свергнут, и власть перешла к умеренным либералам.

Между тем отношения Мексики с США продолжали обостряться. В 1845 г. американский конгресс официально присоединил Техас к США. Этим воспользовались консерваторы. Они заручились поддержкой генерала Паредеса. Он командовал 6-тысячным корпусом, который должен был из Сан-Луиса-де-По-тоси направиться на север для охраны мексиканской границы. Вместо этого Паредес двинулся на столицу и вскоре свергнул правительство либералов. Мятежная хунта во главе с архиепископом Посадой провозгласила его президентом. Он в свою очередь назначил епископа Чиапаса министром юстиции и церковных дел. Приходом к власти Паредеса воспользовались США: без объявления войны они вторглись в пределы Мексики, стремясь на этот раз захватить Калифорнию и другие северные штаты страны. Продвижение американских войск в глубь Мексики выявило полную несостоятельность Паредеса оказать им успешное сопротивление. Его сторонники, вместо того чтобы мобилизовать население на борьбу с североамериканским агрессором, вынашивали планы вновь объявить Мексику монархией и возвести на трон одного из Бурбонов, что, как они надеялись, обеспечит стране помощь Испании и Франции. Паредес был вынужден просить церковь вносить в казну государства 200 тыс. песо в месяц. Но церковники сочли, что их клевет просит слишком много. Архиепископ согласился дать ему всего лишь 98 тыс. песо. В августе 1846 г. клерикалы свергли Паредеса и захватили власть, но и на этот раз они не смогли обойтись без помощи Санта-Анны, все еще пользовавшегося влиянием в армии. Санта-Анна находился в бегах в Гаване, где ему покровительствовали испанцы. Чтобы вернуться в страну, ему нужно было преодолеть американскую блокаду у берегов Мексики. Санта-Анна не постеснялся вступить в контакт с американским президентом Полком, которому обещал за пропуск в Мексику и за 30 млн. долларов уступить мексиканскую территорию, на которую претендовали США. Вернувшись благодаря такой сделке в Мексику, Санта-Анна в декабре 1846 г. был вновь избран президентом, а его вице опять стал Гомес Фариас. И снова правительство возглавил последний, а Санта-Анна на этот раз стал во главе армии, которая должна была остановить вторжение американских войск в страну. Для содержания и оснащения армии требовались деньги, которые имелись только у церковников. Но, как отмечает Паркс, «духовенство молилось за победу Мексики и устраивало религиозные процессии, но оно и слышать не хотело о том, чтобы пожертвовать на войну часть своих денег» 19.

Однако у правительства не было иного выхода, как наложить руку на церковное имущество, с чем согласился и хитрый Санта-Анна. 11 января 1847 г. конгресс после жарких дебатов одобрил закон о займе под ипотеку церковного имущества на сумму 15 млн. песо. Этот закон вызвал, как обычно, бурю сопротивления, и часть духовенства, пишет Паркс, стала более доброжелательно относиться к

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

американцам в надежде, что они, даже завоевав Мексику, оставят в неприкосновенности церковные поместья. Архиепископский капитул отказался подчиниться закону от 11 января. Церковники объявили, что все, кто будет причастен к его выполнению, будут отлучены. Но Гомес Фариас не испугался и издал декрет об осуществлении закона. Из сундуков церкви были извлечены 1,5 млн. песо. Тогда церковники вновь обратились за помощью к армии. Они предложили Санта-Аине 2 млн. песо, и он вновь предал Гомеса Фариаса. В свою очередь столичное ополчение, призванное защищать родину от американцев, решило вместо этого защитить церковь от пурос. Несколько креольских полков восстали против Гомеса Фариаса²⁰. Его правительство пало²¹, и вскоре президентом (в который уже раз!) вновь был провозглашен Санта-Анна. Тем временем американские захватчики оккупировали Веракрус. Теперь агрессор стал наступать на столицу не только с севера, но и с востока. Американский главнокомандующий Уинфилд Скотт, не без основания рассчитывая найти в лице духовенства союзника, в своих обращениях к населению заверял, что оккупанты являются друзьями их «святой религии и ее священников». Духовенство относилось к американским агрессорам весьма благожелательно. «Захватчик, – отмечает мексиканский историк Галарса, – был почетным гостем в роскошных дворцах церковной знати и желанным участником ее пышных банкетов»²². Церковные иерархи состояли в заговоре с секретным агентом правительства Соединенных Штатов Мозером Дж. Бигемом, подготавливая сдачу столицы американцам. Пуэбла была взята без боя благодаря предварительному соглашению с мексиканской церковной иерархией²³. Предательское поведение духовенства, консерваторов и Санта-Аппы, получавшего денежные подарки от Скотта, привело к победе захватчиков и отторжению в пользу США большей части территории Мексики. Санта-Анна, пытавшийся всех обмануть, незадолго до конца войны был свергнут с поста президента. После прощального банкета, данного в его честь американскими офицерами, этот мексиканский фигаро покинул страну. На этот раз он обосновался в Венесуэле, где приобрел поместье.

По настоянию США 12 февраля 1848 г. в г. Вилья-де-Гуа-далупе-Идальго мексиканцы подписали мирный договор. «По-видимому, – считает мексиканский историк М. Хиль, – мексиканским католикам хотели внушить, что гуадалупская божья мать санкционировала подобное унижение и прикрыла его своим покровом»²⁴.

В годы правления президента Хосе Хоакина Эрреры (1848– 1851) церковь продолжала паразитовать свои богатства, пользуясь покровительством властей. 16 апреля 1850 г. Эррера издал временный закон, согласно которому церковные должности замещались путем выдвижения капитулами трех кандидатов, из которых один представлялся правительством папе римскому на утверждение. Церковники высказались против этого закона, но подчинились ему, а папа Пий IX впервые согласился утвердить назначение со ссылкой на предложения мексиканского правительства.

Эрреру, закончившего положенный ему конституцией срок пребывания у власти, сменил умеренный либерал Мариано Ари-ста. В начале 1852 г. он был свергнут реакционным блоком помещиков, церковников и ажиотистов, которые призвали на президентский пост все того же Санта-Анну, действовавшего по указке лидера правых Лукаса Аламана (он умер в июне 1853 г.) – министра иностранных дел в его правительстве. Сан-та-Анна вернул иезуитов в Мексику, возвратил им ранее конфискованную собственность, отменил декрет от 6 мая 1833 г., разрешавший монахам возвращаться в светское состояние, освободил церковников и латифундистов от налогов, начал переговоры с Ватиканом о заключении конкордата. Армия при нем достигла 90 тыс. человек. Для обучения солдат были приглашены испанские и прусские офицеры. Всем им нужно было платить, если «заслуженный сын родины», его «верховное высочество», как именовал себя Санта-Анна, хотел усидеть в президентском кресле. Чтобы добыть деньги, Санта-Анна установил новые налоги (на двери, окна, домашних животных и т. д.) и запродавал за 10 млн. песо США граничащую с ними территорию, известную под названием Ля-Месилья размером около 120 тыс. кв. км.

Но ни новые налоги, ни эта сделка не спасли Санта-Анну от нового падения. На этот раз он был свергнут не в результате пронунасиампто, а как следствие мощного повстанческого движения, в котором приняли участие богатые фермеры (ранче-рос), городская буржуазия, разночинцы, патриотически настроенные военные и широкие крестьянские массы. Это движение, известное под названием революции Реформы, или Айютли (по названию города в штате Герреро, где на совещании группы военных было принято решение о выступлении против Санта-Анны), превратилось в первую после завоевания независимости буржуазную революцию.

Реформы Хуареса

Все эти годы шла, почти не прекращаясь, борьба за власть между сторонниками революционных преобразований (реформ), целью которых было создание буржуазно-демократической республики, и их противниками – олигархами, аристократами, реакционными генералами и церковниками, объединившимися в 60-х годах с французскими интервентами, которые пытались навязать мексиканцам императора в лице своего ставленника австрийского эрцгерцога Максимилиана. Война между этими лагерями продолжалась с переменным успехом, пока не закончилась победой сторонников реформ. В центре стоял вопрос об отделении церкви от государства, отчуждении церковной собственности, лишении церкви и военных «фуэрос». Противники реформаторской деятельности Бенито Хуареса и его сторонников объясняют ее антиклерикализмом, а также масонством, фанатической ненавистью к церкви, якобы присущими вождям революции. Так, Мюррей считает, что целью мексиканских сторонников отделения церкви от государства было уничтожение католической церкви, что за их спиной действовали и масоны США; он даже бросает тень на Гомеса Фариаса, будто тот приветствовал присоединение Мексики к США, а Максимилиана и Шарлотту обвиняет в принадлежности к масонству и в вольтерьянстве. Мюррей утверждает, что принятие конституции 1857 г. вызвало гражданскую войну, разорение, иностранную интервенцию и дальнейший материальный и духовный упадок мексиканской нации, которая столь обнадеживающе возвестила свободу в 1810 г. и достигла ее в 1821 г.²⁵

Подобными утверждениями клерикалы пытаются затушевать связь церкви с олигархией, ее стремление воспрепятствовать развитию Мексики по пути демократических, в основном буржуазных, преобразований. Они умалчивают о том, что стремление лишить церковь ее привилегированного положения и подчинить государству было свойственно не только Хуаресу и его сторонникам в Мексике: оно проходит через современную историю всех без исключения христианских государств как Европы, так и Латинской Америки. Оценивая деятельность Хуареса и его сторонников, было бы ошибочно сводить ее только к антиклерикализму, как это утверждают правые историки. Стремление левых либералов ограничить права церкви вовсе не являлось самоцелью, а должно было содействовать созданию современного светского общества с парламентской формой правления при соблюдении демократических свобод. Этого было довольно трудно достигнуть как в Мексике, так и в других республиках Латинской Америки, в частности, из-за отсутствия в колониальный период представительных институтов, которые могли служить прообразом для последующих демократических учреждений. Даже феодально-олигархическая прослойка колониального общества фактически была лишена каких-либо прав. В самой Испании подобная прослойка опиралась на кортесы и муниципалитеты, в колониях же она могла использовать только кабальдо (городское самоуправление), да и то лишь после 1790 г., когда они обрели некоторую самостоятельность от вице-королевской власти. Оставались только церковь и армия, точнее, колониальное ополчение, через которые эта прослойка могла себя проявить, завоевав определенные политические позиции, что она и делала.

В результате церковь и армия в Мексике оказались сильнее после 1821 г., чем они были до 1810 г. Поэтому левые либералы, чтобы окончательно порвать с колониальными пережитками и открыть путь буржуазному развитию, были вынуждены лишить обе эти силы прав и привилегий²⁶. Конфликт государства с церковью следует рассматривать в свете противоречий между буржуазией и олигархией. Винить сторонников отделения церкви от государства в том, что их действия явились причинами гражданских войн, иностранных интервенций и неисчислимых бедствий для Мексики – значит пытаться переложить вину с больной головы на здоровую: ведь инициаторами гражданской войны, сопутствовавшей революции Реформ, и пособниками французских интервентов были сами церковники и их союзники из лагеря олигархии²⁷.

Деятели революции Айюотлп в меньшей степени, чем другим буржуазным реформаторам, был свойствен антиклерикализм в смысле отрицания религии и желания «ликвидировать» церковь, что тоже приписывают им противники. Руководители революции, за очень немногими исключениями, провозглашали себя верующими, крестили своих детей, выполняли другие церковные обряды, подчеркивали необходимость и пользу религии для общества.

В этой связи Висенте Ломбардо Толедано писал: «Кто вел революционную войну за независимость? Мексиканцы, мексиканцы-католики. Кто руководил борьбой за

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

отделение церкви от государства? Кто гарантировал свободу совести? Кто же, как не творцы конституции 1857 г.! Бенито Хуарес верил в бога, был католиком, и массы, шедшие за ним... тоже были католиками» 28.

Вместе с тем руководители Реформы противопоставляли христианство «незаконным интересам духовенства». Для них Реформа основывалась на «евангельских максимах». Хуарес утверждал, что «божественная воля» проявляла себя в пользу демократии 29.

«Реформисты» считали, что церковь должна стоять вне политики, заниматься только «духовными» вопросами, не иметь особых прав, не концентрировать в своих руках материальные богатства. Их программа в церковном вопросе смыкалась с идеологами французской революции 1789 г. и протестантизма. После почти двух лет вооруженной борьбы против Санта-Анны в октябре 1855 г. было сформировано первое правительство из сторонников реформ во главе с генералом Хуаном Альваресом, участником войны за независимость, в котором ведущее место занял Бенито Хуарес, министр юстиции и церковных дел. 28 ноября того же года, вскоре после освобождения столицы, правительство Альвареса опубликовало закон о судопроизводстве (известен как закон Хуареса), лишивший церковные и военные суды права рассматривать гражданские дела. Духовенство было также лишено избирательных прав.

Закон Хуареса вызвал резкую оппозицию со стороны как церковников, так и многих генералов. Архиепископ Мексики де ла Гарсиа-и-Бальестерос не только отказался признать его, но угрожал отлучением всякому, кто ему подчинится. Под лозунгом «Да здравствует религия и „фюзрос“!» в стране начались реакционные выступления. Не выдержав напора со стороны ультраконсервативных элементов, правительство Альвареса, в котором преобладали пуэрто, ушло в отставку, уступив место умеренным во главе с Комонфортом. Хуарес сохранил на некоторое время министерский пост и в этом правительстве. Однако вскоре Комонfort назначил его губернатором штата Оахака. Расценив эти перемены как ослабление позиций либералов, церковники в союзе с олигархами и реакционными генералами подняли мятеж в Пуэбле. Правительству удалось подавить восстание. Собственность местного епископата была временно конфискована и использована для оплаты потерь, понесенных жителями города от действий мятежников, а епископ Пуэблы Антонио де Лаба-стида-и-Давалос подвергся аресту и высылке из страны.

18 февраля 1856 г. начал свои заседания Учредительный конгресс, состоявший из левых и умеренных либералов с некоторым преобладанием первых. Его почетным председателем был избран Гомес Фариас. Конгресс утвердил закон Хуареса (только при одном голосе против!), вновь запретил орден иезуитов, отменил административное принуждение при сборе церковной десятины. Пока конгресс выработывал новый текст конституции, правительство Комонfortа издало два новых антицерковных закона. Первый от 25 июня 1856 г., названный законом Лердо (по имени министра финансов Мануэля Лердо де Техада), ликвидировал церковную собственность. Он был с одобрением встречен в учредительном парламенте. За него проголосовали 84 депутата, против – 8. Согласно закону Лердо, церковное имущество (земельная собственность и городская недвижимость) подлежало продаже в трехмесячный срок с преимущественным правом приобретения лицами, арендующими его. Стоимость собственности определялась размером ренты, которая приравнивалась к 6% дохода от капитала. Принятие закона Лердо правительство мотивировало тем, что «одним из самых больших препятствий на пути процветания и возвеличения нации является тот факт, что большая часть недвижимой собственности – этой основы общественного богатства – не находится в сфере свободного обращения» 30.

О своем желании приобрести имущество, церковную собственность, ее арендатор должен был заявить в трехмесячный срок. В противном случае духовенство было обязано продать ее любому лицу в этот же срок, как и имущество, не находившееся в аренде. В случае отказа духовенства подчиниться имущество продавалось с торгов. Вырученные деньги передавались церкви после отчисления в государственную казну соответствующего налога. Закон рекомендовал использовать этот налог для финансирования сельскохозяйственных, промышленных и других предприятий. Таким образом, закон Лердо вовсе не являлся «грабежом» церкви, как утверждают клерикальные историки, а предоставлял ей за отчужденное имущество справедливую компенсацию – капитал, проценты с которого продолжали обеспечивать ее немалыми доходами.

Одновременно, согласно закону Лердо, подлежали продаже и общинные земли индейцев. В отличие от арендаторов церковного имущества индейцы не обладали необходимыми капиталами, в результате чего их земли в конечном итоге оказались в руках богатых скупщиков, помещиков, ажиотистов, что привело к еще большей зависимости индейского крестьянства от земельной олигархии. Паркс отмечает, что церковные земли, раздел которых запрещался, попали

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

главным образом в руки богатых «новых креолов» англосаксонского, французского и германского происхождения, которые вскоре заняли влиятельное положение в мексиканском обществе. Что же касается общинных земель индейцев, то их за ничтожные суммы скупали в основном метисы. Непосредственным результатом этого был ряд восстаний индейцев в центральных провинциях. Оказавшись перед угрозой объединения аборигенов с реакционерами, правительство приостановило продажу общинных земель и пыталось передать их в индивидуальное пользование земледельцев. Но эта попытка превратить индейцев в крестьян-собственников не сопровождалась никакими мерами для их защиты от алчности метисов. Оказалось, что новых индейцев-собственников легко заставить продать свою землю за бесценок³¹. Закон Лердо ликвидировал также важнейшее церковное финансовое учреждение – Трибунал по делам завещаний и богоугодных дел, в руках которого находилась вся кредитная система Мексики. После его ликвидации в стране стали возникать современные банки. Первый из них – Банк Лондона и Мехико, контролируемый английским капиталом, был учрежден в 1864 г.³² Известный мексиканский историк Альфонсо Теха Сабре считает принятие законов Хуареса и Лердо самым важным и мужественным решением в истории независимой Мексики: важным потому, что оно открыло путь развитию буржуазных отношений в стране; мужественным потому, что в то время еще многие отождествляли церковь с религией, считая церковную собственность священной и неприкосновенной³³.

Церковники не могли противопоставить сторонникам законов Лердо и Хуареса каких-либо убедительных аргументов. Епископ Мичоакана Клементе де Хесус Мунгия в своих писаниях против «реформистского» законодательства ссылался на решения Три-дентского и других церковных соборов, утверждая, что «фуэрос» и право церкви владеть собственностью вытекают из божественного характера церковного института и потому не подлежат компетенции светских властей³⁴. Подобного рода рассуждения мало кого могли убедить, тем более что «фуэрос» нарушались и церковная собственность подвергалась отчуждению не только в различные периоды испанского господства в Мексике, но и в самой Испании, а также в других католических странах Европы. Отдавая себе отчет в этом, церковная иерархия в борьбе с неугодным ей законодательством прибегла к более надежному и испытанному средству – отлучениям и анафемам всех, кто имел причастность к нему. Пий IX, которому угрожало подобное и в Италии, в свою очередь решительно осудил законы Хуареса и Лердо.

В течение 1856 г., несмотря на яростное сопротивление духовенства, лихорадочно готовившего свержение правительства, было выручено от продажи отчужденного имущества 23 млн. песо и появилось 9 тыс. новых собственников³⁵. Таким образом, осуществление закона Лердо способствовало капиталистическому развитию Мексики и знаменовало один из важных этапов буржуазной революции, начавшейся свержением диктатуры Санта-Анны. Попытки церковников и разномастных реакционеров свергнуть правительство на этом этапе не увенчались успехом. В сентябре 1856 г. власти обнаружили тайный склад оружия в крупнейшем столичном монастыре святого Франсиска. По приказу Комонфорта монастырь разрушили и сравняли с землей. Но церковные заговорщики не унимались. Их душой был священник Франсиско Миранда, правая рука епископа Пуэблы и исповедник матери Комонфорта, к советам которой президент прислушивался. В августе того же года противники правительства подняли восстание в Пуэбле. Им удалось привлечь на свою сторону индейского вожака Гомаса Мехию и самого молодого генерала мексиканской армии 25-летнего Мигеля Мирамона. Последнего прельщали лавры Санта-Анны. Мятеж охватил ряд штатов, но был подавлен правительством. Главари мятежников на этот раз отделались всего лишь легким испугом. Миранда, Мехия, Мирамон после непродолжительного заключения были помилованы Комонфортом. Между тем антиклерикальные декреты продолжали сыпаться как из рога изобилия. Монахам было вновь разрешено отказываться от своего сана («нарушать обеты»), были изгнаны иезуиты, закрыт столичный университет за распространение «вредных» доктрин, кладбища изъяты из-под церковной власти и переданы са янтарному ведомству, был основан статистический департамент, которому поручили регистрацию актов гражданского состояния.

Эти и другие реформы нашли свое отражение в принятой 5 февраля 1857 г. новой конституции Мексики. Первым подписал основной закон престарелый Гомес Фариас, которого из-за плохого состояния здоровья доставили в конгресс на носилках.

Конституция 1857 г. по своему содержанию являлась одной из самых прогрессивных для своего времени. Она провозглашала Мексику «представительной, демократической и федеративной республикой, состоящей из штатов, свободных и суверенных в отношении своего внутреннего управления».

В конституцию были включены основные положения законов Хуареса и Лердо. Ст. 12 и 13 закрепляли отмену церковных «фуэрос». Особенно важной в этом отношении была ст. 27, запрещавшая церкви, а также гражданским корпорациям приобретать или иметь в своем управлении недвижимую собственность, за исключением церковных зданий. Церковники могли голосовать на выборах, однако лишались права избираться президентом и депутатами конгресса. Новая конституция отменяла и запрещала рабство (пеонаж), изгоняла из страны иезуитов, обеспечивала демократические свободы, санкционировала учреждение Национальной гвардии, которой либералы пытались заменить профессиональную армию, упраздняла внутренние таможи и пошлины, колониальную алька-балу (налог с продажи товаров), провозглашала необходимость улучшения положения трудящихся. Законодательная власть предоставлялась палате депутатов. Президент избирался сроком на 4 года. Пост вице-президента совмещался с постом председателя Верховного суда. В случае смерти президента или невозможности им выполнять свои обязанности его место автоматически занимал вице-президент.

Реакционные круги встретили новую конституцию с нескрываемой враждебностью. Церковь запретила под страхом отлучения и отказа в церковном погребении присягать ей на верность. Особенно неистовствовали архиепископ Гарсиа и епископ Мичо-акана Мунгия. Гарсиа призвал епископов объявить бойкот государству. Мунгия заявил, что он против статей конституции, провозглашающих свободу образования, мысли, печати и ассоциаций, запрещающих церкви владеть недвижимой и земельной собственностью, а также ликвидирующих монашеские обеты, дворянские звания, различные титулы, особые привилегии. Он решительно возражал и против положения о том, что верховная власть принадлежит народу. В трактате, направленном против конституции, объемом почти в 1000 страниц Мунгия открыто призывал к свержению правительства. Такой же антиправительственной агитацией занимались и многие другие церковники. Однако были и такие (например, епископ штата Оахака, губернатор которого являлся Бенито Хуарес), которые признавали конституцию и даже справляли торжественные молебны в ее честь. Но они составляли незначительное меньшинство и не определяли политическое лицо мексиканского духовенства.

Решительно осудил антиклерикальное законодательство правительства Хуареса Пий IX. Выступая на консистории в Риме 15 декабря 1856 г., папа объявил «не имеющими никакой ценности» все правительственные постановления, акты, законы, которыми ущемлялись какие-либо интересы церкви»³⁶. Позднее Пий IX столь же решительно осудил и конституцию 1857 г.

Церковники и их единомышленники на протяжении многих десятилетий продолжали выступать за возврат церкви «фуэрос» и других привилегий, которых их лишала конституция 1857 г. Так, например, известный католический автор Феликс Наваррете утверждал в 1935 г. в трактате «Борьба светской власти с духовенством в свете истории», что «фуэрос» были признаны за церковью светской властью еще задолго до императора Константина и что лишать церковь ее привилегий без согласия на то папы римского не является юридически законным актом³⁷.

Правительство и после принятия конституции 1857 г. продолжало «ущемлять» церковные права. 11 апреля 1857 г. Комон-форт подписал закон Иглесиаса (названный так по имени предлагавшего его министра), запрещавший участие властей в обеспечении приходских налогов, значительно снижавший сборы за церковные требы и обязывающий церковников обслуживать неимущих верующих бесплатно. Дж. Ллойд Мечэм, хотя и считает этот закон вмешательством властей в церковные дела, признает вместе с тем, что церковные поборы были многочисленными и что священники часто безжалостно выжимали гроши из своих нищих прихожан ³⁸.

Осенью 1857 г. состоялись выборы президента, депутатов конгресса, губернаторов штатов и членов местных ассамблей. Президентом стал Комонфорт, вице-президентом (он же председатель Верховного суда) – Бенито Хуарес. Однако в конгрессе большинство на этот раз оказалось на стороне умеренных (из 155 депутатов только 21 входил в учредительный конгресс). Умеренные, которых возглавил президент Комонфорт, выступали за прекращение реформаторской деятельности правительства и ратовали за компромисс с олигархией даже ценой некоторых уступок церкви. Умеренные требовали, как и церковники, пересмотра недавно принятой конституции. Пурос во главе с Бенито Хуаресом настаивали на дальнейшей радикализации правительственного курса, на углублении и расширении процесса демократизации. Разногласия между этими группировками привели к тому, что часть умеренных вместе с Комонфортом вступила в сговор с клерикально-олигархической оппозицией, завершившийся 19 декабря 1857 г. военным переворотом. Власть в столице захватил ставленник правых генерал Феликс Сулоага, зять Комонфорта. Его программа (план Такубайи) сводилась к восьми пунктам: 1) неприкосновенность

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

церковной собственности и ее доходов и восстановление церковных налогов; 2) восстановление «фуэрос»; 3) установление цензуры печати (в интересах церкви); 4) провозглашение римско-католической религии государственной религией Мексики; 5) разрешение иммиграции в Мексику только из католических стран; 6) отмена конституции 1857 г. и установление диктатуры, действующей в интересах церкви; 7) создание впоследствии монархического режима или в случае невозможности его установление над Мексикой протектората одной из европейских держав; 8) экономическая политика, основанная на высоких тарифах, внутренних налогах и на поддержке монополистических компаний. Как следует из этой программы, отмечает Дж. Ллойд Мечэм, консерваторы предлагали мексиканскому народу милитаризм и средневековую религию³⁹. В плане Такубайи, выдвинутом Сулоагой, провозглашалось, что «церковь подвергается нападкам, с обычаями не считаются, самые подрывные идеи одобряются, собственность, семья и все социальные связи находятся в опасности»⁴⁰. Реакционеры не только Мексики, но и других стран Латинской Америки выдвигали подобные клеветнические обвинения на протяжении десятилетий сначала против либеральной буржуазии, а потом против коммунистов и других прогрессивных сил.

Сулоага утверждал, что церковь считает свою собственность законной и священной, но готова в любой момент пойти на риск потерять ее, выступая в защиту веры и во имя послушания всевышнему. Церковь, по словам Сулоаги, лишили прав, а ее служителей – необходимых источников существования, она подверглась невероятным преследованиям, и никто не может оправдать их, если обратится к беспристрастному свидетельству своей совести и чистым чувствам сердца⁴¹. Подобным клерикальным пустословием этот генерал-предатель пытался оправдать свое прононсиаменто.

Переворот Сулоаги произошел не без участия самого Комон-форта и некоторых умеренных. Комонфорт обязался осуществлять вышеизложенную программу, однако начавшийся белый террор, жертвами которого пали многие его сторонники, вынудил президента подать в отставку и покинуть страну.

Такой оборот событий позволил «пурос», обосновавшимся в Веракрусе, в согласии с конституцией 1857 г. провозгласить своего лидера – вице-президента Бенито Хуареса законным президентом Мексики. Гражданская война между реакционным блоком, захватившим власть в столице, и законным правительством во главе с Хуаресом в Веракрусе, продолжалась три года и носила чрезвычайно жестокий и беспощадный характер. Клерикалы объявили «священную войну» либералам. Сулоага отменил все антиклерикальное законодательство, принятое в период правительства Комонфорта, перечеркнул конституцию 1857 г., восстановил «фуэрос», приказал вернуть церкви проданное имущество. Его солдаты украшали себя крестами и церковными медалями, шли в бой, распевая церковные гимны, потрясая хоругвями с изображениями святых. Сулоага обратился с верноподданническим посланием к Пию IX, который поспешил послать ему свое благословение и выразить удовлетворение отменой «нечестивого» законодательства либералов. И все же Сулоага не смог вернуть церкви все «отнятое» у нее имущество. Значительная его часть оказалась, как уже было сказано, в руках иностранцев, которые при поддержке своих посольств и консульств отказались подчиниться указам Сулоаги. Попытки наложить на иностранцев контрибуцию тоже не имели успеха. В конце концов клерикалы были вынуждены убрать его, и 30 декабря 1858 г. их правительство возглавил генерал Мирамон. Он также подтвердил церковные и военные «фуэрос», но, как и его предшественник, «разжиться» деньгами на дальнейшее ведение войны против либералов не смог. Понимая, что только своими силами они не в состоянии одержать победу над правительством Хуареса, пребывавшим в Веракрусе, ведущие деятели олигархо-церковного лагеря стали подумывать о превращении Мексики в колонию одной из великих европейских держав под видом учреждения монархии во главе с каким-либо европейским принцем.

Между тем правительство Хуареса в Веракрусе продолжало энергичную антиклерикальную законодательную деятельность. Изданные им законы провозглашали отделение церкви от государства, национализацию без выкупа церковной собственности и запрещение впредь иметь ее, распускали монашеские ордена и прочие церковные конгрегации. Были резко сокращены церковные праздники, произведения искусства и книги, принадлежащие монастырям, переданы в государственные музеи и библиотеки, прерваны дипломатические отношения с папским престолом, запрещены религиозные акты вне церковных зданий, колокольный звон разрешался только с согласия полицейских властей, правительственным чиновникам запрещалось участвовать в религиозных мероприятиях или оказывать им содействие. Все эти законы принимались именем «бога, свободы и реформы», что являлось официальным девизом правительства Хуареса.

7 декабря 1858 г. правительство обязало церковь выдать ему заем в 2,5 млн.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org песо, т. е. на ту же сумму, которая была ранее предоставлена церковниками Сулоаге⁴².

7 июля 1859 г. Хуарес и его министры Мельчор Окампо, Мануэль Руис и Мануэль Лердо де Техада обратились к мексиканцам с манифестом, в котором заявили о своей решимости довести до конца отделение церкви от государства, с тем чтобы «окончательно завершить кровавую и братоубийственную войну, которую часть духовенства так долго разжигала единственно с целью сохранения своих интересов и привилегий, скандально используя свое влияние, вытекающее из принадлежащего ей богатства и религиозных функций». Антиклерикальное законодательство позволит, утверждали авторы манифеста, немедленно лишить духовенство средств, на которые опирается их вредная власть⁴³.

12 июня 1859 г. был издан декрет о конфискации церковного имущества, в котором указывалось, что главной причиной гражданской войны в Мексике, начатой и поддерживаемой духовенством, является его желание быть независимым от гражданской власти. В декрете говорилось, что государство не может оставлять в руках своих заклятых врагов средства, которыми они так тяжко злоупотребляют, и что крайне необходимо принять все меры, способные спасти положение и общество.

Декрет передавал в распоряжение нации все имущество, которым под различными названиями владело белое и монастырское духовенство. Декрет разрешал духовенству получать вознаграждение за совершение обряда таинств и исполнение других функций своей службы. Однако ни пожертвования, ни вознаграждения не могут быть сделаны в форме земельных угодий.

Декрет упразднил все существующие в республике монашеские ордены, каковы бы ни были их названия и деятельность, так же как и все братства конгрегации и общества, примыкающие к религиозным общинам, кафедральным соборам, церковным приходам и каким бы то ни было церквам. Запрещалось основание новых монастырей, корпораций, обществ, конгрегаций и религиозных братств под любыми формой и названием.

Книги, печатные издания, рукописи, картины, памятники древности и другие предметы, принадлежащие упраздненным религиозным общинам, передавались музеям, учебным заведениям, библиотекам и т. д.

Декрет указывал, что все, кто прямо или косвенно противится или каким-либо способом сводит на нет выполнение предписаний этого закона, будут в зависимости от квалификации правительством тяжести их вины, изгнаны из республики или переданы судебным властям для осуждения и изгнания. Приговор, вынесенный компетентным судом против этих изменников, обжалованию не подлежит.

Все наказания, которые налагает этот закон, будут осуществляться судебными властями нации или политическими – штатов, о чем незамедлительно будет сообщаться верховному правительству ⁴⁴.

Правительство Хуареса, стремясь облегчить переход церковных земель в руки мелких собственников, освобождало покупателей этих земель от алькабалы, предоставляло им рассрочку на 5–9 лет для погашения стоимости приобретенного имущества. За такую попытку стимулировать мелкое землевладение консерваторы обвиняли Хуареса и его сторонников в коммунизме. Ми-рамон прямо называл либералов «коммунистической партией»). Вряд ли следует доказывать, что эти мероприятия были направлены на частичную ликвидацию феодальной собственности и не носили коммунистического характера. Более того, они объективно вели к утверждению буржуазной собственности, способствуя развитию капиталистических отношений в Мексике⁴⁵.

4 декабря 1860 г. в Веракрусе Бенито Хуарес издал закон о свободе культов, фактически отделявший церковь от государства и вместе с тем оставлявший за государством право ограничивать деятельность религиозных культов в интересах правопорядка. В частности, закон возлагал на полицию регламентацию колокольного звона, запрещал без разрешения властей проведение религиозных актов вне церковных помещений, освобождал служителей культа от службы в армии, но не от уплаты налогов и т. д.⁴⁶

Три года длилась кровопролитная война против противников Реформы. Она закончилась их полным разгромом. Конфискацию и распродажу церковной собственности приветствовало подавляющее большинство населения страны. Сами церковники через подставных лиц скупали церковные поместья для личного пользования. То же делали многие представители олигархии. Они, писал в 1860 г. епископ Пуэблы Лабастида, «сейчас смотрят на потерю церковных богатств с безразличием или даже ревностно содействуют ей, чем разрушают защитный вал, прикрывающий их самих». Крупные собственники были недовольны принудительными займами, которые налагало на них правительство Сулоаги-Мирамона, находившееся на грани банкротства⁴⁷. Все это сужало социальную базу мятежников и в конце концов привело к их поражению.

В конце 1860 г. столица страны была освобождена и правительство Хуареса

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

вернулось в Мехико.

10 января следующего года Бенито Хуарес опубликовал манифест к нации, в котором указывал, что «ни свобода, ни конституционный порядок, ни прогресс, ни независимость нации не были бы достигнуты без осуществления ограничивающих власть церкви реформ. Очевидно, что никакие другие мероприятия мексиканских властей не получили столь решительной поддержки и такого признания, чтобы стать основой нашего гражданского права. Поэтому мое правительство столь решительно их защищало и откровенно развивало их весьма полезные принципы» 48.

Хуарес прибыл в столицу 1 января, а 12 января министр иностранных дел Мельчор Окампо направил апостолическому делегату архиепископу Луиджи Клементи ноту – указание президента немедленно покинуть страну. В ноте, в частности, говорилось: «Верховному конституционному правительству республики никоим образом не выгодно ваше пребывание в стране после того, как нации стоило столько жертв восстановление законного порядка и было пролито столько крови на этой земле, главным образом из-за возмутительного участия духовенства в гражданской войне» 49.

Тогда же, в январе 1861 г., была создана правительственная комиссия по приему и распродаже церковного имущества во главе с Франсиско Мехией. Комиссия действовала до 1866 г. За этот срок было конфисковано церковного имущества на сумму 62 млн. песо, из которых только 10 поступила в правительственную казну, осуществлено около 40 тыс. сделок по его продаже. Экономическое могущество церкви было подорвано, но в конечном итоге в выигрыше оказалась буржуазия, прибравшая к рукам церковные ценности. Земли духовенства, пишет Г. Паркс, серебро, золото и драгоценные камни, которыми благочестие испанцев – помещиков и владельцев рудников – наполнило соборы и помещения капитулов, стали собственностью радикальных военных и политиков. Таким образом создалась не нация мелких собственников, а новый правящий класс, которому предстояло господствовать над Мексикой в течение следующих пятидесяти лет.

Потерпев поражение, клерикалы и их союзники олигархи стали искать поддержки в Западной Европе. Они обрели покровителя в лице Наполеона III, который помышлял превратить Мексику во французскую колонию. Заручившись поддержкой Англии и Испании, Наполеон III в 1862 г. предпринял интервенцию в Мексику. Мечэм с полным основанием указывает, что «духовенство было подлинным автором французской интервенции. Полностью проиграв войну против сил конституционалистов, духовенство стало интриговать и работать над учреждением монархии под европейским руководством. Чтобы сохранить свои привилегии, мексиканское духовенство в 1821 г. предало своего законного монарха; теперь же опасаясь попости урон от действий либеральных реформаторов, клерикалы были готовы поступиться независимостью их родины» 50. Впрочем, иезуит Куэвас признает с гордостью: «К их чести, консерваторы и мексиканские епископы желали и вызвали к жизни освободительную (?) интервенцию и мексиканскую империю» 51.

Архиепископ Лабастида был включен в созданный интервентами регентский совет из трех человек. Казалось, что надежды церковников осуществляются, и они с помощью французских штыков вернут себе не только былые богатства, но и влияние, которым пользовались в дореформенное время. Но этим надеждам не суждено было осуществиться.

В начале июня 1862 г. французские войска вступили в Мехико. Священники, а также престарелые и забытые консерваторы, заседавшие в кабинетах Бустаманте, Паредеса и Санта-Анны, пишет Г. Паркс, торжественно приветствовали французов. Вскоре восторг духовенства остыл, ибо командующий французскими войсками генерал Форе объявил в прокламации от 12 июня 1863 г. о свободе культов в Мексике, а затем гарантировал неприкосновенность собственности владельцев бывших церковных имуществ, из которых многие оказались французскими подданными. Духовенству стало ясно, что ему не вернуть своих сокровищ и асьенд. Теперь мексиканские клерикалы обнаружили, что они в свою очередь обмануты. Когда священники пригрозили закрыть церкви, генерал Форе заявил, что откроет их пушками 52. Церковники подчинились, ожидая, что австрийский эрцгерцог Максимилиан, ставленник Наполеона III, которому Лабастида и его единомышленники предложили императорскую корону, прибыв в Мехико, встанет на их сторону. Но и эти надежды не оправдались. Максимилиан – Габсбургский принц – оказался, к удивлению и негодованию мексиканских клерикалов с их романтическими представлениями о королевской крови, чем-то вроде либерала. Максимилиан намеревался сделать опорой своего престола умеренных. Действуя по совету Наполеона III, он отказался вернуть духовенству конфискованные поместья и в свою очередь декретировал свободу культов в Мексике 53.

В конце 1864 г. в Мексику прибыл посланец Пия IX монсеньор Мелиа с предложениями заключить соглашение на основе следующих пунктов: отмена всех

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

законы Реформы, признание католической религии государственной, полная свобода епископам при выполнении их церковных функций, восстановление монашеских орденов, передача всей системы просвещения под контроль церкви, освобождение церкви от каких-либо обязательств по отношению к государству. «Согласившись с этими предложениями, – писал Пий IX Максимилиану, – вы тем самым дадите прекрасный пример правительствам американских республик, где церковь пережила несправедливости, достойные слез, и в конечном итоге, несомненно, будете способствовать консолидации собственного трона, и славе, и благоденствию императорской семьи» 54.

Но эти аргументы не подействовали на Максимилиана. Он выдвинул свои контрпредложения: католическая церковь провозглашается государственной религией, государство оказывает ей покровительство, вместе с тем разрешается исповедание других культов; содержание священников берет на себя государство, церковные же требы отправляются бесплатно; церковь уступает государству все права на ее собственность, национализированную ранее либеральными правительствами; император наделяется правом патроната, ранее принадлежавшим испанской короне; восстанавливаются по согласованию императора с папой некоторые монашеские ордены; регистрация актов гражданского состояния поручается там, где это будет сочтено целесообразным, приходским священникам, которые будут в таком случае выполнять обязанности правительственных чиновников. По вопросам, касающимся контроля кладбищ, будут проведены дополнительные переговоры⁵⁵.

Нунций Мелиа при поддержке архиепископа Лабастиды и других мексиканских прелатов отверг эти пункты: все они были осуждены и преданы анафеме Пием IX в его энциклике «Куанта кура» и печально знаменитом «Силлабусе», опубликованных в 1864 г. и получивших распространение в Мексике. Препирательства с Мелией длились в течение года. Нунций, так и не добившись каких-либо уступок от упрямого Максимилиана, вернулся в Рим.

Оказалась безрезультатной и миссия, посланная Максимилианом к папе Пию IX. Глава католической церкви в свою очередь отказался пойти на уступки, считая, что Максимилиан обязан своим тронном церкви и поэтому должен во всем ей подчиняться. Когда переговоры с папским престолом зашли в тупик, Максимилиан стал осуществлять ранее намеченную программу в отношении церкви: он объявил, что духовенство будет содержаться за счет государства, разрешил исповедание других культов, отменил привилегии, ввел «пласет» (согласие) для папских документов, подтвердил права на собственность тех, кто приобрел церковное имущество.

Этими мерами Максимилиан не только не завоевал на свою сторону умеренных либералов, но и потерял поддержку церковников. Мексиканский народ сплотился вокруг правительства Хуареса в борьбе против французских интервентов и их ставленника Максимилиана. Чувствуя, что теряет почву под ногами, Максимилиан на последнем этапе своего пребывания в Мексике попытался вновь договориться с церковниками, согласившись почти со всеми их требованиями. Но это уже не могло его спасти. Все классы, за исключением небольшой группы предателей, авантюристов и фанатичных врагов Хуареса, сплотились против Максимилиана и его французских покровителей, нещадно грабивших страну. Достаточно сказать, что императорское правительство расходовало в 1865 г. почти в три с половиной раза больше, чем республиканское в 1861 г. Около 40% расходов шло на уплату внешних долгов, львиная доля которых уплывала во Францию, а 33% – на военные нужды, точнее, на содержание в основном французского экспедиционного корпуса⁵⁶. Эти расходы тяжелым бременем ложились на плечи мексиканского народа.

Опасаясь войны с Пруссией и убедившись, что силой оружия нельзя сломить мексиканцев, Наполеон III приказал своим войскам вернуться во Францию. В марте 1867 г. французы покинули Мексику, а в июне Максимилиан был взят в плен республиканцами и по приговору суда вместе со своими сподручными генералами Мираном и Мехией расстрелян. Хуарес и его сторонники одержали победу над силами реакции, которых не спасла от разгрома даже мощная поддержка французских интервентов. Как отмечает американский историк Роберт Куирк, «поражение французов и расстрел Максимилиана означали конец консервативной партии в Мексике, после этого уже не было эффективной политической силы, которая смогла бы оказать поддержку католической церкви»⁵⁷.

3 июня 1867 г., десять лет спустя после принятия либеральной конституции, Хуарес и его правительство вернулись в освобожденную столицу. В 1872 г. Хуарес скончался от сердечного приступа. Президентом страны был избран его сторонник Себастьян Лердо де Техада, брат автора закона Лердо, продолжавший антиклерикальную линию своего знаменитого предшественника.

25 сентября 1873 г. президент издал декрет, включающий законы Реформы в конституцию 1857 г. Декрет подтверждал отделение церкви от государства и свободу культов, брак объявлялся гражданским соглашением, регистрация актов

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

гражданского состояния передавалась в компетенцию светских властей. Духовенству запрещалось иметь недвижимую собственность, за исключением церковных зданий. Религиозная присяга заменялась гражданской, запрещались монашеские ордены⁵⁸.

Однако церковь и олигархия, несмотря на поражения, не отказались от идеи вернуть себе утраченные позиции.

Правые силы не надеялись добиться победы путем выборов, ибо большинство населения страны поддерживало либералов. Оставался только один путь – насильственный захват власти. После разгрома французов и падения Максимилиана правые не могли рассчитывать на свои собственные силы. Свергнуть правительство мог только какой-нибудь амбициозный, беспринципный ге-перал из того же лагеря либералов, который в борьбе за власть принял бы помощь и поддержку церкви и ее союзников. Такого генерала правые обрели в лице Порфирио Диаса. Соратник Хуареса, герой войны против французов, Диас был одержим честолюбивым желанием стать преемником Хуареса в президентском дворце. Когда большинство либералов предпочло ему Лердо де Техаду, Диас встал на путь вооруженной борьбы против своих вчерашних единомышленников. Именно на него обратили свои взоры церковники. Диас обещал им за поддержку прекращение «гонений». И это обещание после прихода к власти после свержения в 1876 г. Лердо де Техады мятежный генерал выполнил.

Порфирио Диас находился у власти почти 35 лет. Он установил в стране железную диктатуру, правил в интересах богачей и иностранцев капиталистов. Вместе с тем он не отменил ни демократическую конституцию 1857 г., ни реформистское законодательство Хуареса, хотя многие прогрессивные статьи конституции, как и многие другие законы, при нем не соблюдались.

В отношении церкви Диас придерживался политики «примирения». О себе он говорил: «Я, Порфирио Диас, как частный гражданин, исповедую веру своих отцов – римскую католическую апостолическую религию. Но я, Порфирио Диас, как президент Объединенных Мексиканских Штатов, не исповедую никакой религии, мне не разрешает этого конституция»⁵⁹.

При Диасе было сохранено отчуждение церковной собственности, однако церковь получила возможность вновь приобретать новую через подставных лиц; некоторые монашеские ордены были восстановлены, явочным порядком стали действовать монастыри; церковь получила возможность проникнуть и в систему просвещения. Все это позволило ей в годы правления Диаса в значительной степени восстановить свои прежние экономические и «духовные» позиции. В 1916 г. церкви принадлежало 10% всех капиталов в Мексике –100 млн. песо по сравнению с 50 млн. в 1874 г. В 1885 г. церковь располагала 276 школами, а в 1905 г. их было уже 59360. Выросло и количество церковных зданий, в особенности в последнее десятилетие XIX в. К концу колониального периода в Мексике насчитывалось 10 500 церковных зданий, в XIX в. это число несколько уменьшилось (в 1892 г. их было 9580), в 1900 г. – уже 12 225, а в 1910 г. – 1241361.

При Диасе церковь вновь получила возможность устраивать уличные процессии, массовые паломничества к «святым» местам, отмечать разного рода юбилеи и праздники вне церковных помещений. Число священников составляло в 1900 г. 5 тыс. по сравнению с 1610 в 1878 г.⁶² Было создано пять новых архиепископств и 8 епископств, т. е. больше, чем во времена Филиппа II, как с гордостью отмечает иезуит Куэвас. В целом число епископов увеличилось до 36, в то время как при Хуаресе их было всего 4, а число женских орденов возросло с 10 в 1851 г. до 23 в 1910 г. Была разрешена деятельность неофициального папского представителя – апостолического делегата, хотя Диас отказался от формального возобновления дипломатических отношений с Ватиканом.

Церковники были довольны политикой, проводившейся Диасом. На большее они не смели рассчитывать. Церковь повсеместно теряла свои позиции: сам папа римский утратил светскую власть, папская область была ликвидирована, Рим стал столицей итальянского государства, а глава католической церкви провозгласил себя «узником» Ватикана. Потерял свой трон и покровитель Пия IX Наполеон III, Франция стала республикой. В Германии Бисмарк вел «культуркампф» против церкви. Испания была изгнана из Латинской Америки, ее последняя колония – Куба обрела независимость, провозгласив отделение церкви от государства. Мексиканские церковники благодаря покровительству Диаса смогли восстановить в значительной степени утраченные при Хуаресе позиции.

Церковь со своей стороны не оставалась в долгу. «Благодарное духовенство, – отмечает Г. Паркс, – использовало свое влияние, чтобы проповедовать повиновение диктатору. Оно знало, что антиклерикальные законы остаются в силе, и Диас, если пожелает, может провести их в жизнь. Церковь не делала ничего такого, что могло бы восстановить против нее правительство. Таким образом, духовенство отказалось от возможности присоединиться к народному

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org делу и опять, как во времена испанских королей, стало орудием деспотизма. Для мексиканской церкви эта сделка оказалась губительной» 63. Пользуясь попустительством Диаса, церковники в начале XX в. стали проявлять заметную политическую активность. Они созывали съезды мирян. Католические организации, в том числе профсоюзы, действовали в духе классового сотрудничества согласно учению Льва XIII, сформулированному в социальной энциклике «Рерум новарум», опубликованной в 1890 г. В 1905 г. была основана первая католическая рабочая организация «Гуа-далупанские трудящиеся», а в 1908 г. возник Католический рабочий союз. Особую активность в области социального действия проявлял епископ Тулапснго – Хосе Мора-и-дель-Рио. Его деятельность была замечена в Риме: он получил повышение – должность архиепископа Мехико, а в 1910 г. Пий X назначил его главой мексиканского епископства.

Возросшая активность церкви – совпала с общим подъемом борьбы против диктатуры Диаса, который, несмотря на преклонный возраст, все еще цеплялся за власть. В 1910 г. демократические силы, возглавляемые буржуазным демократом Франсиско Мадеро, перешли в наступление, подняв вооруженное восстание против престарелого диктатора. Отдавая себе отчет в том, что дни режима Диаса сочтены, церковники стали лихорадочно готовиться к предстоящим переменам. Прежде чем кто-либо успел что-либо сообразить, отмечает мексиканский историк Понсе де Леон⁶⁴, они на специально созванном незадолго до падения Диаса (3 мая 1911 г.) съезде учредили национальную католическую партию, которая стала расти как на дрожжах. Вскоре она располагала 783 центрами с числом членов 486 тыс. человек.

В программе Католической партии, действовавшей под лозунгом «Бог, родина и свобода», говорилось, с одной стороны, что партия намерена мирными средствами добиваться изменения существующего законодательства в интересах церкви (т. е. пересмотра законов Реформы), с другой стороны, утверждалось, что она будет защищать независимость и территориальную целостность Мексики и выступать против переизбрания президента – основной лозунг, выдвинутый Мадеро и его сторонниками. Что касается рабочего вопроса, то партия обещала «христианское решение социальных проблем, которое, примиряя права капитала и труда, может быть эффективным для улучшения жизненных условий трудящихся, не вызывая при этом нарушения общественного порядка и не ущемляя прав капиталистов и помещиков».

Как справедливо указывает Н. С. Ларин, программа Католической партии показывала, что «церковники стремились обойти острые моменты в их вековых противоречиях с буржуазией, они старались войти в общий поток революционных настроений, но в то же время сохранить за собой право выступить в любой момент с теми требованиями, в удовлетворении которых церкви было отказано еще в годы борьбы за законы Реформы. Католическая партия всячески избегала конкретизации своей политической линии и в то же время пыталась создать впечатление, что она полностью поддерживает революцию» 65.

Революция 1910–1917 гг.

В 1910 г. в Мексике началась вооруженная борьба против диктаторского режима Порфирио Диаса. Вскоре Диас был вынужден оставить свой пост и покинуть страну. На октябрь 1911г. были объявлены выборы президента, вице-президента, губернаторов, членов конгресса, Верховного суда, провинциальных ассамблей. Католическая партия при поддержке церковной иерархии приняла в этих выборах самое активное участие. Вначале она предложила свою поддержку Мадеро, надеясь использовать его популярность в своих целях. Мадеро принял поддержку, однако отказался от навязываемого ему Католической партией кандидата в вице-президенты – бывшего приближенного Диаса Франсиско Леона де ла Барра. Мадеро выдвинул на этот пост стойкого демократа Пино Суареса. Тогда церковники постулировали де ла Барру на пост президента. Этим маневром они пытались подорвать влияние Мадеро и группировавшихся вокруг него ан-тидасовских сил.

11 июля 1911 г. американский посол в Мексике Генри Уилсон сообщал в государственный департамент: «Римско-католическая церковь и партия, носящая ее имя, заняли резко враждебную позицию по отношению к Мадеро и энергично выступают по всей республике, сея недоверие к его намерениям, отвергая его политику и осуждая его слабость и нерешительность, которыми он якобы отличается в руководстве делами» 66.

Хотя Мадеро стал президентом (он получил 98% всех поданных голосов), а Пино Суарес – вице-президентом, тем не менее выборы принесли определенный успех и Католической партии. Ей удалось провести в сенат 4 своих представителей и в палату депутатов 75. Конгресс аннулировал мандаты 46 депутатов от Католической партии как бывших сторонников режима Диаса. Больших успехов добилась Католическая партия на выборах в местные органы. Ей достались посты губернаторов семи крупнейших штатов: Керетаро, Халиско, Мехико, Сакатекас, Мичоа-кан, Пуэбла и Чьяпас, а также большинство мест в палатах этих штатов. Выборы превратили Католическую партию во вторую политическую силу страны после сторонников Мадеро. Ее успех объясняется не столько влиянием церкви на избирателей, сколько массивной поддержкой, оказанной ей порфиристами и местными реакционными каудильо, связанными с крупными олигархами-помещиками.

С избранием Мадеро на пост президента и установлением в стране демократических свобод стало быстро расти рабочее движение, хотя оно находилось под влиянием анархо-синдикализма. Появились и быстро набирали силу радикальные крестьянские армии: на севере страны под предводительством Франсиско (Панчо) Вильи, а на юге – Емилиано Сапаты. Для церковников и либеров Католической партии, как и для олигархии, они представлялись наиболее опасными. Правые требовали от правительства Мадеро их решительного подавления. Этого же требовало и правительство США, считавшее, что демократизация Мексики ставит под угрозу интересы американского капитала, которому оказывал особое покровительство свергнутый диктатор Диас. Между тем Мадеро и его ближайшее окружение находились в плену неразрешимых противоречий. С одной стороны, они не решались обуздать порфиристов и прочих реакционеров и осуществить коренные социальные преобразования, в первую очередь аграрную реформу и тем самым затронуть интересы латт-фундистов, чем вызывали острое недовольство крестьянских масс; с другой стороны, они не решались отменить демократические свободы и подавить рабочее и крестьянское радикальное движение, чем вызывали гнев правых и американских империалистов. Такая нерешительность в конечном итоге привела маде-ристов к краху. В апреле 1913 г. порфиристские генералы во главе с Викторiano Уэртой, все еще возглавлявшие армию, совершили при поддержке и под руководством Уилсона государственный переворот, Уэрта провозгласил себя президентом страны. В его кабинет вошли ставленнш католиков Леон де ла Барра и другие ультрареакционеры. Новые хозяева Мексики решили утопить в крови демократическое движение. Мадеро, Пино Суарес и их ближайшие сотрудники были убиты «при попытке к бегству». Уэрта попытался силой оружия подавить бойцов Вильи и Сапаты, однако это ему не удалось. Знамя Мадеро поднял на севере страны умеренный либерал Венустиано Карранса. Он возглавил борьбу против Уэрты.

В Мексике началась затяжная гражданская война, в которую активно вмешивались Соединенные Штаты, дважды посылавшие свои войска в страну для подавления народного движения.

Как же отнеслись церковь и католические лидеры к этим событиям? Они решительно встали на сторону Викторiano Уэрты. Епископат предоставил ему заем в размере 10 млн. песоб⁷. Финансовую помощь узурпатору оказывал лично архиепископ Мора-и-дель-Рио. Лий X послал диктатору телеграмму, поздравляя его с «восстановлением мира в Мексике».

Играя на руку Уэрте, мексиканский епископат опубликовал пастырское послание, в котором осудил принципы социализма, предупредив католиков, что они не вправе им следовать, не впадая в серьезные и грубейшие прегрешения⁸.

Американский историк Эрнест Грюниг справедливо отмечает, что, оказав поддержку режиму Уэрты, церковь посеяла ветер, породивший вскоре против нее бурю⁹. Действительно, став союзником Уэрты, церковники возродили антиклерикализм в стане конституционалистов. Карранса, Вилья, Сапата и другие руководители буржуазно-демократической революции пришли к тому же выводу, что и их предшественники – реформистские вожди XIX в.: чтобы подорвать власть олигархии, следует держать под строгим контролем государства ее союзницу церковь, лишив ее всякого политического и экономического влияния.

Американский исследователь Куирк признает, что католики сделали неверный выбор, поддержав Уэрту, – тем самым они санкционировали его бесчинства и преступления. «В 10-х годах множились церковные осуждения против радикалов. Священники задалась целью ле оказывать помощь угнетенным, а нанести поражение социализму. С церковной точки зрения карран-систы, вильиеты и еапатисты в одинаковой етепени заслуживали осуждения. Церковь осуждала все революционные течеппя и в свою очередь подверглась нападкам с их стороны. Только в 20-х годах, когда Альваро Обрегоп обеспечил мир в республике, католики получили новую возможность оправдать себя и свою программу и

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

Социальное действие вновь стало развиваться в Мексике» 70.

Из сказанного можно сделать ошибочный вывод, что после захвата Уэртой власти в Мексике якобы был возможен выбор только между ним и социализмом. В действительности же ни одно из названных выше течений конституционалистов не являлось социалистическим и не выдавало себя за таковое.

Конституционалисты выступали за буржуазно-демократические, а не за социалистические преобразования. Церковники отождествляли их с социализмом, ибо знали, что это найдет благоприятный отклик среди толстосумов Мексики и правящих кругов США, на поддержку которых они в первую очередь рассчитывали. Называя конституционалистов социалистами, церковники рассчитывали на двойную выгоду: с одной стороны, скомпрометировать идеологию социализма, возлагая на нее ответственность за ошибки конституционалистов, с другой – скомпрометировать последних перед лицом крупной буржуазии и ее американских покровителей.

После падения режима Уэрты церковники сгруппировались вокруг его бывшего союзника – генерала Феликса Диаса, племянника дона Порфирио. Диас предпринял попытку мятежа против Каррансы, потерпел поражение и был вынужден бежать из страны.

11 июня 1915 г. Карранса в качестве главы конституционалистского правительства сделал заявление о политике по отношению к церкви, в котором говорилось: «Конституционные законы Мексики, известные под названием законов Реформы, устанавливающие отделение церкви от государства и обеспечивающие личности право исповедовать религию в согласии с его совестью и не нарушая общественного порядка, будут строго соблюдаться; следовательно, никто не будет подвергаться угрозе жизни, свободе и собственности из-за религиозных верований. Церковные здания будут продолжать оставаться собственностью нации согласно существующим законам, и конституционное правительство будет вновь предоставлять их для религиозных служб в случае надобности» 71.

Правительство США, вмешиваясь, как оно это делало на протяжении всей истории независимой Мексики, в ее внутренние дела, тенденциозно истолковало это заявление как нарушение принципа свободы вероисповедания и потребовало от Каррансы изменить свое отношение к церкви. В данном случае правительство Вашингтона заботилось не столько о свободе вероисповеданий, сколько о подрыве влияния правительства Каррансы. Американские католические организации во главе с кардиналом Гиббонсом требовали от президента Вильсона принятия «решительных мер» против Мексики⁷². В печати США широко распространялись «истории ужасов» о положении католиков в зонах, пахотных под контролем конституционалистских армий. Разумеется, что и Карранса, и Вилья, и Сапата в условиях ожесточенной гражданской войны не церемонились с церковниками-уэристами. На них накладывались контрибуции, их брали заложниками, высылали из страны и т. д. Однако «подлинные» рассказы о расстрелах церковников, насилиях над монахинями, об осквернении церквей, которыми пестрели страницы американских газет, на поверку оказывались сплошным вымыслом. Они сочинялись и распространялись с целью дискредитации конституционалистов. Гиббонс возмущался: «Пусть только тронут протестантского миссионера – и наше правительство пошлет канонерку для охраны американских жизней. Теперь же в Мексике многих казнят, а мы бездействуем». С нападениями на президента Вильсона за его якобы неспособность оказать мексиканской церкви помощь выступили в конце 1916 г. кандидат в президенты от республиканской партии Чарльз Ивэнс Хьюз и бывший президент, автор доктрины «большой дубинки» Теодор Рузвельт. Правительство Вильсона, утверждал Рузвельт, поддерживало «грабежи и профанацию церквей в Мексике и отвратительные и подлые действия по отношению к –служителям культа и монахиням. Чтобы оградить себя от этих нападков, Вильсон распорядился в январе 1915 г. опросить через государственный департамент всех американских консульских работников в Мексике об отношении конституционалистов к духовенству. Все единодушно опровергли рассказы о расстрелах священников и изнасиловании монахинь. Категорически опроверг эти выдумки и генеральный викарий Мехико Антонио Паредес, тогда высший церковный чин в столице. Он сообщил только о двух священниках, расстрелянных сапатистами, и об одной церкви, занятой солдатами⁷³, – не густо для Мексики периода гражданской войны, отличавшейся особой жестокостью.

Но и после этих фактов кардинал Гиббонс и другие американские церковники продолжали распространять вымыслы о зверствах, якобы чинимых конституционалистами над служителями церкви.

Нападки ультрареакционеров на президента Вильсона не были обоснованы, ибо в годы революции он дважды посылал войска в Мексику: в апреле 1914 г. для оккупации Веракруса и в марте 1916–январе 1917 г. для поимки Вилья. И в том и в другом случае американцам не удалось сломить конституционалистов, а

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
именно этого и добивались американские церковные иерархи и лидеры республиканской и демократической партий.

Антимексиканскую кампанию США поддержал папа Бенедикт XV. Вскоре после своего избрания 25 ноября 1914 г. он направил послание архиепископу Сан-Антонио (Техас) Джону С. Шоу, в котором одобрил его враждебное отношение к конституционалистам. Такое же послание папа направил 17 марта 1915 г. главе американского епископата кардиналу Гиббонсу. Бенедикт XV призывал американских церковников – неослабно бороться за то, чтобы в Мексике была восстановлена «христианская свобода» 74.

В конце 1916 г. в г. Керетаро собралась учредительное собрание для выработки новой конституции. В нем были представлены умеренные либералы – сторонники Каррансы и так называемые якобинцы – последователи генерала Альвара Обрегона. В феврале 1917 г. учредительное собрание приняло новую конституцию, закреплявшую демократические свободы, провозглашавшую право нации владеть недрами страны и необходимость осуществления аграрных преобразований. Религиозный вопрос был решен в конституции в духе законов Реформы.

Ст. 3 (измененная впоследствии) запрещала духовенству преподавать, содержать или руководить какими-либо учебными заведениями, за исключением духовных. Ст. 5 запрещала монашеские ордены. Ст. 24 подтверждала отделение церкви от государства, гарантировала свободу вероисповедания для всех культов, но запрещала религиозные манифестации (процессии, крестные ходы и т. п.) за пределами церковных зданий. Ст. 27 лишала церковь права владеть недвижимым имуществом и объявляла церковные здания собственностью нации. Она провозглашала: «Религиозные ассоциации, образованные церковью, к какому бы вероисповеданию они ни принадлежали, ни в коем случае не могут получать, владеть, управлять недвижимым имуществом либо капиталом, вложенным в него; имущество, которым они владеют в данный момент прямо или через посредников, переходит в собственность нации, и любой имеет право сообщить властям о такой собственности. Пресумпция будет считаться достаточным основанием для такой денунциации. Здания для отправления культа объявляются собственностью нации, представленной федеральным правительством, которое будет решать, которое из них может быть использовано с указанной целью. Епископальные резиденции, ректораты, семинарии, приюты и школьные здания, принадлежащие церковным учреждениям, монастырям, или любые другие здания, построенные или предназначенные для руководства, пропаганды, преподавания сторонников любого культа, объявляются собственностью нации и будут впредь использоваться исключительно для общественных нужд федерации или штатов согласно их юрисдикции. Все церковные здания, которые будут выстроены в будущем, будут принадлежать нации» 75.

Конституция запрещала монашеские – мужские и женские – ордены. Священники лишались права заниматься политической деятельностью, права избирать и быть избранными в законодательные органы республики. Конституция запрещала священникам-иностранцам заниматься религиозной пропагандой на территории страны, провозглашала право правительства регистрировать служителей культа и ограничивать их число, запрещала им появляться в публичных местах в церковной одежде, лишала их права наследия, запрещала им публично или частным образом критиковать законы или власти, открывать новые молитвенные дома без разрешения министерства внутренних дел. Каждый молитвенный дом должен был иметь своего уполномоченного, отвечающего за строгое соблюдение законов в указанном помещении и за предметы, используемые в культовых целях. Муниципальные власти обязывались под угрозой штрафа и увольнения регистрировать церковные здания и их хранителей и докладывать министерству внутренних дел через губернаторов штатов любую просьбу о разрешении использовать в культовых целях любое новое молитвенное помещение и также любые перемены в составе их хранителей. Запрещалось: церковным публикациям обсуждать политическую жизнь нации или касаться общественной деятельности государственных или частных лиц; политическим ассоциациям иметь в названиях какие-либо термины, имеющие отношение к религиозной деятельности; проводить политические собрания в местах, предназначенных для религиозных целей; священникам получать в наследство лично или окольным путем любое недвижимое имущество, принадлежащее церковной организации, или другим служителям культа, или частным лицам, если они не являются его родственниками по меньшей мере в четвертом поколении. Эти вопросы не подлежат компетенции суда присяжных.

Принятие конституции вызвало панику в церковных кругах. Почти все епископы бежали в США, где опубликовали резкий протест против нее. По наущению мексиканских иерархов папа римский, – игнорируют святыне права церкви, в то время как другие открыто противостоят им» 76. Папа решительно поддержал протест мексиканских епископов.

С нападениями на конституцию, в особенности на статьи, провозглашавшие

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

суверенное право Мексики владеть своими недрами, выступило правительство США. В антимексиканскую кампанию включилась американская католическая иерархия, а также церковники Западной Европы. Однако правительство Каррансы, а после него и Обрегон вовсе не думало проводить в жизнь антиклерикальные, ни многие другие прогрессивные по своему содержанию статьи конституции. Они даже не реагировали на нападки мексиканского епископата. И Карранса, и Обрегон не хотели осложнять отношений ни с церковью, ни с США. И тот и другой стремились консолидировать, нормализовать обстановку в Мексике, медленно приходившей к себе после разрушительной семилетней гражданской войны. Прошло некоторое время, и церковники, оправившись после первоначального испуга, вновь стали развивать свою деятельность.

К концу 1919 г., —отмечает Роберт Куирк, — положение церкви в Мексике значительно улучшилось. Епископам и большинству священников было разрешено вернуться в страну, и вновь руководители церкви перешли в наступление, сочиняя пастырские послания против социализма, способствуя изданию книг, памфлетов, защищающих точку зрения церкви на просвещение и социальный вопрос, и организуя и развивая клерикальные светские организации, выступающие за осуществление программы Льва XIII» 77.

Вновь была воскрешена католическая партия. Теперь она выступала под названием Национальной республиканской партии. Лидерами ее стали прежние руководители Католической партии. Церковники открыто призывали к борьбе против правительства. Леопольдо Лара, епископ Такамбаро, писал в те годы: «Многие поверили такой чудовищной нелепости... будто католики в соответствии с указаниями римской курии не должны вмешиваться в вопросы политики. Глупцы!!! Разве католики не являются гражданами и не имеют права и имущества, которые следует защищать? Неужели нам надо выпрашивать и ждать свободы, как подачки, от наших собственных врагов?» 78. Последователи церкви, пишет Паркс, и после принятия конституции «по-прежнему совершали паломничества, чтобы поклониться святой деве из Гуадулупы, а ее фанатики по-прежнему занимались самобичеванием, прижимали к головам венцы из кактусовых колючек и увешивали себе ноги тяжелыми железными гирями. Вся программа революции была духовенству антипатична. То обстоятельство, что духовенство, по его словам, имело свою программу реформ, не нарушало его союза с привилегированными классами... В 1921 г. (президентом тогда был Альваро Обрегон. — И. Г.) священники начали организовывать профсоюзы, объявив принадлежность к союзу, входящему в КРОМ79, смертным грехом. Но церковь ничего не делала для осуществления своей программы. Фабриканты должны были принимать ее предложения по доброй воле. Рабочим говорили, что повиновение хозяевам и примирение со своей бедностью являются их религиозным долгом. Ни один католический профсоюз ни разу не объявил ни одной забастовки» 80.

Как и в *10-е годы, отмечает Роберт Куирк, церковники не пытались разобраться, что означал социализм в их стране, они не делали различия между марксистами и реформистами, большевиками и фабианцами. В этом они педально ушли от «Силла-буса». Было только одно отличие от позиции 10-х годов: служители культа теперь считали своим главным врагом большевизм. Орган мексиканского епископата «Ревиста эклесиастика» призывал к борьбе с большевизмом, который, по его словам, стремился «превратить нашу несчастную страну во вторую Россию» 81.

Особую активность развивали в этот период организации типа «Католического действия», возглавлявшиеся иезуитом Альфредо Мендесом Мединой, получившим специальную подготовку в Ватикане. Мендес Медина создал в 1920 г. Конфедерацию католических ассоциаций Мексики. В течение последующих пяти лет (1920–1925) под руководством Мендеса Медины в стране были проведены 14 «социальных» недель, 2 сельскохозяйственных конгресса, 5 общенациональных конгрессов католических организаций (в их числе молодежи, женщин-католичек, католических профсоюзов). О размахе этой деятельности говорят такие данные: Католическая конфедерация труда Мексики, основанная в 1922 г., насчитывала три года спустя несколько десятков тысяч членов, более 300 центров; Организация католических дам – 216 центров и 23 тыс. членов; Ассоциация молодежи – 170 ячеек и 5 тыс. членов⁸². Общее число церквей достигло 12 757, или на 314 больше по сравнению с 1910 г.⁸³

Пользуясь безнаказанностью властей, церковники, действовавшие в союзе с олигархами и американскими капиталистами, все больше нагнали. 11 января 1923 г. они мобилизовали своих приверженцев на массовую демонстрацию в штате Гуанахуато, где в районе горы Кубилете, географическом центре Мексики, был заложен памятник Христу⁸⁴. В религиозной процессии участвовали тысячи верующих во главе с и епископами и представителем папы римского в Мексике апостольским делегатом Эрнесто Филипп. Это переполнило чашу терпения правительства, и два дня спустя по распоряжению тогдашнего

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
президента Обре-гоиа Филипп был выслан из Мексики.

И все же Обрегон даже теперь не желал обострять отношений с церковью. В ответе от 27 января 1923 г. на послание архиепископов, протестовавших по поводу высылки Филиппа, Обрегон указывал, что суть разногласий с церковью заключается в том, что духовенство отказывается поддержать социальную программу правительства, являющуюся по своему содержанию христианской. Обрегон отмечал, что духовенство выступает против сотрудничества с правительством, утверждая, что нельзя быть католиком, служить богу и добиваться социальной справедливости по примеру социалистов, хотя «постулаты подлинного социализма вдохновлены доктринами Иисуса Христа, который с полным основанием считается самым великим социалистом в истории человечества». В заключение Обрегон заверял церковных иерархов, что правительство не станет чинить препятствий их религиозной деятельности, и взамен просил не чинить препятствий правительству в его стремлении к социальной справедливости 85.

О желании Обрегона не обострять отношений с церковью говорило и то, что мексиканское правительство разрешило остаться в стране секретарю Филиппа монсеньору Серафино Чимино и позволило ему пользоваться кодом для связи с Ватиканом⁸⁶. В декабре 1924 г. Чимино официально был назначен апостолическим делегатом в Мексике и вскоре (уже при правительстве Кальеса) приступил к исполнению своих обязанностей.

Восстание кристеросов

Между тем мексиканские церковники продолжали развивать антиправительственную деятельность в нарастающем темпе. 9 марта 1925 г. они организовали новую подрывную светскую организацию – Национальную лигу в защиту религиозной свободы, в которую вошли все другие массовые католические организации. Руководители лиги возглавили впоследствии восстание кристеросов.

На что рассчитывали церковники, обостряя свои отношения с мексиканским правительством? На дальнейшее осложнение политической ситуации в стране, па удачный контрреволюционный переворот, на интервенцию США, правящие круги которых продолжали враждебно относиться к правительству Мексики, проявлявшему «строптивость» и стремление к независимому от Вашингтона политическому курсу. В частности, это проявилось в установлении в 1924 г. президентом Обрегоном дипломатических отношений с Советским Союзом и в принятии его преемником на президентском посту Кальесом приглашения посетить Советский Союз 87.

Кальес в период предвыборной кампании высказывался в поддержку требований Компартии Мексики о необходимости коренных социальных преобразований в стране. Правительство Кальеса оказывало поддержку национально-освободительному антиимпериалистическому движению в Никарагуа, к немалому неудовольствию правящих кругов США. Особенно враждебно были настроены против мексиканского правительства северные нефтяные монополии, опасавшиеся, что правительство Кальеса на основе ст. 27 конституции лишит их собственности на нефтяные поля, купленные за бесценок в период диктатуры Диаса. Действительно, 12 декабря 1925 г. правительство Кальеса опубликовало закон, обязывавший иностранные компании обменять права собственности на нефтеносные участки на права аренды, ограничив их 50 годами с момента приобретения участка. Этот закон вызвал взрыв новой антимериканской истерии в США и ряд угрожающих нот Вашингтона Кальесу, в которых правительство США недвусмысленно угрожало Мексике санкциями вплоть до прямой интервенции, если оно не оставит нефтяные компании в покое. Именно этот момент и избрали церковники для провоцирования конфликта с правительством Кальеса с целью добиться формальной отмены антиклерикальных статей конституции 1917 г. В конце 1925–начале 1926 г. в Мексику вернулись проживавшие в США и Ватикане мексиканские иерархи. Они стали лихорадочно готовиться к конфронтации с правительством Кальеса. 2 февраля 1926 г. папа Пий XI призвал католиков принять активное участие в политической борьбе против мексиканского правительства⁸⁸. Это послание практически благословляло мексиканскую церковь на борьбу с правительством.

Действительно, два дня спустя после опубликования послания Пия XI, 4 февраля 1926 г., архиепископ Мора-и-дель-Рио, 76-летний глава мексиканского

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org епископата, в интервью газете «Универсал» заявил о намерении церкви начать активную борьбу за отмену антиклерикальных статей конституции. 8 февраля того же года епископат опубликовал коллективное заявление с осуждением указанных статей, подписанное 5 архиепископами и всеми епископами страны. 10 мая 1926 г. был создан епископский комитет во главе с архиепископом Мора-и-дель-Рио в качестве председателя и Паскуаля Диаса, епископа Табаско, высланного из этого штата за антиправительственную деятельность, в качестве секретаря. Этот комитет возглавил борьбу церкви с государством в 1926– 1929 гг.

Антиправительственные выступления церковников не могли не вызвать ответной реакции правительства. Так возник новый религиозный конфликт в Мексике, длившийся до 1929 г. включительно и сопровождавшийся так называемым восстанием кри-стеросов, добивавшихся свержения Кальеса и установления в стране реакционного клерикального режима, приемлемого и для правящих кругов США.

Существует несколько точек зрения по поводу того, кто несет ответственность за этот конфликт. Клерикалы, как и многие американские буржуазные историки, разумеется, во всем винят Кальеса. Например, Хьюберт Херринг. утверждает, что «Кальес, идя на новые осложнения внутри страны и за рубежом, возобновил конфликт с церковью» 89. Более осторожно высказывается Дж. Ллойд Мечэм. Он признает, что до февраля, т. е. до антиправительственных заявлений Мора-и-дель-Рио и всего мексиканского епископата, Кальес не предпринимал никаких шагов, чтобы осуществить на практике антиклерикальные статьи конституции, хотя, утверждает Мечэм, «господствовало мнение», что Кальес был настроен осуществить именно это⁹⁰.

В свою очередь Роберт Куирк высказывает мнение, что «конфликт произошел не потому, что церковь стремилась вмешиваться в политику или революционеры были большевиками, а потому, что и церковь, и государство стремились установить свой контроль над мексиканским народом, не желая разделять его с кем бы то ни было» 91⁹².

Другие исследователи возлагают ответственность за религиозный конфликт главным образом на Кальеса. Разумеется, Кальес использовал церковный вопрос, чтобы удержать рабочее движение под своим контролем и отойти от политики социальных реформ под предлогом антиклерикальной борьбы. Такую возможность предоставило ему мексиканское духовенство своими агрессивными действиями. Не Кальес «выдумал» церковный конфликт, он был спровоцирован духовной иерархией п местной олигархией при поддержке Ватикана и ультраправых кругов США.

Требования церковников об отмене антиклерикальных статей конституции 1917 г. являлись продолжением той же реакционной линии, которую церковь проводила со времен Порфирио Диаса и даже раньше. Прав американский историк Фрэнк Тан-ненбаум, когда утверждает: «Мексиканская церковь поддерживала режим Диаса, относилась враждебно к Мадеро, показала себя другом Уэрты, а в дальнейшем выступала против конституции 1917 г. В конце концов она открыто отказалась выполнять относящиеся к ней статьи конституции» 93.

Инициатива развязывания очередного конфликта принадлежала вовсе не Кальесу, а церковникам, рассчитывавшим на поддержку реакционных сил не только в Мексике, но и за ее пределами, в первую очередь в США. Причем, как это неоспоримо доказано, церковники действовали с полного одобрения папы Пия XI, заядлого реакционера и почитателя Муссолини. Находясь в сговоре с церковной верхушкой США, Пий XI направил 4 марта 1926 г. в Мексику епископа Пуэрто-Рико Джорджа Дж. Каруаиу в качестве апостолического делегата⁹⁴ в надежде, что Кальес не отважится его тронуть. Каруана пробрался в страну, выдав себя за протестантского пастора и переодевшись в светскую одежду. Под его руководством был создан уже упоминавшийся нами епископский комитет во главе с архиепископом Морой п епископом Диасом. Каруана развил бурную деятельность, он даже тайно встречался с руководителем КРОМ Луисом Моронесом – министром торговли и доверенным человеком Кальеса. Но его интриги кончились тем, что 15 мая он был все же выслан из страны и обосновался в Гаване, откуда поддерживал тайную связь с мексиканским епископатам, его заместитель Тито Креспи продолжал оставаться в Мексике. Антимексиканская кампания в США, за спиной которой стояли нефтяные магнаты и католические церковные иерархи, продолжала нарастать. Епископы, «Рыцари Колумба» и прочие ультраправые организации и органы печати утверждали, что Кальес и его окружение – коммунисты, большевики, распространяют «советскую заразу», угрожая якобы коренным интересам США⁹⁵. Подобную же нелепицу повторяло и правительство США. Государственный секретарь Келлог утверждал, что Мексика якобы стала жертвой «большевистского заговора», а его заместитель заверял журналистов, что из «Мексики течет в Центральную Америку поток большевистской пропаганды, нацеленной на подрыв права собственности, общества и ныне существующих правительств» 96.

На наш взгляд, прав Н. С. Ларин, указывая, что «возникновение так называемого религиозного конфликта 1926–1929 гг. и религиозного восстания кристеросов было неразрывно связано с резким обострением мексикано-американских отношений, ибо латифундисты и католическая церковь не могли в одиночку и без помощи извне открыто начать борьбу за ревизию мексиканской конституции». Церковники развязали кампанию против правительства Кальеса в момент резкого обострения отношений между Мексикой и США. Подчеркивая это обстоятельство, Н. С. Ларин отмечает: «Расчет церкви строился на том, что правительство не сможет противостоять объединенным силам внешней и внутренней реакции и будет вынуждено отменить те положения конституции, которые ограничивали материальные богатства и влияние католической церкви» 97.

Правительство Кальеса не могло согласиться на пересмотр антиклерикальных статей конституции 1917 г., ибо с таким же основанием оно должно было бы пересмотреть и статьи, неугодные США, что вызвало бы резкие протесты мексиканской общественности и, возможно, новый революционный взрыв. «Во имя сохранения господства буржуазии правительство Кальеса было вынуждено принять вызов, – пишет Н. С. Ларин, – брошенный духовенством, и постепенно под давлением общественного мнения начать претворять в жизнь именно те статьи конституции, против которых боролась церковь» 98.

Правительство выслало из страны 83 священников-иностранцев, главным образом испанцев, и монахинь-иностранок, были привлечены к судебной ответственности церковники – авторы подрывных деклараций, закрыты монастыри, действовавшие под видом колледжей, школы при монастырях, приюты, находившиеся под церковным контролем⁹⁹; частные школы должны были регистрироваться в министерстве просвещения, преподавание религии отменялось, запрещалось церковникам любого культа работать в школе и использовать на уроках любой церковный материал (образки, иконы и т. д.). Кроме того, по распоряжению правительства в штатах местные власти установили квоты на количество священников из расчета 4 священника на 10 тыс. верующих.

3 июля Пий XI, выступая в Ватикане перед латиноамериканскими семинаристами колледжа «Пио Латиноамерикано», резко осудил мексиканское правительство, обвинив его в «гонении» на религию. На следующий день оба эти обвинения были повторены в официальной ноте статс-департамента, направленной дипломатическим миссиям, аккредитованным при Ватикане. Ватикан явно подавал сигнал мексиканским церковникам продолжать начатую борьбу с государством в Мексике.

14 июля 1926 г. правительство Кальеса издало закон, регламентирующий приведение в жизнь антиклерикальных статей конституции 1917 г. Закон разрешал только священнослужителям мексиканского происхождения осуществлять свои функции на территории страны. По собственному усмотрению федеральная исполнительная власть могла в административном порядке выслать из страны иностранных священников, нарушающих это положение, в соответствии с правом, предоставленным ей ст. 33 конституции.

Закон провозглашал обучение в государственных учебных заведениях, а также в начальных и старших классах частных школ – светским. В случае нарушения виновные должны были подвергаться наказаниям, предусмотренным законом, а школа подлежала закрытию.

4-я ст. закона запрещала любым религиозным корпорациям и священнослужителям, вне зависимости от вероисповедания, открывать начальные школы или руководить ими. Частные начальные школы подлежали государственной инспекции.

За нарушение этих постановлений виновные карались штрафом до 500 песо или лишением свободы сроком до 15 дней.

Не допускалось создание новых монашеских орденов, каковы бы ни были их названия и цели, а существующие подлежали закрытию, их бывшие члены брались властями на учет.

За возобновление своей прежней деятельности бывшие монахи могли быть подвергнуты лишению свободы на срок от одного до двух лет, а настоятели, приоры, прелаты, руководители или лица, занимавшие официальные должности в организации или управлении новых монастырей, лишались свободы на шесть лет. Подлежали наказанию согласно закону лица, пытавшиеся убедить или склонить несовершеннолетних к вступлению в монашескую корпорацию, даже если они были связаны с этими несовершеннолетними родственными узами, и лица, пытавшиеся убедить или склонить к тому же совершеннолетних.

Священнослужители, которые публично, а также в писаниях, проповедях или молитвах подстрекали своих читателей или слушателей к ниспровержению политических институтов либо к неповиновению закону или приказам властей, также карались тюремным заключением сроком на шесть лет и подвергались штрафу.

Если же как прямой и непосредственный результат такого подстрекательства кто-либо применит силу, угрозы, физическое или моральное насилие по отношению к государственной власти или ее носителям или пустит в ход оружие, то он будет подвергнут тюремному заключению на срок более одного года и штрафу. Священнослужители, ответственные за подобное подстрекательство к насилию, будут подвергаться тюремному заключению сроком на шесть лет, если только беспорядки не выльются в преступление, за которое полагается более суровое наказание. Если же число лиц, участвующих в указанных беспорядках, составит десять или более, то к виновным будут применены более суровые наказания.

Священнослужителям при любых обстоятельствах запрещалось критиковать основные законы страны, деятельность властей и правительства. Нарушители наказывались лишением свободы сроком на пять лет.

Священнослужителям не разрешалось принимать участие в политических собраниях. Нарушение влекло наказание, предусмотренное законом, а собрания подлежали немедленному закрытию властями.

Закон категорически запрещал в государственных школах преподавать предметы, предназначенные для профессиональной подготовки служащих какого-либо культа. Лица, виновные в нарушении этой статьи, подлежали увольнению. Им запрещалось занимать какую бы то ни было должность в том же ведомстве в течение периода от одного до трех лет.

Религиозные и другие издания, проповедующие какое-либо религиозное учение, что следовало из программы или названия этих изданий, лишались права комментировать политические вопросы или публиковать информацию о действиях властей либо отдельных лиц, которые непосредственно связаны с деятельностью государственных органов. Руководители подобных изданий за нарушение данной статьи подлежали наказанию соответственно закону.

Создание политических организаций любого типа, названия которых содержали хотя бы одно слово или указание на их связь с какой бы то ни было религией, категорически возбранялось. За нарушение этой статьи руководящий орган или лица, возглавлявшие такую организацию, подлежали наказанию согласно закону, а организация – роспуску.

Закон не допускал проводить политические собрания в церквях или других местах, предназначенных для публичных богослужений. Церковные лица за непосредственную организацию такого собрания, приглашение на него людей или личное участие в нем подлежали наказанию в соответствии с законом, в равной степени, как и за разрешение провести такое собрание или сокрытие факта его проведения. В обоих случаях федеральная исполнительная власть могла отдать приказ о временном или постоянном закрытии церкви 10°.

Как явствует из текста этого закона, он не заключал в себе ничего нового по сравнению с конституцией 1917 г., а лишь регламентировал нормы осуществления ее антиклерикальных статей.

Позднее был опубликован президентский декрет о реформе уголовных кодексов Федерального (столичного) округа и территорий¹⁰¹, предусматривавший детальные наказания за нарушение антиклерикального законодательства. Эта реформа должна была вступить в силу в том же 1926 г.

25 июля мексиканская церковная иерархия в составе 8 архиепископов и 29 епископов опубликовала послание верующим, в котором объявляла о начале с 31 числа указанного месяца бойкота государства «вплоть до того момента, когда будут пересмотрены законы о свободе совести и католической церкви».

Церковники постановили прекратить все религиозные службы, «требующие участия священника»: молебны, крестины, браки, похороны и т. п. Детям верующих запрещалось впредь посещать государственные школы.

В своем послании церковные иерархи угрожали отлучением от церкви всем, кто ослушается их приказа о бойкоте государства. Они заявляли: «И с еще большим основанием заслужил бы позорное прозвище предателя своей религии и подверг бы себя тяжелым каноническим наказаниям тот, кто осмелился бы доносить на лиц духовного звания или имущество церкви». Далее в послании перечислялись кары, которые ожидали противников церкви.

Заслуживают особого отлучения Ватикана, говорилось в послании, те, кто издает законы, приказы или декреты, направленные против свободы или прав церкви; кто прямо или косвенно препятствует осуществлению церковной юрисдикции во внутренних или внешних делах, используя для этого гражданскую власть; кто осмеливается подавать в мирской суд на своего епископа.

Заслуживают простого отлучения Ватикана те, кто вступает в масонские ложи или другие подобные секты, которые действуют против церкви или против законных гражданских властей; кто подает в мирской суд на своего епископа или на главу монастыря или ордена с епископскими правами; кто захватывает для себя или для других какое-либо церковное имущество, движимое или недвижимое, или препятствует в получении плодов или доходов тем, кому они принадлежат по праву; кто похитит, уничтожит, украдет или подделает

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org документ, принадлежащий епископской курии.

Церковники заявляли: «В первый день августа наместник Иисуса Христа его святейшество Пий XI вместе со всем католическим миром будет молиться за мексиканскую церковь; объединимся со святым отцом и нашими братьями во всем мире, превратив этот день в день молитвы и покаяния» 102.

Церковные иерархи вовсе не скрывали, что действуют с согласия и по указанию Пия XI. Как стало позже известно, незадолго до публикации указанного выше документа статс-секретарь Ватикана кардинал Гаспарри телеграфировал Каруане в Гавану: «Святой престол осуждает закон (Кальеса от 14 июня 1926 г. – О. Г.) и, следовательно, любой акт, могущий означать или быть истолкованным верующими как согласие или признание этого закона» 103. Этой телеграммой Ватикан давал «добро» на развязывание конфликта церкви с государством. Послание мексиканского епископата зачитывалось во всех церквях Мексики перед толпами верующих.

Вслед за этим посланием лига защитников свободы религии опубликовала следующую программу бойкота.

1. С 31 июля все католики должны отказываться от прогулок, развлечений, посещений кино, театров, балов и всякого рода общественных и частных развлечений. Да будет проклят католик, который в то время, когда в нашей стране забыли бога, осмеливается развлекаться!

2. Католики отказываются покупать одежду, лакомства, фрукты и другие потребительские товары. Что же касается продуктов питания, то нужно брать лишь предметы повседневной необходимости; одежду – по самой острой необходимости (ни лишних расходов, ни преждевременных-покупок: это противоречило бы бойкоту).

3. Католики не будут пользоваться трамваями, автобусами и другим транспортом. В случае острой необходимости они обратятся к самым дешевым средствам передвижения.

4. Католики не станут покупать лотерейные билеты 104 и посещать светские школы.

5. Они откажутся покупать газеты, выступающие против этой программы или не поддерживающие ее. Не будут давать таким газетам рекламных объявлений.

6. Католики будут преподавать катехизис у себя дома. Они станут молиться вместе со своей семьей за свободу церкви, будут покупать только католические газеты, организуют центры по изучению катехизиса и, если только церкви останутся открытыми, примут участие как можно в большем количестве религиозных служб.

7. Все католики, без исключения, станут усердными пропагандистами этой программы среди населения в мастерских, на фабриках, в магазинах, с тем чтобы добиться всеобщего участия в бойкоте вплоть до завоевания победы 105. Подрывные действия мексиканских церковников сопровождалась

антимексиканскими заявлениями! духовных иерархов в других странах Латинской Америки, США, Франции, Германии, фашистской Италии, в печати Ватикана. Пий XI призвал верующих мира 1 августа выступить с осуждением правительства Мексики. Вместе с тем в поддержку Кальеса выступили все профсоюзные и другие светские организации и партии Мексики, прогрессивная мировая общественность. В Мехико состоялась 100-тысячная демонстрация рабочих в знак солидарности с властями.

На этот раз, однако, церковникам п их покровителям в США не удалось убедить американское правительство встать на их защиту и оказать решительное давление на Кальеса. Последний не только не трогал протестантов, но всячески им благоволил. Президент США Куллидж, опасаясь прослыть покровителем папы и потерять голоса протестантов, предпочел воздержаться от резких выпадов против Кальеса. Вашингтон рассчитывал, что президент Мексики в поисках выхода будет в конце концов вынужден пойти на сговор с США. Как мы увидим ниже, эти надежды вполне оправдались.

Мексиканские епископы тоже были не прочь договориться с Кальесом на приемлемых для них условиях. Уже в начале августа епископский комитет, понимая, что бойкот не продлится долго, стал искать встречи с Кальесом для поиска решения религиозного конфликта. Кальес принял Мору и Диаса 21 августа 1926 г., но пойти на какие-либо уступки решительно отказался. Президент предложил церковникам обратиться с петицией в конгресс о пересмотре антиклерикальных статей конституции. Контакты Мору и Диаса с Кальесом обеспокоили Ватикан. Кардинал Гаспарри телеграфно потребовал от Мору объяснения. Архиепископ поспешил его заверить, что «при божьей помощи мы никоим образом не отойдем от инструкции святого престола» 106. Надеясь на компромисс с Кальесом, церковники представили в конгресс соответствующую петицию, но депутаты 21 сентября отклонили ее почти единодушно (за петицию голосовал только один депутат).

«Отклонение епископской петиции в конгрессе, – отмечает Н. С. Ларин, – означало крупное поражение церковников: они исчерпали все дозволенные

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

методы апелляции к общественному мнению и ни один из них не дал желаемых результатов; широкие народные массы не откликнулись на реакционные призывы духовенства поддержать его требования реформировать конституцию. Расчет князей церкви на возникновение волнений и даже вооруженных выступлений против правительства провалился. Это обстоятельство свидетельствует о значительно возросшем уровне политической сознательности мексиканского народа, и в первую очередь рабочего класса, в руководстве которым коммунистическая партия играла не последнюю роль. Слишком живы были воспоминания о революции 1910–1917 гг. и слишком глубокие корни пустили в народе антиимпериалистические и антиклерикальные настроения, чтобы можно было легко обмануть народ, принеся столько жертв в борьбе за свои идеалы, достижения которых казалось столь близким» 107.

Параллельно с подрывными действиями церковники пытались создать респектабельную легальную партию под названием Национальный союз, которая должна была являться видимой частью католического подполья на случай разгона католических организаций, объединенных в лиге. Но и из этой затеи ничего путного не получилось: духовенство оказалось не в состоянии сочетать подпольные и легальные методы борьбы с правительством.

18 ноября 1926 г. Ватикан опубликовал циркуляр (эпистола) Пия XI, в котором папа брал под защиту подрывные действия мексиканского духовенства; этим он открывал дорогу для организаторов клерикального мятежа в Мексике. Уже в середине 1926 г. стали возникать в сельской местности вооруженные банды верующих, нападавшие на местные органы власти, убивавшие сторонников правительства и грабившие население под предлогом помощи церкви. Организаторами таких банд были священники, активисты лгги, местные олигархи и зажиточные ранчеры. Этих бандитов, боевым кличем которых был «Да здравствует король Христос!», стали называть крпстеросамп. В начале 1927 г. восстание охватило ряд штатов. Официально епископский комитет не поддерживал движения крпстеросов, но это был тактический ход: Мора и Диас боялись навлечь на себя репрессии правительства. В действительности же без их поддержки вооруженное движение крпстеросов не могло бы возникнуть.

Более решительно действовали местные церковные власти. Так, архиепископ Дуранго Гонсалес-и-Валенсия в пастырском письме от 11 февраля 1927 г. заявлял: «В связи с тем что в нашей архиепархии многие католики прибегли к оружию и спрашивают мнение об этом своего епископа (а он не может отказать своим чадам), мы считаем своим пастырским долгом высказаться по этому вопросу. Полностью осознавая значение этого нашего пастырского акта перед богом и перед историей, мы обращаемся к ним со следующими словами. Мы ни в коей мере не способствовали появлению этого вооруженного движения; но так как мирные средства были исчерпаны, это движение существует. И мы должны сказать своим чадам-католикам, которые взялись за оружие ради защиты своих социальных и религиозных прав: „Пусть ваша совесть будет спокойна, и примите наше благословение“. Мы говорим это после длительного размышления перед богом, после того как проконсультировались у самых ученых теологов г. Рима» 108.

Тем более не стеснялись открыто поддерживать крпстеросов мексиканские церковные иерархи, бежавшие или высланные за рубеж. Пий XI также откровенно поддержал мятежников. 18 ноября 1926 г. он опубликовал энциклику «Иникиус аффоик-тискуэ», в которой назвал мексиканских государственных деятелей варварами, а выступающих против них церковников – борцами за католическую веру против «большевистских и коммунистических принципов». Папа благословлял церковников и католических деятелей, «стремящихся испытать муки и радующихся им» 109. Это воинственные заявления Пия XI не оставляли сомнения в том, что он приветствует и одобряет вооруженную борьбу против мексиканского правительства.

В конце 1926 г. политическим руководителем восстания назначается находившийся тогда в США клерикальный деятель Рэне Капистран Гарса, а военным – Энрике Горостиета. Крпстеросы рассчитывали на помощь проживавших в США у границы с Мексикой противников режима Кальеса генерала Феликса Диаса и его порфиристских сторонников и генерала Энрике Эстрады, бывшего военного министра в правительстве Авольфо де ла Уэрты (1920 г.). Но эти надежды не оправдались, ибо правительство США сочло более благоразумным добиться соглашения с Калье-сом, располагавшим в стране реальной властью, чем выступать в поддержку клерикалов, где имевших никаких шансов на победу, где тем самым еще более ухудшать свои отношения с правительством Мексики. Поэтому ни Эстрада, ни Диас не смогли принять активного участия в мятеже крпстеросов.

Не оправдались надежды мятежников и на получение крупной финансовой поддержки в США: Капистран Гарса радушно встречали и американские церковные иерархи, и финансовые магнаты, но крупных сумм от них он не

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org получил. Никто из его покровителей не хотел финансировать безнадежное мероприятие, а именно таким оказался религиозный конфликт, развязанный мексиканскими церковниками.

Восстание кристеросов не получило того развития, на которое вначале рассчитывали его организаторы. Кристеросы нападали на небольшие селения, убивали правительственных чиновников, устраивали засады на дорогах, поджоги, крушения поездов, грабили гражданское население. Однако они были неспособны взять хотя бы средней величины город или административный центр и, как правило, в столкновениях с правительственными войсками терпели поражения.

Правительственные войска не велп активных военных действий против кристеросов, но в городах власти не церемонились с духовенством. В столице, где функционировали 136 церквей, число священников по решению властей было сокращено с 289 до 90. 12 января 1927 г. был выслан из страны епископ Паскуаль Диас, 21 апреля министр внутренних дел Техеда принял архиепископа Мору и пять других епископов. Они были обвинены в подстрекательстве к восстанию. Мора заявил министру: «Мы не помогали восстанию. Мы не участвовали в заговоре, но мы считали, что мексиканские католики имеют право бороться за свои права в первую очередь мирными средствами и с оружием в руках – в крайнем случае» по. Посчитав это заявление противоречащим существующему законодательству, министр Техеда отдал приказ о немедленной высылке из страны этих церковных иерархов во главе с Морой, что в значительной степени ослабило позиции мятежников.

Потерпел провал и бойкот государству, объявленный клерикалами. Широкие массы верующих, в том числе и крестьяне, не поддержали бойкота. «Индийское крестьянство, – отмечает по этому поводу Г. Паркс, – было очень набожно, но вера его и через 400 лет была более языческой, чем христианской. Пока церкви оставались открытыми, пока индейцы могли жечь свечи, исполнять пляски и праздновать фиесты в честь своих местных святых, они могли обойтись без услуг священников» ш.

Как и следовало ожидать, все эти неудачи вызвали в лагере церковников и их союзников серьезные разногласия. Большинство мексиканских церковных иерархов бежало за границу и обосновалось в США¹¹². Часть из них решительно выступала в поддержку кристеросов, другая же, к которой присоединился высланный из Мексики епископ Диас, высказывалась в пользу примирения с государством и поиска компромисса с правительством Кальеса. И те и другие пытались склонить на свою сторону Ватикан. Диасу удалось заручиться поддержкой правящих кругов США и через их посредство не без труда убедить Ватикан в необходимости, пока не поздно, пойти на уступки и договориться с мексиканским правительством. Пий XI в конце концов был вынужден дать отбой и согласиться на переговоры с Калье-сом. Он опасался, что Кальес окажет поддержку так называемой Национальной католической церкви, возглавляемой группой бывших католических священников, выступавших за сотрудничество с правительством. Боялся Пий XI и заигрывания Кальеса с протестантами, деятельность которых в Мексике не ограничивалась властями.

Кальес в свою очередь был не прочь примириться с церковниками, но при условии их отказа от активного участия в политике и признания права государства регламентировать их деятельность. Кальес стал особенно добиваться соглашения с церковью, когда он повернул в сторону сотрудничества с американским капиталом и сам включился в антикоммунистическую и антисоветскую кампанию. Достижению соглашения, однако, препятствовали различные события, в частности мятеж генералов Гомеса и Серрано в октябре 1927 г., убийство 17 июля 1928 г. Альваро Обрегона, избранного повторно президентом республики, а также резкое обострение классовой борьбы в стране.

Как это было, доказано на суде убийцы Обрегона Торраля, за его спиной стояли влиятельные церковные круги, предпочитавшие Обрегону Кальеса, вступившего на путь антикоммунизма и сговора с американским капиталом. Обрегон оставался верным антиимпериалистическим традициям революции 1910–1917 гг. Его убийство вызвало в стране такую мощную волну возмущения против церкви, что попытки ее сговора с Кальесом застопорились надолго. орроу – партнер мультимиллионера Моргана – сумел добиться от Кальеса неприменения нефтяного закона, обязывавшего иностранные компании сменить свои титулы собственности на арендные отношения. Это была существенная уступка Кальеса американским империалистам. Кальес, повернув круто в сторону сотрудничества с американским капиталом, стал применять репрессивные меры по отношению к независимому рабочему движению, силой подавлять забастовки, бросать в тюрьмы аграристов – активистов движения за аграрную реформу, преследовать коммунистов. Запретив Антиимпериалистическую лигу, он устроил 2 июня 1927 г. провокационный полицейский налет на помещение советской миссии в Мехико, лишил лидера компартии Эрнана Лаборде

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org депутатского мандата. Кальёсты даже обвинили III Интернационал в соучастии в мятеже генералов Гомеса и Серрано, которых поддерживали олигархи. Эти действия Кальёса пришили Вашингтону по душе. Верховный вождь мексиканской революции стал персона грата для американских монополистов. Они решили поддержать его и таким образом стабилизировать политическое положение в Мексике, что являлось необходимой предпосылкой для успешной деятельности иностранных монополий в этой стране. Вместе с тем американцы вовсе не были заинтересованы в разгроме католической оппозиции, услугами которой они могли воспользоваться для давления на того же Кальёса в случае, если он начнет проявлять враждебность по отношению к США. Отсюда – стремление США примирить враждующие стороны – Кальёса и церковников – и их активное участие в переговорах по достижению между этими сторонами соответствующего соглашения из.

Морроу поддерживали и американские церковные иерархи. В посреднической миссии вместе с ним и под его руководством действовал американский прелат Джон Дж. Беркли из Национальной католической ассоциации благоденствия, который в свою очередь был связан с мексиканскими прелатами в США и Ватиканом. Смерть в апреле 1928 г. архиепископа Мора-и-дель-Рио облегчила задачу посредников. Место умершего занял архиепископ Леопольдо Руис-и-Флорес, склонный более своего предшественника к компромиссу с Кальёсом.

Тайные переговоры с участием Морроу длились 18 месяцев. Они продолжились и при президенте Портес Хиле, сменившем в конце 1928 г. на этом посту Кальёса. В мае 1929 г. Ватикан назначил апостольским делегатом в Мексике архиепископа Руиса-и-Флореса, и вскоре он и епископ Диас вместе с Морроу прибыли в столицу. Прелаты расположились в домах дипломатических работников американского посольства, они пользовались кодом посольства США и Чили для связи с Ватиканом. Вскоре к ним присоединились иезуит Эдмунд Уолш, вице-президент Джорджтаунского университета в Вашингтоне, и чилийский дипломат, бывший посол в США Мигель Кручага Токор-наль. Уолш и Кручага взяли на себя обеспечение технической стороны переговоров.

Упомянутые выше прелаты при содействии Морроу начали переговоры с Портес Хилем. Пий XI потребовал, чтобы мексиканский президент гарантировал амнистию церковникам, выступавшим против правительства, вернул церкви все конфискованные Кальёсом здания и гарантировал свободу сношений между местной иерархией и Ватиканом¹¹⁴. Портес Хиль отказался удовлетворить эти требования. Церковникам пришлось довольствоваться публичным заявлением президента, в котором он заверял, что уничтожение церкви, существа католического или любого другого культа, так же как вмешательство в духовные функции культов, вовсе не соответствует ни духу конституции и законов, ни намерениям правительства Мексики. Затем президент дал следующую интерпретацию антиклерикальных законов:

1. Закон, требующий регистрации священников, вовсе не означает, что правительство может регистрировать тех, кто не был назначен на эту должность своим иерархическим начальником или в соответствии с правилами данного культа.

2. Конституция и существующие законы запрещают преподавание религии в начальных или высших школах, государственных или частных, но служителям культа не запрещается учить религии в пределах церкви как взрослых, так и детей, могущих посещать их с этой целью.

3. Конституция, как и законы страны, гарантирует всем жителям республики право петиции. Следовательно, члены любой церкви могут обращаться к соответствующим властям с просьбой об изменении, отмене или принятии любого закона¹¹⁵.

Самым важным для церковников был первый пункт, который означал фактическое признание государством церковной организации и гарантировал им, что государство не использует свое право на регистрацию служителей культа для подмены римско-католических священников представителями, например, Национальной католической церкви. Пункты 2 и 3 не заключали ничего нового, они лишь подтверждали неоднократно высказываемую ранее точку зрения властей.

Кроме того, Портес Хиль объявил все вопросы, связанные с функционированием религиозных культов, входящими в компетенцию центрального правительства, что ограждало церковников от произвола местных властей.

Обе стороны явно стремились к прекращению конфронтации. С одной стороны, правительство отдавало себе отчет в том, что ликвидировать или даже поставить церковь на колени оно не в состоянии. С другой стороны, оно надеялось, что духовенство извлечет из конфликта с государством соответствующий урок и прекратит подрывную деятельность. Церковники же со своей стороны поняли, что насильственные действия не только не принесут им

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
успеха, но могут еще больше ослабить их позиции в обществе, подорвать влияние на верующих. Такова была атмосфера переговоров между сторонами, которые завершились соглашением о прекращении бойкота и мятежа кристеросов. 22 июня 1929 г. духовенство возобновило церковную службу. Некоторое время спустя прекратилось восстание кристеросов, в результате которого погибло около 30 тыс. человек. Властям сдалось около 14 тыс. католических мятежников¹¹⁶.

Вскоре Руис-и-Флорес ушел в отставку с поста архиепископа Мехико, но остался апостолическим делегатом. Его место занял Паскуаль Диас. Прекращение церковного конфликта сопровождалось новыми нападками Кальеса и его ставленника Портес Хиля на коммунизм, разрывом дипломатических отношений с Советским Союзом, объявлением вне закона компартии Мексики и закрытием ее печатного органа газеты «Мачете».

Несмотря на эти «примирительные» жесты в адрес реакции и ее союзницы церкви, отношения с последней правительства налаживались не без трудностей и конфликтов. Причины тому были разные. Далеко не все служители церкви поддержали условия соглашения, достигнутые в 1929 г. Часть из них обвиняла архиепископа Диаса и его «фракцию» в капитуляции перед правительством, в предательстве интересов церкви и продолжала подрывную деятельность против государства. Правительство Пор-тес Хиля было не прочь временами пойти на обострение отношений с церковью, чтобы доказать свою верность «идеалам мексиканской революции». После 1929 г. церковники развили бурную деятельность через «Католическое действие», делая вид, что никаких ограничительных законов для них более не существует. Они создавали различные светские организации, клубы, вечерние школы, созывали конференции, конгрессы, симпозиумы. В декабре 1931 г. духовенство под предлогом празднования 400-ле-тия Гуадалупской девы провело мобилизацию своих сторонников. Гуадалупскую базилику посетило около полумиллиона человек, а в торжественном молебне по этому поводу участвовали 27 архиепископов и епископов и около 200 священников – половина всех зарегистрированных в стране.

Такая активность настораживала правительственные круги, которые время от времени предпринимали меры с целью напомнить церковникам, кто является подлинным хозяином положения в стране. Так, в октябре 1932 г. из страны был выслан апостолический делегат архиепископ Руис-и-Флорес, объявленный «нежелательным иностранцем», хотя он был коренным мексиканцем.

Церковь против правительства Карденаса

В 1934 г. официальная Партия мексиканской революции одобрила шестиплечный план экономического развития Мексики, обещала более энергичное осуществление аграрной реформы и введение в стране социалистического образования. Эти обещания должны были укрепить авторитет сторонников правительства в массах, упрочить позиции национальной буржуазии. Глашатаем нового курса стал избранный на президентский пост в том же году генерал Ласаро Карденас, который вскоре после своего прихода к власти порвал с кланом Кальеса, а его самого выслал в США.

ударство, является социалистическим, и, помимо псшпочения всякой религиозной доктрины, оно будет бороться против фппатпзма религиозных предрассудков. Для этого школа будет придерживаться в своей деятельности и системе обучения таких методов, которые позволят молодежи выработать рациональные и ясные взгляды на Вселенную и жизнь общества»¹¹⁷.

Принятие нового текста ст. 3 конституции с включением понятия «социалистическая школа» имело огромное принципиальное значение. Впервые в истории Латинской Америки в конституцию вводился термин «социализм», столь ненавистный для реакционеров и их империалистических покровителей.

Разумеется, различные течения, из которых складывался правительственный лагерь, по-разному интерпретировали понятие «социалистическая школа». Таку например, сам президент Карденас высказал на этот счет следующее мнение: «Главный принцип социалистической школы состоит в том, чтобы бороться за исчезновение индивидуалистического экономического строя и поддерживать неотложную необходимость установления коллективистской экономики в интересах трудящихся»¹¹⁸. Сторонники Карденаса, как и он сам, увязывали программу «социалистической школы» с намечаемыми социальными преобразованиями: аграрной реформой, национализацией нефтяной

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
промышленности, обеспечением демократических свобод, независимым внешнеполитическим курсом.

Реакция расценила введение социалистического образования «коммунистической затеей», новой попыткой ущемить интересы церкви. 16 января 1936 г. 9 архиепископов, в их числе Паскуаль Диас, и 30 епископов в послании верующим предупреждали, что, посылая детей в школы, где может преподаваться социализм, они совершают смертный грех, за который подлежат отлучению от церкви¹¹⁹. Этим посланием церковные иерархи вновь угрожали развязать религиозный конфликт в стране. Как бы в ответ на это Карденас заявил 16 февраля, что считает основной задачей осуществление социальной и экономической «программы революции», а не борьбу с церковью.

«Правительство, – утверждал президент, – не совершит ошибку прежней администрации, поставив религиозный вопрос над всеми другими национальными задачами. Антирелигиозные кампании вызовут только новое сопротивление (верующих) и окончательно отодвинут экономическое возрождение»¹²⁰.

Тем не менее церковники продолжали считать Карденаса своим самым главным и опасным противником.

Ватикан внимательно следил за развитием событий в Мексике. 28 марта 1937 г. папа Пий XI издал специальную энциклику «О религиозном положении в Мексике», он призывал духовенство уделять внимание положению бедных, которые «становятся легкой жертвой дехристианизирующей пропаганды, предлагающей им мираж экономических улучшений в качестве па-грады за отступничество от бога и его церкви».

Под воздействием этих подрывных призывов вновь оживились банды кристеросов. Они убивали сельских учителей, уродовали учительниц, отрезая им уши и носы, сжигали школы. В 1935–1939 гг. около 300 учителей, в том числе многие женщины, погибли от террора кристеросов и помещиков.

В 1936 г. в Сьюдад-Гонсалес (штат Гуанахуато) толпа верующих, подстрекаемая кристеросами и местным католическим священником, учинила зверскую расправу над группой работников просвещения, прибывшей из столицы. Фанатики линчевали 18 учителей, 30 учителей были тяжело ранены. Получив известие об этой бандитской расправе, Карденас немедленно направился в Сьюдад-Гонсалес. Собрав народ в церкви, президент произнес речь, в которой сказал: «Кто ответствен за пролитие крови? Не учителя, разъезжающие по стране, пробуждая сознание народа, обучая детей их обязанностям и указывая трудящимся путь, ведущий к их экономическому освобождению и культурному развитию...

Ответственными являются те люди, которые живут в роскоши и провоцируют трудящихся на братоубийственную борьбу. Это они, крупные арендаторы, чаще всего крупные латифундисты, для того чтобы продолжить бесчеловечную систему эксплуатации, вызывают кровопролития и погружают всю нацию в траур».

Особенно обострилась борьба клерикалов с правительством с началом гражданской войны в Испании. Мексиканская реакция, включая духовенство, считала дело генерала Франко своим кровным делом. В 1937 г. мексиканский епископат официально приветствовал Франко. Карденас разрешил продажу оружия законному правительству Испании. Это вызвало взрыв негодования у реакции и новую волну кристеросовских мятежей. В 1938 г. церковники оказали поддержку восстанию генерала Седильо, за спиной которого стояли нефтяные монополии.

Властям удалось подавить и этот мятеж. В одном из столкновений с правительственными войсками Седильо был убит. Несмотря на это новое поражение, церковники не прекращали своих выступлений против правительства. Реакционеры объясняли антиклерикальную политику властей влиянием на правительство коммунистов. Однако именно мексиканские коммунисты решительно осуждали любое проявление враждебности к католической религии, призывая не ожесточать верующих, а включать их в общенациональную борьбу против реакции, фашизма, империализма за социальные преобразования. Так, в резолюции конференции по проблемам образования, созванной компартией Мексики в феврале 1938 г., говорилось: «Партия осуждает тенденцию рассматривать деятельность в области образования как антирелигиозную борьбу и считает, что эта тенденция представляет один из пережитков анархистской идеологии, которой было заражено рабочее движение на ранних этапах своей деятельности... Кроме того, следует изменить отношение к католическим семьям, чтобы завоевать их доверие и побудить посылать своих детей в государственные школы». Конференция призывала коммунистов проводить по отношению к католикам политику «протянутой руки». Резолюция требовала прекратить «оскорблять религиозные чувства верующих, хватит размахивать знаменем вульгарного антиклерикализма. Необходимо рассматривать католиков в своей массе и по своему социальному положению как трудовое эксплуатируемое население, и надо по-братски протянуть им руку, завоевывая их на сторону революционного движения»¹²¹.

В 1937 г. в руководстве католической церкви произошли существенные изменения: умер архиепископ Паскуаль Диас, ушел с поста апостолического

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org делегата архиепископ Рупс-и-Флорес (оба этих деятеля были связаны с религиозным конфликтом

20-х годов). На место Диаса был назначен Луис-Мария Мартинес, временно занявший пост и апостолического делегата. Мартинес был настроен более примирительно к правительству Карденаса, что сказалось на отношении церковной иерархии к национализации нефти в 1938 г.: в этот трудный для Мексики момент, когда США угрожали правительству Карденаса санкциями, церковь высказалась за национализацию. Карденас положительно оценил этот акт, отметив, что впервые католики поддерживают действия правительства. В политическом плане наблюдалось определенное раздвоение среди католиков – на ультрареакционеров, создавших в 1937 г. ультраправую полуфашистскую организацию Национальный союз синаркистов, выступавших с позиций социальной демагогии против правительства Карденаса, и на возникшую в 1939 г. Партию национального действия (ПНД) с программой демохристианского толка, претендовавшую на роль респектабельной оппозиционной группировки. Партия объединила под своей вывеской представителей консервативно настроенных слоев буржуазии, банковских кругов и земельной аристократии, за что ее прозвали «клубом банкиров».

Что касается синаркистов, то их программу католический автор Ф. Б. Пайк излагает так: они обвиняли правящую партию в подчинении Москве, нападали на либералов, призывали мексиканцев отказаться от классовой борьбы и заменить ее мистикой, замешанной на проповеди любви, человечности, испанского культурного наследия и католицизма. Вместе с тем они нападали на американский империализм, считая, что он урожает экономике и культуре Мексики 122.

Синаркисты, кроме того, пытались привлечь на свою сторону крестьян, обещая обеспечить их землей. Демагогические ультра-националистские лозунги и крупные финансовые ресурсы, которыми располагали синаркисты, позволили им привлечь на свою сторону многие деклассированные элементы, зажиточных фермеров (ранчero) и некоторые средние слои. В 40-х годах организация синаркистов насчитывала около 500 тыс. членов.

Если синаркисты выступали в роли нацистских штурмовиков, срывая забастовки, митинги и демонстрации трудящихся, то Партия национального действия принимала активное участие в выборах, ведя агитацию против правительственных кандидатов, представляя их как поборников социализма и коммунизма. В 1939 г. ПНД в союзе с синаркистами поддержала на президентских выборах кандидатуру генерала Альмасана, объединившего вокруг себя все реакционные и проимпериалистические силы. Альмасан проиграл, собрав ничтожное количество голосов. В 50-х годах в руководстве ПНД возобладало компромиссное течение, выступавшее под лозунгом «объединения мексиканской революции с католицизмом»¹²³. Клерикалы надеялись установить сотрудничество с правым крылом правительственного лагеря. Основой для такого сотрудничества являлся антикоммунизм. Поэтому ПНД поддержала (якобы «нехотя» и с «оговорками») официальных правительственных кандидатов на президентских выборах в 1952 и 1958 гг., что позволило ей заполучить некоторое количество депутатских мест в конгрессе и провинциальных ассамблеях.

Преемники Карденаса на президентском посту пытались обезвредить и нейтрализовать действия клерикалов уступками церкви. Именно в это 20-летие происходит новое примирение церкви с государством наподобие того, которое имело место в годы диктатуры Порфирио Диаса. Духовенство постепенно забывает о своих претензиях к государству, перестает осыпать его упреками, жаловаться на гонения и преследования. Преемники Мексики в свою очередь не скупятся на жесты в пользу церковников. Преемник Карденаса Мануэль Авила Камачо демонстративно заявил, что он верующий. При президенте Мигеле Алемане из ст. 3 конституции была изъята крамольная фраза о социалистическом образовании. Постепенно вопреки существующим законам церковь открывала частные школы и даже высшие учебные заведения (университеты). Преподавание религии стало обычным делом. В страну вернулись иезуиты, священники-иностранцы, издавалась в огромном количестве церковная литература, вновь начали проводиться церковные процессии и им подобные религиозные акты за пределами церковных зданий, открыто функционировать мужские и женские монашеские ордены. Власти на все это смотрели сквозь пальцы¹²⁴.

Церковь использовала ситуацию для укрепления своих позиций. Число церковников в 1960 г. по сравнению с 1935 г., когда их было всего около 500¹²⁵, выросло в 12 с лишним раз. Церковная иерархия состояла из 11 архиепископов, включая 1 кардинала, и 57 епископов. По числу церковников Мексика занимала второе место в Латинской Америке после Бразилии. В том же 1960 г. в Мексике насчитывалось 2259 церковных школ с 446 682 учениками, или в 10 раз больше по сравнению с 1954 г.¹²⁶

- Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
- Пойдя в 1929 г. под давлением США на компромисс с буржуазным государством и согласившись играть в нем второстепенную роль, церковь как бы застыла на традиционных для нее реакционных позициях. С тех пор она осуждала только коммунизм и протестантизм. Оставаясь на этих позициях, заключает Роберт Куирк свое исследование об отношении церкви к мексиканской революции, католическая религия вряд ли сможет когда-либо способствовать социальному прогрессу в Мексике¹²⁷. 24
- 6 Lloyd Mecham J. Church and State in Latin America. Chapel Hill, 1934, p. 344
- 7 Bailey H. M. y Nasatir A. P. Latin America, the development of its civilization. Englewood Cliffs, New Jersey, 1960, p. 335.
- 8 Rippey J. F. Historical Evolution of Hispanic America. New York, 1943, p. 227.
- 9 Паркс Г. История Мексики, с. 186.
- 10 Bailey H. M. y Nasatir A. P. Latin America..., p. 330.
- 11 Murray P. V. The Catholic church in Mexico (1519
- 12 Lloyd Mecham J. Church..., p. 350.
- 13 Н. С. Ларин считает Морю выразителем идей радикально настроенной мелкой и средней буржуазии центральных штатов Мексики. Мора, будучи в 1824 г. председателем учредительного конгресса штата Мехико, настоял на включении в конституцию штата статьи с требованием запретить в будущем всем церковнослужителям приобретать имущество. См.: Ларин Н. С. Борьба церкви с государством в Мексике. М.: Наука, с. 47.
- 14 Tulchin J. S. Problems in Latin American history: Modern Period. New York, 1973, p. 119-123.
- 15 Ларин П. С. Борьба..., с. 50.
- 16 В колониальное время миссионеры, действовавшие на Филиппинах, принадлежавших испанской короне, были подчинены церковному начальству в Новой Испании и располагали там собственностью.
- 17 Ларин П. С. Борьба..., с. 56.
- 18 Lloyd Mecham J. Church..., p. 355.
- 19 Паркс Г. История Мексики, с. 200.
- 20 Там же, с. 205.
- 21 В. Гомес Фариас умер в 1858 г. Опасаясь угроз клерикалов выбросить его тело на свалку, родственники похоронили его секретно в усадьбе одного единомышленника. Только в 1933 г. останки этого государственного деятеля были перенесены в Пантеон великих людей Мексики. См.: Ларин П. С. Борьба..., с. 60-61.
- 22 Galarza E. The Roman catholic church as a factor in the political and social history of Mexico. Sacramento, 1928, p. 77.
- 23 Weyl N. and S. The Reconquest of Mexico: The years of Lazaro Cardenas. London, 1939, p. 143.
- 24 Хиль М. Наши добрые соседи. М.: ИЛ, 1959, с. 95.
- 25 Murray P. V. The Catholic church..., p. 133, 141, 144, 207.
- 26 Hale Ch. A. Jos
- 27 Очерки новой и новейшей истории Мексики: 1810-1945. М.: Соцэкгиз, 1960, с. 185.
- 28 Цит. по: Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. М.: ИЛ, 1953, с. 418.
- 29 Historia documental do M
- 30 Ларин П. С. Борьба..., с. 70.
- 31 Паркс Г. История Мексики, с. 214-215.
- 32 Григулевич И. Р. Крест и меч, с. 260-262; Costeloe M. P. Church wealth in Mexico. Cambridge, 1967, p. 132. ^
- 33 Teja Zabre A. Breve historia de M
- 34 Historia documental de M
- 35 Очерки новой и новейшей истории Мексики, с. 172.
- 36 The Conflict between church and state in Latin America. New York, 1964, p. 130-142.
- 37 Lombardo Toledano V. La Constituci
- 38 p. 26.
- 38 Lloyd Mecham J. Church..., p. 364.
- 39 Ibid., p. 366.
- 40 Tulchin J. S. Problems..., p. 128.
- 41 Ibid., p. 129.
- 42 Mejia F. Eposcas, hechos de mi vida. Mexico, 1865, p. 38.
- 43 Zertuche Munoz F. La primera presidencia de Benito Juarez. М
- 44 Хрестоматия по новой истории. М.: Экономика, 1960, т. И, с. 248.
- 45 Очерки новой и новейшей истории Мексики, с. 184.
- 43 Juarez
- 47 Очерки новой и новейшей истории Мексики, с. 185.

- Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosofoff.org
- 41 Zertuche Munoz F. La primera..., p. 111-112.
49 Ocampo M. La religion, la iglesia y el clero. Mexico, 1948, p. 219.
50 Lloyd Mecham /. Church..., p. 369.
61 Cuevas M. Historia de la iglesia en M
62 Паркс Г. История Мексики, с. 234.
63 Historia documental de M
64 Murray P. V. The Catholic church..., p. 210-211.
55 Lloyd Mecham /. Church..., p. 372.
56 Очерки новой и новейшей истории Мексики, с. 213.
57 Quirk Я. Е. The Mexican revolution and the catholic church,
1910-1929. Bloomington, 1973, p. 11.
58 Historia documental de M
59 Murray P. V. The Catholic church..., p. 298.
60 Ларин Н. С. Борьба..., с. 84.
61 Murray P. V. The Catholic church..., p. 318-320.
62 Herring Я. A history of Latin America. New York, 1963, p. 343.
63 Паркс Г. История Мексики, с. 258.
64 Цит. по: Ларин Я. С. Борьба..., с. 87.
65 Там же, с. 88, 89.
66 Lloyd Mecham J. Church..., p. 380.
67 Ларин Я. С. Борьба..., с. 92.
61 Quirk Я. Е. The Mexican..., p. 38.
89 Gruening E. Mexico and its heritage. New York, 1928, p. 212.
70 Quirk R. Я. The Mexican..., p. 38.
71 Lloyd Mecham J. Church..., p. 383-384.
72 Паркс Г. История Мексики, с. 309.
73 Quirk R. Е. The Mexican..., p. 66, 67, 77, 78.
74 Lombardo Toledano V. La Constituci
75 Lloyd Mecham J. Church..., p. 387.
78 Quirk R. Е. The Mexican..., p. 101.
77 Ibid., p. 111.
78 Ларин Я. С. Борьба..., с. 121.
79 Confederaci антикоммунистическую позицию.
80 Паркс Г. История Мексики, с. 331.
81 Quirk Я. Е. The Mexican..., p. 125, 127.
82 Ларин Я. С. Борьба..., с. 96.
83 Murray P. V. The Catholic church..., p. 319.
84 Этот памятник был задуман еще при Викториано Уэрте. Проект получил тогда его одобрение, а также благословение Пия X.
85 Bassols Batalla
88 Quirk Я. Я. The Mexican..., p. 136.
87 Посещение не состоялось из-за осложнения в политической обстановке Мексики.
88 Lombardo Toledano V. La Constituci
89 Herring Я. A history..., p. 369.
90 Lloyd Mecham J. Church..., p. 392.
91-92 Quirk Я. Е. The Mexican..., p. 143-149.
93 Цит. по: Фостер У. З. Очерк политической истории Америки, с. 429.
94 Апостолический делегат Чимино, выехавший в США якобы на лечение, не получил от мексиканских властей въездной визы.
te Quirk R. Е. The Mexican..., p. 162-163.
te Herring Н. A history..., p. 371.
97 Ларин Н. С. Борьба..., с. 108, 113.
98 Там же, с. 116.
99
100 Хрестоматия по новейшей истории. М.: Экономика, 1960, т. I, с. 550-552.
101 Мексика в административном отношении разделялась тогда на штаты во главе с избираемыми губернатором и местными ассамблеями, территории и федеральный округ, которые управлялись непосредственно центральным правительством.
102 Хрестоматия по новейшей истории, т. I, с. 553-554.
103 Quirk R. Е. The Mexican..., p. 170.
104 В Мексике лотерея – государственное предприятие, доход от которого поступает в распоряжение министерства просвещения.
ios La trag
108 Quirk Я. Е. The Mexican..., p. 182.
107 Ларин Я. С. Борьба..., с. 127.
108 La trag
109 Quirk R. Е. The Mexican..., p. 195.
110 Lloyd M

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosofff.org

- 111 Паркс Г. История Мексики, с. 330–331.
 - 112 В начале 1928 г. в Мексике оставались только 9 церковных иерархов, большинство из которых находилось в подполье; 13 обосновались в США, 2 – во Франции, 2 – в Италии; 3, включая Мора-и-дель-Рио, – в Гаване: Quirk Я. Е. The Mexican..., p. 223.
 - 113 Ларин Н. С. Борьба..., с. 243, 260–261.
 - 114 Quirk R. E. The Mexican..., p. 243.
 - 115 Lloyd M
 - 116 Ларин Н. С. Борьба..., с. 298.
 - 117 Шульговский А. Мексика..., с. 150.
 - 118 Там же, с. 153.
 - 119 Lloyd M
 - 120 Ibid., p. 409, 410.
 - 121 Шульговский А. Мексика..., с. 155.
 - 122 Nouvelle histoire de l'Eglise, p. 397.
 - 123 The Conflict between church and state in Latin America, p. 231–232.
 - 124 Наиболее ярко это проявилось во время посещения Мексики в 1979 г. папы Иоанна Павла II и проведения различных массовых религиозных актов в его честь.
 - 125 Lloyd M
 - 128 Nouvelle histoire de l'Eglise, p. 417.
 - 127 Quirk R. E. The Mexican..., p. 247.
- Глава четвертая

ЦЕРКОВЬ, ДИКТАТУРЫ, ИМПЕРИАЛИЗМ (Центральная Америка и Карибские страны)

Центральная Америка, как известно, состоит из пяти стран: Гватемалы, Сальвадора, Гондураса, Никарагуа, Коста-Рики. К ним примыкает республика Панама. В колониальное время северная часть этого региона, в первую очередь Гватемала, тяготела к Мексике, южная – к Новой Гранаде, в состав которой тогда входила провинция Панама.

После войны за независимость Центральная Америка (за исключением Сальвадора) вошла в состав Мексики, но вскоре отделилась от нее. Процессу образования независимых республик, сформировавшихся в административных границах колониального периода, сопутствовало их стремление к объединению. Это стремление было естественным, ибо население всего региона насчитывало в 1824 г. только 1300 тыс. человек, огромный район практически не имел дорог, от Гватемалы до Коста-Рики гонцы с почтой добирались месяц. В XIX и XX вв. страны Центральной Америки неоднократно становились жертвами интервенций и длительной оккупации со стороны США. Интриги империалистов и провинциализм олигархии, слабое развитие капиталистических отношений препятствовали объединению центральноамериканских республик.

Имея между собой немало общего в области истории, экономики и культуры, страны Центральной Америки вместе с тем сильно отличаются друг от друга. Гватемала – крупнейшая по территории и по количеству населения (около 30% всего населения региона). Далее по численности населения идет Сальвадор (около 20%), это государство имеет самую маленькую территорию и наиболее густо заселено. Коста-Рика – республика с наименьшим числом жителей – известна сравнительно высоким жизненным уровнем и наиболее стабильной политической системой, а также отсутствием армии (ее заменяет полицейский корпус). Панама – самая молодая республика – возникла в 1903 г. Ее жизнь и политическая судьба тесно связаны с Панамским каналом.

В этническом отношении республики региона также различны: в Гватемале, Гондурасе и Сальвадоре преобладает население индейского происхождения, меньше его – в Никарагуа и совсем немного – в Коста-Рике и Панаме. Население Коста-Рики в основном европейское. Панамцы представляют собой смесь местного населения и выходцев из Европы, Азии и Африки. Присутствие негритянского компонента заметно и в других республиках этого региона. На протяжении многих десятилетий страны Центральной Америки находились в зависимости от американской (банановой) компании «Юнайтед фрут», владевшей огромными земельными участками в этой части Америки. В XIX в. у власти в республиках чередовались консерваторы (сервилес, или «раболепные») и либералы, последние, как правило, отличались антиклерикализмом. Власть менялась чаще всего в результате насильственных переворотов – «революций», соответственно менялось и законодательство, относящееся к церкви. В конце

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

концов церковь повсеместно лишилась своих колониальных привилегий и практически оказалась отделенной от государства.

В 30-е годы XX в. в большинстве стран региона власть находилась в руках диктаторов (Убико в Гватемале, Кариас в Гондурасе, Мартинес в Сальвадоре, Сомоса в Никарагуа), отражавших интересы крупных олигархов, за спиной которых орудовали американские империалисты. Как правило, местная церковная иерархия также поддерживала эти реакционные режимы. Ослепленная антикоммунистическими предрассудками, она ополчилась против прогрессивного режима Арбенса в Гватемале и участвовала в его свержении. Только после II Ватиканского собора в духовенстве стали намечаться течения, выступавшие за прогрессивные социальные изменения и оказывавшие растущее сопротивление ультрареакционным режимам. В 70-х годах особенно усилились эти течения в Никарагуа, Сальвадоре и Гватемале.

Одной из особенностей региона является активная деятельность протестантских культов, как правило финансируемых из США. Об этом говорят данные на 1960 г.2

Страна	Население, всего	% католиков	Католические священники	Протестанты	Airúicvian i-ские проповедники
Гватемала	3 546 000	279	106 884	337	
Сальвадор	2 520 000	33,72	7754	9182	93
Гондурас	1 887 000	82,31	5628	5932	09
Никарагуа	1 424 000	71,02	2264	3831	69
Коста-Рика	1 099 962	94,32	4647	3612	67
Панама	1 066 222	83,01	71		
Всего	18 413 513	1302	139	1275	

Гватемала

Разделение населения на сторонников «раблепных» и либералов произошло сразу же после провозглашения независимости. С падением империи Итурбиде в 1823 г. в Гватемале собралась Конституционная ассамблея, учредившая Федерацию стран Центральной Америки. Ассамблея присвоила новому государству право патроната, включая цензуру папских документов и назначение приходских священников. Она же запретила церковникам ввозить товары без уплаты пошлины. Конституция объявляла католическую церковь государственной, публичное исповедание других культов запрещалось. Одновременно провозглашался принцип свободы совести. Духовенство сочло конституцию слишком либеральной и вначале отказалось признать ее. Особенно решительно выступал против конституции архиепископ доминиканец Рамон Касаус-и-Торрес, испанец и откровенный враг независимости, сторонник которой он считал еретиками. Только боязнь потерять и другие привилегии заставила священников присягнуть конституции.

Между тем другие республики – члены федерации – добивались у Ватикана права образования епархий и назначения епископов. Местные власти Коста-Рики и Сальвадора сами назначали епископов, однако ни Ватикан, ни Конституционная ассамблея их не признали.

В течение последующих двух лет федерацией управляли либералы. Они наполовину сократили десятину, запретили членам монашеских орденов повиноваться своим руководителям в Испании, установили возрастной ценз в 23 года для поступления в монастыри. Это было для «раблепных» уже слишком. Им удалось склонить на свою сторону президента Федерации Арсе и в течение следующих двух лет вернуть церкви все ее прежние привилегии.

Засилие «раблепных» закончилось восстанием либералов во главе с гондурасцем Франсиско Морасаном, сторонником центральноамериканского единства и отделения церкви от государства. Либералы, возглавляемые Морасаном, находились у власти 15 лет (1824–1839). Они в первую очередь постарались отделаться от архиепископа Касауса и монахов. По распоряжению властей Касаус и 289 монахов различных орденов были высланы в Гавану, находившуюся под властью испанцев. Здесь Касаус и умер. Должность архиепископа была объявлена вакантной.

Либералы распустили монашеские ордены, конфисковали их собственность, запретили монахам въезд в страну. Конгресс узаконил принцип свободы совести, установил гражданский брак, уполномочил президента совершать

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
церковные назначения. Это касалось всей Федерации. В республиках же, кроме того, были приняты еще и другие антиклерикальные законы. Гватемала секуляризировала кладбища, установила развод, монахиням разрешила возвращаться в светское состояние, изымая свое «приданое». Был принят закон, разрешавший гражданский брак служителям церкви. «Незаконнорожденные» дети священников получили право наследия³. В Коста-Рике было сокращено число религиозных праздников, отменена десятина и т. д.

Местная олигархия враждебно встретила государственную деятельность Морасана. Особенно энергично выступали против него церковники, сохранившие свое влияние на невежественные, забытые индейские массы. Они распространяли слухи, что все болезни, в том числе свирепствовавшая с 1836 г. эпидемия холеры, – дело рук Морасана, якобы насланного «порчу» на верующих. «Когда, – пишет Н. С. Леонов, – правительство приняло закон о кладбищах, по которому запрещалось производить захоронения в церквях из-за гигиенических и санитарных соображений, это было превратно истолковано как «лишение усопших прав быть вместе с богом в его храме». Было рекомендовано не бить в колокола при похоронах, чтобы не травмировать население, но и это было встречено церковниками в штыки. Любая попытка распространить медикаменты встречалась враждебно. Известны случаи, когда фанатичные толпы заставляли санитаров или врачей публично выпить или съесть припасенные ими медикаменты, в результате чего жертвы часто умирали. Их гибель использовалась церковниками в качестве „доказательства“ виновности правительства в отравлении населения» 4.

Морасан, проводивший в целом прогрессивную политику, не смог преодолеть господства олигархии в экономике и феодальноколониальных пережитков в сознании большинства населения. Олигархия использовала духовенство для натравливания верующих на Морасана. Послушным исполнителем ее воли стал крестьянский вожак Рафаэль Каррера, провозгласивший себя «защитником религии». Каррера пользовался большим авторитетом среди индейцев, составлявших тогда большинство населения Гватемалы.

Вот как описывает Карреру в день его прибытия в г. Гватемалу американский автор Уильям Крэм: «На нем была шинель с золотым шитьем, которую он украл из гардероба одного генерала, возглавлявшего разгромленные войска либералов, а грудь была увенчана медальонами с изображениями разных святых. На голове красовалась дамская шляпка с перьями и зеленой вуалью. То было поистине великолепное зрелище, достойное какого-нибудь большого торжества. Гватемальские консерваторы увидели смысл в том, чтобы соединить аристократию с варварством для сохранения порядка и религии. В течение почти тридцати лет Каррера, которым церковники вертели как угодно, вершил судьбы Гватемалы» 5.

Каррера сверг Морасапа и последний покинул Гватемалу. В 1842 г. он был казнен консерваторами в Коста-Рике. Со смертью Морасана – великого патриота, сторонника объединения государств Центральной Америки – созданная им Федерация государств распалась.

В этот черный период, пишет о режиме Карреры гватемальский прогрессивный историк Хаиме Диас Россотто, «колониальный режим продолжал существовать без изменения: клерикально-феодалные латифундии, рахитичное сельское хозяйство, заброшенные участки земли и обширные эхпдо, нехватка кредитов, разорительные налоги, отсутствие путей сообщения, т. е. все условия, препятствовавшие развитию капитализма» 6.

Каррера отменил все антиклерикальное законодательство. Церковь вновь обрела все свои «фуэрос». Были восстановлены монашеские ордены, вернулись иезуиты. Каррера пригласил архп-епископа Касауса в страну, но доминиканец предпочел остаться в Гаване. Когда же Касаус умер, Каррера распорядился перевезти его останки в Гватемалу, где они были торжественно погребены в кафедральном соборе.

В 1852 г. Ватикан и Гватемала подписали конкордат – первый в Латинской Америке, согласно которому католичество признавалось единственной государственной религией страны. Гватемала обязывалась сохранить десятину и ежегодно расходовать на нужды духовенства определенную сумму. Конкордат отдавал просвещение в руки церкви, которая к тому же наделялась цензурными правами. Каррера получал взамен право на «пласет».

Пий IX считал заключение этого конкордата большой победой для Ватикана и интересов церкви в Латинской Америке. Он превозносил «государственную мудрость» Карреры, правление которого отличалось произволом и кровавыми расправами над инакомыслящими. Год спустя после заключения конкордата благодарный папа наградил Карреру за заслуги перед церковью ватиканским орденом св. Григория Великого и в личном письме к нему отпустил ему все возможные грехи, а также любые полагающиеся за них церковные наказания. Каррера скончался в президентском кресле в 1865 г., его захоронили в кафедральном соборе рядом с архиепископом Касаусом. Помпезные почести,

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosofff.org

которыми были окружены похороны, не могли скрыть недовольства широких кругов населения результатами правления диктатора, режим которого служил интересам клерикально-помещичьей олигархии. Потребовалось, однако, еще долгих шесть лет борьбы, прежде чем в 1871 г. либералы смогли взять реванш и вновь вернуть себе власть.

Одним из первых актов нового либерального правительства во главе с Мигелем Гарсией Гранадосом была высылка из страны всех иезуитов, в большинстве иностранцев, и конфискация их имущества. Вслед за этим были запрещены монашеские ордены, монахи-иностранцы также высланы из страны, а монахи-гватемальцы получили пенсию, но им запретили ношение рясы. Собственность орденов подверглась конфискации. Были отменены и особые права церкви. Эти меры практически свели на нет конкордат, хотя формально он не был отменен. Но отношения с Ватиканом прервались.

Церковники в союзе с олигархами пытались сопротивляться. Реакционные мятежи решительно подавлялись либералами. В октябре 1871 г. из Гватемалы были высланы архиепископ Бернардо Пиньоль и епископ Мариано Ортис Урруэля. Правительство обвинило их в подрывной деятельности.

В 1873 г. президентом страны стал лидер либералов Ху сто Руфипо Барриос, продолживший реформаторскую деятельность своего предшественника. Он запретил женские монастыри и все другие церковные конгрегации, изъял их собственность, использовал многие церковные здания под школы, установил гражданский брак, секуляризировал кладбища, запретил церковникам появляться в рясах в общественных местах. Антиклерикально[^] законодательство было включено в конституцию 1879 г., действовавшую с некоторыми изменениями до 1945 г.

Барриос железной рукой управлял страной. Он уделял большое внимание развитию просвещения; создал взамен старого, колониального новый университет Гватемалы. Однако экономика страны фактически осталась без изменений. Влияние церкви было подорвано, но ее союзники – олигархи продолжали владеть своими поместьями и мечтать о власти.

В 1874 г. Барриос предложил Ватикану подписать новый конкордат, по которому государство отказывалось от прав на патронат, предоставляя папе полную свободу отношений с гватемальской церковью по своему усмотрению. Пий IX согласился с этим предложением, считая, что при тогдашней ситуации в Гватемале и других католических странах Европы и Америки предложение Барриоса по крайней мере означало признание притязаний Ватикана на руководство католиками всего мира. Конкордат был подписан. Кроме фактической отмены патроната, он включал, с согласия Ватикана, национализацию церковной собственности (вместо нее – ежегодная субсидия церкви 30 тыс. песо) и освобождение ее служителей от воинской повинности. Разрешалось открытие духовной семинарии в столице.

Барриос последовательно выступал за объединение Центральной Америки. Для достижения этой цели он неоднократно прибегал к оружию. В 1875 г. в одном из сражений с сальвадорскими войсками Барриос был убит.

Реформы Барриоса, по его замыслу, должны были способствовать интересам мелких производителей, но в действительности они породили новую – буржуазную олигархию. Как отмечает Х. Диас Россо.тто, реформы изменили статус собственности на землю, способствуя возникновению кофейных плантаций средних размеров. Латифундии католической церкви и пустующие земли государства перешли в собственность частных производителей, как и значительная часть общинных земель индейцев. В сельском хозяйстве появилась техника, однако в области контрактации рабочей силы сохранялись крепостнические формы. Отсутствие хорошо организованной системы кредита привело к тому, что владения мелких собственников, которые в большинстве случаев получали пустующие земли, были поглощены новыми богачами. Последние увеличивали свои латифундии также и за счет общинных земель 7.

После Барриоса либералы продолжают сохранять в своих руках власть. Но это были уже не реформаторы, а обычные каудильо, заботящиеся главным образом о личном обогащении и сохранении статус-кво. 22 года управлял страной Мануэль Эстрада Кабрера (1898–1920). В годы его, правления в Гватемалу проникает «Юнайтед фрут». Она захватывает обширные участки земли, создает банановые плантации. Гватемала становится «банановой республикой», впрочем, как и другие страны Центральной Америки, находящиеся всецело во власти американского капитала.

«Наша история, – писал об этих годах прогрессивный гватемальский писатель Энрике Муньос Мейани, – сводится к распре между беззубыми либералами и консервативной кастой... В этой распре не слышится голос народа. Здесь звучал все заглушающий голос чужеземного господина, иностранных монополий, которым открыто и безоговорочно готовы служить правящие клики» 8.

В 1931 г. к власти приходит генерал Хорхе Убико, новый тиран на службе «Юнайтед фрут», беспощадно преследовавший прогрессивные силы. Он был

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

свергнут в 1945 г. Затем последовал 9-летний период буржуазно-демократических реформ: была урезана собственность «Юнайтед фрут», Гватемала стала проводить независимый внешнеполитический курс, в 1949 г. установлены дипломатические отношения с Советским Союзом, возникла коммунистическая партия – Гватемальская партия труда. В 1954 г. правительство президента Арбенса, наиболее последовательно проводившее указанный курс, было свергнуто наемниками США. С того времени в Гватемале сменилось немало военных хунт и президентов, все они преследовали сторонников демократических форм правления. Достаточно сказать, что за истекшие после свержения Арбенса годы в Гватемале от террора властей погибло около 70 тыс. человек, многие десятки тысяч прошли через тюрьмы, подвергнуты пыткам и всякого рода надругательствам.

Как же вела себя церковь во время этих событий? После заключения конкордата 1884 г. она постепенно наращивала свои силы, стараясь не давать повода властям для недовольства. С годами церковные иерархи убедились, что либеральные правители вовсе не намерены разрушать существующий социальный порядок. Особенно тесные отношения у церкви установились с диктаторскими режимами в XX в. Таким был режим генерала Хорхе Убико. С ним тесно сотрудничал архиепископ Гватемалы Мариано Россель-и-Арельяно, получивший свой пост благодаря поддержке Убико.

В новой конституции Гватемалы, принятой после свержения Убико в 1945 г., отношения государства с церковью не претерпели особых изменений. Ст. 29 конституции разрешала религиозную практику, но только в помещениях, предназначенных для этого (церквях), всем культам, не отдавая предпочтения какому-либо из них. Верующие получили право проводить «религиозные демонстрации» вне церковных зданий. Вместе с тем религиозным обществам и духовенству запрещалось принимать участие в политической деятельности и рабочем движении, а также создавать конгрегации, монашеские учреждения и ассоциации.

Церковная иерархия во главе с архиепископом Росселем воздержалась от прямых нападок на новую конституцию, но зато она в духе «холодной войны» забила в набат антикоммунизма. Избрание в 1946 г. на президентский пост либерального деятеля Хуана Аревало духовенство восприняло как «победу коммунизма», хотя в то время в Гватемале даже не существовало компартии.

Еще с большей нетерпимостью относилось к правительству президента Хакобо Арбенса, пытавшегося ограничить всемогущие «Юнайтед фрут». Деятельность правительства Арбенса вызвала гнев Вашингтона. Американская пропаганда навесила на Арбенса ярлык коммуниста, «агента Москвы» и стала призывать к его свержению. В таком же духе выступал и тогдашний государственный секретарь США Джон Фостер Даллес. Более того, США организовали за пределами Гватемалы банды наемников во главе с агентом ЦРУ полковником Кастильо Армасом, которые под девизом «Бог, родина и свобода» стали готовить вооруженное вторжение в Гватемалу.

Одновременно с этими действиями архиепископ Россель опубликовал пастырское послание с призывом к верующим подняться на борьбу с «антихристианским коммунизмом», якобы грозящим Гватемале. Ссылаясь на папские энциклики, осуждавшие коммунизм, Россель взывал к верующим: «Народ Гватемалы как один человек должен подняться на борьбу с врагами бога и отечества. Наша борьба с коммунизмом должна опираться на националистические и католические основы. Начнем борьбу с коммунизмом во имя бога и с именем бога...»⁹.

Послание Росселя, изобиловавшее к тому же и клеветническими выпадами против Советского Союза, послужило своего рода сигналом для вторжения в Гватемалу наемников, которым при поддержке правящих кругов США и церковников удалось свергнуть Арбенса. Россель организовал в столице торжественную встречу наемникам.

Вступление Кастильо Армаса и его головорезов в Гватемалу напоминало, пишет Х. Карнеро Чека, уже знакомое читателю вступление в столицу Рафаэля Карреры: боевые знамена смешались с религиозными хоругвями, знаменитый Христос Эскипулас-ский, которого особо почитали индейцы, получил титул «генерала армии освобождения» и его изображение несли впереди толпы; Кастильо Армас, весь увешанный оружием американского производства, проехал по улицам города вместе с архиепископом Гватемалы и посланцем Соединенных Штатов, прицепившим к поясу два автоматических пистолета. Над торжественной процессией ревели бомбардировщики. Теперь порядок, религия и интересы империалистов находились под надежной защитой¹⁰.

Наемники установили в стране царство террора. Пытки заключенных, массовые расстрелы демонстрантов стали в Гватемале обычным явлением. Россель, однако, продолжал превозносить «достоинства» Кастильо Армаса и его палачей. Когда же Кастильо Армас был убит одним из его сообщников во время очередного дворцового мятежа, архиепископ сравнил его с Иисусом Христом.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
Тогдашний вице-президент США Ричард Никсон высоко оценил деятельность Ро.сселя. Прибыв в 1955 г. в Гватемалу, Никсон выразил архиепископу свое удовлетворение по поводу того, что «католическая церковь является одним из самых мощных препятствий для коммунизма во всех частях света» п. Но не пройдет и пяти лет, как события опровергнут это утверждение Никсона: в католической стране на Кубе победят идеи коммунизма, в связи с избранием на папский престол Иоанна XXIII и решениями II Ватиканского собора произойдут изменения в традиционной ориентации Ватикана, что отразится и на событиях в Гватемале. Священники нового поколения не проявляют такой готовности служить интересам олигархии и империализма, как это было в прошлые десятилетия. За это многим из них пришлось поплатиться свободой, а некоторым и жизнью. Возникшая в 1955 г. Гватемальская христианско-демократическая партия также отказывается поддерживать реакционные проамериканские режимы, господствующие в этой республике после свержения президента Арбенса.

Гондурас

В начале XIX в. в Гондурасе насчитывалось всего около 130 тыс. жителей, в основном индейцы, метисы, негры и мулаты. Политическая жизнь страны развивалась весьма бурно. Подсчитано, что за 1827–1879 гг. произошло в Гондурасе не менее 173 восстаний, переворотов и вооруженных столкновений, сопровождавшихся человеческими жертвами 12, а из всех президентов страны до 1963 г. только двум удалось удержаться на своем посту в течение срока, предусмотренного конституцией. По словам американского историка А. Б. Томаса, «Гондурас являл собой прискорбное зрелище дворцовых переворотов, которые предпринимали богатейшие семейства с целью посадить своих сыновей в президентское кресло» 13.

Гондурас медленно консолидировался в нацию. Некоторые районы страны на протяжении десятилетий жили обособленно. Таким был департамент Олончо, составлявший треть территории республики, где хозяйничала семья латифундистов Селайа, район Атлантического побережья – гондурасская Москития, находившаяся под контролем англичан в 1819–1861 гг. В 1860 г. Гондурасом пытался завладеть американский авантюрист Уокер. В 1871–1872 гг. Гондурас воевал с Сальвадором и дважды – в 1893–1894, 1906 гг. – с Никарагуа. В XX в. страна становится вотчиной «Юнайтед фрут». С 1903 г. семь раз высаживались в Гондурасе войска США или их наемники. «Здесь, – пишет Н. С. Леонов, – родилась „дипломатия канонерок“, когда военный корабль, приходивший к берегам центральноамериканской республики, диктовал условия договора, добивался огромных компенсаций за малейший ущерб, нанесенный иностранным гражданам, а иногда и требовал полной капитуляции ее правительства» 14.

В 30-е годы началась массовая эмиграция из Сальвадора в Гондурас. В 60-е годы здесь проживали 300 тыс. сальвадорских рабочих, или 12% всего населения. Правящие круги Гондураса разжигали шовинистические страсти против сальвадорцев, якобы повинных в экономических трудностях, переживаемых страной. Сальвадорские власти в свою очередь обвиняли Гондурас в гонениях на их соотечественников. В 1969 г. между Гондурасом и Сальвадором произошел кровавый вооруженный конфликт, так называемая футбольная война. В действительности же в бедах Гондураса повинны не выходцы из Сальвадора, а американские банановые компании, заполнившие страну. «Гондурас, – как справедливо отмечает Н. С. Леонов, – является классическим образцом „банановой республики“, своего рода тропической теплицей, продукция которой идет на Атлантическое побережье США. Около 200 тыс. акров плодороднейших земель занимают банановые плантации, которые либо принадлежат непосредственно американской компании «Юнайтед фрут», либо контролируются ею в качестве монопольного покупателя этой продукции в Гондурасе» 15.

Гондурасец Франсиско Морасан дважды избирался президентом этой страны (1827, 1829). Под влиянием Морасана в республике осуществлялось антиклерикальное законодательство. С распадом Центральноамериканской федерации к власти в Гондурасе пришли консерваторы, они правили страной сорок лет (1840–1880). Консерваторы отменили антиклерикальные законы, покровительствовали духовенству, что не исключало конфликтов с церковью. В 1841 г. Ватикан назначил на должность епископа Тегусигальпы, пустовавшую с

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

1819 г., первого гондурасца Рейеса. Правительству он оказался неугодным, но вместо того, чтобы опротестовать это назначение, власти избрали более «дипломатический» путь: они сообщили Ватикану, что назначенный епископ скончался, хотя в действительности он здравствовал. В Ватикане поняли намек и поспешили назначить на «вакантное» место более приемлемого Гондурасу священника Франсиско де Паула Компой.

В 1861 г. президент Сантос Гуардиола (1856–1864), доверенный человек Карреры, подписал с Ватиканом конкордат, почти совпадавший с текстом документа, заключенного ранее с Гватемалой. Конкордат, однако, не спас Гуардиолу от церковной анафемы. Произошло это так. Гуардиола предоставил жителям островов в заливе Байя, в основном выходцам из английских колоний, право исповедовать протестантизм, к чему обязывал его подписанный ранее договор с Англией. Это вызвало, резкий протест со стороны викария Гондурасской епархии Мигеля де Сиды, который был зол на Гуардиолу, не продвигавшего его на епископскую должность. Когда Гуардиола отказался подчиниться викарию, последний отлучил его от церкви. Президент запретил публикацию решения викария, а его самого выслал из Гондураса. Пий IX поддержал Гуардиолу и приказал отменить отлучение.

Либералы, придя к власти, отменили конкордат (1880 г.) и лишили церковь привилегий и нрав, которыми она пользовалась до этого. Были приняты законы о гражданском браке и разводе, закрыты монастыри, изъята церковная собственность. Государство взяло на себя регистрацию актов гражданского состояния. Новая конституция 1936 г. пошла еще дальше: она отделила церковь от государства, отменила выплату церкви субсидий, запретила деятельность орденов и преподавание религии в школе. Эта конституция была принята в годы правления диктатора Тибур-сио Карриаса Андпно, ставленника «Юнайтед фрут». Карриас Андино пытался антиклерикализмом прикрыть свои преступления против гондурасского народа, что не помешало ему ответить тем, кто упрекал его в стремлении превратиться в пожизненного президента: «Господь бог, глубоко уважаемый нами, также является несменяемым владыкой, а мы созданы по его образу и подобию» 16.

Конституция 1957 г. сняла некоторые ограничения церковной деятельности: разрешила преподавание религии в школах, восстановила монашеские ордены, государство получило право оказывать финансовую помощь церковным школам. Однако в силе остались отделение церкви от государства и запрет служителям церкви участвовать в политической жизни.

Гондурас – отсталая страна (в ней до последнего времени не было даже железной дороги) с отсталой церковью. Большинство населения неграмотно. Только треть детей школьного возраста посещает школу. Местное духовенство, по мнению Мечэма, неграмотно, живет бедно¹⁷. Многие гондурасцы не имеют возможности оплатить расходы, связанные с браком. Поэтому 65% детей – «незаконнорожденные». И тем не менее даже в Гондурасе среди верующих и священников наблюдаются в последние годы симпатии к «мятежной» церкви, усиливаются антиимпериалистические настроения, растет тяга к единству действий с рабочими и другими прогрессивными организациями, выступающими против засилья олигархии и американских компаний.

Сальвадор

Сальвадор – «край вулканов» – самая маленькая по занимаемой площади (всего 5%!) республика Центральной Америки с наивысшей плотностью населения – 165 человек на 1 кв. км. В 1971 г. в Сальвадоре проживала четверть населения Центральной Америки – около 3500 тыс. человек. Жители страны в основном метисы и индейцы¹⁸.

Сальвадор – страна крупного землевладения. Основные сельскохозяйственные культуры – кофе и хлопок. Концентрация земли в Сальвадоре в руках небольшой группы людей, пишет американский исследователь Уильям Крэм, началась с 40-х годов

прошлого века, когда кофе стало важным предметом экспорта. Крестьян, отказывавшихся продавать землю, силой забирали на военную службу, а их участки попадали в руки спекулянтов. Крестьяне едят дикие травы и жуют цветы, растущие по обочинам дорог, и только таким образом получают большую часть витаминов¹⁹. По данным 1961 г.,

30 семьям помещиков принадлежало 8% всей земли. Некоторые помещики владеют латифундиями в 20 тыс. га. Власть, как правило, находится в руках

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
олигархии. Армия – около 6 тыс. человек, вымуштрованная американскими инструкторами, – тесно связана с Пентагоном и действует по его указке. Для истории Сальвадора характерны острые социальные конфликты, крестьянские восстания, захваты власти военщиной (до 1961 г. в стране произошло 127 переворотов), жестокие диктатуры с гонениями, пытками и казнями деятелей оппозиции.

В борьбе против испанского господства в Сальвадоре активное участие принимало несколько священников – Х. М. Дельгадо, Агиляр, Хосе Симеон Каньяс и др. По предложению Каньяса Учредительное собрание отменило в 1823 г. рабство, раньше, чем в других республиках Латинской Америки. Либерально настроенные священники, отмечает сальвадорский исследователь Федерико де ла Роса, активно участвовали в бурных перипетиях политической жизни молодой республики и не боялись вступать в открытый конфликт с лидерами консервативного крыла католицизма 20.

После изгнания испанцев Сальвадор присоединяется к Федерации стран Центральной Америки. В 1834–1839 гг. Сан-Сальвадор считался столицей Федерации, возглавляемой Морасаном. В 1839 г. Федерация распалась, Сальвадор стал независимой республикой. Принятая в том же году конституция провозгласила католическую религию государственной. Вскоре папский престол учредил епископскую кафедру Сан-Сальвадора. Первый епископ Хорхе Витери-и-Унго грубо вмешивался в политическую жизнь, пытался посадить в президентское кресло своих ставленников. Его деятельность закончилась высылкой из страны. Ватикан по настоянию сальвадорского правительства согласился перевести Витери в Никарагуа, где он возглавил епархию Леона. Второй епископ Сальвадора Томас Мигель Пиньеда-и-Саль-дана оказался не лучше Витери. Пиньеда также резко выступал против правительства, возглавляемого тогда либералами. Когда власти потребовали от священников присягнуть на верность существующему строю, Пиньеда и многие другие служители церкви предпочли бежать в Гватемалу, под покровительство тирана Карреры. Они вернулись в страну только с приходом к власти консерваторов, которые заключили конкордат с Ватиканом, повторявший основные положения такого же соглашения, ранее подписанного Гватемалой и Коста-Рикой. В 1863 г. президентом страны стал ярый клерикал, бывший доминиканский монах Франсиско Дуэньяс, находившийся у власти восемь лет. Он вернул духовенству особые права и привилегии, которыми оно пользовалось в колониальное время. Установленный Дуэньясом клерикальный режим рухнул в 1871 г. под напором народного возмущения, возглавляемого либералами, которые осуществили ряд реформ, приведших к отделению церкви от государства. Реальная власть между тем продолжала оставаться в руках олигархии. Например, с 1913 по 1927 г. все президенты Сальвадора принадлежали к семье крупных землевладельцев Меледес-Киньонес.

В конце 1931 г. власть захватил генерал Максимилиано Эрнандес Мартинес. Он подавил вспыхнувшее в 1932 г. восстание крестьян. По приказу диктатора было убито около 30 тыс. сальвадорцев, среди них Агустино Фарабундо Марти и другие руководители компартии, многие активисты рабочего и крестьянского движения. С особым остервенением Мартинес преследовал членов Компартии Сальвадора, возникшей в 1929 г.

М. Эрнандес Мартинес, которого в народе называли «сумасшедшим индейцем», считал себя теософом, часто устраивал спиритические сеансы, верил в перевоплощение душ. Диктатор оправдывал свои преступления теорией, согласно которой «убить муравья – гораздо более тяжкое преступление, чем убить человека, ибо человек после смерти перевоплощается, а муравей умирает раз и навсегда» 21.

Эрнандес Мартинес с восторгом относился к фашистским режимам в Европе и к милитаристской Японии. Он первым признал марионеточное государство Манчжоу-Го, приветствовал фашистский мятеж в Испании и режим Франко. В 1937 г. Сальвадор вышел из Лиги Наций, а потом стал единственной латиноамериканской страной, присоединившейся к «антикоминтерновскому пакту». До 1939 г. в Сальвадоре орудовала германская военная миссия. Церковная иерархия пресмыкалась перед диктатором и перевозносила его «заслуги» перед родиной.

В 1944 г. диктатор, спасаясь от народного гнева, бежал из страны. На смену ему, однако, пришли другие военные, не менее жестоко подавлявшие народные движения и столь же усердно пресмыкавшиеся перед Вашингтоном, как и Эрнандес Мартинес. Церковники поддерживали эти режимы, а они в свою очередь сквозь пальцы смотрели, как церковь вопреки существующему законодательству вновь приобретала недвижимое имущество и пыталась внедриться в школьную систему.

В эту традиционную для церкви линию поведения внесли существенные коррективы Кубинская революция, последующее развитие революционного процесса в Латинской Америке и изменения в ориентации церковного института

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
после II Ватиканского собора. Под влиянием этих событий духовенство постепенно стало отходить от своих прежних позиций, выступая за демократизацию, соблюдение основных свобод и осуществление социальных преобразований в интересах народа. Такую же позицию заняла и возникшая в ноябре 1960 г. Сальвадорская христианско-демократическая партия. В 1960 г. в Сальвадоре было 156 католических священников и 200 протестантских проповедников. Последние обслуживали 30 тыс. последователей различных протестантских культов.

Никарагуа

Республика граничит на севере с Гондурасом, на юге с Коста-Рикой. Ее западную часть омывают воды Тихого океана, а восточную – Атлантического. Население страны в основном потомки белых поселенцев, индейцев и негров. Здесь издавна властвовали американские фруктовые и прочие компании. В колониальное время Никарагуа входила в состав генерал-капитанства Гватемалы. В 1821 г. в стране была провозглашена независимость. Но самостоятельной она стала только в 1838 г. (до этого являлась частью Мексиканской империи, а потом – членом Федерации Центральной Америки). История независимой Никарагуа изобилует трагическими страницами. Еще в XIX в. страна стала привлекать особое внимание Англии и США тем, что ее территория располагала условиями для прорытия межокеанского канала. Соперничая друг с другом, вмешиваясь во внутренние дела страны, Англия и США с давних пор пытались подчинить ее своему влиянию. В 1842 г. англичане оккупировали никарагуанский порт Сан-Хуан-дель-Норте и создали марионеточное Москитное королевство, а в 1855 г. власть в стране захватил американский авантюрист Уильям Уокер. Он восстановил рабство, отмененное с провозглашением независимости, продавал земли местных жителей американцам, пытался захватить другие республики Центральной Америки. Против Уокера восстал никарагуанский народ, которому оказали поддержку Коста-Рика и соседние страны. После кровопролитной борьбы Уокер потерпел поражение и был расстрелян. От английского господства на Москитном берегу никарагуанцам удалось избавиться только в конце XIX в. В XX в. США продолжали попытки превратить Никарагуа в свой протекторат. В 1912 г. американские войска высадились на никарагуанской земле. Началась американская оккупация, длившаяся свыше 20 лет. В 20-х годах сопротивление оккупантам возглавил выдающийся никарагуанский патриот Аугусто Се-сарь Сандино. Бойцы Сандино успешно сражались с морскими пехотинцами США. В 1933 г. американцы и их местные ставленники во главе с А. Сомосой заманили в ловушку Сандино и его ближайших помощников и убили их. Вскоре власть захватил Ана-стасио Сомоса. Этот «Каин Америки», как его прозвали в народе, превратил Никарагуа в свою вотчину, широко открыл двери страны для американского капитала. Сомоса помогал американским наемникам свергнуть прогрессивное правительство Арбенса в Гватемале. В 1956 г. он был убит никарагуанским патриотом Ригоберто Лопесом, но власть продолжала оставаться в руках семьи «Каина Америки». Вскоре в президентском кресле оказался сын убийцы Сандино – Анастасио Сомоса Дебайле. Никарагуа охотно предоставила свою землю для подготовки американских наемников, высадившихся в апреле 1961 г. в Заливе Свиной на Кубе с целью удушить кубинскую революцию. На этот раз, однако, хозяева Сомосы просчитались: наемники были разгромлены, а в Никарагуа возникло народное антиимпериалистическое движение, поднявшее знамя Сандино и свергнувшее после многих лет упорной и героической борьбы в июле 1979 г. ненавистный режим клана Сомосы. Как же развивались отношения между церковью и государством на фоне этих событий? В XIX в. в стране в основном господствовали консерваторы, покровительствовавшие церкви. В 1852 г. Никарагуа подписала с папским престолом конкордат, по которому государство приобретало право представлять кандидатов на высшие церковные должности. В том же году Никарагуа отменила уплату десятины. В 1871 г. в стране нашли приют иезуиты, высланные из Гватемалы. Однако десять лет спустя их выслали и из Никарагуа за вмешательство в политическую жизнь страны. Только в 1894 г., когда либералы пришли к власти, был отменен конкордат и церковь лишилась своих традиционных привилегий. Тогдашний глава никарагуанской церкви епископ Ульса-и-Ларриос решительно возражал против этих «новшеств», за что был выслан в Панаму, где пребывал в изгнании до

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
своей смерти в 1908 г.

Такое же отношение к церкви сохранили консерваторы, сменившие в начале XX в. либералов. Однако при них духовенство пользовалось различного рода поблажками. Придя вновь к власти в 1911 г., либералы приняли конституцию, провозгласившую отделение церкви от государства. Она, кроме того, констатировала: большинство никарагуанского народа исповедует католическую религию, государство обеспечивает свободу вероисповедания этому и всем прочим культам, если они не противоречат христианской морали и общественному порядку; государство не вправе издавать законы, оказывающие покровительство, или ограничивающие деятельность отдельных культов²². Католическая иерархия не возражала против американской оккупации Никарагуа и поддерживала многолетнее господство клана Сомосы, хотя последний, желая услужить своим покровителям, широко открыл двери страны протестантским проповедникам. Это не мешало диктатору проявлять к деятельности иезуитов особую благосклонность. В 60-х годах Сомоса разрешил иезуитам открыть в Манагуа Центральноамериканский университет.

Конституция 1950 г. принятая под диктовку Сомосы, подтвердила принцип отделения церкви от государства, однако начиталась она с обращения к богу. Конституция разрешала церкви владеть недвижимой собственностью, позволяла деятельность монашеских орденов.

Ватикан всегда поддерживал самые тесные отношения с режимом Сомосы. Даже когда на борьбу с диктатором поднялся весь никарагуанский народ и значительная часть духовенства осудила преступления Сомосы, Ватикан пытался помешать церковникам сблизиться с сандинистами, папский нунций в Манагуа Габриэль Монтардо продолжал благоволять к Сомосе, встречаться с ним на банкетах и произносить в его честь тосты, за что после свержения тирана был объявлен «персона нон грата» и выслан из страны²³.

По данным 1960 г., в Никарагуа насчитывалось 222 католических священника (кроме того, 500 монахинь) и 169 протестантских служителей культа. Католическая церковная иерархия состояла из 1 архиепископа и 6 епископов²⁴.

Коста-Рика

История Коста-Рики по сравнению с другими республиками Центральной Америки не изобилует конфликтами. В 1824 г. население страны не превышало 60 тыс. человек, в основном это были креолы – мелкие землевладельцы. Служителей культа {священников и монахов} насчитывалось тогда всего 63 человека²⁵. Экономика страны связана с производством кофе и бананов. «Юнайтед фрут», как и в других республиках Центральной Америки, пользовалась здесь большим влиянием.

Коста-Рика – единственная страна на континенте, у которой нет профессиональной армии, а имеется только полиция. В республике развитая школьная сеть, несколько университетов. Почти на протяжении всей истории страны, начиная с завоевания независимости, в Коста-Рике функционирует парламентская система. В 1929 г. возникла коммунистическая партия Коста-Рики, переименованная впоследствии в партию «Народный авангард». В 1940–1948 гг. компартия поддерживала правительство президентов Кальдерона Гуардии и Теодоро Пи-кадо, В этот период в конституцию страны была включена глава «О социальных гарантиях» и принят Кодекс о труде, предоставлявшие трудящимся право бастовать, образовывать профсоюзы, заключать коллективные договоры с предпринимателями, право та социальное страхование. Была установлена также минимальная заработная плата для трудящихся, несколько ограничены права «Юнайтед фрут». Эти акты вызвали резкую оппозицию со стороны крупных кофейных плантаторов и Вашингтона. В результате вспыхнувшей гражданской войны правительство Пикадо было свергнуто, а компартия загнана в подполье. Через некоторое время Коста-Рика вновь вернулась к буржуазно-демократической форме правления, а «Народный авангард» получил возможность легальной деятельности.

Хотя в Коста-Рике борьба консерваторов и либералов вокруг вопросов секуляризации в XIX в. не принимала столь острого характера, как в других странах континента, здесь тоже не обходилось без высылки епископов, когда они отказались подчиняться законам страны, ущемлявшим, по их мнению, права и привилегии церкви.

Различные конституции Коста-Рики объявляли католическую церковь

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
государственной, разрешая одновременно деятельность и других культов. Этого принципа придерживались не только консерваторы, но и либералы.

В 1852 г. Коста-Рика подписала конкордат с Ватиканом, который в основном повторял те же положения, что и конкордаты, заключенные с другими республиками Центральной Америки. Два года раньше папский престол учредил епископство Сан-Хосе. До этого коста-риканская церковь подчинялась епископу Леона в Никарагуа. Первый епископ страны Ансельмо Льоренте-и-Льоренте за отказ уплатить налог в пользу госпиталей был в 1859 г. выслан из страны.

Новый конфликт с церковью произошел в 1884 г., когда президент Просперо Фернандес выслал епископа Бернарда Аугусто Тилиа за то, что он осуждал правительственный декрет, не разрешавший иезуитам въезд в Коста-Рику. Кроме того, Фернандес запретил деятельность иезуитского ордена и отменил действие конкордата. Отношения с Ватиканом были прерваны. Правительство секуляризировало кладбища и приняло ряд других мер, которые привели к существенному ограничению прав церкви. В республике существует весьма прогрессивный закон о разводе. Вместе с тем церковное свидетельство о рождении и браке признается властями. Государство содержит духовенство, предназначая на эти цели ежегодно 1% своих доходов.

Судя по всему, церковь не возражала против таких порядков, воздерживаясь от активного участия в политической жизни страны. Однако ее позиция изменилась в 40-х годах XX в., когда Кальдерон Гуардия и Теодоро Пикадо приняли прогрессивное социальное законодательство. Тогдашний архиепископ Коста-Рики Виктор-Мапуэль Санабриани-Мартинес поддержал это законодательство и даже появился на праздновании 1 Мая в одной машине с президентом республики Пикадо и Геперальным секретарем компартии Мануэлем Мора Вальверде. В результате обмена писем с Морой Вальверде архиепископ Сапабрия разрешил католикам вступать в партию «Народный авангард». После свержения президента Пикадо в 1948 г. весьма активно стал проявлять себя профсоюзный центр «Рерум новарум» (назван по одноименной социальной энциклике Льва XIII) во главе со священником Нуньесом, примыкавшим к партии «Национальное освобождение». Лидер этой партии Хосе Фигерес, придерживавшийся тогда проамериканской ориентации. Под воздействием правых сил Коста-Рика возобновила дипломатические отношения с Ватиканом (формально существовавшие с 1908 г.), причем послом Коста Рики при папском престоле был назначен Джулио Пачелли, известный римский делец, племянник Пия XII.

В 1949 г. новая конституция вновь провозгласила католическую церковь государственной, хотя запретила политическую пропаганду, основанную на религиозных воззрениях или религиозных верованиях.

В Коста-Рике преподавание религии в школах разрешено законом. Церковными делами в правительстве занимается министерство иностранных дел и культов.

В 1960 г. церковная иерархия Коста-Рики состояла из 1 архиепископа и 2 епископов, 94,3% населения (1099 962) – католики; духовенство насчитывало 246 священников. Протестантов разных деноминаций было около 50 тыс., их обслуживали 267 пасторов.

Католическая иерархия резко возражала против деятельности протестантских миссионеров. Архиепископ Санабриа назвал ее «инструментом угнетения и империализма». В одном из своих выступлений он заявил: «Если североамериканский политический протекторат оскорбителен для нашей испанской и латинской политической традиции, то религиозный протекторат вдвойне вреден» 26.

Панама

Панама возникла как самостоятельное государство только в 1903 г. До этого ее территория входила в состав Колумбии и отношения с церковью регулировались законами этой республики. История Панама тесно переплетается с судьбой Панамского канала, пересекающего страну на две части. Стремясь завладеть стратегически важным Панамским перешейком, американцы навязали в 1903 г. Панаме неравноправный договор, по которому часть ее территории, предназначенной для прорытия межокееанского канала, переходила в «вечное пользование» Соединенных Штатов, получивших к тому же право на вооруженное вмешательство во внутренние дела республики. Впоследствии США превратили зону канала в американский колониальный анклав на панамской территории.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

Здесь на площади 1432 кв. км размещены военно-морские и военно-воздушные базы США, многочисленные форты, аэродромы, гарнизоны, военно-учебные заведения для переподготовки «лояльных» Пентагону офицеров из латиноамериканских стран с реакционными режимами.

Вся последующая история Панамы – это борьба ее народа за освобождение захваченной американцами зоны и за ее включение в территорию республики. В 1968 г. в Панаме к власти пришло правительство генерала Торрихоса, осуществившее ряд прогрессивных преобразований и добившееся от США заключения нового соглашения, согласно которому с 1 октября 1979 г. зона канала перешла под юрисдикцию Панамы, а полный панамский суверенитет над каналом будет восстановлен к 31 декабря 1999 г.

В 1960 г. в Панаме проживало около 900 тыс. человек. Население состояло в основном из креолов испанского происхождения, но имеются также индейцы (около 8% населения), негры и мулаты, небольшие группы китайцев и индийцев. Уровень жизни трудового населения – один из самых низких в Латинской Америке. Число незарегистрированных браков (30%) уступает только Гватемале (41%) и Гаити (39%)²¹ •

В стране церковь фактически отделена от государства. Правительство оказывает только финансовую помощь миссионерам, «опекающим» индейцев. Церковь вправе владеть недвижимой собственностью, и назначения на церковные должности производятся Ватиканом без консультации с местными властями. Дипломатические отношения с папским престолом существуют с 1929 г.

Панамское епископство – одно из первых в Америке. Оно было учреждено в 1514 г. и зависело от архиепископства Боготы, а с начала XX в. – от Картахены (Колумбия). Ватикан возвел Панаму в архиепископство только в 1925 г. Теперь в Панаме 1 архиепископ и 2 епископа²⁸. Значительную часть священников (всего их 171) составляют иностранцы, главным образом выходцы из Северной Америки.

Ввиду частых переворотов в Панаме неоднократно менялись конституции, но на отношениях государства с церковью эти перемены не сказывались. Весьма типичной была конституция 1946 г. Она устанавливала принцип свободы культов, разрешала преподавание религии в школах в качестве необязательного предмета, запрещала служителям культа занимать государственные и военные должности, не связанные с благотворительностью и воспитанием. Ст. 14 конституции гласит: «Граждане, не имеющие религиозных верований, могут не упоминать бога при принесении присяги».

В Панаме действует закон о разводе, регистрация актов гражданского состояния носит светский характер. С 1910 г. кладбища находятся под контролем муниципальных властей.

В прошлом панамская иерархия неоднократно выступала с осуждением материализма и коммунизма, пытаясь через «Католическое действие» и другие клерикальные организации мобилизовать верующих на борьбу с прогрессивными силами страны. После II Ватиканского собора и событий 1968 г. церковные иерархи стали высказываться в поддержку требований народа установить суверенитет Панамы над зоной канала.

Гаити и Доминиканская Республика

Эти два соседствующие на одном острове государства в этническом и историческом планах развивались различно. Вместе с тем у них немало общего. Гаити еще в колониальные времена стала французской колонией, испытала на себе влияние французской революции 1789 г., ее население, состоящее в основном из негров и мулатов, говорит по-французски. Доминиканская Республика, населенная главным образом креолами, – бывшая испанская колония. Обе республики неоднократно становились жертвами военных вторжений и оккупации со стороны США. Для политической истории обеих стран характерны частые военные перевороты, диктаторские режимы, отражающие интересы местных латифундистов и компрадоров, ориентирующихся на США. Жизненный уровень большинства населения в той и другой республике – один из самых низких в мире.

Гаити (западная часть одноименного острова) с момента открытия в конце XV в. в течение двух веков принадлежало Испании, а с 1697 по 1803 г. им владели французы. Они называли свою колонию Сан-Доминго. Здесь в 1798 г. проживали 40 тыс. белых, 28 тыс. свободных цветных и 452 тыс. негров рабов²⁹, трудившихся на сахарных и кофейных плантациях. В 1795 г. французы

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
завладели и испанской (восточной) частью острова, которая до 1844 г. оставалась под контролем Гаити.

В 1808 г. Жан Жак Дессалин, правитель независимого Гаити, провозгласил отделение церкви от государства, ввел гражданский брак, а впоследствии развод. Ватикан долго не мог простить Гаити этих мероприятий, вдвойне обидных для него: их осуществляли бывшие рабы-негры.

В колониальный период, хотя все население Гаити считалось католическим, немногие священники, находившиеся на острове, обслуживали главным образом белое население: рабовладельцев, колониальных чиновников. Негры сохраняли свои африканские верования.

С завоеванием независимости правители Гаити выдавали себя за вольтерьянцев, считали церковь полезным для народа институтом, приучающим людей к повиновению властям. Однако ввиду враждебного отношения Ватикана к Гаити было трудно найти в Европе церковников, желавших служить в этой стране. Среди тех, кто приезжал тогда в Гаити, преобладали попы-расстриги, многие с уголовным прошлым.

В 1826 г. гаитянские власти национализировали церковную собственность, что вызвало резкое недовольство духовенства. В 1830 г. за сопротивление властям архиепископ Санто-Доминго и епископ Порт-о-Пренса были высланы из страны. Отношения с Ватиканом были установлены только в 1860 г., когда был подписан конкордат, действующий и поныне. Согласно этому документу, правительство назначает церковную иерархию, а Ватикан подтверждает это назначение, священники назначаются епископами с согласия правительства, которое платит им жалованье. Кроме того, они имеют право получать вознаграждение за церковные требы. Все служители церкви при вступлении в должность приносят присягу на верность властям.

В 1861 г. Ватикан учредил в Гаити архиепископство и четыре епархии. Церковная иерархия, как и другие служители культа, рекрутируются с того времени главным образом из рядов французского духовенства. В 1930 г. в стране из 205 священников было, всего 8 гаитянцев, из 105 монахов и 366 монахинь почти все иностранцы.

Во время оккупации Гаити войсками США (с 1915 по 1935 г.) различные американские протестантские организации энергично вербовали себе сторонников в этой стране. С тех пор правительство Гаити финансирует деятельность протестантских культов. На эти цели идет 10% бюджетных средств, предназначенных на расходы, связанные с содержанием духовенства. Сложившаяся ситуация была отражена в конституции 1957 г. (ст. 20) следующим образом: «Все религии и секты, признанные в Гаити, являются свободными. Каждый имеет право на исповедание своей религии и отправление религиозных обрядов, если он не нарушает общественного порядка. Католическая религия, исповедуемая большинством гаитян, пользуется особым статусом согласно конкордату»³⁰. Гаити поддерживает дипломатические отношения с Ватиканом, причем папская нунциатура в Порто-Пренсе содержится за счет гаитянского правительства. Церковными делами в правительстве ведает министерство иностранных дел и культа.

Католическая церковь в Гаити фактически управляет школьной системой. В 1960 г. в стране насчитывалось 513 католических школ, все священники-преподаватели являлись иностранцами.

Несмотря на официальную поддержку, влияние католической церкви на население невелико. Специалисты считают, что 90% гаитян хотя и числятся католиками, но исповедуют воду – разновидность синкретического афро-христианского культа дагомей-ского происхождения. Воду вобрало элементы как африканских верований, так и христианской (католической) религии. В результате скрещивания этих и порожденных местной действительностью разнородных элементов возник новый, типично гаитянский культ, имеющий многочисленных приверженцев в стране.

Водуистом* считался и диктатор Гаити Франсуа Дювалье. Он испытывал недоверие к католическому, преимущественно французскому, духовенству, обвинял его в осуществлении политики «духовной колонизации». В 1960 г. Дювалье выслал из страны за «непослушание» архиепископа Пуасье. Ватикан попытался назначить на его пост архиепископа Рэми Огюстьена, урожденного гаитянца и первого негра епископа в стране. Но Дювалье выслал и его вместе с четырьмя другими священниками. Одновременно за «подрывную» деятельность было арестовано около 130 служителей культа. За эти действия Ватикан отлучил от церкви Дювалье и его сподручных. Год спустя диктатор согласился с назначением гаитянца Клаудиуса Ангенори исполняющим обязанности администратора архиепископства Порт-о-Пренса. Казалось, что отношения Гаити с Ватиканом улучшаются. Но Дювалье продолжал подозревать католических церковников в антиправительственных кознях. В 1962 г. он выслал француза епископа Роберта и четырех французов священников, а два года спустя – 18 иезуитов-канадцев. В ответ Ватикан отозвал нунция из Порт-о-Пренса.

Так относился к католической церкви Дювалье, тиран и самодур, водуист и ярый антикоммунист, пользовавшийся неизменной поддержкой Вашингтона и американских компаний, беспрепятственно орудовавших в Гаити. Политическая судьба Доминиканской Республики, такой же отсталой в экономическом плане, как и Гаити, складывалась иначе, чем ее соседки по острову. Борьба за отделение от Гаити, где преследовалось доминиканское духовенство, шла под лозунгом «Бог, родина, свобода», ставшим девизом Доминиканской Республики, учрежденной в 1844 г. Однако назначенный Ватиканом вскоре после завоевания независимости архиепископ Санто-Доминго Томас де Портес-э-Инфанте симпатизировал испанским колонизаторам, как и многие священники испанского происхождения. Испания готовилась к новому захвату Санто-Доминго. Правительство заставило священников присягнуть в верности конституции. Те, кто отказывался от присяги, подлежали высылке. В 1861 г. испанские войска высадились в Санто-Доминго и оккупировали страну. Они стали преследовать священников-до-миниканцев. В 1865 г. доминиканцы восстали и изгнали захватчиков – на этот раз павсегда, а вместе с ними и церковников-испанцев.

Доминиканская Республика – одна из немногих стран Латинской Америки, где президентское кресло дважды занимали священники. В 1880 г. президентом был избран священник Фернандо Артуро де Мериньо, впоследствии архиепископ Санто-Доминго. В 1912 г. на ту же должность был назначен архиепископ Адольфо А. Ноуэль в надежде предотвратить оккупацию страны войсками США, которые с 1904 г. установили политический и экономический контроль над республикой. В 1916 г. американские войска высадились в Санто-Доминго, в связи с чем Мериньо ушел в отставку. Американская оккупация продолжалась до 1924 г., но после этого страпа оставалась под протекторатом Вашингтона. В течение 31 года (1930–1961) ею управлял Лео-нидас Трухильо, один из самых жестоких карибских тиранов, верный слуга американских монополий. На протяжении многих лет церковь сотрудничала с Трухильо, восхваляя и превознося его мнимые заслуги перед страной. Трухильо со своей стороны щедро финансировал строительство церквей, способствовал проведению различных церковных юбилеев, евхаристических конгрессов и тому подобных клерикальных мероприятий, всемерно афишировал свою солидарность с Ватиканом. Особенно благоволил тиран к иезуитскому ордену, члены которого составляли половину духовенства республики.

Диктатор, одержимый манией величия, переименовал столицу Санто-Доминго, оенованную еще Христофором Колумбом, в Го-род-Трухильо, строил в свою честь памятники, присваивал себе всевозможные помпезные звания, титулы, чины, его излюбленный девиз «Бог и Трухильо» красовался на домах и площадях всех населенных пунктов страны.

Церковники не только не протестовали против этих кощунственных действий диктатора, но щедро превозносили его вымышленные христианские добродетели. Особенно одаривал его комплиментами известный своими реакционными взглядами тогдашний глава американского епископата кардинал Спеллман.

В 1954 г. Трухильо заключил с папским престолом конкордат, наделявший церковь многими правами и привилегиями. Духовенство освобождалось от уплаты налогов, почтовых и телеграфных расходов, просвещение по конкордату должно было основываться на «принципах католической доктрины и морали», церковь обретала право приобретать недвижимую собственность и владеть ею. В свою очередь Ватикан согласился назначать на церковные должности рекомендованных правительством кандидатов.

Заключение конкордата было воспринято папским престолом с большим удовлетворением. Трухильо посетил Ватикан, где был торжественно принят Пием XII и награжден высшим церковным орденом. Благодарный папа присвоил по этому случаю архиепископу Города-Трухильо (Санто-Доминго) колониальный титул – примаса-митрополита. Кроме того, в республике были созданы три епархии и одна почетная епископская должность. Эти посты достались приближенным диктатора. Среди церковников по-прежнему преобладали иностранцы, главным образом испанцы, американцы, канадцы.

В 1956 г. монах Сиприано де Утрера с восторгом писал, что католическая церковь в Доминиканской Республике добилась такого величия, какого она не знала даже в колониальное время, – и «все это благодаря политико-католическому гению славного государственного деятеля генерала и доктора Рафаэля Леонидаса Трухильо Медины, которого сограждане в знак признания его тотального понимания величия родины увенчали золотыми лаврами титула Благодетеля и Отца Новой Родины»³¹.

Славословя тирана, церковники утверждали, что они стоят в стороне от политики. «Но, – отмечает американский историк Селден Родман, – их согласие с кощунственным девизом „Бог и Трухильо“, поздравительные послания папы римского в адрес Трухильо, присутствие кардинала Спеллмана на праздновании юбилея диктатора, когда этот прелат публично обнял юбиляра и назвал его

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
„благодетелем церкви“, вызывали сомнения у многих людей относительно ее нейтралитета». На церковников, пишет далее автор, падало подозрение в том, что они сообщали полиции тирана данные о его противниках, полученные в исповедальнях 32.

Пресмыкательство духовенства перед Трухильо продолжалось до тех пор, пока он пользовался поддержкой обоих американских хозяев. Когда после Кубинской революции они пришли к выводу, что «благодетеля родины» может постигнуть судьба его «коллеги» Батисты и благоразумнее будет от него избавиться, то и церковники изменили отношение к диктатору. «В январе 1960 г., – указывает Селден Родман, – католическая церковь, предвидя неизбежное падение Трухильо, опубликовала пастырское послание, осуждавшее ее некогда закадычного друга и благодетеля, которого в прошлом она награждала высшими церковными орденами».

Правительство потребовало от епископата провозгласить Трухильо «благодетелем католической церкви в Доминиканской Республике». Однако церковники заявили, что такие полномочия имеются только у папы:

«Подтверждая нашу благодарность (Трухильо?) и признавая ограниченность нашей власти, мы в нашем сердце сохраняем уверенность, что бог, безошибочный благодетель, не оставит заслуги без награды» 33.

Иезуитский ответ епископата не удовлетворил Трухильо. По его приказу из страны были высланы несколько американских и канадских священников, объявленных «нежелательными иностранцами». Печать стала обвинять их в страсти к накопительству, а монахинь – в аморальном поведении. Но дни Трухильо были сочтены. Вскоре доверенные люди Вашингтона пристрелили его. Знаменательно, что в образованный вслед за этим Государственный совет вошли убийцы Трухильо и епископ Перес Санчес.

О том, что церковники, выступая под занавес против Трухильо, отнюдь не преследовали прогрессивные цели, говорит их отношение к правительству либерала Хуана Боша, избранного президентом страны вскоре после убийства диктатора. Церковь травила Боша, активно участвовала в его свержении и устынов-лении новой военной ультраправой диктатуры.

В 1960 г. в Доминиканской Республике насчитывалось около 42 тыс.

протестантов на 3 млн. населения. Как и во многих других республиках, протестанты располагали здесь пропорционально высоким контингентом проповедников – 236, в то время католических священников было 310.

Протестантские проповедники появились в Санто-Доминго в начале XX в. вместе с американскими интервентами. Для деятельности в этой и других карибских странах их специально тренировали в Пуэрто-Рико. Характерно, что различные протестантские церкви договорились о совместных действиях в Доминиканской Республике, образовав на паритетных началах единую Евангелическую церковь Санто-Доминго, возглавляемую попеременно представителями различных протестантских деноминаций.

Первая оккупация Доминиканской Республики американскими войсками, отмечает протестантский автор Эдвард А. Одделл, от-

, 11 И, Р, Григулевич 161

крыла зеленую улицу для работы миссионеров-протестантов в этой стране, хотя у них было и свое трудолюбие. Некоторые доминиканцы, «исходя из религиозных предрассудков или политических соображений, не одобряли работу миссионеров. Они влияли на население, утверждая, что руководители протестантской церкви имели официальные связи с оккупационными властями, а также представляли интересы американского правительства, как католические священники представляли некогда интересы испанского правительства» 34.

Тем не менее, расходуя крупные средства, ведя пропаганду по радио, занимаясь «практической благотворительностью» посредством хорошо оборудованной больницы в Санто-Доминго, пользуясь благосклонным отношением Трухильо, который не препятствовал их деятельности, зная, что она пользуется поддержкой Вашингтона, протестантам удалось привлечь на свою сторону некоторую часть населения страны. 25 26

25 Blanco Segura R. *Historia eclesi*

26 Lloyd Mecham J. *Church...*, p. 335–336.

27 *Ibid.*, p. 338.

28 Castillero E. J. R. *Breve historia de la iglesia Paname*

p. 43.

29 Гонионский С. А. *Гаитянская трагедия*. М.: Наука, 1974, с. 11.

30 Lloyd Mecham J. *Church...*, p. 288, 290.

31 Utrera Fr. C. de. *Episcopologio Dominicano*. Ciudad Trujillo, 1956, p. 55.

32 Rodman S. *Quisqueya, a history of the Dominican Republic*. Seattle, 1964, p. 149, 156.

33 Lloyd Mecham J. *Church...*, p. 298.

ЗА И ПРОТИВ ПАТРОНАТА (Колумбия и Венесуэла)

Принято считать, что Колумбия – самая католическая страна в Латинской Америке, в то время как в Венесуэле католическая церковь пользуется весьма ограниченным влиянием на широкие массы населения. И тем не менее в обеих этих странах после войны за независимость отношения государства с церковью складывались по одному и тому же сценарию. И там и здесь церковь отстаивала свои привилегии и особые права, выступала в союзе с олигархией, пыталась подчинить своему влиянию просвещение, воспрепятствовать другим культам, отказывалась признать право государства контролировать ее деятельность. Государство же стремилось узаконить право патроната, подчинить церковь своим интересам, лишить ее недвижимой собственности, передать светской власти регистрацию актов гражданского состояния, просвещение, благотворительность, наконец, отделить церковь от государства. Все эти вопросы не сходили с повестки дня с начала войны за независимость и подвергались острым дебатам в годы существования Великой Колумбии (1819–1830), когда ее возглавлял Симон Боливар. Созванный им в Ангостуре конгресс принял в 1819 г. временную конституцию новой республики. При ее обсуждении в конгрессе разгорелись дебаты вокруг принципа свободы совести («религиозной свободы»), т. е. права граждан исповедовать не только католическую, но и любую другую религию. Консерваторы выступали за сохранение церковью того же монопольного статуса, которым она пользовалась в колониальный период, они настаивали на объявлении католической религии «единственно законной» в стране и на запрещении всех других культов. Боливар и его сторонники были согласны провозгласить католическую религию государственной, но наряду с ней позволить деятельность и других культов. Речь шла главным образом о том, чтобы разрешить практику протестантского культа англичанам, число которых в связи с установлением тесных торговых и политических связей с Англией в Великой Колумбии быстро росло. Английское правительство энергично требовало (в особенности при заключении займов и торговых соглашений) предоставления протестантам свободы вероисповедания. Учитывая сопротивление церковников, Боливар предложил исключить из текста временной конституции статьи, относящиеся к церкви. Боливар считал, что их отсутствие позволит на практике установить режим религиозной свободы. Впоследствии в конституции, принятой в Кукуте (1821 г.), был установлен принцип свободы совести. 28 июля 1824 г. конгресс в Кукуте одобрил закон о патронате, ставивший церковь в непосредственное подчинение государству, т. е. в то самое положение, в котором она пребывала по отношению к испанской короне в колониальное время. Закон наделял исполнительную, законодательную и судебную власти правом контролировать деятельность церкви, учреждать новые и реорганизовывать уже существующие епархии, созывать или разрешать соборы и синодальные собрания, разрешать строительство соборов и открытие новых монастырей, закрывать уже существующие, устанавливать размер десятины и церковных сборов за различные службы, подвергать предварительной цензуре исходящие из Ватикана документы, наказывать тех, кто без согласия властей им подчиняется, представлять папе римскому кандидатов на посты епископов и архиепископов, назначать совместно с местной иерархией приходских священников, контролировать деятельность миссионеров и т. д. Закон провозглашал, что епископами и архиепископами могут быть только урожденные колумбийцы, а священниками – и натурализованные колумбийцы, т. е. иностранцы, принявшие колумбийское гражданство. Верховный суд уполномочивался разбирать дела церковных иерархов, обвиненных в нарушении закона о патронате. Таким образом, указанный закон ставил деятельность церкви, за исключением канонической, под строгий контроль светских властей, предусматривая, в частности, что отношения церкви и Ватикана могут осуществляться только через правительство. Конгресс уполномочивал исполнительную власть заключить с папским престолом конкордат, который «навечно» закрепил бы за государством право патроната, как оно изложено в законе, причем выдвигалось требование, чтобы папа не вносил изменений в его текст. Ватикан после изгнания испанцев из Латинской Америки стал искать пути для

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

сближения с новыми республиками, опасаясь иначе потерять все свои позиции в этом районе. Правительства независимых республик в свою очередь были заинтересованы в том, чтобы получить дипломатическое признание папского престола: это, несомненно, укрепило бы их международное положение. Пытаясь быстрее добиться от Ватикана признания, они угрожали ему в противном случае способствовать созданию национальных, т. е. независимых от Рима, католических церквей. Такая перспектива сильно беспокоила папских иерархов, тем более что число священников и церковных иерархов в Испанской Америке катастрофически упало после завоевания независимости. Например, в Венесуэле в 1837 г. насчитывалось на 200 церковников меньше, чем накануне войны за независимость². В 1827 г. Ватикан согласился назначить в Великой Колумбии на вакантные должности епископов, что было равносильно дипломатическому признанию де-факто этой республики. Архиепископом Каракаса стал Игнасио Мендес. Английский вице-адмирал Флеминг писал о нем в 1827 г., что он был «посредственностью, невеждой, необразованным и распущенным. Он провел большую часть своей жизни среди льянеро³, привычки которых воспринял. Как и они, так и он имел многочисленных незаконнорожденных детей, и я видел его спорящим и скандалящим за игорным столом»⁴. Тем не менее правительство выдвинуло Мендеса на этот пост, учитывая, что он был креолом и во время войны за независимость выступал против испанцев. Все назначения были сделаны папой по рекомендациям правительства Великой Колумбии, о которых сообщил Ватикану дипломатический агент республики в Риме Бехада. Но это вовсе не означало согласия Ватикана с правом патроната. В 1829 г., воспользовавшись тем, что президент Великой Колумбии Боливар заключил тогда политический союз с церковью, Ватикан не посчитался с новыми рекомендациями колумбийского правительства и назначил на один из епископских постов своего собственного кандидата. Поступая так, Ватикан выразил непризнание за Великой Колумбией права на патронат. Правительство республики резко реагировало на грубый маневр Ватикана: оно не признало папского назначения и добилось его отмены.

Церковь, консерваторы и либералы в Колумбии

Распад в 1830 г. Великой Колумбии на составные части – Новую Гранаду, Венесуэлу и Эквадор – был использован церковной иерархией для укрепления своих позиций. Больше всего церковники преуспели в Новой Гранаде, где после победы над Испанией в 1825 г. им удалось добиться от Симона Боливара серьезных уступок в обмен на политическую поддержку его правительства. После отставки Боливара правительство в Новой Гранаде временно возглавил архиепископ Боготы Кайседо-и-Флорес. Церковная иерархия с согласия Ватикана готова была согласиться с законом о патронате 1824 г. при условии, что католицизм будет провозглашен государственной религией, а другие, в особенности протестантские, культы не получат права вести религиозную пропаганду.

Сантандер, избранный президентом Новой Гранады и добивавшийся признания папского престола, не возражал против такой трактовки религиозного вопроса. В результате Ватикан в 1835 г. признал правительство Новой Гранады. Таким образом, она стала первой республикой Латинской Америки, с которой Ватикан установил дипломатические отношения. Первый представитель Ватикана Каetano Балуффн пробыл в Боготе в 1836 г., однако его полномочия были признаны правительством только после того, как в 1840 г. конгресс принял закон, наделявший исполнительную власть правом отклонять кандидатуры папских дипломатических представителей.

В конституции 1843 г. церковникам удалось зафиксировать положение (ст. 16), согласно которому правительство обязывалось признавать и поддерживать только католическую церковь. Кроме того, после 87-летнего перерыва, иезуитам вновь был разрешен въезд в Новую Гранаду.

Как и в других республиках Латинской Америки, в Новой Гранаде местная олигархия управляла страной, опираясь на экономико-социальную структуру, унаследованную от колониального режима. Здесь все еще существовало рабство негров, просвещение развивалось слабо, промышленность находилась в зачаточном состоянии, внешнюю торговлю и банковское дело контролировали иностранные негодяи. Либералы, требовавшие проведения реформ, винили в создавшемся положении католическую церковь, требовали в первую очередь ограничить ее влияние в государстве.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

В 1849 г. президентом страны стал лидер либералов Хосе Иларио Лопес (1798–1869), с именем которого связано осуществление многих буржуазных преобразований. Участник войны за независимость, с сочувствием относившийся к идеям французской революции 1848 г., Лопес отменил рабство, восстановил демократические свободы, развивал просвещение (при нем был принят закон об обязательном и бесплатном начальном образовании), пытался осуществить частичную аграрную реформу, отменил смертную казнь, содействовал развитию дорожной системы (при нем началось строительство первой в стране шоссейной дороги).

Лопес был сторонником отделения церкви от государства. Одними из первых актов его правительства были запрет ордена Лойолы и высылка иезуитов за пределы Новой Гранады. Лопес отменил церковную десятину, принял закон о разводе, аннулировал все особые права и привилегии церкви. Наконец, в 1853 г. конгресс одобрил закон об отделении церкви от государства (представитель Новой Гранады был отозван из Ватикана); Таким образом, Новая Гранада стала первой латиноамериканской республикой, принявшей такой закон.

Церковники призвали верующих не подчиняться правительству Лопеса. Их подрывная деятельность вынудила президента принять решительные меры: архиепископ Боготы Мануэль Хосе Москера, епископы Памплоны, Санта-Марты и Картахены, а также ряд священников были высланы из страны.

Реформистская деятельность Лопеса вызвала ожесточенное сопротивление олигархических кругов, к которым присоединилось умеренное крыло либералов. В 1858 г. этим силам удалось вернуть в страну иезуитов. Церковь вновь стала пользоваться покровительством властей. В 1860 г. президентом страны был избран консерватор генерал Томас Сиприано де Москера. Пытаясь заручиться поддержкой либералов, Москера не только поддержал отделение церкви от государства, но и отстаивал право правительства одновременно «покровительствовать» церкви, что на практике вело к полному подчинению духовенства светской власти. Москера вновь изгнал иезуитов, национализировал церковную недвижимую собственность (за исключением культовых зданий), запретил все монастыри и монашеские ордены, секуляризировал кладбища, объявил гражданский брак единственно законным. Церковная иерархия ополчилась на Москера, угрожая ему отлучением. Но Москера арестовал тогдашнего архиепископа Антонио Эррана и отправил его в ссылку. Других непокорных прелатов постигла такая же участь. Вслед за этим правительство издало декрет, обязывающий всех служителей культа при вступлении в должность приносить присягу на верность конституции и законам страны. Те, кто отказывался выполнить это требование, подлежали высылке из страны.

В 1863 г. была принята новая конституция. Она не содержала упоминания о боге и начиналась словами: «От имени и по поручению народа...»⁵. Конституция провозглашала свободу вероисповедания. Вместе с тем ст. 23 указывала, что «национальное правительство и власти штатов, действуя в поддержку национального суверенитета и в целях обеспечения безопасности и спокойствия, имеют право осуществлять верховный контроль над деятельностью религиозных культов»⁶. Эта статья ставила деятельность духовенства в полное подчинение властей. Конституция оказалась одной из самых «долговечных» в истории страны: она просуществовала без изменений до 1886 г. Она же установила и новое название страны – Соединенные Штаты Колумбии. Москера и его сторонники оказались неспособными осуществить кардинальные реформы, которые открыли бы путь быстрому прогрессу страны. В экономическом отношении Колумбия оставалась отсталой, большинство населения – неграмотным, страна часто становилась жертвой гражданских войн, политические деятели превращались в каудильо, стремившихся любой ценой захватить власть и удержать ее в своих руках. В 1856 г. Колумбия утратила контроль над панамским перешейком, который был временно оккупирован войсками США.

В 1886 г* реакционным консервативным силам, которые возглавил бывший либерал Рафаэль Нуньес, удалось вновь вернуться к власти. В годы долгого правления консерваторов (46 лет) католическая церковь полностью восстановила свои прежние позиции, превратилась в надежную опору олигархического режима.

Принятая в 1886 г. конституция вводила для избирателей имущественный ценз, лишавший 75% населения избирательных прав, заменяла федеральную форму правления централизованной. Она вновь начиналась ссылкой на бога, провозглашала католическую религию государственной, передавала всю систему просвещения под контроль церкви. Конституция уполномочивала правительство заключить с Ватиканом конкордат, который регулировал бы отношения церкви с государством. Конкордат был заключен уже в 1887 г. с редкой для таких документов быстротой. Он состоял из 33 статей и был подписан статс-секретарем Ватикана кардиналом Мариано Рамполлой и представителем

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
Колумбии Хоакином Ф. Велесом.

Конкордат провозглашал католицизм религией Колумбии, основным элементом социального порядка. Государство обязывалось опекать церковь, охранять авторитет ее служителей, не нарушать ее прав и привилегий, не вмешиваться во внутренние церковные дела, предоставить церкви статус юридического лица, что позволяло ей вновь владеть недвижимой собственностью, разрешить взимать с верующих церковные налоги, учреждать монашеские ордены и монастыри, заниматься благотворительностью, содержать школы, преподавать религию во всех учебных заведениях, подвергать цензуре учебники. «Правительство, – говорилось в ст. 13 конкордата, – примет меры, чтобы в преподавании литературы и естественных наук и всех других дисциплин была исключена пропаганда идей, враждебных католическим догмам и уважению и почитанию, с которыми следует относиться к церкви» 7.

Конкордат устанавливал, что назначения на руководящие церковные должности осуществляются папским престолом по согласованию с президентом республики, который получает право вето при одобрении предложенных ему Ватиканом кандидатур. Узаконивался церковный брак, но он должен был совершаться в присутствии представителя светской власти.

Правительство обязывалось выплачивать церкви компенсацию за ранее национализированную собственность, от прав на которую церковь отказывалась. Конкордат отменял все законы и правительственные распоряжения, противоречащие его статьям. В свою очередь церковь соглашалась всего лишь возносить молитвы за процветание президента и властей республики.

В 1892 г. Колумбия и Ватикан подписали «Добавочную конвенцию», предоставлявшую церковникам ряд привилегий при рассмотрении их дел в гражданских судах, а также регламентировавшую контроль церкви над кладбищами. Регистрация актов гражданского состояния оставалась за церковью, которой вменялось в обязанность пересылать копии этих актов в соответствующие гражданские учреждения.

В 1902 г. с Ватиканом было подписано еще одно соглашение, регулировавшее деятельность миссионеров в Колумбии. Правительство обязывалось предоставлять миссионерам 75 тыс. песо в год, а также выделить им земельные участки для использования в интересах миссий.

Наконец, в 1928 г. Колумбия заключила с Ватиканом соглашение, учреждающее должности военных капелланов в армии.

Все эти документы укрепляли позиции церкви по отношению к государству.

Почти полувековое господство консерваторов, опиравшихся на церковь и земельную олигархию, не принесло стране ни мира, ни процветания. За эти годы Колумбия пережила несколько десятков кровавых гражданских войн, в войне 1879 г. погибли 80 тыс. человек, а в войне 1899–1902 гг. – свыше 100 тыс. Колумбия окончательно утратила Панаму, экономика страны оказалась под контролем иностранного капитала, большинство трудового населения продолжало жить в нищете, оставалось неграмотным: в 1912 г. из 1 млн. детей школьного возраста училось лишь около 279 тыс. Протяженность железных дорог составляла всего 1500 км. Для того, чтобы пересечь страну с севера до границы с Эквадором требовалось не менее пяти-шести недель, причем надо было передвигаться на ослах, лошадях, лодках и по железной дороге 8. Экономический кризис, охвативший в 1929 г. всю капиталистическую систему, ослабил и без того отсталую экономику Колумбии. Ее экспорт упал, цены на кофе и другие продукты, поставляемые страной на мировой рынок, покатились вниз, многие колумбийские фирмы разорились, возникла безработица, обострились социальные конфликты участились забастовки, крестьянские выступления. Консерваторы утратили свой авторитет. В результате на выборах 1930 г. президентом страны стал умеренный либерал Энрике Олайя Эррера. В 1932 г. из-за нефтеносного района Летисии разразилась война с Перу, длившаяся девять месяцев. Она принесла неисчислимые бедствия, воюющие стороны потеряли свыше 70 тыс. человек убитыми. Трудящиеся Колумбии настаивали на проведении коренных социальных преобразований. Их обещал осуществить лидер левых либералов Альфонсо Лопес, избранный президентом в 1934 г.

Лопес попытался осуществить половинчатую аграрную реформу, способствовал расширению школьного образования, поощрял дорожное строительство, установил в 1935 г. дипломатические отношения с Советским Союзом. В 1937 г. компартия, основанная в 1930 г., впервые участвовала в парламентских выборах, секретарь ЦК Компартии Хильберто Виейра стал первым депутатом-коммунистом.

По инициативе Альфонсо Лопеса в конституцию 1886 г. были внесены существенные изменения. Трудящиеся получили право на забастовку, был установлен 8-часовой рабочий день, церковь отделена от государства, провозглашен принцип свободы совести, государственная система просвещения освобождена от церковного контроля, священникам было запрещено вмешиваться

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosofff.org
в политическую жизнь страны.

Реформы Лопеса вызвали в стране реакции бурю возмущения. Под давлением правых либералов и консерваторов Лопес подал в отставку, не дотянув до окончания президентского срока. В 1937 г. президентом страны стал умеренный либерал Эдуардо Сантос. Он заключил новый конкордат с Ватиканом, несколько урезывавший права церкви. Новый конкордат предусматривал, что епископами могут назначаться только колумбийские граждане, кандидатуры которых должны быть предварительно одобрены правительством. Конкордат признавал примат государства в области образования, но на практике церковь продолжала, как и прежде, пользоваться особыми правами, власти избегали вступать с ней в конфликт.

В 30-е годы церковные иерархи поддерживали диктатуру Франко в Испании, осыпая проклятиями коммунизм. Еще более усугубилась такая политика в годы «холодной войны», когда США под предлогом борьбы с коммунизмом пытались подчинить страны Латинской Америки своему диктату.

Поощряемые правящими кругами США и поддерживаемые духовенством, колумбийские ультраправые рвались к власти. В 1948 г. они совершили гнусное преступление – убили лидера левых либералов Хорхе Элиесера Гайтана, выступавшего с антиимпериалистических позиций. Убийство Гайтана вызвало восстание в Боготе, во время которого провокаторы поджигали церкви и монастыри. Восстание было подавлено силой. Годом позже правым удалось посадить в президентское кресло Лау-реано Гомеса, фанатического клерикала, задавшегося целью физически уничтожить своих противников. В стране началась охота на инакомыслящих. Четыре года правления Гомеса вошли в историю под названием «эры насилия». «Правительство Колумбии, возглавляемое Л. Гомесом, говорят, самое католическое в мире, – писал один из деятелей либеральной партии того периода, Э. Франко Исаса. – Да здравствует Христос! Смерть красным! Освященное клубами ладана, оно (правительство. – И. Г.) принесло на алтарь нашего господ бога сотни и сотни убитых крестьян, так что цифра жертв достигает 100 тыс. Колумбия – самая католическая страна в мире! Да здравствует Христос! Смерть красным!»⁹

Сторонники Гомеса преследовали не только левых деятелей, рабочих и крестьянских активистов, но и протестантов, которых они приравнивали к коммунистам. С 1948 по 1953 г. было разрушено 42 протестантские школы, 51 протестант убит. В 1959 г. антипротестантские беспорядки вновь повторились: более 115 протестантов погибло, было закрыто 200 школ.

В 1953 г. власть захватили военные. Президентом страны стал генерал Г. Рохас Пинилья, продолжавший политику подавления прогрессивных сил. Пытаясь предотвратить в стране революционный взрыв, консерваторы и либералы заключили союз, предусматривавший чередование в течение 12 лет у власти каждой из партий, паритетное представительство в парламенте и принятие законов 2/3 голосов членов законодательных органов. Вскоре после этого на смену Г. Рохасу Пинилье пришел умеренный либерал Альберто Льерас Камарго. Хотя все эти годы церковь пользовалась покровительством властей и сохраняла свои позиции, как среди духовенства так и среди верующих росло недовольство союзом церковной иерархии и олигархии, враждебностью, с которой относились духовные верхи даже к весьма умеренным посулам церковной социальной доктрины. В Колумбии при чередовании либералов и консерваторов у власти существенных перемен в социальном плане не происходило. Как и прежде, господствующее положение занимали олигархия и иностранные монополии, трудящиеся жили в нищете и несправедливости. Этот несправедливый социальный порядок освящался церковью и преподносился верующим как олицетворение всех христианских добродетелей. Победа Кубинской революции 1959 г. была для Колумбии «громом с ясного неба», она вынудила многих служителей церкви и верующих пересмотреть свои традиционные взгляды на острые проблемы современности.

Победа патроната в Венесуэле

С Венесуэлой, которая отделилась от Новой Гранады в 1830 г., у Ватикана не было дипломатических отношений на протяжении всего XIX в. Правящие круги Венесуэлы, хотя и отражали интересы олигархии, в идейном плане восприняли традиции освободительной войны, колыбелью которой на севере Южной Америки являлась родина Миранды и Боливара.

Олигархия Венесуэлы была новым классом, возникшим из руководящей прослойки

борцов за независимость, занявших место латифундистов колониального периода. Эти новые олигархи типа Хосе Антонио Паэса и ему подобных выходцев из народа находились под сильным влиянием просветительских идей XVIII в. и в течение многих десятилетий сохраняли предубеждения против религии и церковников. Вместе с тем они видели в церкви неизбежное зло, которое следует подчинять интересам светской власти. Дипломатические отношения с Ватиканом могли бы только помешать проведению такой политики.

Поворот Боливара к церкви в 1828 г. встретил резкую оппозицию со стороны Паэса – верховного правителя Венесуэлы. Паэс писал по этому поводу Боливару, что в Венесуэле духовенство не пользуется таким влиянием, как в Новой Гранаде, поэтому вряд ли оно может быть полезным правительству: «Мы много трудились, чтобы разрушить ужасы фанатизма и влияние священников над народом. Теперь они в Венесуэле редко вмешиваются в общественные дела.., Я считаю, что ваш совет поддерживать религию следует претворять в жизнь с большой осмотрительностью, учитывая, что разум нашей эпохи предпочитает свободу мысли» п.

Выход Венесуэлы из состава Великой Колумбии прошел под знаком враждебной кампании по отношению к Боливару, которого венесуэльские руководители упрекали, в частности, в том, что он изменил освободительной программе, связавшись с церковниками. Последние, естественно, тянулись за Боливаром, в лице которого они видели после 1828 г. своего главного союзника. Поэтому Паэс недоверчиво относился к служителям церкви, опасаясь, что именно они могут стать средоточием всех враждебных венесуэльской независимости сил. Для этого у него были веские основания: в 1830 г. Боливар отмечал, что в Венесуэле его гегералами являются церковники.

Конгресс Венесуэлы, йесмотря на сойротийление архиепископа Игнасио Мендеса, включил в законодательство страны закон о патронате, принятый в 1824 г. конгрессом Великой Колумбии в Кукуте. Этому закону Венесуэла оставалась верной на протяжении всей своей истории независимо от того, находились у власти либералы или консерваторы. И те и другие считали, что церковь обязана подчиняться гражданской власти, и в случаях неповиновения духовенства предпринимали против него решительные меры. Такая позиция гражданских властей, последовательно проводившаяся по отношению к духовенству в Венесуэле с первых лет независимого существования, способствовала тому, что религиозный вопрос не проявлялся здесь столь остро, как в других республиках Латинской Америки.

Приверженность правящих кругов Венесуэлы патронату отразилась и на содержании многочисленных (около 40) конституций, принятых после провозглашения независимости. Ни в одной из них церковь не наделялась какими-либо особыми правами или привилегиями. В первой же конституции Венесуэлы, принятой в 1830 г., отсутствовало какое-либо упоминание о религии. Это вызвало резкие протесты со стороны архиепископа Мендеса, который потребовал объявить католическую религию государственной, угрожая в противном случае не присягать конституции или сделать это с оговорками. Его поддержали другие церковные иерархии. Хотя Мендес в прошлом был участником войны за независимость и многие годы сражался бок о бок с Паэсом, последний отказался пойти на какие-либо уступки и выслал на остров Кюрасао его и епископов Мериды и Гвианы, отказавшихся присягнуть конституции.

Этот акт Паэса население Венесуэлы восприняло с одобрением. В период войны за независимость как патриоты, так и испанцы принимали весьма решительные меры против нелояльных по отношению к ним служителей культа. Верующие в те годы привыкли видеть церковника с оружием в руках в роли солдата, политического деятеля или арестанта. Убедившись, что их высылка не вызвала среди венесуэльцев волны фанатизма и антиправительственных выступлений, Мендес и его единомышленники пошли на попятную и заявили о своем согласии с конституцией. В апреле 1832 г. им было разрешено вернуться в Венесуэлу. Возвратившись в страну, Мендес продолжал критиковать правительство Паэса, обвиняя его в янсенизме и потворстве протестантам. Эти нападки усилились после того, как в 1833 г. конгресс отменил церковную десятину и поручил правительству выплачивать священникам вместо десятины жалованье, а также запретил им преподавать или занимать какие-либо должности в средних школах. Недовольство духовенства еще больше возросло, когда годом позже конгресс принял закон, гарантировавший свободу совести («свободу культов»), а в 1836 г. установил светскую регистрацию актов гражданского состояния. В ответ на эти меры Мендес призвал верующих к бойкоту «еретиков и иностранцев».

Английский консул в Каракасе Роберт Керр Портер заявил правительству протест и потребовал обуздать распоясавшегося архиепископа. Паэс вынужден был внять протесту, ибо Портер в то время являлся единственным иностранным дипломатом в Венесуэле, а Англия – единственной страной, признавшей правительство Паэса. Поэтому, когда Мендес отказался утвердить предложенные ему правительством кандидатуры на епископские кафедры и угрожал отлучением

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
верующим за неуплату десятины, он был привлечен Верховным судом к ответственности за отказ подчиниться закону о патронате. Суд предписал Мендесу в течение 48 часов назначить па церковные должности указанных ему священников, в противном случае он лишался права занимать пост архиепископа и подлежал немедленной высылке за границу. Мендес отказался подчиниться. 30 ноября 1836 г. он был снова выслан из Венесуэлы на Кюрасао. Там он оставался три года, а затем перебрался в Новую Гранаду, где и умер в 1839 г.

Поражение Мендеса – идейного наследника испанских церковников – решило конфликт с церковью в пользу государства, тем более что Мендес не нашел сторонников не только в правящих кругах, но и среди верующей массы. В 1837 г. конгресс закрыл все мужские монастыри в стране, национализировал их собственность, передал ее в распоряжение министерства просвещения. В 1841 г. конгресс предписал священникам не подчиняться инструкциям Ватикана, если они противоречат законам страны; обязал архиепископа и епископов при вступлении в должность приносить присягу на верность и послушание «конституции, законам и правительству республики», причем, как отмечалось в тексте закона, подчинение папскому престолу ни в коей мере не освобождало служителей церкви от этой присяги 12.

Плохо оплачиваемая церковная карьера перестала привлекать венесуэльцев. В 1843 г. в стране насчитывалось всего 329 священников и 84 монаха. Так как почти половина приходов не имела священников, правительство разрешило въезд в страну испанским церковникам. Но это вызвало резкие протесты со стороны либералов, опасавшихся, что испанские клирики превратятся в опору местной реакции.

Антиклерикализм консерваторов по мере того, как контроль правительства над церковью усиливался, шел на убыль. Теперь с антиклерикальными лозунгами выступала главным образом оппозиционная либеральная партия, ее руководители надеялись благодаря этому получить поддержку широких кругов населения.

В 1841 г. под предлогом того, что в провинциальных средних школах ощущался недостаток учителей, церковникам вновь разрешили заниматься в них преподавательской деятельностью. В том же году конгресс уполномочил президента привлечь католических миссионеров, правда под весьма строгим контролем гражданских властей, для работы среди индейского населения в штатах Гвиана и Маракайбо. Однако большинство прибывших с этой целью церковников осело в городских приходах. И в наше время иностранные миссионеры продолжают «цивилизовывать» венесуэльских аборигенов.

В 1847 г. на смену консерваторам пришли либералы, также связанные с олигархией, хотя и с более умеренными ее кругами. Либералы в лице их лидера, тогдашнего министра внутренних дел Антонио Леокадио Гусмана, еще более усилили контроль над деятельностью духовенства.

В 1848 г. правительство отказалось от услуг миссионеров, запретило деятельность иезуитского ордена и выслало из страны всех священников и монахов-иностранцев. Тогда же в связи со смертью архиепископа Фернандеса Пеньи конгресс утвердил на этот пост кандидатуру священника Переса, известного своими либеральными взглядами. Но папа- Пий IX отказался его утвердить. На рекламации венесуэльского правительства Ватикан ответил, что не признавал и не признает за Венесуэлой права на патронат. Безрезультатные переговоры с Ватиканом по этому вопросу продолжались до 1852 г., когда Перес умер и папа римский утвердил архиепископом правительственного кандидата Ге-вару-и-Лиру, родственника тогдашнего президента Венесуэлы Хосе Грегорио Монагаса.

В 1849 г. власти запретили священникам покидать свои приходы, устраивать религиозные процессии и другие публичные церковные демонстрации без особого па то разрешения. В том же году был запрещен въезд в страну церковников-иностранцев.

В 1862 г. Паэс вновь захватил власть. На этот раз он пытался опереться на церковников и их сторонников. С этой целью Паэс направил архиепископа Гевару в Рим, поручив ему заключить конкордат с Ватиканом. Гевара выполнил поручение, но привезенный им из Рима конкордат вызвал возмущение в стране, ибо фактически восстанавливал прежние привилегии церкви, ставил под ее контроль просвещение, вводил церковную цензуру на книги и т. д. Содержание конкордата показало, что Ватикан продолжал оставаться на прежних позициях и желал подчинить государство церкви.

И все же Паэс, подорвавший к тому времени свой авторитет, подписал конкордат, юридической фе силы этот документ не обрел. Вскоре Паэс был свергнут, а конгресс отказался ратифицировать конкордат. Новое правительство предложило Ватикану внести поправки в конкордат, по Пий IX настаивал на прежнем тексте и переговоры были прерваны.

Отношения государства с церковью осложнились в годы правления либерального каудильо Антонио Гусмана Бланко (1870– 1888), отец которого 13 в 40-х годах

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosofff.org в бытность министром внутренних дел проводил антиклерикальную политику. Гусман Бланко пришел к власти, сместив консервативного президента Рупер-то Монагаса, пользовавшегося поддержкой церковников. Это навлекло на них репрессии со стороны Гусмана Бланко, считавшего участие церковников в политике противозаконным. В 1876 г. он писал: «Я желаю мира с церковью, но если духовенство будет столь неблагоразумно провоцировать столкновения с правительством, то я ликвидирую его. Поступить иначе означало бы невыполнение нашего долга по отношению к революции, либеральному духу и республике. Мы никогда не должны допускать, чтобы слова, произносимые духовенством в печати или с трибуны, отражали голос реакции. Мы не только заставим замолчать всех тех, кто подвергает сомнению законность правительства, но и потребуем от архиепископа уволить всех приходских священников, известных своими контрреволюционными взглядами» 15.

Духовенство, несмотря на предостережение Гусмана Бланко, продолжило подстрекать верующих к борьбе с правительством. Архиепископ Гевара отказался отслужить благодарственный молебен в честь победы Гусмана Бланко над его консервативным противником мятежным генералом Саласаром, среди последователей которого насчитывалось немало служителей церкви. В ответ правительство приказало Геваре немедленно покинуть Венесуэлу. Архиепископ выехал на остров Тринидад.

В Венесуэле не утихла гражданская война. Церковники поддерживали противников Гусмана Бланко. Президент предложил Геваре вернуться в Венесуэлу, если он заявит о своей поддержке правительства. Но Гевара отказался – он рассчитывал на скорое свержение Гусмана Бланко. Пытаясь обуздать мятежных церковников, президент закрыл монастыри, а также духовные семинарии, передав их функции университетским кафедрам богословия, запретил духовенству совершать браки, крестины и похоронные обряды до их регистрации светскими учреждениями, секуляризировал кладбища, отменил церковный налог на первые плоды урожая, разрешил монахам вступать в брак, подчинил церковников юрисдикции гражданских судов и т. д. Конституция 1874 г. закрепила за государством право на патронат и провозгласила принцип религиозной свободы, но только католической церкви разрешались религиозные акты за пределами молитвенных помещений. Собственность монастырей была национализирована, а правительственные расходы на церковь, в том числе жалованье духовенству, сведены до минимума.

Эти меры вызвали ожесточенную кампанию против правительства со стороны архиепископа Гевары, пребывавшего на Тринидаде, и его сторонников внутри страны, что создало хаос в церковной организации Венесуэлы. С одной стороны, Гевара отлучал церковников, сотрудничавших с правительством, с другой стороны, правительство отстраняло от церковных должностей неугодных ему священников. Одновременно Гусман Бланко добивался от папского престола отстранения Гевары от поста архиепископа и назначения на его место другого прелата.

ТТий IX отказался удовлетворить это требование. Ватикан назначил апостолическим викарием в Каракас венесуэльского священника Мигеля Лнтонио Баральта, который по существу выполнял функции архиепископа. Тогда по предложению Гусмана Бланко конгресс объявил место архиепископа вакантным и избрал на эту должность того же Баральта. Последний отказался принять сан от правительства без согласия Ватикана, за что был немедленно выдворен за пределы Венесуэлы. Конгресс избрал архиепископом Арройо, бывшего до этого епископом Гвианы. Арройо принял назначение и принес соответствующую присягу, однако воздержался от выполнения функций до утверждения своего назначения папой римским. Разумеется, Пий IX не только не утвердил Арройо, но еще наказал его за проявление «слабости духа». Таким образом, Гевара продолжал формально оставаться главой церковной иерархии в Венесуэле и управлять ею с Тринидада при помощи секретных инструкций.

Чтобы избавиться от назойливого противника, Гусман Бланко решил прибегнуть к крайнему средству: в 1875 г. он заявил, что если папа римский будет и впредь оказывать поддержку Геваре, то Венесуэла пойдет на окончательный разрыв с Ватиканом и создаст независимую от него национальную церковь, «руководимую принципами и практикой первобытной религии Иисуса» 16.

По указанию президента послушные ему члены конгресса приняли следующую декларацию: «Верные своему долгу, своим убеждениям и святой религии Иисуса Христа, этого великого существа, который, пролив свою кровь, сохранил свободу мира, мы не колеблемся освободить венесуэльскую церковь от епископской власти, претендующей, считая себя непогрешимой и всемогущей, подчинить себе из Рима энергию свободного народа, убеждения нашей совести и благородные помыслы и судьбы, принадлежащие нам как составной части великой человеческой семьи» 17.

Декларация отрезвила Ватикан, который не без труда убедил Гевару «добровольно» отказаться от поста архиепископа Каракаса. Об этом лично

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

сообщил Гусману Бланко прибывший впервые в Венесуэлу в 1876 г. апостолический делегат в Санто-Доминго Каччия. Гусман Бланко потребовал немедленно объявить должность архиепископа Каракаса вакантной. Каччия снесся телеграфно с Ватиканом и добился соответствующего согласия Пия IX. Конгресс поспешил избрать на этот пост Баральта, но когда тот начал упираться, отменил свое решение и сделал архиепископом более податливого священника – Хосе Антонио Леона. Последний, не дожидаясь папского подтверждения, впрочем вскоре пришедшего, немедленно приступил к исполнению своих обязанностей и к безудержному восхвалению диктатора, которого он сравнивал с Моисеем и Карлом Великим.

Таким образом Гусман Бланко одержал решительную победу над Ватиканом и своим противником Геварой. Церковная иерархия после этого конфликта, продолжавшегося шесть лет и подорвавшего ее силы и влияние (в 1881 г. в стране на 609 приходов оставался всего лишь 241 священник), смирилась с ролью покорной прислужницы правящих кругов Венесуэлы, которые в свою очередь вовсе не желали уничтожить религию. Этим обстоятельством не преминула воспользоваться церковь. Используя противоречия между враждующими политическими группировками, она со временем отвоевала многие утраченные при Гусмане Бланко позиции. Ряд уступок церковники добились от президента Рохаса Пауля (1888–1890), бывшего министром внутренних дел при Гусмане Бланко и в прошлом яркого антиклерикала, но в период своего президентства порвавшего «ю своим покровителем и в пику ему сблизившегося с церковью. Рохас Пауль разрешил въезд в страну монахинь, миссионеров, устроил за счет государства перенос останков Гевары в столицу и их торжественное захоронение в кафедральном соборе и т. д. При этом же президенте в 1890 г. стала выходить газета «Ла Релихион» – орган венесуэльского епископата, издававшаяся вплоть до нашего времени.

В последующие годы был разрешен въезд в страну салезианцев, августинцев и доминиканцев, а в 1900 г. вновь открылись духовные семинарии. Вместе с тем в начале XX столетия был принят закон о разводе, а конституция 1904 г. вновь подтвердила, что право патроната принадлежит нации, которая будет им пользоваться согласно закону от 28 июля 1824 г.

Новые уступки церковникам удалось получить от полуграмотного, но хитрого тирана Хуана Висенте Гомеса (1909–1935). Сам Гомес безразлично относился к религии, но высоко ценил дифирамбы в его адрес со стороны церкви, которая не скупилась на самую беспардонную лесть (например, она сравнивала его с Иисусом Христом). Гомес считал церковь весьма полезной в деле одурмачивания масс. Он говорил, что «попики (curitas) служат для того, чтобы отвлечь людей от опасных идей» 18. Ватикан высоко оценил услуги Гомеса, наградив его Большим крестом ордена св. Пия. Это вызвало недовольство противников тирана, с которыми быстро расправилась полиция. Писатель Рамон Уртадо был заточен в тюрьму, священника Регуло Фран-каса в тюрьме отравили. Гомес ввел преподавание религии в школах, разрешил духовенству содержать начальные и средние учебные заведения, вновь пустил в струю иезуитов, которые при его поддержке завладели рядом средних учебных заведений. Диктатор увеличил денежные выплаты церкви. Под покровительством Гомеса церковь постепенно стала вновь обрывать собственностью (в 1916 г., по неполным данным министерства внутренних дел, она оценивалась в 2 290 828 боливаров). Несмотря на все эти уступки и поблажки, Гомес, как и его предшественники, строго следил, чтобы деятельность духовенства проходила под строгим контролем гражданских властей. В 1911 г. Гомес издал декрет, согласно которому взаимоотношения религиозных культов и государства должны были регулироваться законом о патронате 1824 г.

Ю, обязывались в установленный законом срок принять местное гражданство или покинуть страну. Епископ Валенсии Монтес де Ока, выступавший против гражданского брака, был выслан в 1929 г. из Венесуэлы, а годом позже такая же участь постигла и епископа Мерида.

При Гомесе Венесуэла установила прямые дипломатические отношения с Ватиканом. В XIX в. интересы Венесуэлы при Ватикане представлял, как правило, дипломатический агент Колумбии, а сама Венесуэла входила в юрисдикцию апостолического делегата с постоянным местопребыванием в Санто-Доминго. Только в 1909 г. был назначен апостолический делегат непосредственно в Венесуэлу. В 1918 г. папский представитель в Каракасе получил звание интернунция, а в 1921 г. – нунция. С тех пор он является дуайеном дипломатического корпуса в столице Венесуэлы.

Пресмыкаясь перед Гомесом, церковь изолировала себя от широких масс трудящихся. Мечэм писал в 1934 г., что в Венесуэле «духовенство состоит из людей низких интеллектуальных качеств... Хотя католическая церковь в Венесуэле вернула себе многие из прав, которых она временно лишилась в период Гусмана Бланко, она так и не смогла обрести свою прежнюю духовную власть и силу» 19.

При правительствах Элеасара Лопеса Контрераса (1936–1940) и Исаиаса Медины Ангариты (1941 – 1945) церковники продолжали укреплять свои позиции. Они вели активную кампанию под знаменем антикоммунизма против Испанской республики. В 1937 г. стали проявлять политическую активность молодежные клерикальные группы. В период правления хунты, возглавляемой Ромуло Бетанкурром (1945–1947), и президентства Ромуло Гальегоса (1948) при содействии церковников впервые в стране возникла клерикальная партия – Комитет по организации независимой избирательной политики (КОПЕЙ), переименованная впоследствии в Христианско-демократическую. Как политическая партия КОПЕЙ дебютировала яркими нападениями на коммунизм и Советский Союз. Это обеспечило ей широкую поддержку крупной буржуазии и латифундистов. На выборах в 1947 г. КОПЕЙ получила 21 место (из 111) в палате депутатов и 6 мест (из 54) в сенате. В 1948 г. демократическое правительство Р. Гальегоса было свергнуто реакционными полковниками, за спиной которых стоял Пентагон. Церковники восторженно приветствовали мятежников. Иезуитский орган «СИК» писал, что сам бог руководил их действиями, а вдохновляла их св. Мария из Коромото 20, которая стала патронессой нового диктаторского режима. Служители культа одобряли преследование компартии и других демократических организаций, требовали разрыва дипломатических отношений с Советским Союзом. Энтузиазм духовенства еще больше возрос, когда в 1950 г. президентский ноет захватил полковник Маркос Перес Хименес, ставленник американских нефтяных монополий. Лишенный какой-либо поддержки в народе, новый диктатор, правивший при помощи полицейских репрессий, охотно пользовался поддержкой церковников, идя им на всевозможные уступки. –В 1951 г. с разрешения Переса Хименеса духовенство учредило в Каракасе Католический университет. Он был создан в качестве противовеса Центральному университету, студенты которого принимали активное участие в национально-освободительном движении и в борьбе с диктаторским режимом. Церковники проникли и в министерство просвещения, с одобрения которого быстро росла сеть так называемых частных школ, находившихся под их контролем. Преподавание религии в школах было разрешено не только духовенству, но и учителям, находившимся на государственной службе. В 1955/56 г. число учеников в начальных частных (церковных) школах возросло до 120 058 человек. По сравнению с 1950 г. оно увеличилось на 125,2%, в то время как за этот же период число учащихся в государственных школах выросло только на 20,8%. Благодарные диктатору епископы ходатайствовали перед конгрессом о присвоении ему генеральского звания²¹. Особую активность проявляли в этот период иезуиты. Они вели разнузданную антикоммунистическую пропаганду, в своем журнале «СИК» они восхваляли диктатуру, пытались присвоить себе имя национального героя Боливара, призывали молодых венесуэльцев превратиться в «волчонков Боливара и щенков Лой-олю». Иезуиты подвизались в Католическом университете, учредили крупную финансовую компанию «Кооператива Хавьер ли-митада», которая быстро обросла строительными, издательскими, страховыми и другими предприятиями. Однако после свержения Переса Хименеса в 1959 г. эта иезуитская компания скандально обанкротилась, пустив по миру тысячи мелких вкладчиков. Ее долг размером в 10 млн. боливаров обязало выплатить правительство²². 'В приходах появилось коммерческое кино, в страну хлынули из Испании и Италии сотни священников, монахов и миссионеров, специалистов не только по богословским, но и по социальным вопросам. Их использовали для руководства школами, иммигрантами, индейскими общинами. Венесуэла при диктатуре Переса Хименеса превратилась в подлинное Эльдorado для американских нефтяных и прочих монополий. В стране обосновались Нельсон Рокфеллер и другие представители крупного монополистического капитала США. При потворстве правительства и церкви они грабили естественные богатства Венесуэлы. Связь церкви с диктатурой и американскими нефтяными монополиями с предельной ясностью обнажилась на конференции по «человеческим отношениям», созданной по инициативе «Креол петролеум корпорейшн» в Каракасе в 1953 г. Среди ее участников были видные представители местных деловых кругов и американских монополий, сотрудничавших с Пересом Хименесом. На конференции выступил с программной речью прелат Рамон И. Лисарди, глава капелланов венесуэльской армии. Он утверждал, что развитие нефтяной промышленности в стране способствовало обострению классово-борьбы, а тем самым и отходу трудящихся от религии. Церковь не была подготовлена к этому «кризису», по теперь она стремится наверстать упущенное, направляя в «опасные» районы священников и активистов из «Католического действия». Современный мир, поучал Лисарди, разделен на два враждебных идеологических лагеря: лагерь сторонников «исторического материализма», признающих только материальные ценности, – это коммунисты, рабочие, борцы за национальное освобождение и

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

лагерь сторонников «духовной концепции жизни», последователей христианства. К ним он причислял церковников, реакционных армейских офицеров, местных эксплуататоров и своих друзей – американских бизнесменов. Капитализм, доказывал Лисарди, – это экономическая система, а не философия, поэтому он не в состоянии сам защитить себя, одержать победу в идеологической борьбе с коммунизмом. Капитализм может победить только при помощи церкви.

«Когда, – говорил Лисарди, – нефтяные компании уразумели эту великую правду, они стали щедро и широко сотрудничать с церковью. Я знаю, как они строили церкви и школы, где можно было преподавать религию, финансировали приходских священников, торжественно принимали епископов, оказывали экономическую помощь священникам, действовавшим в районе нефтяных промыслов, и тому подобное – за все это церковь глубоко им признательна». Но в этих взаимоотношениях были допущены «тактические» ошибки. Связь церкви с нефтяными монополиями стала слишком очевидной и вызывающей, поэтому священники не смогли завоевать политического доверия у рабочих. Теперь эти ошибки исправляются. Священники субсидируются не непосредственно нефтяными компаниями, а через епископов. Священникам следует перестать пользоваться автомобилями со знаками собственности американских компаний: это компрометирует их – глазах рабочих. Служителям церкви следует селиться не в районах проживания нефтяных боссов, а в рабочих районах и т. д. Школы в рабочих поселках должны быть подчинены священникам, так же как лечебницы и больницы. Следует иметь в виду, что «школы и больницы – два стратегических пункта в системе человеческих отношений». Лисарди призвал своих слушателей не забывать, что католическая церковь с ее социальной доктриной является сегодня «единственной моральной силой», способной противостоять «марксистским доктринам, непосредственно угрожающим христианской цивилизации».

Присутствовавшие на конференции представители американских монополий и венесуэльских финансовых кругов в своих выступлениях единодушно поддержали Лисарди, призвали церковников энергично развивать «социальную деятельность» и обещали им максимальную помощь²³.

Духовенство спасло диктатуру Переса Хименеса от политической изоляции, оказывая ей такую же поддержку, как в свое время тирану Гомесу, и, разумеется, не без выгоды для себя. В 1956 г. правительство через министерство юстиции заключило соглашение с ордепом капуцинов, предоставлявшее последнему монопольное право вести религиозную пропаганду среди индейского населения (в Венесуэле насчитывается свыше 200 тыс. индейцев). По этому соглашению миссии получили статус экстерриториальности. Без согласия миссионера индейцы не могли оставить миссию, они были прикреплены к ней, как некогда к энко-мендеро. XVI ст. «соглашения уполномочивала церковников «исполнять полицейскую службу в миссиях, назначать с этой целью полицейских чипов и агентов, сборщиков податей и прочих властей» 24.

При Пересе Хименесе церковники объявили «святую деву» из Коромото патронессой венесуэльской армии. Ей был присвоен генеральский чин, ее изображение возили на танке во время военных парадов и религиозных процессов.

Пресмыкательство церковных властей перед диктатором дошло до того, что они не постеснялись освятить помещение политической полиции, в котором истязали и убивали венесуэльских патриотов. Диктатура при самой активной поддержке духовенства превратила национальные и патриотические праздники в погромные кампании против оппозиционного демократического движения, деятели которого обвинялись в антипатриотизме, национальной измене и тому подобных «преступлениях».

Поддерживал Переса Хименеса и Ватикан. Пий XII неоднократно публично восхвалял диктатуру, обращался к «святой деве» из Коромото с призывом «не допустить, чтобы на благодатной венесуэльской почве укрепились экзотические доктрины».

В этот период значительно возросли ассигнования на церковные нужды в правительственном бюджете – с 1775 тыс. боливаров в 1949/50 г. до 3815 тыс. в 1957 г.

В 1951 г. священник Мариано Парра Перес, один из деятелей венесуэльского епископата, заявил, что если бы духовенство не использовало в своих интересах «создавшееся положение», т. е. диктатуру Переса Хименеса, то «церковь никогда не простила бы нам этого преступления» 25.

Плодами альянса церкви и диктатуры пользовались и клерикальные организации, в первую очередь КОПЕЙ и ее молодежная ветвь – Национальный союз студентов (созданный для борьбы с прогрессивной и боевой Студенческой федерацией Венесуэлы, преследуемой полицией), а также католические крестьянские лиги, действовавшие под руководством и в интересах помещиков.

КОПЕЙ в отличие от церкви занимала более «гибкую» позицию по отношению к

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

диктаторскому режиму. Вначале она официально придерживалась политики «выжидательного нейтралитета», хотя некоторые ее деятели открыто сотрудничали с Пересом Хименесом. Программа «нового национального идеала», провозглашенная диктатурой, мало чем отличалась от программы Христианско-демократической партии. И та и другая объявляли войну коммунизму, призывали к классовому сотрудничеству, сулили обеспечить всякие блага трудящимся. Однако большинство лидеров КОПЕЙ понимало, что открытая поддержка режима могла скомпрометировать их в глазах народа на долгие годы. Поэтому они старались не афишировать своих симпатий к диктатуре, оставляя это церковникам. На выборах в президенты оппозиционные силы готовы были поддержать кандидатуру Рафаэля Кальдеры, лидера КОПЕЙ, консерватизм которого мог послужить гарантией интересам США и местных реакционеров. Отказ Переса Хименеса гарантировать свободные выборы и его стремление удержать власть любыми средствами не оставили оппозиции другого выхода, как вооруженное восстание. В августе 1957 г. демократические силы страны объединились, создав подпольную Патриотическую хунту, в состав которой вошли все оппозиционные партии – от коммунистов до христианских демократов. Предвидя неминуемый крах диктатуры и не желая идти на дно вместе со своим покровителем, церковники перестроились и стали критиковать своего бывшего благодетеля, надеясь создать себе «демократические алиби». 1 мая 1957 г. архиепископ Каракаса Рафаэль Ариас Бланко обратился к верующим с посланием, в котором описывал нищенские условия существования подавляющего большинства трудящихся Венесуэлы. Архиепископ упомянул о безработице, низкой зарплате рабочих, бедственном положении крестьян, а хотя призвал трудящихся не следовать за марксистами, а вступать в «желтые» профсоюзы, это не спасло его от гнева диктатора²⁶. Слишком уж расходилось послание Ариаса Бланко с радужной картиной всеобщего благоденствия, которую рисовала правительственная пропаганда. Власти запретили публикацию послания, а затем бросили в тюрьму на несколько дней группу священников, обвиненных в оппозиционной деятельности. Был арестован также лидер ЮПЕЙ Рафаэль Кальдера, но п его вскоре выпустили. Он укрылся в пунциатуре и затем выехал в США. Всеобщее возмущение диктаторским режимом нарастало. В январе 1958 г. в Каракасе под руководством Патриотической хунты народ поднял восстание, охватившее всю страну, 23 января диктатура пала. Власть перешла к временному правительству во главе с контрадмпралом В. Ларрасабалем. Теперь церковники и КОПЕЙ вместе с реакционными вожаками партии «Демократическое действие» способствовали расколу Патриотической хунты, они рвались к власти. В конце 1958 г. состоялись президентские выборы, победу па них одержал лидер «Демократического действия» Ромуло Бетанкур. В выборах активно участвовала КОПЕЙ, призывая верующих голосовать про-тиз коммунистов и обещая осуществить ряд умеренных социальных реформ. Клерикалам, располагавшим большими финансовыми ресурсами для политической пропаганды, удалось привлечь на свою сторону часть консервативно настроенных трудящихся и мелкой буржуазии. КОПЕЙ получила на выборах 16% голосов.

Падение режима Переса Хименеса, победа кубинской революции в 1959 г., отход нового папы Иоанна XXIII от «атлантического» курса его предшественника Пия XII и другие изменения в мире вынудили католическую церковь и в Венесуэле несколько изменить свою традиционную политику. Как отмечает Мечэм, венесуэльская церковь начиная с 1958 г. все активнее выступает за социальные перемены в поддержку демократических институтов, требуя вместе с тем сохранения существующего политического порядка и призывая к уничтожению «атеистического коммунизма». Таким образом, государство обрело в лице церкви союзника в борьбе против «социального и политического беспорядка (т. е. антиимпериалистического движения. – И. Г.), который усилился в последние годы»²⁷.

В свою очередь президент Бетанкур, стремясь привлечь на свою сторону католиков, еще в период предвыборной кампании обещал заключить с Ватиканом конкордат, отменяющий патронат, который, по его словам, «давно изжил себя». Однако переговоры затянулись вследствие резкого обострения внутривнутриполитической обстановки. Соответствующее соглашение с Ватиканом («Модус вивенди») было заключено только в 1965 г. преемником Бетанкура президентом Раулем Леони.

В начале 60-х годов приблизительно 15% школьников училось в католических школах. В 1963 г. в стране насчитывалось 1400 священников на 7 млн. населения. Более половины составляли монахи, главным образом иностранцы. Среди приходских священников венесуэльцы также составляли меньшинство. ²⁷

15 Lloyd Meek am J. Church..., p. 106.

16 Watters M. Tel

17 Lloyd Meham J. Church..., p. 108.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

- 18 Colmenares Diaz L. La espada y el incensario: La Iglesia bajo P
 - 19 Lloyd Mecham /. Church..p. 140.
 - 20 Colmenares Diaz L. La espada..., p. 50. Согласно церковной легенде, в XVIII в. в селении Коромото местному индейцу явилась дева Мария. Здесь была воздвигнута часовня с иконой, которой приписывались чудодейственные свойства.
 - 21 Betancourt R. Venezuela: pol
 - 22 Colmenares Diaz L. La espada..., p. 105.
 - 23 Ibid., p. 124.
 - 24 Ibid., p. 44. ' ' ~ j ' i
 - 25 Ibid., p. 55.
 - 26 Informations Catholiques Internationales, l.II 1957, p. 14.
 - 27 Lloyd Mecham J. Church..., p. 111, 113–114.
- Глава шестая

БОРЬБА ЗА ОТДЕЛЕНИЕ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА (Эквадор)

Пожалуй, ни в какой другой латиноамериканской стране католическая церковь не приобрела таких сильных позиций, не вызвала к себе такой ненависти, не возбуждала таких страстей, как в Эквадоре. Какие только монашеские ордены не трудились на «ниве господней» в Эквадоре! Иезуиты, францисканцы, доминиканцы, салезнанцы и десятки других орденов обосновались здесь (многие еще с колониальных времен), обращая в христианскую веру индейцев, составляющих свыше половины населения этой сравнительно небольшой латиноамериканской страны.

Когда иностранец попадает в Кито – столицу Эквадора, по обилию монахов и монахинь на улицах ему кажется, что он в Риме. Если судить по этим внешним признакам набожности, то Эквадор можно зачислить в одну из самых католических стран мира.

И все же, указывает эквадорский историк А. Пареха Диаскан-секо, «католическую религию в Эквадоре вряд ли можно назвать католической. Это фанатический ритуал с большой дозой язычества, в котором страх перед наказанием и желанием избавиться от недостатков посредством исповеди занимают центральное место. Разве мы не видели, как изображения святых переворачивают вверх ногами, требуя от них чуда? Разве вы не были свидетелями того, как торгуются с богом, предлагая ему взамен за расположение соответствующую мзду? В нашей вере имеются магия, примитивизм, дешевое чудотворчество, предрассудки и мошенничество» *.

В колониальный период католическая церковь в этой стране, как и в других испанских колониях, была не только духовной опорой колонизаторов, но и сама активно участвовала в эксплуатации населения. В годы войны за независимость церковная иерархия, как и © других районах Испанской Америки, поддерживала колонизаторов, а после поражения испанцев выступала с крайне консервативных позиций. Первый епископ независимого Эквадора Рафаэль Лассо де ла Вега во время войны за независимость поддерживал колонизаторов, после же их изгнания выдавал себя, по словам Сантандера, за «большого патриота, чем сам Боливар»². Лассо де ла Вега и его преемник с 1832 г. Хоакин де Арриета-и-Калисто резко осуждали патронат.

В XIX в. церковь стала главной вдохновительницей реакции – латифундистов и иностранных торговцев – спекулянтов.

Продуктом этого союза была кровавая диктатура Габриэля Гарсии Морено (1860–1875), одна из самых черных страниц в истории Эквадора. Гарсия Морено стремился превратить страну в теократическое государство. Его фанатизм и жестокость вызвали народный гнев, в результате которого ненавистный народу режим был свергнут, а сам тиран убит.

Церковники, однако, и после этого продолжали использовать свое влияние на верующих в политических целях. Либеральная буржуазия оказалась неспособной существенно ограничить влияние церкви, более того, с ростом национально-освободительного движения последняя стала все больше пользоваться поддержкой своих бывших врагов – либералов.

Освободительная борьба, начавшаяся в Эквадоре несколько ранее, чем в других испанских колониях, приняла затяжной характер. После подавления ряда восстаний эквадорцам при помощи венесуэльских и новогранадских патриотов

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

только в 1820 г. удалось свергнуть ненавистный колониальный режим. В течение последующих десяти лет Эквадор вместе с Венесуэлой и Новой Гранадой входил в состав республики Великая Колумбия.

В 1830 г. Великая Колумбия распалась, Эквадор стал самостоятельным государством. Власть здесь перешла в руки хунты из представителей высшего духовенства и креольских помещиков, возглавляемой генералом Хуаном Хосе Флоресом. Хунта приняла конституцию, которая, отражая интересы местной олигархии, устанавливала высокий имущественный ценз для избирателей и государственных чиновников. Конституция провозглашала католическую религию государственной, деятельность других культов запрещалась. Вместе с тем в нее был включен закон о патронате, принятый в 1824 г. Великой Колумбией по настоянию Симона Боливара. Конституция закрепляла за духовенством особые права («фуэрос»), в частности ставила его вне юрисдикции гражданских судов.

В 1835 г. в результате гражданской войны к власти пришел либерал Висенте Рокафуэрте. Его правительство несколько ограничило права церкви, оказало поддержку светскому просвещению. Церковникам было запрещено заниматься незаконными поборами среди индейского населения.

В 1839 г. власть вновь перешла в руки Флореса, который продолжал покровительствовать церковной иерархии. Однако в новой конституции 1843 г. уже разрешалось исповедание других культов частным образом. Это озлобило духовенство, оно отказалось присягать новой конституции и поддержало либералов, свергнувших Флореса в 1845 г.

В последующие годы страна неоднократно становилась ареной вооруженной борьбы между сторонниками либералов и консерваторов, на которых разделилось эквадорское общество.

Либералы представляли интересы торговой буржуазии и передовых слоев интеллигенции, консерваторы – помещиков и церковной иерархии, которая рекрутировалась, как правило, из с,е-мей латифундистов. Либералы сводили свою реформаторскую деятельность к антиклерикальным мероприятиям: они высылали иезуитов, секуляризировали кладбища, ограничивали влияние церковников на образование. Приходившие им на смену консерваторы отменяли антиклерикальные мероприятия либералов, возвращали иезуитов, восстанавливали «фуэрос».

В 1860 г. власть в стране захватил Габриэль Гарсия Морено, ставленник помещиков и клерикалов и сам крупный помещик, который установил деспотический режим, просуществовавший 15 лет. Его правление называют в Эквадоре «варварской эпохой». Гарсия Морено был адвокатом, одно время даже занимал пост ректора университета в Кито. Он слыл интеллектуалом, а вместе с тем был ярким фанатиком-клерикалом.

Церковь, указывает эквадорский исследователь Освальдо Аль-борнос, служила Гарсии Морено главным инструментом для обеспечения господства помещиков; он отдавал себе отчет о ее влиянии в стране, где фанатизм насаждался столетиями и где она выступала в роли крупного латифундиста З.

Гарсия Морено вместе с тем не доверял церковникам-креолам, которых считал политически ненадежными. В основном он опирался на иностранцев – итальянцев, испанцев, французов, которые в годы его правления занимали ведущие должности в местной церковной иерархии и командные посты в армии. Гарсия Морено был, кроме всего прочего, непотистом. Его братья и другие родственники получали прибыльные должности, обогащались за счет государственной казны.

В 1861 г. Гарсия Морено заключил конкордат с папским престолом. Согласно этому документу, Эквадор признавал католическую религию государственной и единственно законной и обязывался никогда не разрешать деятельность «раскольнических культов» и обществ, запрещенных церковью. Просвещение на всех уровнях должно было соответствовать доктрине католической церкви. Церковная иерархия наделялась правом запрещать учебные тексты, «противные религии и добрым обычаям», а правительство обязывалось не допускать их распространения в республике. Право государственной цензуры на церковные документы («пласет») отменялось, церковная иерархия получала возможность свободно сноситься с Ватиканом. И правительство обязывалось оказывать духовенству по его просьбе помощь в борьбе с «преступными деяниями тех людей, которые стремятся развратить дух верующих и разложить их обычай». За духовенством сохранялись «фуэрос», в том числе право на владение собственностью, причем здания, непосредственно предназначенные культу, освобождалось от уплаты налогов. Развод признавался только церковный. Правительство взамен за треть десятины обязывалось содержать церковные школы и другие учреждения, духовенство, а также оказывать всяческую поддержку миссионерам. Президент наделялся правом патроната для выбора любого из трех кандидатов, предлагаемых ему церковью на церковную должность.

Решение президента получало юридическую силу только после его одобрения

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosofff.org

папским престолом. Церковь отказывалась от прав на конфискованную в прошлом собственность за соответствующую индемнизацию. Ей было разрешено учреждать новые монашеские ордены и приглашать в страну служителей культа – иностранцев. Духовенство обязывалось заканчивать богослужения фразами: «Боже, спаси Республику!» и «Боже, спаси правящего президента». Все противоречащие конкордату эквадорские законы отменялись.

В 1861 г. в счет десятины в казну поступило 288 044 песо, что составляло свыше четверти всех доходов государства⁴. 10% десятины направлялось в Ватикан в качестве добровольного дара папе римскому⁵.

Гарсия Морено потребовал от папы, чтобы одновременно с подписанием конкордата в Эквадор была направлена полномочная миссия для реформы (оздоровления) монашеских орденов. Пий IX согласился, но никакой реформы не было осуществлено.

В результате конкордата эквадорская церковь, по словам американского историка Томаса, «фактически стала самой могущественной силой в стране, сам же Гарсия Морено выступал в роли исполнителя ее воли... Вся система просвещения целиком перешла в руки монашеских орденов. Для подавления оппозиции были введены в действие суровые законы. Неверующих выдворяли из страны; масонские ложи были закрыты, либеральные мыслители изгнаны. Все книги, журналы и газеты подвергались церковной цензуре»⁶.

При Гарсии Морено без согласия духовных властей нельзя было ни поступить на государственную службу, ни печататься, ни выезжать из страны, ни поступить в учебное заведение.

Огромную власть получили иезуиты, которые вновь вернулись в Эквадор в результате специального соглашения, подписанного с Гарсией Морено. Иезуиты до этого неоднократно изгонялись из страны. Умудренные горьким опытом, они включили в соглашение пункт, который предусматривал: «... в случае, впрочем крайне неправдоподобном, запрещения правительством Общества Иисуса его члены могут быть высланы из Эквадора или их деятельность прекращена только он будут пользоваться конституционными и правовыми гарантиями для того, чтобы подготовить свой отъезд из страны и ликвидировать свою собственность»⁷.

Последующие события показали, что «случай», которого опасались иезуиты, произошел значительно быстрее, чем они могли предположить.

Заключение конкордата и возвращение иезуитов вызвали возмущение как в Эквадоре, так и в других странах Латинской Америки, где прогрессивное общественное мнение считало деятельность Гарсии Морено предательством не только национальных, но и общелатиноамериканских интересов. Особенно остро реагировала на действия Гарсии Морено «братьев-демократов» этой страны от «теократической тирании». Эквадор при Гарсии Морено также воевал с Перу. В 1864 г. диктатор закончил срок своих полномочий и, оставив на своем месте преданную ему марионетку, уехал в Европу. Во время его отсутствия в стране вспыхнуло восстание. Преемник Гарсии Морено поспешил отменить конкордат и запретил иезуитский орден. Но с возвращением в Эквадор диктатора в 1869 г. прежние порядки были восстановлены: вновь возобновлен конкордат и разрешена деятельность Общества Иисуса.

В 1869 г. созванное Гарсией Морено учредительное собрание приняло новую конституцию в духе пресловутого «Силлабуса» папы Пия IX. Ее назвали «черной хартией». Конституция провозглашалась от «имени единого и триединого бога, создателя, законодателя и стража вселенной». 9-я ст. была сформулирована следующим образом: «Римско-католическая религия провозглашается государственной религией, все другие религии запрещаются.

Римско-католическая религия продолжает пользоваться извечными правами прерогативами, присущими ей согласно божественным законам и каноническим постановлениям. Гражданские власти обязаны оказывать ей помощь и обеспечить ей уважение сограждан»⁸.

Конституция провозглашала, что эта статья не могла быть подвергнута отмене или изменению. Гражданскими правами наделялись только католики. Основные положения конкордата включались в конституцию.

Религиозный фанатизм Гарсии Морено, казалось, не знал пределов. Его выступления походили на церковные проповеди. Он порвал отношения с Италией в 1870 г., когда Рим был объявлен столицей итальянского государства. Гарсия Морено заставил послушный ему конгресс преподнести Пию IX 52 тыс. золотых франков в качестве частичного возмещения понесенных им убытков в связи с потерей светской власти.

В 1871 г. Гарсия Морено издал новый Уголовный кодекс, накладывавший суровые кары на тех, кто угрожал интересам церкви. Так, за попытку отменить или изменить в Эквадоре католическую религию полагалась смертная казнь (ст. 161 кодекса), за совершение не католического богослужения – от 1 до 3 лет тюрьмы и высылка из страны (ст. 162), за несоблюдение католических обрядов, насмешки над ними, за пропаганду учений, противоречащих католическим догмам,

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org – от 3 до 6 лет тюрьмы (ст. 163), за профанацию евхаристии – 16 лет тюрьмы (ст. 164), за участие в руководстве обществ, запрещенных церковью, от 2 до 3 лет тюрьмы и от 4 до 6 лет ссылки, рядовые члены таких обществ приговаривались к шестимесячному тюремному заключению (ст. 170 и т. д.) 9. В 1873 г. послушный конгресс по приказу Гарсии Морено посвятил Эквадор «святому сердцу Иисуса».

Жестокий и фанатичный диктатор, которого церковники по сей день превозносят как великого патриота, умолял Наполеона III в благодарность за его покровительство, оказываемое папскому престолу, присоединить к своей империи Эквадор. Наполеон III, нацелившийся на завоевание Мексики, отказался от столь щедрого дара. Гарсия Морено, узнав об этом, с сожалением воскликнул: «Моя самая заветная мечта не осуществилась!». Когда же Наполеон III предпринял интервенцию против Мексики, его эквадорский почитатель встретил это событие с восторгом. 22 июля 1863 г. он писал: «Судьба Мексики открывает новую эру этим несчастным странам. Демагогии нанесен смертельный удар, и Америка теперь начнет дышать» 10.

Непримиримым врагом диктатора был страстный патриот публицист Хуан Монтальво: «Гарсия Морено разделил Эквадор на три равные части: одну часть он осудил на смерть, другую – на рабство, третью – на ссылку... Говорят, что Эквадор под господством Гарсии Морено достиг больших высот морального прогресса. Но без книг, без чтения, кому доступны образование, цивилизация? Солдат командует гражданином, монах – солдатом, палач – монахом, тиран – палачом, а дьявол – тираном, и все это происходит в атмосфере всеобщего разложения» п.

Гарсия Морено расстреливал своих врагов, подвергал порке, избивал палками, пытал, заточал в тюрьмы, ссылал. Даже его почитатель, аргентинский писатель Мануэль Гальвес, называет Гарсию Морено «божьем террористом» 12.

В 1875 г. группа молодых патриотов убила тирана на одной из площадей Кито. «Если бы Гарсия Морено умер в кровати, – писал по этому поводу Монтальво, – то Эквадор навсегда был бы заклеен печатью рабства. Тиран пал под ударами кинжалов, и его жертвы получили тем самым право на уважение свободных народов» 13.

Образ Гарсии Морено ярко и точно обрисовал Пабло Неруда в одноименном стихотворении:

Оттуда явился тиран Гарсия Морено по имени.
В перчатках шакал, терпеливая летучая мышь алтаря; он пепел и муки в цилиндр собирает и когти купает в крови.
Изящные ножки в туфлях лакированных.
Крестясь беспрерывно и капая воском на мягкий ковер алтаря, – а фалды дрожат над водой освященной, – подплясывает он,
, бросаясь на трупы расстрелянных,
В грудь мертвых вгрызается, по кладбищам носится и топчет гробы, напялив наряд кудесника и ясновидца...
И вышел Гарсия Морено еще раз из залы дворцовой, помчался гробы инспектировать.

Но вот наконец докатился до самого дна преступлений: убийцу навек задержали его безмянные жертвы на свалке гнилой м.

И все же надежды передовых людей на то, что со смертью тирана положение в стране изменится, не оправдались. Власть перешла в руки реакционных генералов, за спиной которых стояли все те же церковники и помещики. Послушный им конгресс провозгласил Гарсию Морено «воскресителем родины и мучеником за католическую цивилизацию» и постановил воздвигнуть в его честь статую со следующей надписью: «Его превосходительству Гарсии Морено, самому великому сыну Эквадора, отдавшему свою жизнь за веру и родину». Статуя была воздвигнута также в Ватикане, в колледже «Пио Латиноамерикано», а его портрет красовался в кабинете ватиканского статс-секретаря до последнего времени. В католической литературе неоднократно поднимался вопрос о провозглашении этого кровожадного фанатика святым. В 1952 г. иезуит Северо Гомесурадо утверждал, что Гарсия Морено стал жертвой международного заговора либералов во главе... с канцлером Бисмарком 15.

В 1876 г. власть захватил генерал Игнасио Вентимилья (свергнут в 1883 г.), провозгласивший себя верховным правителем и президентом Эквадора. Он отменил конкордат. В ответ церковники организовали беспорядки и мятежи. В следующем году в Кито во* время богослужения в соборе скончался архиепископ Чека. Хотя выяснилось, что его отравил священник Андраде, действовавший из чувства личной мести (архиепископ понизил его в должности), клерикалы обвинили в смерти Чеки генерала Вентимилью. Опасаясь свержения, Вентимилья в 1881 г. возобновил конкордат с Ватиканом. Хотя новый конкордат несколько ограничивал церковные «фуэрос», это не помешало духовенству вновь прибрать к рукам ключевые позиции в республике, которая во второй раз была посвящена «святому сердцу Иисуса». Конгресс выделил крупную сумму на строительство

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

монументального храма в честь «святого сердца».

В 1890 г. был подписан еще один конкордат с Ватиканом, освобождавший церковную собственность от налогов. Церкви вместо 2/3 десятины выделялись 30 центов из каждых 100 сукре налогов, полученных государством в сельских районах.

В эти годы церковники продолжали выступать с погромными проповедями против либералов. В особенности старались иезуиты. Они доказывали, что утверждения либералов о народе как источнике верховной власти противоречат учению церкви, согласно которому верховным властелином всего сущего и живущего является бог. Орган клерикалов «Ла Сивилисасьон католика» в 1875 г. обличал либерализм, называя его «смертоносным оружием», «убийственным ядом», «зловредной заразой» 16.

В 1876 г. в Гуаякиле стала выходить газета левых либералов ««Эль Популар». В ней была опубликована весьма благожелательная статья о I Интернационале. «Ла Сивилисасьон католика» немедленно отреагировала на нее, назвав Интернационал «чистейшим продуктом либерализма», «смертельным врагом религии», «сектой, стремящейся к вселенскому беспорядку», и тому подобными клеветническими эпитетами: «Только полное невежество относительно характера, происхождения, целей Интернационала и условий нашей страны и преступное коварство, использующее этот инструмент для удовлетворения кровожадных инстинктов, могут претендовать на внедрение у нас Интернационала. Это экзотическое растение на нашей земле не сможет прижиться и развиваться в чистой католической атмосфере» 17. В таком же духе выступили и многие эквадорские епископы.

Для борьбы с Интернационалом церковники предложили по европейскому образцу организовывать «католические рабочие кружки», участники которых сотрудничали бы с предпринимателями в духе примирения и христианской любви. Когда в 1876 г. президент Борреро начал гонения на либералов, церковники приветствовали его действия, ибо они «отвечают самым настоятельным нуждам общества: уважать самим и заставлять уважать других религиозные принципы – крепкий фундамент социального порядка» 18.

Борьбу против правившей в Эквадоре военно-церковной клики возглавил Элой Альфаро, патриот, один из участников движения против диктатора Габриэля Гарсии Морено. Церковники призвали своих сторонников силой подавить движение Альфаро. Архиепископ Кито Педро Рафаэль Гонсалес Суарес опубликовал 15 июня 1895 г. обращение к верующим, в котором утверждал, что Альфаро представляет «либерализм и радикализм в своем самом отвратительном и извращенном виде». Глава эквадорской церкви призывал верующих взяться за оружие и уничтожить, истребить супостата Альфаро, ибо «лучше умереть, сражаясь, чем присутствовать при уничтожении нации и священной церкви» 19. В развязанной церковниками и консерваторами гражданской войне победил Альфаро (1897), сплотив вокруг себя широкие народные массы. Особенно неистовствовал епископ Гуаякиля немец Шумахер. Организованные им банды фанатиков продолжали сражаться с оружием в руках против правительства Альфаро. В одном из своих обращений к верующим Шумахер писал: «Въ^ бирайте между богом и сатаной, ибо нет другого выхода. Христианские воины! Кто из нас погибнет в борьбе с греховным радикализмом, тот завоеует себе славу мученика. Да победит господь адские силы! Об этом мы его молим во имя отца, и сына, и святого духа!» 20.

Злой Альфаро, став президентом, выступил в поддержку кубинцев – сторонников независимости, сражавшихся в те годы против испанских колонизаторов. Церковники же поддерживали Испанию. Епископ Шумахер писал: «Если Куба станет свободной, то она перейдет от Испании под железное иго масонства, и мы будем иметь новый центр масонской власти и гнездо конспирации против католицизма в Америке. Пусть католики подумают об этом, прежде чем проявлять симпатию к этим новым претензиям преступной секты!» 21.

Злой Альфаро не желал обострять отношений с церковью. В новой конституции 1897 г. католицизм вновь объявлялся государственной религией, исповедание других культов, противоречащих морали, запрещалось. Альфаро стремился поддерживать личные дружеские отношения со многими прелатами, находился в переписке с папой Львом XIII и даже ходатайствовал перед Ватиканом о канонизации эквадорской «святой» Марины. Но его попытки достигнуть разумных взаимоотношений с церковью не увенчались успехом. Ни Ватикан, ни местная церковная иерархия не желали ни в чем уступать, более того, они делали все возможное, чтобы обострить отношения с правительством в надежде на его свержение. В ноте представителю Ватикана в Кито от 28 апреля 1898 г., подписанной специальным уполномоченным правительства вице-президентом Мануэлем Бенито Куэвой, излагалась точка зрения Эквадора на эти подрывные действия.

Куэва указывал, что «гражданская власть не может допустить и никогда не допустит, чтобы над ней господствовала власть церковная. Обе власти должны

быть независимыми в своих соответствующих сферах, сохраняя согласие, необходимое в стране, большинство населения которой – католики. Эта гармоничность становится морально неосуществимой, когда преобладающее влияние, особенно в высших церковных кругах, получают иностранцы». Поэтому правительство, говорилось далее в ноте, намерено впредь запретить деятельность иностранных служителей церкви, тем более что ранее были случаи, когда представители папы входили в прочный союз с иностранными церковниками в Латинской Америке и совместно пытались господствовать, унижая и преследуя национальное духовенство. «Список иностранцев в эквадорской церкви, который мы могли бы представить, был бы нескончаемым, и все они способствовали ее упадку и разложению» 22.

В ноте говорилось: примером враждебности иностранных священнослужителей по отношению к национальному духовенству может служить деятельность августинского ордена, из которого испанцы изгнали всех эквадорцев в надежде завладеть богатствами соответствующих монастырей и распорядиться ими по своему усмотрению.

Епископ Шумахер во всей своей епархии не оставил ни одного эквадорского священника, заполнил епархию иностранцами, некоторые из них даже не знают языка и почти все они столь невежественны, как будто их набрали с самого «дна» Германии.

Результаты столь тревожной ситуации ощутимы: иностранные служители церкви становятся все более ненавистны, народ их все больше презирает. Они показали себя самыми яростными и неистовыми в гражданских войнах. «Правительство предупреждало Ватикан, что если иностранных церковников не обуздать, то вследствие их вмешательства во внутренние дела Эквадора и свойственной им алчности неминуем отход эквадорцев от Рима. С папским престолом случится то же, что произошло с нашей бывшей метрополией: освободившись от пришельцев, наши отцы обрели в начале этого века независимость от Испании. В будущем веке, чтобы освободиться от иностранного ярма, американцы, возможно, обретут независимость и от Рима. Двадцатый век, возможно, станет веком американской схизмы – это видно каждому и в этом почти все уверены. Поэтому любовь к католической религии и самая искренняя приверженность Ватикану требуют эффективного и незамедлительного решения, чтобы воспрепятствовать этому социальному бедствию».

Эквадорское правительство потребовало в указанной ноте немедленно отозвать немца Шумахера и испанца Массию, повинных в разжигании гражданской войны и присвоении крупных денежных сумм, предназначенных на церковные нужды. Правительство требует и настаивает, говорилось в ноте, чтобы церковники не прибегали к мятежам, развязыванию гражданской войны как к средству защиты религии, которую никто не преследует. Правительство считало и считает преступлением, когда те, кто обязан сохранять в чистоте мораль, веру, добродетель, не делают ничего, чтобы способствовать их поддержанию. Единственные, кого правительство преследует и будет преследовать впредь, – это те, кто, прикрываясь религией, побуждает массы к мятежам, убийствам, используя невежество простых людей в целях утоления своей жажды мести или тщеславия.

Переговоры с Ватиканом окончились безрезультатно. Ватикан отказался пересмотреть конкордат и принять меры против недостойных церковников. Тогда правительство Элоя Альфаро внесло в конгресс предложение о принятии закона о патронате. В послании конгрессу по этому вопросу Альфаро указывал, что необходимо безотлагательно регламентировать и урегулировать отношения между гражданскими и церковными властями²³. «Бросается в глаза, – говорилось в президентском послании конгрессу, – главная причина возмущения и непримиримости враждебного духовенства (против правительства. – И. Г.), которое телом и душой отдалось политике, а не делу исполнения своего священного долга. За многие годы церковники привыкли к выгодам, благам и превосходству не ограниченной ничем власти, и они не могут смириться с иным положением, их ныне ужасает святой, евангелический принцип, который стал лозунгом и руководством либеральной партии: богу – богово, а кесарю – кесарево. Мы не пытаемся абсолютно разделить обе власти, ибо в таком народе, как наш, – об этом нельзя забывать – последствия преждевременного проведения этого принципа могут быть очень пагубными, а может быть, непоправимыми. Мы далеки от намерения превратить церковь в прислужницу, но не хотим такого положения также и для нации.

По-настоящему сделать наше духовенство национальным, приобщить его к жизни нашей республики с тем, чтобы оно вместе с нами, не выходя за пределы сферы своей деятельности, занимаясь своим божественным промыслом, заботилось о благе и величии нашей Родины. Вот чего ждут от вас разум и справедливость и прежде всего нынешнее положение в республике, настоятельно нуждающееся в мире, благородном и длительном согласии, если все мы искренне желаем

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
счастья для народа, справедливого государственного управления».

В докладе министра по делам культуры Хосе Перальта чрезвычайному конгрессу указывалось на нежелание Ватикана достигнуть нового соглашения с Эквадором по церковным делам и на его требование включить в конституцию страны статьи, объявляющие католическую религию единственно признанной, в то время как конституция разрешала и другие культы, если они не противоречили морали. Вместе с тем Хосе Перальта отмечал, что принятие закона о патронате необходимо, ибо некоторые статьи конкордата противоречат конституции 1897 г. 24

После длительных дебатов в конгрессе 11 сентября 1899 г. был принят закон о патронате, который вновь восстанавливал право правительственного контроля над деятельностью церкви. Закон запрещал папским представителям вмешиваться во внутренние дела эквадорской церкви без специального на то разрешения государственного совета, папские документы могли быть преданы гласности только с согласия президента, десятина подлежала сбору только через государство. Конгресс наделялся исключительным правом создавать новые приходы и устанавливать число священников, обслуживающих кафедральные соборы, назначать епископов и архиепископов (ими, как и приходскими священниками, могли стать только урожденные эквадорцы), после чего президент представлял их имена на утверждение папского престола, разрешать церковные соборы. Закон о патронате запрещал учреждение новых монашеских орденов. Фактически этот закон аннулировал конкордат.

После окончания президентского срока Альфаро в 1901 г. главой государства был избран Леонидас Пласа Гутьеррес, при котором три года спустя был принят закон о религиозной веротерпимости, запрещено учреждение новых монастырей. В 1905 г. консерваторам удалось вернуться к власти, но уже в следующем году Альфаро вновь стал президентом республики. Тогда же отношения с Ватиканом были прерваны и не возобновлялись в течение 30 лет. Год спустя была принята новая конституция, провозглашавшая «свободу совести во всех ее аспектах и проявлениях, если они не противоречат морали и общественному порядку». Это положение конституции устанавливало фактически отделение церкви от государства. Церковь воспользовалась полученной свободой для новых ожесточенных нападок на правительство, обвиняя его в безбожии, гонениях на верующих и духовенство и тому подобных вымышленных преступлениях. В заявлении, подписанном всеми церковными иерархами по поводу новой конституции, говорилось, что одобренный ею принцип свободы культов «разрушает неоценимое добро религиозного единства, противоречит основным принципам католицизма, нарушает традиционную веру республики, более того, угрожает жизненным интересам и счастьем народа» 25.

В обращении к верующим архиепископ Федерико Гонсалес Суарес, тот самый, которого в прошлом преследовали сторонники Гарсии Морено, заявил, что он отвергает и «осуждает патронат», так же как отделение церкви от государства, которое является в теории «социальной тиранией», а на практике ведет «к беспощадной войне против церкви и к ее порабощению государством». Возражала церковь и против закона о благотворительности, принятого в 1908 г., согласно которому национализировалась земельная собственность церкви, а доходы с нее использовались для оказания помощи сиротам и престарелым. В декларации епископата этот закон объявлялся «преступлением против религии, здоровой морали, проявлением беззакония, насилием над правами, составляющими основу общественного порядка».

Церковь столь же решительно выступила против закона о разводе, принятого в 1910 г., который допускался с согласия мужа и жены. Архиепископ Гонсалес Суарес утверждал, что этот закон якобы «полностью уничтожит семью, тем самым и общественный порядок, и подорвет основу республики как цивилизованной нации». Архиепископ предупреждал, что разведенные, вступившие в повторный брак, будут считаться участниками адюльтера, а дети от такого брака – незаконнорожденными. Разведенным будет отказано в отпущении грехов.

Тот же церковный иерарх писал, что светское просвещение – это «преступление против веры и родины», а учитель, преподающий в светской школе, – «разбойник, нападающий на детей и грабящий их, тем более подлый, что он использует просвещение, чтобы лишить своих учеников всего самого ценного». Архиепископ утверждал, что «никто не может находиться в контакте с учителем светской школы и сохранить здоровой душу» 26.

В стране постоянно вспыхивали мятежи, инспирированные священниками, которые проклинали «еретика, нечестивца, индейца» Альфаро и призывали верующих расправиться с ним.

В 1912 г. Альфаро и несколько его сторонников были убиты в Кито толпой уголовников и монахов под возгласы «Да здравствует религия! Смерть нечестивцам!».

Хотя отделение церкви от государства сохранилось в Эквадоре и либеральная

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
буржуазия продолжала удерживать власть в последующие годы, ее отношения с церковью принимали все более дружественный характер по мере роста рабочего движения в стране.

В конце 1922 г. страна была охвачена рабочими забастовками, трудящиеся требовали повышения заработной платы, признания права на профсоюзную деятельность. Власти подавили выступления рабочих. Епископ Карлос Мария де ла Торре, возведенный вскоре в архиепископское, а затем и кардинальское звание, откликнулся на эти события посланием, в котором предавал социа-лиз анафеме, утверждая, что он ведет к разрушению семьи, родины, религии. Социализм, писал епископ, стремится разрушить священную частную собственность, которая, как это доказывается повседневным опытом, в особенности в Эквадоре, является результатом «жертв и страданий богачей», пользующихся «продуктом своих тяжких трудов и трудов своих предков» 27. Такое отношение к рабочему движению и социализму помогло церкви обрести доверие эквадорской буржуазии и вновь укрепить свои позиции в период между двумя мировыми войнами.

В 1937 г. президент Эквадора Федерико Паэс подписал с Ватиканом соглашение («модус вивенди») и Добавочную конвенцию, согласно которым между ними устанавливались дипломатические отношения, прерванные в начале XX в., и принципы содружества церкви и государства. Церковь получала полную свободу для своей деятельности, включая область образования, государство же обязывалось оказывать помощь миссионерам в восточных районах страны. Церковь получила право юридического лица и таким образом вновь могла приобретать недвижимую собственность. Папский нунций становится дуайеном дипломатического корпуса. Ватикан же обязывался запретить духовенству участвовать в политике и при назначении на церковные должности консультироваться по поводу возможных кандидатур с правительством. Добавочная конвенция уточняла, что запрет заниматься политикой не относится к праву церковников «проповедовать, учить и защищать догматические и моральные католические доктрины; им разрешалась бесцензурная публикация и распространение папских документов, не включающих политических вопросов». Пенсии священникам, выплачиваемые с 1908 г. в счет компенсации за конфискованную церковную собственность, заменялись единой выплатой церкви в размере 1500 тыс. сукре. Взамен церковь и Ватикан отказывались от каких-либо финансовых претензий к государству 28.

В годы гражданской войны в Испании и после второй мировой войны церковная иерархия Эквадора неоднократно выступала с клеветническими посланиями против коммунистов и Советского Союза. В особенности такие выступления усиливались в период «холодной войны».

В эти годы увеличивалось влияние церкви на школьную систему (табл. 1).
Таблица 1 *

Год	Общее число школ	Из них правительственные%	частные (католические)%
1939	31082	2868	922407,7
1951	34193	04689	137310,9
1958	46614	01086	65114
1968	56204	80185	481914,5

* Albornoz O. Historia ... , p. 266–267.

Еще большее влияние оказывала церковь на школы высшего звена (колледжи) (табл. 2).

Таблица 2 *

Год	Общее число колледжей	Из них правительственные%	частные (католические)%
1939	473	268	11531,9
1951	2451	4559	210040,8
1958	2491	1445	813554,2
1962	3261	3240	519459,5

* Albornoz O. Historia ...» p. 267–268.

Таким образом, при поддержке олигархических кругов, находившихся у власти, церковь сумела восстановить свои позиции, подорванные некогда реформами Элоя Альфаро и его сторонников.

Особенно большое влияние оказывала церковь на индейские массы, которые она подвергала упорной идейной обработке начиная с XVI в.

Современные индейцы, как и их предки, относятся к духовенству и церковной службе с суеверным страхом, ибо многовековой опыт научил их, что неповиновение священнику, на стороне которого сила и власть, приносит им только горести и страдания в земной жизни. Следовательно, в загробном мире

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
их ожидают не менее ужасные муки.

«Страх, – пишет американский исследователь Рикфорт, – одпп из наиболее действенных инструментов церкви, с помощью которого она влияет на индейцев. За каждое прегрешение индейца ждет жестокое и беспощадное наказание, ужасные, нескончаемые и неотвратимые муки в загробной жизни. Наглядно это представлено в картине ада, находящейся перед алтарем иезуитского, собора в Кито. На ней изображены все виды грешников и постигших их наказаний. Эта картина, утверждают знатоки, производит большее впечатление на индейцев, чем десятки миссионерских проповедей» 29.

Взаимоотношения между миссионерами и индейцами широко отображены в художественной литературе Эквадора. Этому сюжету посвящены многие страницы классического произведения известного эквадорского писателя-реалиста Хорхе Икасы «Уаси-пунго», впервые опубликованного в 1934 г.30 Уасипунго – это клочок земли, который выделяет помещик индейцу за то, что тот батрачит на него. Кровососу-латифундисту помогает поработить и эксплуатировать индейцев местный кура – священник. Икаса даже не называет его по имени, подчеркивая этим, что речь идет не о каком-то особенном, а о типичном представителе духовенства в Эквадоре.

Прошло немало лет после выхода в свет произведения Хорхе Икасы. Что же изменилось в жизни эквадорских индейцев? Об этом мы узнаем из романа другого видного эквадорского писателя, Хорхе Риваденейры, «Уже рассветает», изданного в 1957 г.31

Автор показывает нам уасипунгеро, которые, хотя и продолжают оставаться жертвами эксплуатации помещиков, церковников и их американских компаньонов, располагают уже своим профсоюзом, связаны с рабочими города и сознают, что только путем борьбы они могут избавиться от своих угнетателей.

Роман Риваденейры также начинается с приезда хозяина в свое поместье «Кондорпамба», расположенное в районе Сьерры. Его только что купил Сантос (по-испански святой!) Кордобес, такой же плут и стяжатель, как и Перейра, герой произведения Хорхе Икасы. И Сантос связан с американскими монополиями. На его землях американцы ищут нефть, и он готов выслуживаться перед ними, надеясь разбогатеть. Ему помогает обманывать и обирать местных индейцев сельский священник Рафаэль Пачеко.

Роман завершается восстанием индейцев против своих угнетателей, на усмирение индейцев прибывает вместе с жандармами и священник Пачеко, которого убивают уасипунгеро в одной из стычек.

Несмотря на кровавую расправу, индейцы продолжают борьбу, она в конце концов завершается победой. Кордобес вынужден принять главные требования уасипунгеро.

Художественные произведения Х. Икасы и Х. Риваденейры довольно точно отражают эквадорскую действительность. В отчете Эквадорского института антропологии и географии о положении крестьян в 1960 г. говорится: «Труд индейца не только приносит доходы хозяину, собственнику или арендатору земли, но и обеспечивает привольную жпзп приходскому священнику, ибо, согласно установленному обычаю, священник использует каждую возможность – от крестин до похорон – для того, чтобы обобрать индейца. Например, священник в Кохабамбе требует, чтобы каждая индианка, выходящая замуж, нахотилась в его услужении в течение месяца под предлогом религиозной подготовки к браку. А будущий супруг должен обслуживать священника, обрабатывать его землю. Кроме того, за свадебную церемонию индеец должен уплатить 80 сукре».

Католическая церковь в Эквадоре, земельная собственность которой была формально национализирована в начале этого столетия, в последующие годы вновь превратилась в крупнейшего латифундиста страны. Только в одной провинции Каньяр церковные поместья оценивались в 10 млн. сукре. В провинции Чимборасо церкви принадлежали латифундии «Санта Крус», «Кольта Мерсед», «Монхас Корраль», «Сан Висенте» и «Сула» (эта последняя занимала площадь в 12 000 га и стоила около 120 млн. сукре). Такая же картина наблюдалась и в других провинциях Сьерры.

На землях церковников работали тысячи уасипунгеро, подвергаясь той же эксплуатации, что и в поместьях светских латифундистов. Уасипунгеро, работающие на землях церковников, не получали даже нищенской зарплаты 3 сукре, установленной законом. Они получали 1 или 2 сукре, как, например, в церковных поместьях провинций Каньяр и Асуай.

В церковных поместьях не было школ, духовенство поощряло индейцев к употреблению алкоголя.

В городах церковники содержали торговые компании, участвовали в финансовых спекуляциях, занимались ростовщичеством. В одном из отчетов эквадорского Национального планового совета говорится: «Обращает на себя внимание, что большое число ростовщиков состоит из мужчин и женщин, принадлежавших к монашеским орденам» 32.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
 Обо всем этом рассказывается и в повести И. Гирскиса и Я. Яунишкиса «Я – миссионер» 33. Авторы этого произведения – бывшие миссионеры – литовцы несколько лет трудились на «ниве господней» в Эквадоре. Индейцы хибаро, среди которых находились указанные миссионеры, населяют в основном южную часть Восточного района страны, примыкающую к бассейну Амазонки. Хотя индейцев хибаро сравнительно немного – около 20 тыс. человек, они составляют весьма стойкую и компактную этническую группу. Хибаро свободолюбивы и воинственны, и тем не менее миссионерам удалось в значительной степени подчинить их своему влиянию и использовать в качестве даровой рабочей силы.

В последние 10–15 лет в эквадорской церкви, как и во всем католическом мире, наблюдаются новые явления и веяния. Вековая связь церковной иерархии с латифундистами, с реакцией в условиях быстро растущего революционного процесса в странах Латинской Америки вызывает все более резкие и решительные протесты со стороны верующих. И среутт самих церковпиков происходит брожение, ширится недовольство, множатся выступления «мятежных» священников, выступающих в поддержку радикальных социальных преобразований, осуждающих империализм и тесно связанную с нпм местную реакцию.

- 1 Pareja Diascanseco A. Historia del Ecuador. Quito, 1954, у. II, p. 74.
- 2 Albornoz P.
- 3 Ibid., p. 112.
- 4 Naranjo P. La I Internacional en Latinoam
- 5 Albornoz P. O. Historia..., p. 134, 136.
- 6 Томас А. В. История Латинской Америки. М.: ИЛ, 1960, с. 421.
- 7 Lloyd Mecham /. Church and State in Latin America. Chapel Hill, 1934, p. 149.
- 8 Naranjo P. La I Internacional..., p. 293–315.
- 9 Albornoz P. O. Historia..., p. 119–120.
- 10 Pareja Diascanseco A. Historia del Ecuador, v. I11, p. 195, 244.
- 11 Ibid., p. 317.
- 12 Galvez M. La vida de Don Gabriel Garcia Moreno. Buenos Aires, 1942, p. 124
- 13 Pareja Diascanseco A. Historia del Ecuador, p. 317.
- 14 Неруда П. Соч. М.: Худож. лит., 1979, т. II, с. 243.
- 15 Readings in Latin American History. V. II. Since 1810/ Ed. L. Hanke. New York, 1966, p. 197.
- 16 Naranjo P. La I Internacional..., p. 174–175.
- 17 Ibid., p. 181, 333.
- 11 Ibid., p. 186.
- 19 Albornoz P. O. Historia..., p. 167–168.
- 20 Pareja Diascanseco A. Op. cit., v. III, p. 359.
- 21 Albornoz P. O. Historia..., p. 291.
- 22 Reservado Memorandum del Plenipotenciario del Ecuador al Encargado de Negocios de la Santa Sede. Documentos Anexos. Informe del Ministro de Negocios Eclesi
- 23 Mensaje del Presidente de la Rep
- 24 Informe del Ministro de Negocios Eclesi
- 25 Albornoz P. O. Historia..., p. 175–176.
- 26 Ibid., p. 181, 183, 187, 189.
- 27 Ibid., p. 284–285.
- 23 Naranjo P. La I Internacional..., p. 365–376.
- 29 Rycjort W. S. Religion and Faith in Latin America. Philadelphia, 1958, p. 124.
- 30 См.: Икаса Х. Уасипунго/ Пер. В. Виноградова. М.: Гослитиздат, 1976.
- 31 Риваденейра Х. Уже рассветает. М.: Гослитиздат, 1962.
- 32 Ма
- 36 Гирскис И., Яунишкис Я. Я – миссионер. М.: Политиздат, 1975.

Глава седьмая

В СОЮЗЕ С ОЛИГАРХИЕЙ (Перу, Боливия, Парагвай, Уругвай)

Многие исследователи считают, что Перу – единственная страна в Латинской Америке, где не было острых конфликтов с церковью и массовых антиклерикальных движений. Такая «гармония» церкви с государством объясняется отсталой социальной структурой перуанского общества, в котором преобладала олигархия вплоть до прихода к власти военных – реформаторов во главе с генералом Хуаном Веласко Альварадо в 1968 г. Перу считалась самой богатой колонией Испании в Южной Америке. В отличие от других испанских владений креольская знать в этой стране была настроена происпански, она опасалась, что с провозглашением независимости утратит свои земельные владения, влияние, привилегии. Перу оставалась последним оплотом испанского колониализма на континенте, который был разгромлен только в результате объединенных усилий аргентиночилийских войск с юга во главе с генералом Сан-Мартинем и колумбийской армии с севера во главе с Симоном Боливаром. Чтобы ослабить власть местной олигархии, Боливар содействовал выделению Горного Перу в самостоятельную республику – Боливию (названную в его честь).

После провозглашения независимости Перу неоднократно становилась ареной гражданских войн, переворотов, почти не менявших социальное лицо страны. Как правило, у власти чередовались военные группировки. В 1865 г. Испания предприняла попытку вновь захватить Перу, но потерпела поражение. Во время Тихоокеанской войны страна потеряла в пользу Чили богатый селитряный район Атакамы. В XX в. Перу неоднократно воевала с Эквадором и Колумбией из-за пограничных вопросов.

В сельском хозяйстве преобладали помещики-гамонали; крестьяне – в основном индейцы – находились у них в полной зависимости. Финансы контролировались иностранными банками, так же как добыча и сбыт сырья – селитры, в свое время составившей основную статью в экспорте. Рабочий класс развивался медленно. Выступления трудящихся в пользу демократизации и социальных преобразований жестоко подавлялись. Возникшая в 30-х годах XX в. Коммунистическая партия Перу была загнана в глубокое подполье. Церковь выступала в роли одного из главных оплотов существующего порядка. Это вовсе не значит, что между государством и церковью не возникало спорных вопросов, трений и разногласий. Церковь оспаривала право государства на патронат, выступала против принципа свободы совести, а точнее, предоставления протестантам возможности свободно совершать обряды и вести пропаганду в пользу своего вероучения. Она требовала контроля над образованием и осуждала секуляризацию актов гражданского состояния, церковной собственности и доходов. Однако разногласия по этим вопросам не перерастали в острые конфликты.

Объясняя этот феномен, Хосе Карлос Мариатеги отмечал: «Революция независимости, не затронувшая феодальных привилегий, в равной степени не затронула и церковных привилегий. Естественно, что консервативно-традиционалистская церковная верхушка оставалась верной королю и метрополии. Но, как и землевладельческая аристократия, она быстро увидела, что республика практически бессильна перед унаследованной от колониальной эпохи общественно-экономической структурой, и поэтому приняла ее...»

В Перу с первых же дней революции (т. е. войны за независимость. – И, Г.) часть духовенства заняла либерально-патриотические позиции и лишь очень немногие представители сиви-листского¹ либерализма стояли на непримиримых яacobинских позициях, а еще реже занимали даже откровенно антиклерикальные позиции. В подавляющем большинстве наши либералы происходят из масонских лож, которые приняли самое активное участие в подготовке борьбы за независимость. Поэтому почти все они придерживались деистских взглядов, что и превратило масонство в латиноамериканских странах в своего рода духовнополитический суррогат реформации»².

Мариатеги обращает внимание на то обстоятельство, что в Перу разногласия между светскими и церковными властями не носили идейного характера. Это были семейные склоки. Они объяснялись соперничеством и стремлением к равновесию, что было свойственно всем страпам, где колониальное порабощение в значительной степени сопровождалось обращением в христианство и где духовные власти без особого труда брали верх над светскими³.

Боливар, пребывая в Перу, сократил количество монастырей, некоторые церковные здания были переданы под больницы и детские приюты, ограничены церковные поборы с индейцев, сокращено число праздников, ограничена деятельность монашеских орденов. Эти меры вызвали резкие протесты церковников, которых поддерживали олигархи, стремившиеся избавиться от Боливара.

После того как колумбийцы покинули Перу, власть перешла к олигархии. Новое правительство отменило «пожизненную конституцию» Боливара. В 1823 г. был принят новый основной закон, объявлявший католицизм «религией нации» и запрещавший практику любого другого культа. Только в 1839 г. не католики полу*чили право молиться в закрытых помещениях.

В 1835 г. были установлены отношения с папским престолом, но получить от Ватикана признание права на патронат перуанскому правительству не удалось. В 1856 г. новая конституция отменила церковные «фуэрос», а затем и сбор десятины. В 1859 г. государство взяло на себя содержание духовенства. В конституции 1860 г. (она действовала до 1920 г.) вновь было подтверждено положение о государственном характере католической религии и запрещена практика любого другого культа. Однако на практике деятельность протестантов не ограничивалась, а в 1915 г. они были уравнены в правах с католиками.

После ликвидации светской власти папства Пий IX, стремясь заручиться поддержкой перуанского правительства, в одностороннем порядке установил в 1874 г. «модус вивенди» с Перу, в котором предоставил президенту республики право патроната – «такое же, каким пользовался испанский король до того, как Перу отделилось от его власти». В документе указывалось, что предоставление права патроната является уступкой со стороны папского престола, которая обуславливается обязательством перуанского государства не покушаться на церковную собственность и оказывать поддержку и покровительство католической религии. При соблюдении этого условия перуанское правительство наделялось также правом представления папскому престолу кандидатур на церковные должности. Со своей стороны Пий IX обещал, что перуанская церковь будет молиться за благополучие президента Перу и оказывать ему такие же почести, как и королям Испании⁴.

Перуанское правительство добивалось от Ватикана признания права патроната путем подписания конкордата, в котором оно выступало бы в качестве равноправного партнера папского престола. Односторонний же акт Пия IX был оценен в Перу как оскорбление национального достоинства. Поэтому перуанское правительство вначале отказалось его признать и только в 1880 г. дало согласие на его публикацию. В последующих конституционных актах указывалось, что государство пользуется правом патроната согласно законам и существующей практике, т. е. без ссылок на «модус вивенди» Пия IX. Со временем, однако, церковная иерархия получила возможность беспрепятственно сноситься с Ватиканом, а последний – непосредственно руководить ею. Союз государства с церковью встречал сопротивление в либеральных кругах, которые усиливались по мере развития капиталистических отношений в стране. Но это сопротивление не выходило за рамки интеллектуальной оппозиции, не располагавшей широкой народной поддержкой. Глашатаем либерального антиклерикализма был писатель и общественный деятель Мануэль Гонсалес Прада (1848–1918). Прада ратовал за отделение церкви от государства. В статье «Политика и религия», опубликованной в 1900 г., он напоминал, что в странах, где церковь отделена от государства или где по крайней мере все виды религии равны перед законом, религиозные конфликты исчезают или не носят характерной для них остроты. В таких странах никто не принуждает людей исповедовать чуждый им культ, каждый может заявить о своей вере и защищать ее словом или пером. Там же, где государство исповедует определенную религию и покровительствует ей в ущерб другим, человек вынужден выступать против угнетающих его сил. Гонсалес Прада предсказывал, что и в Перу, где господствует только одно католическое духовенство, в силу права на законную защиту самые миролюбивые люди станут когда-нибудь не только апикатоликами, но и воинствующими антиклерикалами⁵.

М. Гонсалес Прада предупреждал: осуществление любых прогрессивных реформ неизбежно натолкнется на сопротивление церкви. «Несмотря на уловки, хитрости и оговорки, – писал он, – нет сомнения, что любой социальный или политический вопрос всегда связан с религиозным. Католицизм настолько овладел сознанием, настолько проник в формирование гражданского общества, что, начиная радикальную реформу, мы сталкиваемся лицом к лицу с церковью, которая преграждает нам путь во имя догмы, канонов или обычного права. Мы хотим, например, изменить архаичные законы о семье, а церковь обрушится на нас, рассматривая развод как нарушение божественных законов, гражданский брак как отвратительное сожительство. Мы хотим противопоставить справедливость и солидарность сугубо несправедливому строю капитала, и здесь церковь заявит нам, что мы должны взывать не к справедливости, а к милосердию, что с нищетой можно покончить при помощи милостыни или благотворительных обедов, а если с ней не будет покончено, то пролетариат должен отступить и ожидать вознаграждения в ином мире. От освобождения рабов до эмансипации женщин, от достижения независимости народов до права на свободу убеждений – все крупные реформы встречали в лице католической

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

церкви своего врага – явного или тайного» 6.

Католицизм, считал М. Гонсалес Прада, несет в себе постоянную угрозу современной цивилизации, контрреволюцию, власть, которая стремится переделать историю с тем, чтобы стереть следы французской революции, уничтожить реформу, отменить возрождение и погрузить человечество в мрак средних веков. Это враг, это дерево со смертоносной тенью! «Если бы мы захотели увидеть результаты воздействия церкви на народы, то нам не нужно было бы далеко ходить: интеллектуальный и моральный прогресс латиноамериканских народов измеряется в той степени, в какой они сумели изгнать католицизм из своих законов и обычаев».

Движение радикального протеста, выразителем которого был М. Гонсалес Прада, не смогло добиться каких-либо существенных результатов. Как указывает Х. К. Мариатеги, оно было лишено внутренней силы, поскольку не имело общественно-экономической программы. Два его главных лозунга – антицентрализм

и антиклерикализм – сами по себе были недостаточны, чтобы представить серьезную угрозу феодальным привилегиям⁷.

Несмотря на сопротивление радикалов, в 1901 г. были сняты ограничения на право церкви владеть и распоряжаться недвижимой собственностью.

Правительство разрешило преподавать религию в школах, церковь получила возможность содержать собственные учебные заведения. В 1917 г. церковь открыла Католический университет в Лиме, а в 1925 г. президент Легия, следуя примеру Гарсии Морено, посвятил Перу «святому сердцу Иисуса». Только в 1930 г. в Перу был принят закон о гражданском браке и разводе. Но закон не подрывал позиций церкви, которой продолжали покровительствовать правящие круги страны.

Духовенство всеми средствами разжигало примитивный фанатизм среди верующих. Религиозные праздники, поклонение мощам, культ святых – все использовалось служителями церкви, чтобы подчинить своему влиянию народные массы – неграмотные, отстающие, живущие в беспросветной нужде. Пабло Неруда прекрасно иллюстрирует это положение в своем стихотворении «Процессия в Лиме» (1947):

Их было много, идола они тащили на плечах, был густ огромный хвост толпы за ними, как будто море разлилось, темно-лиловым цветом отливая.

Танцую, прыгали и бормотали, и шепот влажен был, как жвачка: сливался он с шипением кухни и с заунывным звуком бубна.

Темно-лиловые жилеты, темно-лиловые ботинки, большие шляпы; по улицам текла река из язв и струпьев; она текла к собору, о стрельчатые окна билась.

Зловещее, как ладан, это скопление гнойных язв сливалось с буйным исступлением домами стиснутой людской реки и ранило глаза.

Я видел толстого помещика; священным потом обливался он в белом стихаре и яростно расчесывал затылок.

Я видел нищего, оборванного горца

с бесплодных гор,

индейца, потерявшего свой образ

в бутылке водки, пастуха, пасущего покорных лам, застенчивых епархиалок, учителей из сельских школ с запавшими голодными глазами.

Как опьяненные наркотиком танцоры, в рубашках пурпурного цвета, шли негры и руками били в невиданные барабаны.

Казалось, Перу весь бьет в грудь себя и глаз не сводит со статуи жеманной дамы, небесно-голубой и розовой, которая плывет над головами в своей конфетной лодке, опухшая от пота и жары⁸.

В сельской местности приходские священники, как и в колониальное время, жили за счет своих прихожан, обирая и обманывая их, заставляя выполнять обязанности «мажордомов», ответственных за проведение празднеств в честь местного святого, и нести в связи с этим непосильные для крестьянина расходы.

Влияние церкви в 70-е годы падало. Крестьянин Уилька в своей автобиографии, впервые изданной в 1974 г., рассказывает: «Священник никогда не поддерживал нас. Священник

всегда поддерживает богатых. Поэтому я ничего не хочу говорить о священнике, он сам богач, опирающийся на бога. Он заставляет нас выполнять повинности. Он заставляет нас ставить свечи святым. Он заставляет нас приносить деньги в миссию.

Священник требует, чтобы ему приносили деньги. Он считает деньгами сумму не менее сто солей. Он требует двести, триста, четыреста и пятьсот, в зависимости от стоимости церковной службы. Когда кто-нибудь умирает, священнику надо платить за похороны. Если у умершего не было денег, то за свои услуги священник требует уплатить барашками или другой живностью. А если крестьян ребёнка, то тоже нужно платить. Все, как на рынке. Церковь стала для священника орудием торговли. Одним словом, церковь стала местом

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org торговли, где продают людей, начиная с головы, то есть с крещения. Когда заключают церковный брак, то у нас съедают почти половину тела. Когда мы умираем, то съедают и ноги... Таков священник. Такова его жизнь. Именно поэтому, зная все о них, я держусь подальше от священников» 9. Церковная карьера все меньше привлекает верующих. В 50-х годах XX в. в Перу больше половины священников (800 из 1500) составляли иностранцы. По признанию одного из перуанских церковников, лучшими прихожанами все еще являются богачи – «главные угнетатели бедных. Их капиталы позволяют им заставить замолчать любого противника... Наши богатые католики предпочитают сентиментальный католицизм динамичному» 10. В Перу действует возникшая после второй мировой войны христианско-демократическая партия. На выборах 1956 г. она провела в сенат 5, а в палату депутатов 12 своих представителей. В 1963 г. представители ХДП впервые вошли в правительство тогдашнего президента Белаунде Терри. Некоторое время спустя партия раскололась на правое и левое крыло, последнее поддержало военных, свергнувших Белаунде Терри в 1968 г.

Боливийская церковь – тормоз прогресса

В Боливии, где с момента завоевания независимости произошло больше военных переворотов, чем в какой-либо другой латиноамериканской республике¹¹, церковь столь же тесно сотрудничала с властями, как и в Перу. Хотя при создании Боливии Симон Боливар предлагал вообще не упоминать о религии в конституции, что означало бы на практике отделение церкви от государства, конституционная ассамблея провозгласила католическую религию государственной. Конституция обязывала правительство покровительствовать и обеспечивать ей уважение, одновременно признавая, что «человеческая власть бессильна приказывать совести». Вместе с тем закон запрещал публичное исповедание не католических культов. Только в 1871 г. была разрешена деятельность протестантских культов, а в 1905 г. – всех других религий; в 1908 г. кладбища были переданы в ведение муниципальных властей, установлен обязательный гражданский брак, в 1932 г. – развод. Эти мероприятия, постепенно сужавшие права церкви, не вызывали ее протестов, ибо духовенство состояло на иждивении властей, которые также выдвигали кандидатов на церковные должности. К тому же среди служителей культа всегда преобладали иностранцы. Даже в начале 60-х годов XX в. иностранцами были один из трех архиепископов, двое из пяти епископов и все апостолические викарии, руководившие миссионерской работой¹². Власти не препятствовали деятельности священников, а последние в свою очередь не возражали против секуляризаторских мероприятий властей. Отношения Боливии с Ватиканом развивались без особых конфликтов. В середине XIX в. Боливия попыталась заключить конкордат с папским престолом. Он был подписан в 1851 г. в Риме и предоставлял президенту Боливии право патроната. Однако боливийский конгресс отказался утвердить конкордат, ибо считал патронат атрибуцией национального суверенитета, следовательно, папа не мог «предоставить» Боливии то, чем она владела как самостоятельная страна. Другие попытки заключить конкордат с Ватиканом не увенчались успехом. Тем не менее на практике папский престол признавал за Боливией право *натро-паира*. В 1917 г. между Ватиканом и Боливией были установлены дипломатические отношения, которые продолжают существовать до настоящего времени. Духовенство, как и в других странах Латинской Америки, пыталось влиять на просвещение, особенно на его среднее звено. Свыше 10% школьников посещают церковные (частные) школы. Боливия считается одной из самых отсталых стран в Латинской Америке. 40% боливийцев неграмотно. Около 63% ее населения – индейцы, их духовная жизнь находится под контролем католических и протестантских миссионеров. В стране около 1% протестантов, и число протестантских проповедников (почти все они иностранцы) в 1960 г. было чуть меньше (приблизительно 569), чем католических (694) ¹³. Вера индейцев носит синкретический характер, среди них сильны дохристианские религиозные пережитки, с которыми миссионеры мирятся. Состояние отсталости индейцев, пишет Мечэм, позволяет духовенству держать их под своим контролем. Индейцы относятся к церковникам со страхом, беспрекословно им подчиняются. Этим пользуются многие священники, которых не без основания обвиняют в жадности и развращенности. Как правило,

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
сельские кураты – те же полуграмотные метисы или индейцы. В 1910 г. боливийский историк Альсидес Аргедас писал: «К несчастью, за редким исключением, сельский священник – развратник, скряга, полон пороков, неспособен вызвать к себе уважение. Он берет деньги за молитвы, которые никогда не произносит, по крайней мере тогда и там, где он должеп это делать... Он занимается ростовщичеством и обогащается». Мечэм, приводя эту цитату, отмечает, что полвека спустя сельское духовенство оставалось таким же м.

В Тихоокеанскую войну Боливия потеряла в пользу Чили значительную часть своей территории, выход к морю. В результате войны с Парагваем (1932–1935) страна утратила значительную часть нефтеносного района Чако. Боливию, обладающую богатейшими минеральными ресурсами, называют нищим на золотом троне. На протяжении многих десятилетий свинец, олово, цинк, медь, вольфрам и другое местное минеральное сырье принадлежало иностранным монополиям. В 1952 г. к власти пришло Националистическое революционное движение во главе с Пас Эстенсоро. За 12 лет правления НРД под давлением народа национализировало оловянную промышленность, начало аграрную реформу, вооружило рабочих-шахтеров. Церковники находились в оппозиции к правительству НРД, считая, что оно потворствует коммунистам. При участии церковников в эти годы возникают первые светские католические организации. В 1954 г. создается Социально-христианская партия Боливии, впоследствии переименованная в Христианско-демократическую, Она выдвигает программу в духе христианского реформизма. Консервативные католические деятели примкнули к ультраправой Боливийской социалистической фаланге, основанной в 1937 г.

Фаланга поддержала генерала Барриентоса, свергнувшего в 1964 г. президента Виктора Пас Эстенсоро, лидера НРД. Барриентос, который действовал в интересах правящих кругов США, выдавал себя за последователя социальных доктрин церкви, свою партию он назвал Христианским народным движением. В 60-е годы под влиянием развития революционного процесса в Боливии, с одной стороны, и решений II Ватиканского собора – с другой, местная церковная иерархия постепенно стала отходить от традиционных для нее консервативных позиций.

Парагваз: диктаторы и епископы

Эта республика на протяжении почти 50 лет после провозглашения независимости в 1811 г. возглавлялась диктаторами Хосе Гаспаром Родригесом Франсией (1811–1840), Карлосом Антонио Лопесом (1844–1862) и его сыном Франсиско Солано Лопесом (1862–1870). Франсия, выступавший, как и Лопесы, в защиту национального суверенитета, превратил Парагвай в «закрытое» государство: выезд из страны и въезд в нее иностранцам были запрещены, связи с внешним миром крайне ограничены. Сам Франсия был доктором теологических наук (он закончил университет г. Кордоба, Аргентина). Это не помешало ему относиться к духовенству с регалистских позиций. Диктатор прервал отношения с папским престолом, выслал священников-испанцев, снял с поста епископа Асунсьона. На их посты Франсия назначал лично преданных ему и послушных церковников, превратив на деле католическую церковь в национальную. Он отменил все церковные праздники, за исключением воскресения, закрыл монастыри, секуляризировал церковную и монастырскую собственность, установил гражданский брак.

В результате этих мер «парагвайская церковь лишилась своего экономического могущества и стала покорным орудием светской власти. Священники получали казенное жалованье и превратились фактически в государственных служащих, беспрекословно выполнявших волю диктатора, который назначал и смещал их по своему усмотрению, а за неповиновение мог бросить в тюрьму. Таким образом Франсия добился резкого ослабления позиций церкви и освобождения ее из-под влияния внешних сил. Но ни о каком преследовании религии или ущемлении прав верующих при этом не шла речь. Смысл политики Франсии заключался лишь в том, чтобы поставить церковную организацию на службу своим целям» 15. Отрицательное отношение к бывшей колониальной элите и стойкая защита национальных интересов Парагвая обеспечили Франсии поддержку большинства населения республики. Следует отметить, что будущий Пий IX, входивший в состав папской миссии, посетившей Чили, отмечал, что Франсию «все любят и почитают как отца родного» 16.

При правлении Лопеса-старшего изоляция Парагвая была ослаблена. По отношению к церкви политика нового диктатора оставалась прежней. Конституция 1844 г. наделяла президента правом патроната и уполномочивала его назначать церковных иерархов. Вместе с тем конституция разрешала президенту заключать конкордаты с папским престолом, что означало отход от политики национальной церкви, проводившейся франсией. Действительно, Лопес обратился к Пию IX с просьбой назначить епископом своего брата Басилио. Папа, надеясь задобрить Лопеса, дал согласие на это. Вскоре Лопес издал закон «О реформе привилегий епископов», запрещавший колокольный звон в их честь и ношение епископских одеяний как при богослужении, так и за пределами церковей. Закон вызвал недовольство Пия IX, отказавшегося принять сына Лопеса, посетившего Рим в 1863 г. Новые трения с Ватиканом возникли в 1869 г., когда со смертью епископа Басилио Лопес попросил папу назначить на его место Хуана Грегорио Урбиету, слабовольного старца, известного своей преданностью диктатору. Пий IX в свою очередь потребовал от Лопеса вернуть церкви ранее отнятую у нее собственность и согласиться с назначением на епископский пост иностранца, который отвечал бы за свои действия перед папским престолом, а не перед президентом Парагвая. Возмущенный Лопес пригрозил папе объявить себя главой парагвайской церкви. Пий IX, больше всего опасавшийся образования национальных церковей, вновь уступил. Он согласился с назначением не только Урбиеты на должность епископа, но и его заместителя с правом наследия. Им стал другой доверенный человек Лопесов – Мануэль Антонио Паласиос. При Лопесах, как и при франсии, духовенство перевозносило диктаторов с амвона, представляя их как божьих наместников. Священники сообщали властям имена противников режима, добывали нужные полиции сведения через исповедадьню.

Независимая националистическая политика Парагвая вызывала недовольство Англии и находившихся под ее влиянием латиноамериканских республик. В 1864 г. Аргентина, Бразилия и Уругвай объявили войну Парагваю. Военные действия продолжались шесть лет и закончились победой союзников. В войне погибло почти все мужское население Парагвая, в том числе сам президент Ф. Солано Лопес. Часть территории Парагвая отошла победителям. Английский капитал вскоре прибрал к рукам экономику страны. Понадобились десятилетия, чтобы Парагвай залечил раны, нанесенные войной.

После войны политическая жизнь страны носила весьма хаотический характер. переворот следовал за переворотом: с 1902 по 1940 г. сменилось 26 президентов (некоторые из них не удержались у власти и месяца) 17. В XX в. Парагвай принял участие в новой разорительной для него войне против Боливии. И хотя война была выиграна, расходы, связанные с ней, привели к еще большей зависимости страны от иностранного капитала. Попытки реформ наталкивались на сопротивление олигархии и военных, связанных с Пентагоном. В 1954 г. реакционным силам удалось захватить власть и водрузить на президентское кресло своего ставленника генерала Стресснера, диктаторский режим которого длится уже 27 лет.

В положении католической церкви за эти десятилетия не произошло существенных изменений. Конституции страны (1870, 1944) провозглашали католическую религию государственной, признавали за Парагваем право патроната, разрешали практику других культов. Министерство просвещения и культов регулирует отношения между государством и религиозными организациями. Ватикан мирился с таким положением вещей, учитывая, что власти не препятствовали деятельности монашеских орденов, разрешали духовенству преподавать, иметь свои школы, заниматься миссионерской деятельностью и смотрели формально на свои патронатские обязанности, не препятствуя отношениям местного духовенства с папским престолом. До 1929 г. епископ Асунсьона административно зависел от архиепископа Буэнос-Айреса. С 1929 г. парагвайская католическая церковь стала самостоятельной. Она располагает тремя епархиями, причем асунсьонская стала архиепископством.

В течение ряда лет церковь поддерживала режим диктатора Стресснера, но в конце 50-х годов некоторые представители духовенства стали выступать против полицейских репрессий, беззакония властей, за освобождение политических заключенных и осуществление социальных преобразований. Особо активных в этом плане священников власти преследовали, бросали в тюрьмы, высылали. В 1960 г. в Парагвае возникло Христианско-социал-демократическое движение, преобразованное некоторое время спустя в Христианско-демократическую партию, находящуюся в оппозиции к антинародному режиму Стресснера. Парагвайские власти в целях привлечения в страну иммигрантов охотно заключали соответствующие соглашения с разного рода сектами, в основном американскими. Таким образом в Парагвае возникли сельскохозяйственные колонии мормонов, иеговистов, адвентистов, методистов, баптистов, лютеран,

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
англикан и последователей других культов. И хотя они составляли в 1960 г. всего 0,7% населения страны (в Парагвае проживает около 3 млн. человек), они имели 165 служителей культа (почти все иностранцы), в то время как у католической церкви их было

Уругвай: черта, проведенная Хосе Батлье

В сплу целого ряда прпчыи эта небольшая страна Южной Америки с момента своего зарождения как независимое государство находилась в натянутых отношениях с Ватиканом.

В Уругвае, или Восточном берегу (Банда Ориенталь), как называлась вначале эта республика, в колониальный период влияние духовенства было относительно незначительным. Монтевидео, административный центр района, славился своим портом. Он неоднократно находился под властью Бразилии, а после падения испанского владычества стал быстро заселяться иммигрантами из стран Западной Европы. Торговцы, контрабандисты, мореходцы, рыбаки, грузчики, скотоводы – таков был социальный состав уругвайского населения в начале XIX в.

В колониальное время церковный капитул Монтевидео зависел от епархии Буэнос-Айреса. Естественно, что с провозглашением независимости уругвайские власти потребовали от Ватикана учреждения самостоятельного диоцеза и назначения епископом Монтевидео уругвайца. Ватикану понадобилось около полувека, прежде чем он удовлетворил такое требование. Это объясняется, с одной стороны, опасением ухудшить отношения с Аргентиной, не желавшей упускать возможности влиять на полоя^ление в соседней страпе, а с другой – регалистской позицией Монтевидео, которой придерживалась страна с самого начала провозглашения независимости. В своей первой конституции 1830 г. Уругвай провозгласил католическую религию государственной, заявил о своем праве на патронат, разрешил деятельность других христианских культов. Этим позиций Уругвай придерживался на протяжении многих десятилетий к неудовольствию Пия IX, побывавшего в Монтевидео в составе миссии Муци и не питавшего к его жителям особого доверия.

Отвергнув притязания уругвайцев на «независимость» от буэнос-айресской епархии, Ватикан учредил в Монтевидео генеральный викариат, который лишь в 1863 г. был наделен правом посвящения в духовный сан. В 1878 г. со смертью Пия IX и восшествием на папский престол Льва XIII Ватикан учредил епархию Монтевидео и назначил первого епископа-уругвайца.

В Уругвае две партии боролись за власть: «белые» (бланкос) и «красные» (колорадос). Первые представляли интересы крупных помещиков и скотоводов и отличались клерикализмом, вторые – либерально настроенных торговцев, ремесленников, рабочий люд. «Красные» выступали за ограничение церковного влияния. Следует отметить, что антиклерикальные мероприятия «красных» не отменялись «белыми», когда последние сменяли первых у власти.

Антиклерикальные мероприятия осуществлялись постепенно на протяжении всего XIX в. В 1837 г. был узаконен гражданский брак для некатоликов. В следующем году президент Фрук-туосо Ривера закрыл францисканские монастыри и секуляризировал их собственность.

В 1859 г. из страны были изгнаны иезуиты, в 1880 г. учреждено Бюро по регистрации актов гражданского состояния (Registro del Estado Civil). Пять лет спустя был введен для всего населения гражданский брак, который объявлялся единственно законным, впоследствии принят закон о разводе, разрешавший новые браки. В 1909 г. было запрещено преподавание религии в государственных школах. Одновременно с этими мерами ежегодно уменьшались расходы на содержание духовенства.

В начале XX в. в годы президентства Хосе Батлье-и-Ордонь-еса (1903–1907, 1911–1915) осуществлены некоторые политические и социальные реформы, способствовавшие национальной консолидации и развитию экономики. Реформы нашли свое отражение в новой конституции, принятой в 1919 г. Она отделяла церковь от государства, что соответствовало реалвiса) выступили против. Соответствующая статья конституции была сформулирована следующим образом: «Все религиозные культы являются свободными в Уругвае. Государство не признает никакой религии. Все храмы, сооруженные за счет государства, передаются безвозмездно католической церкви, за исключением часовен в больницах, тюрьмах и других общественных местах. Все культовые здания освобождаются от налогов» 19.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

С принятием конституции 1919 г. государство перестало субсидировать церковь, которая обрела «свободу» сношении с Ватиканом. Патронат прекратил свое существование. Церковь, став частной организацией, получила вновь возможность обзаводиться недвижимой собственностью и обогащаться за счет дарений и завещаний. Она могла и содержать школы (частные). Этими новыми возможностями церковь не преминула воспользоваться. Если до этого она получала от государства в год на свои нужды около 20 тыс. долларов, то теперь пожертвования составили 1 млн. долларов, что, учитывая количество служителей церкви – 200 священников и монахов и 150 монахинь, с избытком покрывало все расходы. Церковь сумела использовать создавшуюся ситуацию для укрепления своей организации и расширения влияния. В 1960 г. она располагала 688 священниками, 477 церквями, 237 школьными и 45 благотворительными учреждениями²⁰. Церковь имела также ряд организаций типа «Католического действия». И все же ее влияние было ограниченным: уругвайцы никогда не отличались религиозностью. Государство в религиозном вопросе строго придерживается буквы конституции. Оно прервало дипломатические отношения с Ватиканом, не отмечает религиозные праздники, и хотя рождество и пасха – выходные дни, по официально фигурируют под другими названиями – «День семьи» и «Неделя туризма». В 50-е годы в условиях роста революционных настроений в Латинской Америке уругвайское духовенство стало проявлять растущий интерес к социальным вопросам. Некоторые католики за участие в борьбе против реакции и империализма подверглись преследованиям и репрессиям. 29 30

Глава восьмая

ЗАЩИЩА СТАРЫЙ ПОРЯДОК (ЧИЛИ)

В Чили, как и в других странах Латинской Америки, церковь с колониального периода принимает активное участие в политике. В годы войны за независимость духовенство разделилось: меньшинство, в основном священники-креолы, выступали за независимость, большинство поддерживало испанцев²⁹.

Одним из стойких сторонников независимости был священник Камило Энрикес, последователь французских просветителей, привлекавшийся неоднократно судом инквизиции по обвинению в писании и распространении «еретических» произведений. В 1812 г. Энрикес основал газету «Ла Аурора де Чили», призывавшую к борьбе против испанского господства.

Церковники – сторонники испанцев не замедлили выступить против Энрикеса. Один из них, доминиканец Тадео Сильва, предупреждал своих прихожан: «Если некоторые собираются проповедовать вам, что ваши грехи не принесут вам чумы, войн и землетрясений, знайте: они фальшивые пророки, которые, обещая вам счастье, обманывают вас и совращают вас со стези истины». Камило Энрикес утверждал: «Так как государственная власть распространяется на свободных по своей природе людей, она должна базироваться на свободном волеизъявлении народов». Модах Мануэль Антонио Талавера пытался опровергнуть, это утверждение Энрикеса: «Какой бред! Как будто святой Павел должен был покровительствовать власти, узурпированной и установленной вероломно путем насилия при помощи волнений и восстания народов против своего монарха!»². Но проповеди этих монахов не возымели действия.

Союзник консерваторов

После завоевания независимости «в Чили в течение целого века церковь полностью поддерживала наиболее реакционную политическую партию страны – Консервативную, во главе которой стояла помещичья олигархия, несущая ответственность за массовые убийства и всевозможные преступления. Характерно, что эмблемой этой партии было распятие»³.

Хотя Консервативная партия возникла в 30-х годах XIX в., ее первый съезд состоялся только в 1878 г., а программа была принята лишь в 1901 г. Она

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosofff.org
провозглашала в качестве основной задачи партии «сохранение и развитие христианского социального порядка». Консервативная партия заявляла о своем полном подчинении католической церкви в вопросах веры. Именно такую линию Консервативная партия проводила на протяжении всего XIX в. и значительной части XX в.

Как же понимали консерваторы «христианский социальный порядок»?

«Руководители консервативной партии, – указывает чилийский иезуит Альберто Уртадо, – выступали как защитники интересов предпринимателей. В своем большинстве они подбирались из числа богачей и наиболее видных католиков, в результате чего для страны консервативная партия являлась синонимом католической партии»⁴. Антирабочие выступления церковников, их связь с помещиками и капиталистами, их сотрудничество с консервативной партией – все это способствовало потере влияния церкви на трудящиеся массы.

Но этот процесс развивался крайне медленно. Почти полтора столетия церковь сохраняла свои позиции, лавируя и приспособляясь к изменяющимся общественно-социальным условиям. Все эти годы церковная иерархия оставалась преданным союзником олигархии, без покровительства которой не мыслила своего существования.

Олигархия фактически находилась у власти в Чили с 1831 г., когда президентом был избран ее ставленник генерал Хоакин Прието. Фактически страной правил вице-президент Диего Пор-талес, впоследствии кумир фашистского диктатора Пиночета. Однако в отличие от последнего Порталес был хотя и консерватором, но патриотом – он отстаивал национальные интересы Чили, осуждал вмешательство армии в политическую жизнь страны, отвергал доктрину Монро. Порталес стремился сосредоточить всю полноту власти в руках привилегированной верхушки, вместе с тем он был заинтересован в экономическом развитии страны. Идеи Порталеса нашли свое воплощение в конституции 1833 г.

Конституция предоставляла право голоса только мужчинам, достигшим 21 года, умевшим читать и писать. В депутаты могли выдвигаться только собственники, их имущественный ценз повышался в зависимости от того, баллотировался ли кандидат в палату депутатов или сенат. Конституция наделяла президента неограниченной властью⁵. Президент провозглашался наследником патронатского права, которым обладал испанский король. Католическая церковь объявлялась государственной, исповедание других религий запрещалось. Президент при вступлении в должность присягал охранять католическую религию и выполнять ее обряды, он уполномочивался делать главнейшие церковные назначения, выбирая на епископскую должность одного из трех кандидатов, представляемых ему Государственным советом, члены которого назначались им же, в их числе архиепископ Чили. Президент мог распоряжаться церковной собственностью, разрешать или запрещать с согласия Государственного совета передачу местному церковному начальству булл и других документов

Ватикана, вступать в дипломатические отношения с ним и заключать конкордаты. Решение спорных вопросов между церковью и государством вверялось Государственному совету.

Порталес не был клерикалом, фанатиком. Он был вольтерьянцем, «неверующим», по словам Орландо Мильясаб, но считал, что в условиях Чили поддержка духовенства из-за его влияния на верующих может принести олигархии не меньшую пользу, чем она приносила испанским властям в колониальное время. «Вы, дон Мариано, верите в религию, – говорил Порталес своему коллеге по правительству Мариано Этанье, я же верю в священников»⁷.

Конституция 1833 г. просуществовала без кардинальных изменений до 1925 г., побив все рекорды долговечности таких документов в Латинской Америке.

Церковные статьи конституции с годами дополнялись и уточнялись. В 1844 г. парламент одобрил закон, разрешавший неким-толикам совершать браки согласно обычаям их веры. В том же году были приняты закон о патронате, дававший властям право контроля над деятельностью приходских священников, и закон о религиозной профессии, ограничивавший права монашеских орденов, вступать в которые могли только чилийцы, достигнувшие 25-летнего возраста. Была разрешена деятельность иезуитского ордена.

В 1865 г. вошел в силу Поясняющий закон (Ley interpretativa), разрешавший протестантам совершать богослужения в закрытых помещениях и преподавать детям свое вероучение.

Церковники резко осуждали эти уступки «еретикам» и рега-листскую политику консервативных правительств. В целом же в стране усиливались антиклерикальные настроения. Против засилья церковников выступило Общество равенства, основанное социалистами-утопистами Франсиско Бильбало и Сантьяго Аркосом.

Отношения государства с церковью резко обострились в 70-х годах XIX в., когда на смену консерваторам к власти пришли либералы и радикалы.

«В XIX в., – отмечает О. Мильяс, – прогрессивная позиция либеральных

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

элементов буржуазии и мелкой буржуазии отождествлялась с антиклерикализмом. В течение последних десятилетий прошлого века, когда знамя передового отряда взяли в свои руки радикалы, произошло усиление светских тенденций, особенно в результате деятельности масонских лож, выступавших против католической церкви» 8. Либералы отменили особые права духовенства, включили в уголовный кодекс ряд статей, накладывавших на священников наказания за выступления против конституции и существующего правопорядка. В годы президентства Франсиско Анибаля Пинто (1876– 1881) Ватикан отказался утвердить на посту архиепископа Сантьяго кандидата правительства Франсиско де Паула Тафоро, сочувственно относившегося к либералам. Папа направил в Чили своего представителя (апостолического делегата) Челестино дель Фрате. Он не только не рекомендовал утвердить архиепископом Тафоро, но даже заявил, что правительство незаконно пользуется правом патроната. В ответ президент Доминго Санта-Мария (1881–1886) выслал папского представителя из страны и провел через конгресс ряд законов, известных под названием «теологических реформ». Автором их был министр внутренних дел Хосе Мануэль Бальмаседа, получивший образование в духовной семинарии, но затем утративший веру и перешедший на сторону антиклерикалов.

«Теологические реформы» включали законы о секуляризации кладбищ, о гражданском браке и разводе, о светской регистрации актов гражданского состояния. Однако пойти на отделение церкви от государства либеральная буржуазия тогда не решилась. В целом же, как отмечает Мечэм, «теологические реформы серьезно ослабили влияние католической церкви; в прямом столкновении с государством церковь потерпела поражение и оказалась униженной, ее авторитет был подорван, и она была вынуждена перейти к обороне» 9.

Избрание Х. М. Бальмаседы президентом республики в 1886 г. напугало церковников. Но Бальмаседа вовсе не намеревался вести против них войну. Более того, стараясь ослабить консервативную оппозицию, президент пытался направить отношения церкви и государства в более спокойные воды. В этом была заинтересована и церковь. Поэтому и Ватикан, и местная иерархия не возражали против назначения на пост архиепископа умеренного по своим взглядам прелата Мариано Касановы.

Бальмаседа выступал в защиту национальной самостоятельности Чили, против засилья английских селитряных компаний. Это не устраивало англичан и их союзников из консервативной партии. В 1891 г. они спровоцировали мятеж против Бальмаседы, в нем приняли участие клерикалы и многие церковники. Мятежникам удалось свергнуть неугодного им президента, который вскоре покончил жизнь самоубийством.

Власть в стране вновь перешла в руки олигархии. Но теперь у нее появился новый грозный противник – рабочее движение, социализм. Церковники стали выступать в роли спасителей общества от анархии и «безбожного» социализма. Следуя призывам папы Льва XIII и его социальной энциклики «Рерум но-варум» (1891 г.), священники при поддержке консерваторов создавали религиозные рабочие братства, противопоставляя их подлинно рабочим организациям. Путем создания такого рода клерикальных и в то же время консервативных организаций, пишет прогрессивный чилийский историк Э. Рамирес Некочеа, делались попытки расколоть трудящихся, выдвигая на первый план «религиозную проблему совести, которая по самой своей природе является сугубо личным делом каждого человека и неправомерно переносить ее в сферу организации трудящихся» 10.

В 1893 г. архиепископ Сантьяго Мариано Касанова опубликовал антисоциалистическое пастырское послание, в котором утверждал, что отмена частной собственности на средства производства «привела бы к разрушению общества в том виде, в каком его создал бог. В самом деле, полная общность материальных благ уничтожила бы неравенство социальных условий, на которых зиждется общество».

Стремление уничтожить социальное неравенство расценивалось архиепископом Касановой как явная ересь, ибо существование богатых и бедных, эксплуататоров и эксплуатируемых «есть дело не человека, а природы, т. е. бога, который неодинаково распределяет свои даяния». Отсюда Касанова делал выводы, что социалистическая доктрина «направлена на подрыв основ, на которых держится сотворенное богом общество». Касанова призывал трудящихся избегать социализма, отвергать его, ибо он ведет их к бунту, к борьбе и будит в них желание найти выход из их бедственного положения, тогда как божественное поведение предписывает им смириться. Архиепископ считал, что «их бедность есть сокровище в будущей жизни, есть плодоносное семя, сулящее в качестве урожая вечность». Пролетарии не должны стремиться улучшать условия жизни, они должны помнить, что, «ничего не имея в этом мире, они могут иметь все сокровища небес в другом мире, если с христианским смирением будут выносить лишения, порождаемые их бедностью».

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

Комментируя содержание послания Касановы, Э. Рамирес Некоча писал: «Позиция, занятая верховным главой чилийской церкви, показывает, что высшее духовенство верно выполняло свою роль блюстителей, защитников интересов господствующих классов, к которым, кстати сказать, принадлежало само. Этим объясняется, что нападки архиепископа Касановы были абсолютно лишены теологических или философских обоснований и являлись, по сути дела, прямой атакой на социалистов, поскольку „они хотят разрушить общество, чтобы сделать счастливыми бедняков"» п.

Рабочий деятель Виктор Хосе Арельяно разоблачил антинародную деятельность архиепископа Касановы в брошюре «Католицизм и социализм», изданной в 1893 г. в Вальпараисо.

Антисоциалистическая проповедь церковников принесла им немалую выгоду – и не только политическую, но и финансовую. Правящая олигархия не скупилась на всякого рода податки духовенству, которое в начале XX в. обладало уже весьма обширной собственностью. «Церковь имела такой большой капитал и такой большой доход, – указывает Мечэм, – что правительству не было нужды расходовать более одного миллиона долларов в год на ее нужды» 12.

Отношения Чили с Ватиканом ничем не омрачались в эти годы, если не считать разногласий из-за провинций Такны и Арики, присоединенных к Чили в результате Тихоокеанской войны 1879–1884 гг. Чилийское правительство настаивало, чтобы Ватикан назначил в эти провинции церковную иерархию, завися-

щую от Сантьяго. Папский же престол, не желая портить отношения с Перу, отказывался сделать это. В 1910 г. чилийские власти выслали из этих провинций всех перуанских священников. Отношения с Перу прервались, что заставило Ватикан назначить в указанные провинции военного викария, который в 1915 г. уступил место заместителю архиепископа Сантьяго. Конфликт был полностью улажен в 1929 г., когда Такна была возвращена Перу и перуанцы отказались от дальнейших притязаний на Арику.

Л. Э. Рекабаррен против религиозного влияния

Последовательно боролся с религиозным ханжеством и стремлением церкви настроить трудящихся против социалистов Луис Эмилио Рекабаррен, лидер Социалистической рабочей партии и один из основателей Компартии Чили. На севере страны, в г. Икике, где проживал тогда Рекабаррен, при его участии выходил в 10-х годах XX в. антиклерикальный еженедельник «Эль Бонете». Редакция еженедельника утверждала, что она имела «корреспондентов во всех церквях, во всех мужских и женских монастырях страны и за границей» и «поддерживала прямую беспроволочную телеграфную связь с небесной областью и самым глубоким адом». Чуть ниже заголовка печаталась стихотворная программа журнала:

Орган антиклерикальный
Знает тайны всех монастырей,
И поскольку все они скандальны,
Сделает их достоянием людей.

Всыплем белому ослу,
Всыплем черному ослу,
Всыплем всякому ослу,
Если он виляет, правды пзбегает.

По свидетельству Элиаса Лаферте, соратника Рекабаррена и впоследствии видного деятеля компартии, еженедельник высмеивал власти, церковников и прочих врагов трудящихся и, как гласил его девиз, «всех, кто сворачивал с праведного пути» 13. Власть закрыли еженедельник, а Элиас Лаферте, назвавшийся его издателем, подвергся аресту и был оштрафован.

На заре чилийского рабочего движения революционному течению во главе с Луисом Эмилио Рекабарреном пришлось вести борьбу с анархистами и хосефинос¹⁴. Последним удалось вначале захватить руководство Рабочей федерацией Чили. И только после того, как в годы первой мировой войны в федерацию вошли наиболее закаленные отряды пролетариата, пмевшие давние боевые традиции, ее генеральным секретарем стал Луис Эмилио Рекабаррен 15. В 1906 г. Рекабаррен был впервые избран в палату депутатов. Он стал первым депутатом-рабочим в Латинской Америке.

Согласно регламенту депутаты приносили присягу «именем бога и святым Евангелием» соблюдать конституцию. Рекабаррен такую присягу припое, по тут же заявил, что она не соответствует принципу свободы совести,

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
зафиксированному в той же конституции. Заявление Рекабаррена вызвало взрыв негодования среди депутатов-консерваторов, которые потребовали лишить его мандата. Отвечая на нападки правых, Рекабаррен, в частности, сказал: «С уважением относясь к вероисповеданиям других, я присутствовал при совместном принесении присяги сеньорами депутатами. Однако я должен заявить, что не верю в существование бога, как не верю и в Евангелие. Чуть ли не с рождения занятый работой в мастерской, я не имел возможности изучить эту материю. Поэтому никто из сеньоров депутатов не может поставить мне в вину мое невежество в отношении бога.

Следовательно, предъявляемое мне требование клясться именем бога при принесении присяги в соответствии с регламентом почтенной палаты обязывает меня тем самым лгать, обманывать палату, обманывать самого себя и своих избирателей, чьи права и чаяния я, как мне представляется, призван защищать. Должен, кроме того, высказать еще одно соображение.

Чтобы поступать в соответствии с конституцией и законами, по моему мнению, нет необходимости произносить клятву.

Я нахожусь здесь потому, что такова воля народа, и я не вижу причин ссылаться на божество, в которое не верю, как на свидетеля даваемых мною обещаний» 16.

Эти объяснения Рекабаррена, с которыми солидаризировался также другой рабочий депутат – Вес, еще больше накалили страсти в стане консерваторов. На рабочих депутатов посыпались обвинения в богохульстве, обмане, аморальности, и они оба были лишены депутатских мандатов.

Христианская вера не принесла избавления рабочим, неоднократно утверждал Рекабаррен. Священники, проповедуя смирение и любовь к ближнему, стремятся лишить рабочих желания бороться против эксплуататоров.

В одном из своих выступлений в 1910 г. Рекабаррен говорил: «Христиане вырабатывали свои теории и воззрения на протяжении двух тысяч лет; практически же их поступки в материальной и духовной областях в общем не соответствуют тому, чему они учат. Любовь к ближнему, любовь к себе подобному, проповедуемая с особой силой христианами на протяжении двух тысяч лет, привела к лицемерию, к «подделке» под любовь... Разве такая любовь может существовать на деле между эксплуататором и эксплуатируемым, между жертвой и убийцей, между господи-пом и подчиненным, между собственником и неимущим, между хозяином и рабочим?» 17.

«Рабочий, – учил Рекабаррен, – ведет борьбу за улучшение своей судьбы, и это его стремление человечно и справедливо, но даже одно это намерение рабочего является покушением на ин-

тересы предпринимателя и даже на мечты и надежды самого рабочего. Когда предприниматель пытается уничтожить в рабочем эти его мечты, то он не занимается любовью к ближнему. Рабочий же, даже если бы и хотел этого, не может чувствовать себя воодушевленным любовью к ближнему, когда он видит свою обязанность бороться против своих хозяев, когда его вынуждают бороться против них... Почему? Ради чего? Ради улучшения своего положения!»

В том же 1910 г. Рекабаррен, полемизируя с консерваторами, требовавшими оказания финансовой поддержки церкви со стороны государства, доказывал, что религиозные верования вовсе не способствуют моральному совершенствованию верующих.

Напоминая, что «низший класс» чилийского общества (чернорабочие – поденщики, пеоны в деревне и т. д.) составляет более трети всего населения страны, Рекабаррен подчеркивал, что этот класс «как в прошлом, так и сейчас живет под всеобъемлющим влиянием католической и христианской церкви. Без преувеличения можно утверждать, что ныне власть церкви над ним стала еще большей, чем прежде» 18. Однако влияние церкви не способствовало прогрессу этого класса, который продолжает жить в беспросветной нищете и невежестве. Единственное, чего религия добилась, – это воспитания приверженцев или фанатиков религиозной доктрины, лишенной какой-либо практической моральной ценности 19.

В другой своей работе Рекабаррен писал в 1912 г.: «Нынешний мир полон церквей и религиозных учений, и все они приписывают себе достоинство быть истинными. Все они говорят о человеческом благе. Однако факт, что ни одно религиозное учение не принесло человечеству счастья. Этого было бы достаточно, чтобы доказать, что ни одно религиозное учение не принесет блага. В то же время социализм совершенствует людей и приносит подлинное счастье» 20.

Рекабаррен учил рабочих, что капиталисты используют против них два вида оружия: политическое и духовное. При помощи политического оружия, писал рабочий вождь в 1917 г., капиталисты «усмиряют мятежный дух, вызванный страданиями, гася жажду справедливости; внушая многим веру в существование души, они вселяют в них надежды на вечное загробное счастье, если здесь, на земле, сегодня они будут терпеливо переносить страдания. Класс капиталистов

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org использует оружие религии и политики для защиты своих привилегий, для того, чтобы воспрепятствовать развитию борьбы в области справедливости и морали. Очевидно, что забвение или отсутствие внимания с нашей стороны к политическим и религиозным проблемам наносит вред тем самым действиям, которые мы ведем во имя достижения благосостояния пролетариата». Рекабаррен считал, что если церковники и капиталисты используют религию для борьбы против рабочего движения, то рабочие вправе их разоблачать и пропагандировать свои взгляды на религию. «Необходимо, – говорил Рекабаррен, – всеми средствами разъяснять вступающему в профсоюз рабочему, что означает „власть религии“ в человеческой жизни. Пусть проповедники любой религии грозят адом эксплуататорам, пусть они осуждают эксплуатацию и даже организуют рабочих под предлогом защиты от эксплуатации на борьбу, основанную на простом желании небольшой добавки к зарплате: все это не ведет ни к чему. Более того, все это похоже на жестокое издевательство над нашими чаяниями и правом на лучшую жизнь. Мы повторяем: бесплодна вся эта комическая и циничная деятельность церковных деятелей, коль скоро она не ведет к уничтожению причин эксплуатации и угнетения». До тех пор, настаивал Рекабаррен, пока церковь не будет стремиться на практике к уничтожению существующей системы заработной платы и к обобщению средств производства, ее сочувствие страждущим будет пустым звуком, направленным на сохранение состояния неуверенности трудящейся массы. Рабочие и их семьи должны убедиться, что «религия – везде и всеми средствами – толкает людей к конформизму с нынешним положением вещей, т. е. к страданиям от колыбели до гроба... Нет на свете более мощного взрывчатого вещества, нежели верные открытия разума. И если религия делает все для того, чтобы держать в атрофированном состоянии разум человечества, то наша задача состоит в том, чтобы выволить разум из религиозного плена, принести человечеству столько света, чтобы оно могло одолеть мрак, которым окружила его религия. Только действуя так, человек может уничтожить, испепелить все ошибочное» 21.

Отделение церкви от государства

Великая Октябрьская социалистическая революция мощным эхом отозвалась и в Чили. В стране бурно развивалось рабочее движение, наметилась радикализация средних слоев населения. В 1920 г. в условиях общедемократического подъема президентом страны был избран при поддержке социалистов Артуро Алессанри, кандидат радикальной и демократической партий, обещавший осуществить социальные реформы в интересах трудящихся. В первые годы правления Алессанри были введены 8-часовой рабочий день и обязательный воскресный отдых, социальное страхование, разрешена деятельность профсоюзов. Вместе с тем Алессанри железной рукой усмирлял бастующих шахтеров, по его приказу войска неоднократно стреляли в рабочих. Репрессии против трудящихся усилились после того, как в январе 1922 г. Социалистическая рабочая партия преобразовалась в Коммунистическую партию Чили, присоединившись к Коммунистическому Интернационалу. И все же правые не доверяли Алессанри, были недовольны его проанглийской ориентацией и американские монополисты. В сентябре 1924 г. Алессанри был свергнут. В течение нескольких месяцев одна военная хунта сменяла другую. В январе 1925 г. Алессанри вновь оказался у власти. Ему удалось созвать учредительное собрание, утвердившее в том же году новую конституцию, действовавшую вплоть до фашистского переворота Пиночета в 1974 г. Новая конституция наделяла президента большой властью (по образцу конституции США), хотя и лишала его права быть переизбранным на следующий срок. Образовательный ценз оставался в силе. Право голоса получили женщины. Но главная особенность новой конституции заключалась в том, что она отделяла церковь от государства (ст. 10). Основной закон предоставлял всем культу право на религиозную пропаганду, строительство церковных зданий, владение недвижимой собственностью. Государство отказывалось от права патроната и обязывалось в течение пяти лет выплачивать ежегодно католической церкви на ее нужды 2500 тыс. песо. Алессанри представлял отделение церкви от государства как революционный акт первостепенной важности. В действительности же такая оценка носила

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

демагогический характер. Ст. 10 конституции не только ни в чем не ущемляла интересов церкви, но развязывала ей руки для бесконтрольного обогащения. Церковь получила возможность оказывать большое влияние на просвещение. Государство и после принятия конституции 1925 г. продолжало субсидировать школы, находящиеся в ведении церкви. Не удивительно поэтому, что церковная иерархия и Ватикан, с которым Чили сохраняла дипломатические отношения, не только не возражали против такого отделения церкви от государства, но всячески его приветствовали.

«Церковь, – заявил с благодарностью архиепископ Сантьяго Крессенте Эррасурис, – не считает себя отделенной от государства и будет; всегда готовой служить ему» 22.

Вскоре после принятия конституции 1925 г. Алессанри был вновь свергнут. на этот раз начальником жандармерии генералом Карлосом Ибаньесом, пахнущимся у власти до июля 1931 г. Чили остро переживала последствия всемирного экономического кризиса. Стрела страдала от безработицы, резких социальных контрастов, рабочие требовали работы и хлеба. В течение последующих двух лет власть несколько раз переходила от одной буржуазной группировки к другой, в 1932 г. группа военных совершила переворот и провозгласила «социалистическую республику», в стране возникли советы рабочих и солдатских депутатов.

«Социалистическая республика» быстро пала, и после волны репрессий против трудящихся в конце того же года президентом вновь стал Артуро Алессанри, на смену которому пришел шесть лет спустя умеренный буржуазный деятель Педро Агирре Серда, кандидат Народного фронта, включавшего радикалов, социалистов и коммунистов.

Все эти годы церковь пользовалась покровительством властей и укрепляла свои позиции, в особенности в системе образования. Но страна в целом повернула влево, консерваторы – старый оплот церкви – утратили свое бывшее влияние, коммунисты и социалисты пользовались все большей поддержкой трудящихся. Вырос авторитет и радикальной партии, руководимой масонами и опиравшейся в основном на средние слои.

Отмечая рост в 30-х годах классового рабочего движения в Чили, иезуит А. Артурдо с сожалением отмечал: «Самый серьезный недостаток этого общественного развития заключается в следующем: народ внутренне убежден, что может ожидать только от марксистов подлинных социальных завоеваний, которые коренным образом улучшили бы условия его жизни. Народ не видит в хозяевах, в большинстве католиков, искреннего желания изменить к лучшему его нищенское существование. Народ считает, что клир и епископы слишком тесно связаны с капитализмом» 23.

Не приносило пользы служителям культа и их враждебное отношение к коммунизму. «В кварталах бедноты и деревнях священники-реакционеры, – указывает О. Мильяс, – спекулируют на самых примитивных предрассудках и суевериях, приписывали коммунистам сатанинские свойства. Однако, ничто не смогло остановить развитие мощного рабочего движения и могучей массовой коммунистической партии» 24.

Тупики христианского реформизма

Первые признаки недовольства традиционным курсом церкви стали проявляться среди клерикальной молодежи, примыкавшей к консервативной партии. В начале 1930-х годов, когда в Чили резко обострилась классовая борьба, в рядах молодежной организации консервативной партии возникла группа последователей французского богослова Маритэна, выступившая за сближение с трудящимися массами на основе пропаганды реформаторских положений социальных энциклик «Рерум новарум» и «Куадра-гезимо анно» (1931 г.). Идейнными вдохновителями этой группы были иезуиты Фернандес Бридель и Альберто Уртадо, а ее руководителями – бывшие воспитанники Католического университета в Сантьяго, руководимого иезуитами. Один из них, Э. Фрей, будущий лидер христианско-демократической партии, юрист по образованию, был председателем Университетской католической ассоциации Чили, генеральным секретарем Панамериканского конгресса университетских студентов-католиков. Фрей и его единомышленники покинули ряды консервативной партии и оформились в самостоятельную организацию – Национальную фалангу, названную так из симпатии к Испанской фаланге, основанной в 1933 г. Хосе Антонио Примо де Риверой. Новую группировку поддерживали некоторые банкиры и помещики в

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

надежде на то, что социальная прорывная молодая клирикалов обеспечит им народную поддержку. Однако в процессе острой социальной и политической борьбы, развернувшейся в Чили в середине 30-х годов, в условиях, когда чилийские народные массы решительно высказывались против империализма и фашизма, многие лидеры Национальной фаланги стали переходить на демократические позиции, вызывая неудовольствие церковных иерархов и руководителей консерваторов.

«В 1938 г., – отмечает Луис Корвалан, Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили, – реакция сделала все для того, чтобы убедить верующих, что в случае победы Народного фронта на президентских выборах начнутся жестокие преследования церкви и всех католиков... Народный фронт победил, и, конечно, ничего из того, что они предсказывали, не произошло. В период существования правительства Народного фронта, который возглавлял президент Агирре Серда, был назначен первый кардинал католической церкви в Чили Хосе Мария Каро, а в Сантьяго состоялся торжественный евхаристический конгресс. Церковь пользовалась широкой свободой» 25.

Все это привело к тому, что Национальная фаланга, выступавшая на президентских выборах за кандидата реакции Росса, перешла к поддержке правительства Агирре Серды, а затем и его преемника президента Хуана Антонио Риоса, в кабинете которого Эдуардо Фрей занял пост министра общественных работ и путей сообщения.

В годы гражданской войны в Испании фаланга высказывалась против Франко, что навлекло на нее гнев реакционеров. Об этом Пабло Неруда пишет в своих воспоминаниях: «Мне, например, удалось убедить некоторых из молодых руководителей движения (Национальной фаланги. – И. Г.) выступить в защиту республиканской Испании на грандиозных митингах, которые я организовал по возвращении из сражающегося Мадрида. Это вызвало скандал: старые церковные иерархические крути, подстрекаемые консервативной партией, чуть было не распустили новую партию. Лишь вмешательство епископа, который оказался более дальновидным, спасло демохристиан, совершивших, казалось бы, политическое самоубийство. Заявление епископа Тальки позволило выжить маленькому движению, которое со временем превратилось в самую крупную политическую партию Чили» 26.

Епископом Тальки был тогда Мануэль Ларраин, выступавший за социальные преобразования, в то время как большинство церковных иерархов во главе с тогдашним кардиналом Каро занимало враждебную по отношению к левым позицию. Сотрудничество Национальной фаланги с правительствами Народного фронта расценивалось консерваторами как предательство религии и церкви. Ватикан также вначале не доверял фаланге, считая ее слишком «левой». Рассуждения Фрея об «интегральном гуманизме», о «коммунитарном обществе», «христианской революции», критика капитализма и призывы к борьбе с коммунизмом с помощью реформистских мероприятий в интересах обездоленных не могли прийтись по душе римской курии, где преобладали тогда ультраконсервативные настроения. Ватикан с подозрением относился к клирикалам, деятельность которых не находилась под абсолютным контролем церковной иерархии. Ярому антикоммунисту Пию XII не могло понравиться, например, такое высказывание Эдуардо Фрея, сделанное им в 1947 г.: «Мы осуждаем доктрину и тактику коммунистов. Но по сравнению с коммунизмом имеется нечто худшее – антикоммунизм» 27. Защищая деятельность фаланги, один из ее «духовных» вдохновителей, иезуит А. Уртадо, писал в 1947 г. в секретном меморандуме Пию XII: «Критика была болезненно воспринята этой группой искренних католиков, преданных церкви, идущих служить ей на социальном поприще, на котором почти одни они представляют ее. В некоторых своих практических действиях фаланга пошла дальше того, что было бы желательным, но ее члены тесно связаны с церковью; ее деятельность во многом снизила влияние последних левых правительств Чили и в то же время показала стране, что церковь связана не только с одной политической партией» 28.

Не располагая поддержкой Ватикана, находясь под постоянным давлением консервативной партии и местной церковной иерархии, обвинявших ее деятелей в симпатиях к коммунизму, вынужденная иногда выступать единым фронтом с партиями левого блока, Национальная фаланга почти в течение 20 лет занимала только четвертое или пятое место в таблице партийных группировок по получаемым на выборах голосам. Число ее депутатов в парламенте не превышало тогда нескольких человек. «В те годы в деятельности фаланги, – пишет Серхио Фернандес Ларраин, – наблюдались неуверенность и нерешительность. Любой политический вопрос, по которому у других партий имелась определенная точка зрения, заставлял руководство фаланги заседать ночами, с тем чтобы определить к нему свое отношение. Фаланга напоминала корабль, потерявший управление и плывший по воле волн в море, в котором господствовали левые силы» 20.

Национальная фаланга стала заметно укреплять свои позиции только в 50-е

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
годы, когда в стране образовались два крупных политических блока: с одной стороны, блок правых сил – консерваторов, либералов и правоцентристской партии радикалов, с другой – объединение прогрессивных партий – коммунистической, социалистической и прочих левых группировок.

В 1948 г. консервативная партия вновь раскололась, из нее выделилась Социально-христианская партия (СХП), образовавшая с Национальной фалангой Христианско-демократический фронт, представители которого в 1949 г. вошли в третий кабинет радикала Гонсалеса Виделы, ярого глашатая «холодной войны» в Чили. В 1953 г. они объединились в Социально-христианскую федерацию. Затем эта группировка образовала вместе с коммунистами, пребывавшими тогда на нелегальном положении, и социалистами Блок демократического оздоровления. Блок боролся за отмену репрессивного антикоммунистического законодательства Гонсалеса Виделы.

В 1957 г. СХП раскололась на две фракции: «синюю» и «красную». Первая вернулась в традиционную консервативную партию, вторая объединилась с фалангой в новую Христианско-демократическую партию, лидером которой стал Э. Фрей.

В этих условиях церковная иерархия, обеспокоенная развитием национально-освободительного движения, стала поддерживать «реформистскую» программу Христианско-демократической партии в надежде, что она сможет «предотвратить победу коммунизма», ибо, как отметил кардинал Рауль Сильва Энрикес, «если нынешние политические и социальные условия останутся без изменения, то Латинская Америка, несомненно, станет коммунистической» 30. Особенно активно поддерживали ХДП пезуиты, руководившие Католическим университетом и другими клерикальными высшими учебными заведениями, а также влиятельными журналами «Политика и эспириту» и «Менсахе». Кроме иезуитов-чилийцев, большую активность проявляли иезуиты-иностранцы из различных западноевропейских стран п США. Ведущую роль среди них играл бельгийский иезуит Роже Векеманс, одно время действовавший во франкистской Испании, прибывший в Чили в 1957 г. и подвизавшийся в роли духовного ментора ХДП. Он сконцентрировал в своих руках ряд влиятельных постов: директора Центра исследований и социального действия, руководителя Социологического института при Католическом университете, советника клерикальной профсоюзной ассоциации Чили и Союза христианских предпринимателей, преподавателя клерикальной профсоюзной школы в Сантьяго и т. п. 31

Иезуиты в Чили вели активную борьбу против коммунистической идеологии, хотя и не выступали против контактов католиков с коммунистами, если они были выгодны церкви. Иезуиты довольно резко критиковали традиционный консервативный католицизм за его союз с реакцией и выступления в защиту «старого порядка» 32.

Лидеры ХДП подчеркивали, что их партия намерена следовать политике западноевропейских демохристиан, с которыми они всемерно, развивали и укрепляли связи. По их инициативе было учреждено Латиноамериканское объединение клерикальных партий (ОДСА), которое вошло составной частью в международную организацию, объединяющую все прочие демохристианские партии. Таким образом, чилийские клерикалы достигли политической зрелости и определились как часть мирового клерикального движения. Это способствовало примирению с ними церковной иерархии и более тесному сотрудничеству последней с лидерами бывшей фаланги.

Выдвигая широковетательные реформистские лозунги, ХДП смогла объединить в своих рядах влиятельные круги национальной буржуазии, церковников, мелкобуржуазные слои – чиновников, лавочников, часть технической интеллигенции, студентов, народные низы.

Превратившись, таким образом, в респектабельную, с буржуазной точки зрения, партию, чилийские клерикалы стали всерьез подумывать о приходе к власти. На выборах 1958 г. они впервые выставили своего кандидата в президенты – лидера партии Э. Фрея. Борьба вокруг выдвижения его кандидатуры показала, что в демохристианской партии имелось несколько течений: правое, выступавшее за более тесное подчинение церковной иерархии и за открытую антикоммунистическую политику; левое, склонное к более тесному сотрудничеству с левыми силами, и центристское, лавирующее между правыми и левыми в своей собственной партии и смыкающееся то с теми, то с другими, смотря по обстоятельствам. Лидером центристского течения стал Эдуардо Фрей. На выборах 1958 г. ХДП получила 295 769 голосов, или 20,4% всех голосов избирателей. Собранные голоса свидетельствовали о том, что, выступая самостоятельно, демохристиане вряд ли могли рассчитывать на приход к власти. Положение изменилось с победой Кубинской революции 1959 г. Пытаясь затормозить развитие революционного процесса в Чили, буржуазия в согласии с американскими монополиями поддержала на выборах 1964 г. ХДП, в результате чего Эдуардо Фрей был избран президентом республики. Таким образом, Чили

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
стала первой страной в Латинской Америке, где к власти пришли демохристиане.

Католическая церковь располагала в то время весьма прочными позициями в стране. «Католическая церковь Чили, – указывал в Отчетном докладе XII съезду компартии ее Генеральный секретарь Луис Корвалан, – это крупный помещик. Она тесно связана с иностранным монополистическим капиталом. Церковь – это главный акционер Чилийского банка – органа, контролирующего наиболее крупные монополистические корпорации страны» 33. Пожалуй, ни в какой другой стране Латинской Америки церковь не оказывала такое большое влияние на просвещение, как в Чили: 22% начальных, 42% средних школ и 40% вузов находилось под ее контролем. Приход демохристиан к власти в 1964 г. еще более упрочил позиции церкви. 31

7 Очерки истории Чили, с. 99.

8 Мильяс О. Новые условия... с. 122.

9 Lloyd Mecham 7. Church and State in Latin America. Chapel Hill, 1934, p. 215.

10 Рамирес Некоча Э. История рабочего движения в Чили. М.: ИЛ, 1961, с. 151.

11 Там же, с. 220–221.

12 Lloyd Mecham 7. Church..., p. 216.

18 Лаферте Э. Жизнь коммуниста. М.: Госполитиздат, 1961, с. 84–85.

14 Хосефинос – участники католических рабочих кружков, которым, по утверждению церковников, покровительствовал св. Иосиф, по-испански Сан-Хосе.

15 Мильяс О. Новые условия..., с. 135.

16 Рекабаррен Л. Э. Избр. статьи и речи. М.: Политиздат, 1977, с. 34–35.

17 Recabarren L. E. Obras selectas. Santiago, 1972, p. 96–97.

18 Рекабаррен Л. Э. Избр. статьи и речи, с. 54.

19 Там же, с. 60–61.

20 Recabarren L. E. Obras selectas, p. 226–227.

21 Recabarren L. E. Obras. La Habana, 1976, p. 209–216.

22 Lloyd Mecham 7. Church..., p. 220.

23 Jobes J. C. Recabarren. Los or

24 Мильяс О. Новые условия идеологической борьбы коммунистов и католиков. – Проблемы мира и социализма, 1966, № 5, с. 128.

25 Корвалан Л. Нас ждут новые битвы. – Избр. статьи и речи. М.: Политиздат, 1978, с. 409.

26 Неруда П. Признаюсь: я жил: Воспоминания. М.: Политиздат, 1978, с.

428. Пабло Неруда во многих своих поэтических циклах критически отзывался о католическом духовенстве, выступавшем в союзе с колонизаторами и олигархами. Вместе с тем поэт положительно оценивал тех деятелей церкви, которые осуждали эксплуататоров, как об этом можно судить по его стихотворению, посвященному доминиканцу Бартоломе де Лас Касасу, противнику конкистадоров. Неруда был атеистом. В одной из своих статей он писал: «Священники с давних времен с помощью разных обрядов и на различных языках по кусочкам продают небо со всеми благами. Еще совсем ребенком я восстал против этого никогда не впадного царства... Если логически следовать учениям религии, то надо признать божественное происхождение разума, однако нельзя заставить разум верить в то, чего он не понимает. По-моему, учение о неисповедимости божественной воли представляет собой обман человеческого разума и проникнуто презрением к нему» (Наука и религия, 1960, № 8, с. 62).

27 Н

28 Magnet A. El padre Hurtado. Santiago, 1954, p. 314–315.

29 Fernandez Larrain S. Aspectos de la division del Partido Conservador. Santiago, 1950, p. 7–8.

30 Principos, 1964, N 99, p. 78.

31 Aurora, 1964, N 2, p. 108.

32 Millas O. Los comunistas, los cat

33 XII съезд Коммунистической партии Чили (Сантьяго, 13–18 марта 1962 г.). М.: Политиздат, 1963, с. 53–54.

Глава девятая

ПОД ЗНАКОМ ПАТРОНАТА (Аргентина)

В Аргентине преобладали реакционные режимы и военные диктатуры, правившие в
Страница 132

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
интересах олигархии и иностранного капитала. Исключение составил период 1916–1930 гг., когда у власти находились радикалы (члены Гражданского радикального союза), отражавшие интересы городской буржуазии и средних слоев. Однако и при радикальных правительствах власти преследовали рабочее движение.

Сотрудничество с тираном Росасом

Вскоре после падения Ривадавии в 1827 г. к власти пришел представитель крупных помещиков-скотоводов провинции Буэнос-Айрес Хуан Мануэль Ортис де Росас, установивший в стране кровавую диктатуру, длившуюся около 20 лет. В 1852 г. в результате гражданской войны Росас пал, была принята конституция, наделявшая правом голоса состоятельную часть населения. Консерваторы, стоявшие затем у власти свыше 50 лет, поощряли европейскую иммиграцию, «усмиряли» индейцев, способствовали национальной консолидации страны, развитию крупного землевладения, тесно сотрудничали с английским капиталом. Главная оппозиционная партия – радикалы – выступала за (всеобщее избирательное право. В 1890 г. возглавленное ими восстание было подавлено. Закон о всеобщем избирательном праве был принят только в 1916 г., что открыло радикалам путь к власти. В 1930 г. проамерикански настроенные военные свергли президента-радикала Иригойена и установили ультрареакционную диктатуру. Власть перешла в руки консерваторов. В 1943 г. бразды правления вновь захватили военные. Их ставленник генерал Перон находился у власти до 1955 г. С того времени военные группировки, тесно связанные с олигархией и иностранными монополиями, фактически контролируют политическую жизнь страны.

Аргентинской олигархии были свойственны резко выраженный национализм, пренебрежительное отношение к народным массам. Народ нуждается в палке – такова была простая формула власти, которой придерживались консерваторы. Этими соображениями определялось и их отношение к католической церкви: с одной стороны, они железно держались за патронат, с другой – стремились к политическому союзу с церковью, видя в ней полезного помощника в деле обуздания «примитивных инстинктов» народа. Церковная иерархия в свою очередь готова была служить олигархии, ибо только так могла заполучить себе определенные уступки и привилегии. Этот союз облегчался еще и тем, что церковные иерархии происходили, как правило, из той же олигархической среды, что и правители страны.

Клерикальный историк Хуан Карлос Суретти утверждает, что аргентинская церковь страдала на протяжении своей истории от двух зол – патронатского регализма и правителей-либералов (антиклерикалов) и старалась освободиться от них 1. Это верно, но в Аргентине церковь никогда не прибегала, как в Мексике, к вооруженной борьбе с государством. Более того, с регалистами она пыталась ладить, подчинялась им, выторговывая себе мелкие уступки. Старалась не обострять отношений и с либералами – антиклерикалами и масонами – и не потому, что была миролюбивой, а потому, что не имела для этого сил. Война за независимость и реформы Ривадавии ослабили, если не обескровили, церковь, подорвали ее авторитет. Буэнос-Айрес даже не был архиепископством и в административном отношении подчинялся архиепископу в Чаркасе (Боливия). В сельских местностях священники тоже не пользовались авторитетом.

Вот как описывал Доминго Ф. Сармьенто (1811–1888), выдающийся аргентинский просветитель и политический деятель, положение церкви в сельских районах страны в 20–40-х годах XIX в.: «Существует церковный приход, но перед алтарем нет слушателей, священник бежит из пустующей церкви или становится безнравственным от безделья и одиночества. Пороки, продажа церковных должностей, варварство проникают в его келью и превращают его моральное превосходство в честолюбие и стремление к богатству, в результате чего он часто в конце концов становится главарем банды». Религия, отмечал автор далее, в скотоводческих районах примитивна. Здесь «христианство существует, как и испанский язык, в виде постоянной традиции, но оно извращено, засорено грубыми суевериями, не носит на себе печати просвещения, культа и убеждений» 2.

Приход к власти тирана Росаса был встречен с облегчением партией «апостоликов», как называли тогда в Аргентине церковников и их сторонников. Они надеялись, что Росас в отличие от Ривадавии не станет их преследовать.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

Ватикан тоже быстро протянул руку дружбы тирану. Мариано Медрано, тайно назначенный Муци апостолическим викарием, в начале 1830 г. был возведен Пием VIII в сан епископа без епархии, а два года спустя получил от Григория XVI и титул епископа Буэнос-Айреса. Росас, прежде чем узаконить эти назначения, выработал нормы взаимоотношений с церковью, изложенные в документе под названием «Исправленный мемориал 1834 г.» (Memorial Ajustado de 1834). Эти нормы основывались на патронатском праве, которое, как отмечалось в мемориале, является составной частью суверенитета, воплощенного в народе. Нормы наделяли правительство правом подвергать цензуре папские документы, выдвигать кандидатов на церковные должности и бенефиции, устанавливать границы церковных округов. Епископы, вступая в должность, принимали присягу верности правительству, обязывались относиться лояльно к государству и признавать патронат 3. Этими нормами руководствовался не только Росас, но и другие правители Аргентины вплоть до Перона.

Росас беспощадно преследовал инакомыслящих, его правление отличалось произволом, жестокостями, самодурством. Приспешники тирана превозносили его «достоинства», сравнивали его с Христом, в церквах его изображение почиталось наравне с изображениями святых. Церковники пресмыкались и заискивали перед Росасом. Они сообщали полиции имена его врагов, услышанные на исповеди, оправдывали все его преступления, возносили молитвы в его честь. Епископ Медрано, отмечает Мечэм, выступал в роли слуги по отношению к этому феодальному властителю 4.

Росас разрешил деятельность монашеских орденов, отмененных Ривадавией, в том числе иезуитского ордена. Многие испанские монахи, изгнанные из своей страны после церковной реформы, нашли убежище в Аргентине. Вместе с тем диктатор, не отличавшийся набожностью, сурово наказывал всякого церковника, нарушавшего патронат, и, когда те же иезуиты проявили по отношению к нему строптивость, выслал их из страны. По указанию Росаса аргентинский юрист Далмасио Велес Сарсфильд написал трактат, обосновывающий права Аргентины на патронат и изданный в 1854 г.

Росас не поддерживал официальных отношений с папским престолом. Более того, когда Пий IX направил в 1851 г. своего представителя Луиджи Бесси в Буэнос-Айрес, Росас не признал его полномочий и Бесси был вынужден покинуть Аргентину. Диктатор ни разу не обращался непосредственно к папе римскому, но и не запрещал главе аргентинской церкви епископу Медрано, безропотно выполнявшему его волю, поддерживать связь с Римом. Такая позиция позволяла Росасу, с одной стороны, подчинять себе духовенство, а с другой – слыть правоверным католиком, признающим авторитет папы римского в духовных делах 5.

Противники Росаса, осуждая его союз с церковью, выступали в защиту принципа свободы совести. Именно с таких позиций трактовал взаимоотношения церкви и государства аргентинский революционный демократ Эстебан Эчеверрия (1805–1851) в своем трактате «Социалистическое учение Майской ассоциации» (1837). Эчеверрия осуждал использование Росасом религии для закабаления народа. «Тирапы, – писал Эчеверрия, – выковали из религии цепи для человека, и из этого возник нечистый союз власти и алтаря». Государство обязано не допускать нарушений церковниками морали и порядка 6. «Если, – заявлял он, – какая-либо религия или религиозный культ попытаются публично оскорбить общественную мораль и нарушить общественный порядок, то правительство должно активно противодействовать этому беззаконию и уничтожить их» 7. Эчеверрия выступал против объявления одной из религий господствующей: это «представляет несправедливость по отношению к равенству людей и посягает на него, поскольку господствующая религия провозглашает отлучение от общества тех, кто не исповедует ее веру, и лишает их естественных прав, не освобождая от социальных обязанностей. Принцип свободы совести несовместим с существованием государственной религии. Если государство признает свободу совести, оно не должно объявлять одну какую-либо религию господствующей и покровительствовать только ей. Все религии должны быть одинаково уважаемы и защищаемы, пока их мораль чиста и их культ не нарушает общественного порядка» 8.

Об обязанностях церковников Эчеверрия писал так: «Священник должен проповедовать терпимость, а не преследовать неверующих или тех, кто безразличен к религии. Принуждение порождает лицемеров, а не искренне верующих, разжигая в то же время фанатизм и войну... Миссия священника исключительно духовная; поэтому, вмешиваясь в мирские страсти и интересы, он подрывает и оскверняет святость своего дела и вызывает у людей презрение и ненависть вместо любви и почитания... Священники, будучи членами государства, находятся под его юрисдикцией и не могут образовать привилегированное сословие в данном обществе. Как и остальные граждане, они должны выполнять его повинности и обязанности, подчиняться его гражданским

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org и уголовным законам, его власти. Все люди равны, только заслуга и добродетель порождают превосходство» 9. Эчеверрия отвергал религию, которая не одобряет и не проповедует демократию 10.

Свержение Росаса привело к власти представителей буржуазии и олигархии, стремившихся укрепить национальное единство, установить парламентский режим, свободу печати, что должно было способствовать развитию капиталистических отношений. Вместе с тем новые правители Аргентины лишили политических прав неграмотных и женщин. В отношении церкви они придерживались линии Мемориала 1834 г. Это отразилось в конституции 1853 г., действовавшей без особых изменений почти столетие. Конституция указывала, что государство «поддерживает католическую церковь» – формула, вызывавшая разносторонние толкования. Некоторые считали, что она означает финансовую поддержку церкви, другие – что обязывает государство оказывать политическое покровительство католической церкви в ущерб другим культам и дает ей право содержать свои школы и т. д. Конституция подтверждала право государства на патронат со всеми вытекающими отсюда последствиями. В Аргентине провинциальные власти также считали себя наделенными правом патроната и согласно ему претендовали на контроль над церковью. Церковными вопросами в масштабе всей страны занималось созданное в 1856 г. министерство юстиции, культа и просвещения, а с 1898 г. – министерство иностранных дел и культа.

После свержения Росаса новые власти вступили в переговоры с Ватиканом о заключении конкордата, но они ни к чему не привели, ибо Ватикан отказывался официально признать принцип патроната, на чем настаивала Аргентина. Все же были установлены дипломатические отношения с Ватиканом, который в 1858 г. направил в Буэнос-Айрес апостолического делегата Марино Марини, а в 1865 г. Аргентина, наконец, дождалась возведения столичной епархии в ранг архиепископства, что превращало страну в самостоятельную церковную единицу.

Восстановление прежних позиций

Развитие капиталистических отношений в стране, приток европейских иммигрантов, повлекший быстрый рост численности населения, требовали создания современной системы школьного образования, что тормозилось засильем церковников.

Этот вопрос дебатировался в условиях, когда авторитет церкви при Пии IX был сильно подорван «Силлабусом» и I Ватиканским собором, принявшим догму о папской непогрешимости, а также утратой Ватиканом светской власти. Повсеместно в Западной Европе и в странах Латинской Америки побеждал светский принцип. Это не могло не оказать влияния и на правящие круги Аргентины, которые не признали ни «Силлабуса», ни решений I Ватиканского собора.

В 70-х годах обсуждался проект школьной реформы, создававшей систему светского просвещения. Соответствующий проект закона дебатировался в течение ряда лет в конгрессе. Церковники и их сторонники противились его принятию, ибо закон запрещал преподавание религии в федеральных школах. Большинство сенаторов проголосовало против принятия закона. Однако при повторном его обсуждении в 1884 г. закон № 1420 был все-таки одобрен. Клерикалы окрестили его «несчастливым законом» и призвали саботировать его проведение в жизнь. Некоторое время спустя церковные иерархи объявили, что верующие не вправе посылать своих детей в школы, руководимые протестантами. Когда апостолический делегат Марера поддержал церковных иерархов, правительство объявило его «нежелательным лицом» и выслало из страны. Отношения с Ватиканом возобновились только в 1900 г.

В 1888 г. было разрешено преподавать религию в школах после или до занятий детям, родители которых выражали на это согласие. В том же году был установлен гражданский брак как единственно законный с запрещением совершать до него религиозную брачную церемонию. Были созданы также гражданские кладбища, хотя церкви разрешалось иметь свои, но под муниципальным контролем.

Эти мероприятия известны в литературе под названием «аргентинский культуркампф», но, как и в Германии, он не означал враждебного отношения к религии со стороны властей. Они стремились лишь ограничить влияние церкви, но не уничтожить ее.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
Что же касается религии, то власти охотно признавали ее «полезность» для общества.

В конгрессе при обсуждении указанных выше законов их сторонники всячески подчеркивали свое уважение к церкви, религии. Их инициатор министр юстиции, культов и просвещения Эдуардо Вильде заверял, что «никто не хочет школ без бога, никто не хочет атеистических школ», и решительно утверждал: «Я говорил, что религия полезна, она полезна массам... полезна толпе». Депутат либералов Гальо уточнял, что «не может быть цивилизованного общества, которое бы не склонялось почтительно перед божественностью», и добавлял, чтобы быть правильно понятым: «Я не хочу подавления религиозного чувства в нашем народе». Другой либерал, Онесимо Легисамон, осуждал атеизм. Клерикалы со своей стороны требовали, следуя «Силлабусу», поставить народное образование под контроль церкви, а также «официального вмешательства епископов в воспитание молодежи». Т. Ачавал Родригес утверждал: ребенок, получивший образование в светском учебном заведении, станет опасным для общества – его не научили тому, что «есть высшие принципы, называемые принципами власти». На этих принципах зиждется «весь общественный порядок, весь политический строй и прогресс народов»¹¹.

Либералы доказывали, что для привлечения иностранных капиталов и выходцев из Европы следовало гарантировать «религиозную терпимость», иначе «закроются двери страны иммигрантам, чей приток необходим для возвеличивания нации», предупреждал Вильде. Другой сторонник принципа свободы совести, Сорилья, считал, что у Аргентины только два выбора: «Или оставаться исключительно католической и незаселенной, или заселенной и процветающей и проявляющей веротерпимость». Тот же самый довод приводил в дебатах по вопросу о гражданском браке министр просвещения Ф. Поссе в 1888 г.: «Увеличение иммиграции из Европы сделало очевидным необходимость изменить наши законы о браке»¹².

Борьба клерикализма и либерализма представляла собой конфликт между антагонистическими группами одного и того же класса. В Аргентине «религиозная война» была непродолжительной. Буржуазия, опасаясь народных волнений, отбрасывала бывшее вольнодумство и искала поддержки церкви. Буржуазные идеологи все чаще и упорнее доказывали, что религия «может быть могущественным союзником в деле покорения народных масс»¹³. В свою очередь католическая верхушка постепенно обуржуазивалась, испытывая растущий страх перед пролетариатом.

Народные выступления 1890 г., руководимые радикалами, в поддержку демократических реформ, зарождение первых марксистских кружков, рост социалистических и анархистских организаций – все это беспокоило правящие круги Аргентины, сблизило их с церковниками и клерикалами, активизировавшими свою общественную деятельность. В 1883 г. возникла Католическо-скал ассоциация, которая год спустя насчитывала уже 10 тыс. членов и 61 отделение.

Изданная в 1891 г. Львом XIII энциклика «Рерум новарум» получила в Аргентине в отличие от других латиноамериканских стран большое распространение и была встречена предпринимателями и властями с пониманием. В одной из лекций, прочитанной в октябре 1895 г., Эрнесто Кесада, представитель столичной элиты, говорил о важности распространения энциклики среди «представителей класса собственников» в связи с тем, что в столице уже заметно рабочее движение. Он предупреждал: «Мы находимся накануне рождения аргентинского социалистического движения, поэтому необходимо знать, по какому пути пытается направить его католическая церковь». Кесада выразил несогласие с «коллективным» разрешением рабочей проблемы в духе Маркса и, напротив, приветствовал появление социальной энциклики, «чье решение проблемы должно удовлетворить либеральных доктринеров, ибо этот документ отвергает чрезмерное вмешательство государства и энергично настаивает на создании рабочих корпораций, приспособленных к нуждам века и к борьбе за жизнь. Самые известные либеральные мыслители не приходят к другому решению проблемы». Кесада призывал своих современников довериться церкви руководство рабочим движением, нока еще не поздно.

В это же время немецкий священник Ф. Гротте (1833–1940), действуя по указанию епископата, создает в Буэнос-Айресе католические рабочие кружки «с целью, – как утверждал он, – защиты и содействия развитию материального и духовного благополучия рабочего класса, чтобы тем самым воздвигнуть препятствие губительной пропаганде социализма и безбожья»¹⁴.

С этой же целью возникают такие клерикальные организации, как Христианско-демократическая лига, руководимая священником Ф. Гротте, Социальная лига Аргентины во главе с католическим лидером Э. Ламаркой – копия немецкого «Вольксферайна», Дом женщины-труженицы, возглавляемый прелатом Мигелем де Андреа, и др. Вся их деятельность была направлена (если судить по декларациям) на создание «нового католического социального

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

порядка», хотя эти движения и партии социально-христианского толка, существовавшие с начала нашего века до конца 20-х годов, стремились не столько создать новый, сколько сохранить старый социальный строй. Это особенно четко проявилось в 1912 г., когда был принят закон о всеобщем избирательном праве, против которого резко возражали клерикалы. В конце концов все эти католические движения потерпят неудачу. И олигархия, и трудящиеся отнеслись к ним с недоверием. Социальная демагогия, впрочем, весьма умеренная, отпугивала от них богачей. Священник Гроте впоследствии с горечью вспоминал, что богачи считали его социалистом. Рабочие же и подавно не желали идти в ризницы «в поисках избавления. Они были сыты по горло обещаниями «вечного блаженства» и призывами к покорности и терпению, которыми их «кормили» католические социальные реформаторы. С окончанием первой мировой войны в Аргентине резко обостряются классовые противоречия. В стране растут забастовки. Трудящиеся требуют повышения зарплаты. В 1916 г. произошло 80 забастовок, в них участвовали 24,3 тыс. рабочих, в 1919 г. – 367 забастовок с числом участников уже 389 тыс. 15 января 1919 г. от репрессий властей погибло около 2 тыс. рабочих, 4 тыс. были брошены в тюрьмы. В том же году возникла Коммунистическая партия Аргентины, а в Кордобе началось революционное движение за университетскую реформу, вскоре охватившее все университетские центры стран Латинской Америки. Сторонники реформы требовали изгнания из университетов реакционных профессоров, схоластов и клерикалов, участия студентов в университетском управлении, доступа в высшие учебные заведения для неимущих слоев населения, предоставления университетам автономии от властей, которые, как правило, придерживались клерикальных взглядов в области образования. Правительство Аргентины было вынуждено удовлетворить значительную часть требований студентов. Победа реформистского движения означала сильный удар по позициям церкви. Хотя и лишённые своих многих прежних позиций, церковники не теряли надежды восстановить их. Они рассчитывали на поддержку оппозиционной консервативной партии, в рядах которой сконцентрировались наиболее реакционные представители олигархии. Церковная иерархия с особым рвением осуждала коммунизм и Советский Союз в надежде, что это поднимет ее акции в правящих кругах страны. Ее поддерживал Ватикан, начинавший свой флирт с фашистами в Италии. Когда в 1923 г. аргентинское правительство предложило папскому престолу назначить архиепископом Буэнос-Айреса прелата Мигеля Де Андреа, выступавшего с социальной проповедью в духе энциклики Льва XIII «Рерум новарум», то папа Пий XI ответил отказом. Для него, как и для большинства церковников Аргентины, Де Андреа представлялся чуть ли не пособником коммунистов. Впоследствии Де Андреа писал: «Мы утверждали: „Решитесь начать эволюцию (в социальном вопросе), если не хотите, чтобы вас подмяла революция!“. Но такие утверждения не прошли для нас безнаказанно. Нам отомстили. Нас преследовали и нас низвергли» 16.

В 1930 г. правительство радикалов было свергнуто военными во главе с профашистски настроенным генералом Урибуру, установившим в стране режим антинародного террора. С особой жестокостью Урибуру преследовал коммунистов, классовые профсоюзы. Церковники приветствовали переворот Урибуру, некоторые их доверенные лица вошли в правительство мятежников, а также в правительство генерала Хусто, пришедшего к власти после смерти Урибуру.

В 1931 г. создается аргентинское «Католическое действие», ее руководство особенно рьяно проводит различные антикомму-мистические и антисоветские кампании, достигающие своего апогея в 1934 г., когда в Буэнос-Айресе проводился международный евхаристический конгресс с участием тогдашнего статс-секретаря Ватикана кардинала Эудженио Печелли, будущего папы Пия XII. В годы гражданской войны в Испании аргентинское духовенство поддерживало франко.

В 30-е годы благодаря покровительству властей и правящих кругов церковь смогла значительно укрепить свои позиции. В 1940 г. число членов «Католического действия» достигло 80 тыс., значительно расширилась сеть частных учебных заведений, руководимых церковниками, они стали издавать свои газеты и журналы, приобрели влияние на радио.

С началом второй мировой войны коммунистическая партия Аргентины, учитывая, что фашизм и нацизм в равной степени угрожают поработением как трудящимся массам, так и верующим, выступила с призывом к католикам объединиться в Национальный антифашистский фронт. Об этом говорил в своем выступлении на X съезде КП А в 1941 г. председатель партии Викторио Кодовилья. Среди католиков есть люди, которые с симпатией относятся к фашизму, но они составляют меньшинство, отмечал Кодовилья. Огромное большинство католиков – честные патриоты, они могут и должны вместе со всеми гражданами объединиться в могучий национальный фронт борьбы против гитлеризма. Ведь

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org там, где ступает нога нацистского захватчика, католики становятся жертвой издевательств и преследований. Идеология фашизма превозносит и проповедует зоологическую ненависть к людям и целым народам, которых фашизм считает низшей расой. Истинные христиане вместе со всем цивилизованным миром выражают протест и возмущение неслыханными преступлениями нацистов против народов, отстаивающих свободу и независимость своей родины. Вместе с католиками всего мира большинство католиков Аргентины глубоко потрясено этими преступными актами, вызывающими у каждого верующего ненависть и отвращение к гитлеровцам.

Нужно искренне искать путь сближения с католиками, говорил Кодовилья, уважать их религиозные воззрения и добиваться того, чтобы их чувства возмущения преступлениями фашизма стали активным фактором в совместной борьбе против гитлеровской Германии и союзников. «Следовательно, – указывал председатель КПА, – мы должны стремиться привлечь католиков к движению национального единства для защиты родины, для защиты Америки от агрессии со стороны держав «оси», для оказания помощи и поддержки СССР, Англии и всем народам, борющимся против нацистской агрессии, а также для борьбы против фашистских элементов в нашей стране. Мы, коммунисты, как никто другой, можем и должны успешно выполнить эту задачу. И в этом нет ничего парадоксального. Между коммунистами и католиками не существует таких различий, которые мешали бы им идти в одном строю».

Кодовилья напомнил, что в Буэнос-Айресе и провинциях работают тысячи женщин-католичек, энтузиазм которых в деле оказания помощи Советскому Союзу так же высок, как и у женщин-коммунисток и женщин, принадлежащих к другим политическим течениям. Если бы коммунисты и все антифашисты отбросили всякого рода сектантские взгляды в отношении католиков и прочих верующих, то вклад этой части населения в дело борьбы против фашизма был бы еще более весомым.

«Мы, – говорил Кодовилья, – не только можем и должны вместе с католиками бороться за улучшение условий жизни в экономической, социальной и культурной областях, чего требует рабочий класс и весь народ, но также можем и должны добиваться согласованного и постоянного единства действий с ними для успешного осуществления общей задачи, стоящей перед всеми цивилизованными нациями в данный момент, – разгрома фашизма в национальном и международном масштабе».

Задачей всех коммунистов и всех антифашистов, считал Кодовилья, должно быть стремление установить контакты с католическими рабочими и другими организациями, в том числе с молодежными и женскими, развивать искренние отношения с их руководителями и активно вовлекать католические массы в общий фронт борьбы против гитлеризма. На первый план необходимо выдвигать те пункты и вопросы, по которым мнение коммунистов совпадает с мнением католиков. Нет смысла дискутировать с католиками о путях достижения прочного счастья для человечества. Вместе с тем, утверждал Кодовилья, коммунисты должны договориться с ними о совместной борьбе против господства нацистов как в Аргентине, так и во всем мире, чтобы здесь, на земле, добиться счастья, а это вполне возможно, о чем свидетельствуют благополучие и счастье, которых достигли народы Советского Союза благодаря строительству социализма 17.

Перон: от союза к конфликту

В 1943 г. в стране произошел новый военный переворот, совершенный заговорщицкой офицерской организацией ГОУ (Группы объединенных офицеров), среди участников которой весьма сильны были фашистские симпатии. Захватив власть и надеясь заручиться поддержкой церкви и тем самым укрепить свои позиции, новые правители в первом же публичном заявлении обещали «вернуть христианскую доктрину в школьные помещения» 18. Вслед за этим министром юстиции и просвещения был назначен известный католический деятель Густаво Мартинес Сувирия, а президентом Национального совета просвещения – его единомышленник Хосе И. Ольмедо. Многие другие католические активисты стали сотрудничать с новыми властями. Военное правительство между тем развязало террор против демократических организации, загнало коммунистов в подполье, бросило в тюрьму Кодовилью и других рабочих деятелей.

Став министром, Мартинес Сувирия провел чистку университетов и других учебных заведений от демократически настроенных преподавателей, на места

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org которых назначались реакционеры и клерикалы. Министр просвещения подверг чистке также Национальную, университетские и школьные библиотеки. Книги, включенные в папский «Индекс», из библиотек изымались и уничтожались. Мартинес Сувирия ввел в государственных школах обязательное преподавание религии, запрещенное законом № 1420 от 1884 г. Эти мероприятия укрепили позиции церкви, которая с энтузиазмом поддерживала военную диктатуру. «Сильный» человек нового режима, тогда еще полковник Хуан Д. Перон, всемерно афишировал себя как последователя христианских социальных доктрин. Выдвинув свою кандидатуру в президенты, Перон обещал проводить политику, соответствующую энцикликам последних пап¹⁹. Епископат охотно пошел на союз с Пероном. В обращении к верующим от 15 ноября 1945 г. епископы призвали поддержать Перона на президентских выборах. Став президентом, Перон продолжал укреплять союз с церковью. В 1947 г. он отменил закон № 1420, легализовав преподавание религии в начальных и средних учебных заведениях, введенное президентом Рамиресом в 1944 г. Согласно новому закону № 12 978, преподавание религии превращалось в обычный школьный предмет. Для детей верующих других культов вводилось преподавание принципов морали. Учителя закона божьего назначались, а учителя подбирались с одобрения церковных инстанций. Перон организовал в министерстве просвещения управление религиозного преподавания и управление инспекции по религиозному воспитанию, которые стали осуществлять идеологический контроль над всей системой образования в Аргентине. По закону № 12 978 государство обязалось субсидировать частные учебные заведения, руководимые церковью. В 1955 г. в Аргентине насчитывалось 900 частных католических школ, число учащихся в которых превышало 275 тыс. Таким образом, впервые после завоевания независимости церковь в Аргентине получила возможность официально влиять на учебный процесс. Церковная иерархия в лице кардиналов Ко-пельо и Каджиано выразила Перону свою признательность за этот акт. Укрепляя союз с церковью, Перон включил священников в качестве «духовных ассистентов» во все руководящие органы перонистской партии и зависящих от нее организаций. Деятельность Перона, выдававшего себя за «раба христианской доктрины», воспринималась в Ватикане с большим удовлетворением. Папа Пий XII не скупился на комплименты в его адрес. По свидетельству священника Э. Бенитеса, посетившего Пия XII в 1947 г., папа римский хвалил Перона за то, что он положил конец «светской и атеистической эре в истории Аргентины, длившейся 60 лет, и спас страну от коммунизма»²⁰. В 1949 г. была принята новая перонистская конституция. Она устанавливала, что президентом и вице-президентом республики могли быть только католики, государству вменялось в обязанность оказывать материальную поддержку церкви. Вместе с тем конституция вновь подтверждала одно из основных положений патроната, а именно право государства на признание или отклонение папских документов. Параграф 9 ст. 83 новой конституции был так сформулирован: «Президент республики с согласия Верховного суда республики признает или принимает к сведению решения церковных соборов, буллы, обращения и постановления Верховного первосвященника (т. е. папы римского. – И Л), и если таковые содержат общие и постоянные установления, то президент вправе потребовать их признания в законодательном порядке». Сотрудничество перонистского режима с католической церковью ничем не омрачалось вплоть до 1954 г., когда неожиданно между ними произошел конфликт, самый острый во взаимоотношениях церкви и государства в истории Аргентины. Согласно клерикальным источникам, конфликт будто бы начался с разногласий по поводу закона о разводе. Церковная иерархия заявила протест против этого закона. В действительности же причины конфликта лежали глубже. В 50-е годы политическое положение Перона постоянно ухудшалось. В государственном аппарате царили взяточничество, хаос и неразбериха. Валютные резервы иссякли. Дороговижна росла. В армии, в контролируемых перонистами профсоюзах и даже в самой перонистской партии росло недовольство политикой правительства. В условиях всеобщего брожения множились антиправительственные заговоры. Падение перонистского режима становилось неизбежным. Такая перспектива заставила церковь пересмотреть свое отношение к Перону. Церковь отнюдь не намеревалась идти вместе с ним ко дну. Для сохранения своих позиций она пыталась сманеврировать так, чтобы к моменту падения Перона оказаться в стане победителей. С этой целью церковная иерархия в 1953 г. начала формировать христианскую демократическую партию – явно в противовес перонистской партии – и выдвинула лозунг «христианизации» перонистских профсоюзов. Клерикальная партия (вернее, ее зародыш) быстро

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org стала средоточием реакционных сил, ранее поддерживавших Перона, а теперь пытавшихся от него освободиться посредством военного переворота, чтобы предотвратить образование широкого демократического фронта, способного реализовать глубокие социальные преобразования.

Перон разгадал, какую опасность представляет для него нарождающаяся клерикальная партия, и спешно провел закон о разводе, протесты против которого со стороны церкви дали ему желанный повод развязать против нее «войну». Конфликт с клерикалами имел для Перона еще и то преимущество, что предоставлял возможность отвлечь внимание широких масс от решения насущных вопросов.

Обвинив церковников в том, что они тайно готовят против него заговор, Перон лишил их всех преимуществ и привилегий, которыми они пользовались, будучи его союзниками. Он запретил преподавание религии в школах, изгнал оттуда священников, прекратил выдачу субсидий церковной иерархии и конфессиональным учебным заведениям, изгнал «духовных ассистентов» из перонистской партии и профсоюзов, провел через парламент закон о разводе и, наконец, отделил церковь от государства. В ответ на протесты духовенства Перон стал сажать в тюрьму и ссылая священников; закрыл клерикальную газету «Эль пуэбло» и продал ее имущество с молотка, разогнал организации «Католического действия», запретил церковные процессии и религиозные передачи по радио, приказал убрать распятия из правительственных учреждений и профсоюзов, лишил дотации католические школы, пригрозил обложить налогом в 14 млн. долларов церковную собственность, конфисковать дворец архиепископа и кафедральный собор и даже создать национальную христианскую церковь, независимую от Рима. Перонисты по приказу своего шефа организовали в Буэнос-Айресе нападения на церкви, многие из них были разграблены и подожжены. Ватикан, разумеется, был крайне недоволен этими действиями своего недавнего союзника и единомышленника. Пий XII отлучил всех лиц, повинных в антицерковных актах, но на разрыв дипломатических отношений ни одна из сторон не решилась.

Развязанный Пероном «культуркампф» не укрепил его положение, наоборот, он ускорил его падение. Комментируя в январе 1955 г. конфликт Перона с церковью, орган римской курии «Чи-вильта католика» писал, что события в Аргентине «незаметно подготавливают более подходящую почву для развития коммунизма, сторонники которого не спят, а готовятся и ищут подходящий момент для выступления» 21. Но выступили вовсе не коммунисты, а силы аргентинской реакции. Их ставленники в армии подняли мятеж и вынудили Перона уйти с поста президента.

Уже после своего свержения Перон объяснял причины конфликта с церковью тем, что религиозное обучение в школах было использовано ею в качестве орудия политической борьбы в интересах христианско-демократической партии. Церковники и их сторонники, утверждал Перон, жестоко преследовали детей, которые не посещали религиозных занятий, не проявляли энтузиазма к посещению богослужений и не обнаруживали особого желания вступить в соответствующие религиозные ассоциации 22.

К новым рубежам

Пришедшее на смену Перону военное правительство отменило антицерковные мероприятия, в том числе закон о разводе. Вновь в школах было разрешено преподавание религии, церковь получила возможность учреждать университеты с правом выдачи полноценных дипломов. Но патронат так и не был отменен и существует по сей день.

Политическое положение Аргентины с падением Перона продолжало оставаться сложным. Военные группировки сменяли друг друга у власти, не решая основных социально-экономических проблем. В стране продолжали господствовать крупные капиталисты в союзе с иностранными монополиями. Широкие массы населения решительно высказывались за осуществление коренных социальных преобразований. Такие настроения росли и среди католических активистов. После свержения Перона компартия продолжала призывать католиков к совместной борьбе за свободу и независимость родины. Один из руководителей компартии, Родольфо Гиольди, писал в 1955 г., что «католики (и верующие вообще) должны действовать сообща с атеистами – как это уже неоднократно случалось – во имя общей цели. Все они должны давать отпор политическим провокациям, с помощью которых пытаются подменить подлинную проблему, т. е.

проблему совместной борьбы против врагов нашей национальной независимости, мира и демократии, ложной проблемой гражданской войны между католиками и неверующими. Тактика корпоративно-фашистской реакции, империалистических монополий и поджигателей войны состоит в том, чтобы внести раскол в лагерь борцов с империализмом, демократов, сторонников мира и общественного благополучия и, играя на религиозных чувствах верующих, вызвать разногласия в рядах патриотов. Коммунисты протягивают католикам свою братскую руку. Мы заявляем, что это не временная политика».

Такая позиция коммунистической партии, настаивал Р. Гиольди, имеет огромное значение для самых различных сфер жизни аргентинского общества, поскольку католики представляют значительную силу в области культуры, производства и науки. Как неверующий, так и католик понимают, что политика господствующих классов ведет к постепенному захвату крупными монополиями ключевых позиций всей аргентинской экономики, что кризис жестоко бьет по интересам рабочих, крестьян, ремесленников и специалистов независимо от их религиозных убеждений, что отсутствие политических свобод и постоянное состояние войны внутри страны в одинаковой мере затрагивают интересы всех слоев населения. Вот те главные отправные пункты, на основе которых можно добиться единства действий неверующих и католиков. Кроме того, целесообразность такого единства действий подтверждает даже такой факт, как совместное заключение неверующих и католиков в тюрьмах страны. Нет необходимости доказывать, что лучше добиваться единства действий за пределами тюремных застенков. Единство действий не препятствие к диалогу, оно ни в коей мере не исключает его. Взаимное доверие позволит провести полезный диалог и отбросить имеющиеся недоразумения или непонимание, основанные на предубеждении и неосведомленности.

Общество, указывал Р. Гиольди, в котором живут католики, как и не католики, разделено на социальные классы, и влияние этого обстоятельства на мировоззрение и чувства католиков несомненно. Поэтому естественно, что одни католики защищают крупную земельную собственность, тогда как другие борются за аграрную реформу; одни призывают к развязыванию новой мировой войны, другие последовательно защищают дело мира; одни поддерживают фашистские режимы, другие даже жертвуют собой во имя защиты демократии.

Горький опыт должен помочь рядовым католикам выбрать свой подлинный путь, писал автор. Они должны понять, что единство всех демократов – неверующих и верующих – подлинная гарантия победы. Коммунисты, последовательные защитники свободы совести, предлагают католикам проявить свою добрую волю и братскую боевую решимость.

Мы повторяем, настаивал Р. Гиольди, что разногласия вообще и в частности разногласия по религиозным мотивам играют на руку врагам народа. Вот почему прежде всего нужно отбросить то, что нас разъединяет, и беречь то, что объединяет, и не допускать распространения идей, которые прямо или косвенно могут привести к расколу.

Нельзя делить население Аргентины на светскую и не светскую часть.

Социально-политическая жизнь страны определяется стремлениями подавляющего большинства народа к миру, демократии, национальной независимости и благополучию и политической реакции и войны, проводимой меньшинством, которое состоит из агентов империализма и олигархии. Это вызывает необходимость единства действий атеистов и католиков, добивающихся счастья для народа и свободы для родины. К единству побуждает и то обстоятельство, что при господстве империализма и попыток создания корпоративно-фашистского режима не допускаются ни политические свободы, ни свободы религии.

«Стране угрожает огромная опасность, – заканчивал свое выступление Р. Гиольди, – мы не допустим, чтобы оголтелый империализм навязал демократическому лагерю раскольническую политику, и будем неустанно вести борьбу за создание национального демократического фронта, ибо мы прекрасно осознаем важность единства действий католиков и не католиков для организации и упрочения этого фронта» 23.

Эти призывы коммунистов к католикам не находили среди них широкого отклика. Церковная иерархия продолжала сотрудничать с военными режимами. Возникшая после свержения Лерона демохристианская партия так и не смогла превратиться во влиятельную политическую силу, наподобие чилийской или венесуэльской. Народные массы не верили в способность клерикалов существенно изменить социальную картину страны, ограничить влияние крупного капитала, хотя демохристиане не скупались на такого рода обещания.

Военные режимы оказались неспособными вывести страну на путь прогресса и экономического благосостояния. Слепленные антикоммунизмом, тесно связанные с олигархией, иностранными монополиями, Пентагоном, военные управляли Аргентиной в интересах кучки миллиардеров. Попытки перейти к гражданскому правительству завершались новыми военными переворотами. В этих условиях перонизм продолжал сохранять свое влияние на массы, что впоследствии вновь

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org привело Перона к власти. Он умер в президентском кресле. Его сменила на этом посту его жена Мария Эстевес, правление которой закончилось новым военным переворотом.

Эти события, а также изменения в ориентации католической церкви, наступившие после II Ватиканского собора, заставили католиков и священников пересмотреть свои традиционные взгляды на аргентинскую действительность. Теперь многие из них участвуют совместно с коммунистами и другими демократами в борьбе за прогрессивные социальные преобразования.

1 Zuretti 7.

2 Прогрессивные мыслители Латинской Америки. М.: Мысль, 1965, с. 136.

3 Lloyd Mecham 7. Church and State in Latin America. Chapel Hill, 1934, p. 231.

4 Ibid., p. 232.

5 Tonda A. La Iglesia Argentina incomunicada con Roma (1810

6 Прогрессивные мыслители Латинской Америки, с. 57.

7 Velez Sarsfield D. Relaciones del Estado con la Iglesia. Buenos Aires, 1919. Этот трактат президент Авельянеда (1874–1880) назвал в 1875 г.

«Учебником правителей», следуя которому Аргентина могла избежать конфликтов с церковью, характерных для других латиноамериканских республик (Ibid., p. 22).

8 прогрессивные мыслители Латинской Америки, с. 57–58.

9 Там же, с. 58–59.

10 Salceda 7. A. Actualidad del Dogma de Mayo. Buenos Aires, 1963, p. 40.

11 Bruno C. El derecho publico de la Iglesia en la Argentina. Buenos Aires, 1956, v. II, p. 311.

12 Tomaso A. de. El Estado y la Iglesia. Buenos Aires, 1925, p. 38.

13 Rosales 7. Los cristianos, los marxistas y la revoluci

14 Ibid., p. 265, 266.

15 Ревуненков В. Г. История стран Латинской Америки в новейшее время. М.: Высшая школа, 1963, с. 33.

16 Rosales 7. Los Cristianos..., p. 282.

17 Кодовилья В. Избр. статьи и речи. М.: Политиздат, 1970, с. 83–94.

18 Casiello 7. Iglesia y el Estado en la Argentina. Buenos Aires, 1948, p. 333.

19 Garcia de Loydi P. La Iglesia frente al peronismo. Buenos Aires, 1956, p. 109.

20 Marsal P. Per

21 Ibid.

22 Per

23 Гильоди Р. Избр. статьи и речи. М.: Политиздат, 1974, с. 232–244.

Глава десятая ПРОТИВ

ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ (Куба)

Деятельность католической церкви на Кубе в XIX в. развивалась несколько обособленно от других стран Латинской Америки. Это объясняется не столько островным положением страны, сколько тем обстоятельством, что Куба продолжала оставаться на протяжении всего XIX в. колонией Испании и что почти все это время там сохранялось рабство, а с крушением испанского колониализма ему на смену пришел американский империализм. Таким образом, в то время как испанские колонии давно обрели независимость, а рабы – свободу, с чем смирились слуги божьи и папы римские, на Кубе церковь и Ватикан продолжали поддерживать испанский колониализм и рабовладельческую систему.

Католическая церковь на Кубе появилась вместе с приходом испанских колонизаторов, однако в отличие от континентальной Америки она не смогла пустить здесь глубокие корни. Церковников влекли более богатые районы Америки. Когда же в XIX в. остров стал богатеть на производстве сахара и превратился в антильскую жемчужину испанской короны, церковь в Испании уже утратила свое былое влияние, ее не прельщали заморские авантюры. Первое епископство было учреждено на Кубе в 1518 г. в городе Сантьяго. В 1788 г. в Гаване учреждается вторая кубинская епархия, а 16 лет спустя назначается первый архиепископ в Сантьяго. До этого кубинская церковь зависела от архиепископа Мексики, а в XVIII в. – от архиепископа Санто-Доминго. На колониальную Кубу распространялась юрисдикция трибунала инквизиции, действовавшего с 1610 г. в Картахене (вице-королевство Новая Гранада, современная Колумбия).

Таким образом, на протяжении большей части колониального периода Куба в церковном отношении была своего рода провинцией, находившейся на значительном расстоянии даже от местных высших церковных властей. В XVI–XVII вв. остров считался беспокойным и опасным местом, часто подвергавшимся набегам пиратов, и по сравнению с такими богатыми золотом и серебром областями, как Перу или Мексика, недоходным. Именно сюда, на Кубу, устремлялись церковники, разыскиваемые властями за различные преступления, попы-расстриги и пр.¹

Клир на Кубе походил, по словам кубинского автора Хосе Фигераса, на «широкую торговую организацию», принимал участие в работоторговле, контрабанде, во всякого рода законных и незаконных спекуляциях, беспокоясь в первую очередь о своем собственном обогащении, а только потом о благоденствии своих прихожан. Церковники, пишет Х. Фигерас, являлись «энергичными и действенными союзниками испанского деспотизма»². Служители культа отличались буйным нравом, случалось, что неугодных епископов отравляли. По словам кубинского просветителя первой половины XIX в. Доминго дель Монте, «только некоторые из служителей церкви верят в бога, да и те полны предрассудков, невежества, продажны... Как правило, служители культа аморальны, не испытывают энтузиазма к своей миссии, недостойны входить в храм, ибо посещают его только с целью профанировать его»³. Духовенство в XVII–XVIII вв. владело сахарными, табачными плантациями, рабами, получало земельную собственность в дар от верующих. Церкви в Гаване строились в основном на доходы от десятины, которую выплачивали церковникам табаководы.

В 1837 г. на Кубе было 359 служителей культа, доходы которых превышали 1 млн песо в год. Епископ Гаваны получал годовую ренту 80 тыс. песо⁴.

В 1860 г. кубинский епархиальный собор постановил, чтобы рабы при высадке на остров подвергались крещению. «Бог, наш господь, – говорится в одном из решений собора, – осчастливил негров босалес (не говоривших еще по-испански. – И. Г.) и тем, что доставил их на этот остров, где они будут жить среди христиан. Для этих негров наивысшее счастье – принять святое крещение».

Собор предписал рабовладельцам воспитывать у рабов послушание к властям и уважение к священникам, но в то же время запретил посвящать негров, мулатов и метисов в священники или монахи, а неграм иметь какое-либо отношение к церковной службе. Впервые в истории Кубы негр получил сан священника лишь в 1942 г.

После крещения церковники переставали интересоваться душами рабов. Раб должен был трудиться на своего хозяина, а не предаваться молитвам. Свободных негров, мулатов и метисов не принимали в школы, которые в колониальный период находились под контролем церкви. В уставе колледжа Сан-Карлос, написанном в 1769 г. епископом Эчевеерией, было сказано, что к учебе не допускаются негры, мулаты или метисы «даже в случае, если этот недостаток покрывается многими добродетелями и невзирая на какие-либо соображения семейного положения, интересы просвещения, уважение и пользу, ибо все это вместе взятое означает меньше, чем авторитет, благородство и доброе имя колледжа».

С начала XIX в. на Кубе нарастает и ширится мощное народное движение за независимость. В это движение постепенно вливаются все слои кубинского общества – от помещиков до негров рабов.

Борцы за свободу Кубы были и первыми борцами за отмену работоторговли и рабства. Мануэль де Сеспедес, организатор борьбы за независимость и первый президент Свободной Кубы, освободил своих рабов в 1868 г.

Иначе относились к рабству испанские власти. Рабовладельческий строй, отмечает кубинский историк Рамиро Герра, считался одной из гарантий против революции. Требование ограничить рабство или отменить его расценивалось колонизаторами как подрыв испанской власти. Представители местного населения, осуждавшие рабство, отождествлялись властями со сторонниками

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org независимости и подвергались преследованиям⁵. Служители церкви оправдывали эту политику колонизаторов.

Испанские церковники на Кубе всегда находились в числе тех, кто громче всех призывал к расправе с патриотами. В 1816 г. Эстебан Мануэль де Элосуа, почетный апостолический инквизитор трибунала Картахены и комиссар инквизиции в Гаване, потребовал установить в этом городе инквизиционный трибунал для Кубы, Пуэрто-Рико и Юкатана. По приказу Элосуа неоднократно сжигались «крамольные» книги. В одном из своих донесений он сообщал, что в Гаване был тайно отпечатан «Общественный договор» Руссо и что масоны и другие «извращенные» люди безнаказанно распространяли свои «преступные» идеи. Элосуа настаивал на жестких мерах против этих «крамольников»⁶. Попытки кубинских патриотов вовлечь церковников в борьбу против колонизаторов, призывы к их совести и христианскому долгу не давали ощутимых результатов. В период войны за независимость испанских колоний Америки (1810–1926) Куба стала местом, где находили пристанище бежавшие от патриотов контрреволюционные служители культа из других колоний. Их выступления против сторонников независимости оказывали немалую помощь колонизаторам на территории самой Кубы.

Куба и церковный вопрос в Испании

В XIX в. положение церкви на Кубе в значительной степени зависело от ее судеб в самой Испании. Кадисские кортесы осудили старую, феодальную Испанию. Возрождая древние права и привилегии городов и провинций, они, по словам К. Маркса, делали это в духе французской революции, приспособляя их к нуждам нового общества⁷. В вопросах религии кортесы действовали очень осмотрительно. Конституция, одобренная ими в 1812 г., объявляла законной только одну религию – католическую. Статья 12 конституции гласила: «Религия испанского народа есть и всегда будет католическая, апостольская и римская, единственно истинная религия. Нация охраняет ее мудрыми правами, законами и воспрещает исповедание какой-либо другой религии»⁸. Еще раньше, в августе 1811 г., кортесы приняли декрет, по которому всякий, пытавшийся отвратить испанский народ от католической веры, объявлялся изменником и наказывался смертной казнью, а свобода печати не распространялась на религию. Духовная цензура таким образом не отменялась. Такая позиция кортесов должна была удовлетворить партию «раблепных» – сторонников Фердинанда VII. Но после принятия конституции 1812 г. либералы (а их было большинство в кортесах) осмелели и перешли к более решительным действиям против главной опоры «раблепных» – церкви. В феврале 1813 г. кортесы одобрили закон об отмене инквизиции и ряда церковных налогов, что вызвало бурю негодования среди «раблепных», обвинявших либералов в атеизме, масонстве и якобинстве. В ответ кортесы выслали из страны нунция и нескольких епископов.

С возвращением Фердинанда VII в Испанию в 1814 г. конституция и все законодательство кадисских кортесов были ликвидированы, в стране наступили годы реакции. Но в 1820 г. либералы вновь победили, произошла так называемая вторая испанская революция. Конституция 1812 г. и другие законы кадисских кортесов были восстановлены и действовали на протяжении трех лет, пока с помощью французской интервенции реакция вновь не восторжествовала и не воцарилось «черное десятилетие» (1823–1833). Следующее десятилетие (третья революция) ознаменовалось в Испании гражданской войной между сторонниками регентши Кристины и провозглашенной королевой – дочерью Фердинанда VII малолетней Изабеллой, с одной стороны, и братом короля принцем Карлосом, сторонники которого назывались карлистами, – с другой. Как отмечает И. М. Майский, дон Карлос представлял силы феодально-абсолютистской реакции, а Кристина – силы либеральной буржуазии со всеми сочувствующими ей элементами⁹. Среди последователей Кристины и Изабеллы находились и антиклерикалы, выступавшие за ограничение всевластия церкви.

Вскоре после смерти Фердинанда VII в Испании прокатилась волна антицерковных волнений, направленная в первую очередь против иезуитов. По всей стране население громило монастыри и церкви, свыше 100 священников и монахов было убито. В 1835 г. антицерковные волнения повторились в Каталонии. Назначенный Кристиной главой правительства подверг отчуждению и распродаже значительную часть церковных земель. Кристина была вынуждена восстановить конституцию 1812 г. Новый премьер-министр Хосе Мария Калатрава продолжал политику Мендис-абалы. Его правительство предприняло настоящую

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

церковную реформу: пустило в продажу оставшуюся часть монастырских земель, закрыло ряд религиозных орденов и других церковных организаций, конфисковало драгоценности храмов, отменило десятину, сократило количество духовенства. В конце 1836 г. Испания официально признала независимость латиноамериканских республик. В принятой 27 апреля 1837 г. новой конституции вопрос о церкви был сформулирован менее категорично, чем в 1812 г.: «Нация обязывается сохранять католическую веру, исповедуемую испанцами, и содержать ее служителей» 10. Колебания либералов, реформаторский пыл которых сводился только к некоторым антиклерикальным мероприятиям, привели к победе феодально-помещичьих кругов, ставленник которых генерал Ро-мон Мария Нарваес осуществлял диктаторскую власть с момента провозглашения Изабеллы II королевой в 1843 г. по 1854 г.

В 1851 г. испанское правительство заключает с папским престолом конкордат, регулировавший в дальнейшем взаимоотношения церкви и государства вплоть до его окончательной отмены в 1931 г.

Согласно конкордату, католическая религия провозглашалась единственной религией испанцев, все прочие религии запрещались; просвещение, государственное и частное, должно соответствовать церковным доктринам; власти обязуются оказывать содействие духовенству в борьбе против еретиков, а также в запрещении «вредных» книг; деятельность церкви не ограничивается законом; церковь черпает средства на свою деятельность из возвращенной ей земельной собственности, из доходов религиозных орденов и от продажи индульгенций, а также из поступлений от специального государственного налога на городскую и сельскую собственность; церкви предоставляется право на приобретение и владение любым видом собственности; государство содержит духовенство¹¹.

Таким образом, конкордат хотя и не отменял права патроната испанской короны, но накладывал на нее ряд обязательств, ограничивающих это право. Вместе с тем обстоятельство, что государство брало на себя содержание духовенства, ставило церковников в еще более зависимое от властей положение, чем это было в прошлом.

В обмен на конкордат папа Пий IX признал королеву Изабеллу, восстановил дипломатические отношения с Испанией и не возражал против уже заключенных сделок по продаже церковных земель.

Развитие событий внесло существенные поправки в практику конкордата. В годы четвертой революции (1854–1856) права церкви подверглись новым ограничениям. Конституция 1855 г. впервые в истории Испании признала принцип веротерпимости вопреки одному из основных положений конкордата. После принятия новой конституции возобновилась продажа церковных земель (их было продано на этот раз на 6 млрд, реалов), а затем был издан закон, запрещающий церкви приобретать новые земли 12.

Четвертая революция завершилась, как и предыдущие, приходом к власти в 1858 г. правых во главе с генералом Леопольдо О'Доннелем, правившим страной в течение 5 лет – рекордный для Испании срок. О'Доннель приостановил антиклерикальные реформы и заключил с Ватиканом новое соглашение. Испания обязалась выплачивать ежегодно духовенству субсидию в качестве компенсации за ранее проданные церковные земли и превратить суммы, вырученные от продажи еще подлежащих секуляризации церковных земель, в трехпроцентный долг государства католической иерархии. Кроме того, О'Доннель вновь разрешил деятельность иезуитского ордена.

Десятилетие спустя (со смертью Изабеллы II) Испания вступает в полосу нового и длительного кризиса – пятую революцию. Бурбоны изгоняются из страны, на трон избирается итальянский принц Амадео. Принятая в 1869 г. конституция установила впервые в Испании свободу вероисповедания и гражданский брак. В ответ «карлисты» подняли мятеж. И на этот раз вокруг них объединились основные реакционные силы, в том числе церковники. Король Амадео был свергнут. Провозглашенная вскоре республика просуществовала недолго. В 1874 г. устанавливается конституционная монархия во главе с одним из отпрысков Изабеллы II Альфонсом XII, что знаменовало собой компромисс между «карлистами» и либеральной буржуазией, которую пугала растущая сила рабочего класса. Ватикан признал в 1875 г. королем Испании Альфонса XII, а последний восстановил деятельность конкордата 1851 г. Принятая в 1876 г. конституция, оставшаяся в силе до падения монархического режима в 1931 г., определяла отношения церкви с государством так: «Римско-католическая апостольская религия есть религия государства; нация обязывается поддерживать ее культ и ее служителей. Никто не может быть преследуем ни за религиозные убеждения, ни за отправление богослужения по обрядам своего вероисповедания при должном уважении к христианской морали. Запрещаются манифестации и публичные церемонии религии, кроме государственной» 13. Хотя Ватикан посчитал эту формулировку слишком либеральной, фактически она означала отход от конституции 1869 г., т. е.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org являлась уступкой церкви, которая вновь приобретает в Испании силу и влияние, хотя ее деятельность продолжает оставаться под контролем государства. От права патроната Испания отказалась только 100 лет спустя, в 1978 г.

В 1885 г. в возрасте 28 лет умер Альфонс XII, его вдова Мария-Кристина стала регентшей. В этой роли она пребывала 17 лет – до совершеннолетия ее сына Альфонса XIII, который вступил на трон в 1902 г., когда была провозглашена независимость Кубы и американские войска, оккупировавшие остров с 1898 г., покинули его.

Как же эти события в Испании отражались на положении кубинской церкви? На Кубе церковная собственность также была отчуждена – частично распродана или поступила во владение колониальных властей. Однако здесь эти реформы не вызвали такого обострения отношений между властями и духовенством, как в метрополии. Колониальные власти по-прежнему оказывали поддержку духовенству, видя в нем один из оплотов своего могущества. Правом патроната пользовался генерал-капитан. Конкордат 1851 г. еще более укрепил традиционную солидарность между церковью и колониальными властями. Увеличились доходы епископа и всего духовенства; в 1898 г. они составляли 352 тыс. песо, в то время как на просвещение было израсходовано 280 тыс. песо¹⁴. Церковники с возросшим рвением оказывали всемерную поддержку колонизаторам в их борьбе с национально-освободительным движением. И все же колониальная Куба не могла устоять перед новыми веяниями времени. В 1871 г. после лишения папства светской власти, когда в Испании еще существовала республика, колониальное начальство разрешило официально исповедание некатолических культов.

На Кубе церковников было сравнительно мало. К концу колониального периода их насчитывалось всего 425 человек, в стране имелось 155 приходов, 5 женских и 11 мужских монастырей¹⁵. Креольские священники составляли меньшинство. В 1885 г. только 22 прихода возглавлялись кубинцами¹⁶, которые, как правило, симпатизировали восставшим патриотам.

Патриоты и их противники

В целом кубинская интеллигенция (среди нее были и священники) занимала антииспанскую позицию, выступала с критикой схоластики, аристотелизма, эклектизма-спиритуализма, отстаивая в философии передовые для своего времени идеи Декарта, Бэкона, Локка, боролась за размежевание философии и теологии, осуждала работорговлю и крайности рабства, отстаивала политическую автономию острова, надеясь, что она приведет к независимости. Начиная с конца XVIII и на протяжении XIX в., пишет советский исследователь О. С. Терновой, «креольские мыслители и политические деятели, руководствуясь идеалами кубинизма, т. е. интересами своей родины, шли вместе в решении практических задач национально-освободительного движения, а также идеологической борьбы против испанского колониализма»¹⁷.

Часто эти деятели были вынуждены говорить эзоповским языком, опасаясь репрессий инквизиторов и колониальных властей, но тем не менее современники знали, что в их лице они имеют поборников науки и противников схоластики. Вот как, например, осуждал средневековые предрассудки Хосе Агустин Ка-бальеро-и-Родригес (1762–1835)¹⁸, выступая с речью 2 ноября 1796 г. в «Патриотическом обществе» Гаваны: «На что только не способно предубеждение! И сколь пагубна его власть! Оно способно на многое: мы видели, как оно может противостоят – и иногда, к нашему несчастью, с победным исходом – силе и прочности непоколебимой истине и даже ставить под сомнение сам опыт. Гораздо больше пота проливает философ над разоблачением предубеждения, чем над тем, чтобы добраться до тайн природы. О, сколь пагубна власть предубеждения! Да, друзья мои, свою власть оно использует во имя невежества, использует ее против просвещения. Оно тиран наших умов, я считаю, что, если бы не мудрая смелость некоторых избранных людей, посягнувших на его господство... человеческое познание все еще оставалось бы смехотворной смесью из фикций и ошибок древности. Но нет, мы не сетуем слишком. Тиран потерял уже многое от прежней своей деспотической власти, и, если все еще есть определенные малодушные существа, продолжающие влачить на себе длинные и тяжелые цепи предубеждений, есть и другие достаточно сильные люди, как бы существующие именно для того, чтобы разбить их. О, если бы все мы относились к этой

избранной части людей, то сколь полезными стали бы мы для нашей Родины! Сколь достойными имени друзей страны! Я вновь повторяю: давайте действовать, как они, и предложим какие-либо меры содействия прогрессу, оставив в стороне всякие предубеждения!» 18.

Х. А. Кабальеро говорил о Декарте, что он «открыл по крайней мере дорогу к ниспровержению схоластического гнета мнений, господства предубеждений и варварства», но «добился цели своей реформы со многими издержками, потому что предубеждения были вначале сильнее, чем разум». То же самое можно было бы сказать и о самом кубинском мыслителе.

Феликс Варела (1787–1853) был священником-либералом. Он находился под влиянием идей войны за независимость в Испанской Америке, причем после либеральной революции в Испании Варела избирался депутатом кортесов. В Мадриде он голосовал за восстановление кадисской конституции 1812 г., за отмену инквизиции. Он внес на рассмотрение кортесов законопроекты о признании независимости латиноамериканских республик, о предоставлении Кубе автономии и постепенной отмене рабства на острове с учетом интересов рабовладельцев. Эти проекты не были приняты кортесами. Тем не менее, когда Ферди-панд VII с помощью французских штыков разогнал кортесы, Варела был приговорен к смерти. Ему удалось бежать из Испании. Он поселился в США, где до своей смерти открыто выступал в поддержку кубинской независимости. Философ Хосе Сиприано де ла Люс-и-Кабальеро (1800–' 1862), получивший духовное воспитание и возглавлявший колледж Сан-Кристобаль в Гаване, был решительным противником схоластики. Он выступал против власти колонизаторов. Испанский просвитель Омобон Ногерас называл его атеистом, двуличным, убийцей. Люс, хотя и считался духовным лицом, судя по всему, был чужд религиозному мировоззрению. Он говорил своему воспитаннику, а потом преподавателю того же колледжа Хесусу Бенигно Гальвесу: «Если когда-нибудь услышишь, что я, будучи больным, позвал священника для исповеди, знай – я сошел с ума и поэтому застрели меня».19.

Фелипе Позей (1799–1891), кубинский ученый-натуралист открывший распространителя желтой лихорадки, писал незадолго до своей смерти: «Меня сделали христианином, не спросив моего согласия, разум же и философия превратили меня в материалиста. Я не верю в бога. Идея бога с теми свойствами, которые ей предписывают, отрицательна и не улавливается. Не признаю исповедников, таких же умников, как и я сам, и отвергаю духовную помощь церкви. В особенности же не желаю иметь ничего общего с иезуитами. Я дружу с отцом Виньясом, но в последний мой час не желаю видеть даже его тени в моей комнате» 20.

Кубинские патриоты, в особенности те из них, кто требовал отмены рабства, относились к духовенству и религии критически, отличались веротерпимостью и свободомыслием. Это нашло свое выражение даже в изменении названий сахарных заводов н плантаций (инхенио), которые в середине XIX в. становятся, как правило, с ватскими (до этого они носили имена святых).

Испанское духовенство на острове выступило в поддержку колониальных властей. Даже такой реакционный и проамерикански настроенный историк, как Портель Вила, вынужден признать, что во время войн за независимость католическое духовенство, за очень немногими исключениями, всегда находилось на стороне испанского деспотизма, поддерживало и оправдывало его антикубинскую политику. «Католицизм был официальной религией Испании и ее владений, государство платило церкви субсидии, церковная иерархия отличалась традиционным консерватизмом; следовательно, папы римские и епископы благословляли, испанские армии, прибывавшие на Кубу для кровавого подавления революции (подразумевается война за независимость острова 1868–1878. – И. Г.) и отлучали кубинских и некоторых испанских священников, симпатизировавших борьбе кубинцев... Наряду с фанатиками и святошами, с одной стороны, и атеистами и потерявшими веру – с другой, подавляющее большинство населения Кубы относилось равнодушно к религии или не доверяло священникам, выступая за ограничение их деятельности и влияния»21. Такую же точку зрения высказывает американский исследователь Лесли Дюарт: «Во время войн за независимость церковь решительно и единодушно, хотя и не очень эффективно, боролась против кубинских патриотов» 22.

Священники с амвона и в печати призывали к беспощадной борьбе со сторонниками независимости, они использовали исповедальню для сбора шпионской информации, которую передавали властям, в результате чего гибли многие патриоты23.

Испанцы и испанские церковники жестоко расправлялись с кубинскими священниками, уличенными в связях с патриотами. Их лишали должностей, сажали в тюрьмы, осуждали на каторгу, а иногда и на смерть, ссылали. Так, на казнь через гарроту был осужден в 1850 г. бежавший в США пресвитер Хоакин Вальдес за высказывания в поддержку Нарсисо Лопеса, предпринявшего попытку освободить Кубу за год до этого. В 1851 г.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
был осужден на 8 лет заключения 67-летний священник Хосе Рафаэль Фахардо-и-Гарсия за связь с Хоакином де Агуэро, поднявшим восстание в Баямо 24.

Тогда же из-за предательства церковников испанцам удалось подавить готовившееся во главе с Хоакином де Агуэро восстание в провинции Камагуэй. Священники узнали об этом от жен и родственниц патриотов в исповедальне. Доверчивые кубинки Ка-магуэя заказали накануне восстания мессу за его успех. Священники записали всех присутствующих на мессе и сообщили их имена властям. По доносу церковников были брошены в-тюрьму 80 патриотов²⁵. С началом войны за независимость в 1868 г. испанские церковники призвали население к повиновению колонизаторам, к борьбе с патриотами. «Знайте, любимые дети и братья, – писал в пасторальном письме к духовенству епископ Гаваны Ха-синто Мария, опубликованном 8 июня 1869 г. в газете «Ла Пренса», – что восставать против власти, взывать к мятежу, поджигать собственность²⁶ – значит ополчиться против бога, сопротивляться его велениям, нарушать его закон. Проповедуйте, следовательно, непрерывно вашим верующим, что они живут по воле божьей под сенью законов и властей, установленных при их рождении, что сопротивляться властям – преступление, что нарушать правительственные постановления и критиковать их незаконно, что большой грех устраивать заговоры против власть имущих, клеветать на них, позорить и принижать их. Проповедуйте, повторяю, и призывайте ваших верующих, чтобы они сторонились соблазнитель, которые отравляют их души ненавистью к существующему порядку, пробуждая в них аппетит к идеальному и фантастическому будущему. Говорите им, что счастье – это подруга подчинения и повиновения, дайте им от нашего имени верную гарантию, что это счастье сбудется, если они покинут преступное дело. Призывайте и вдохновляйте их получить индульгенцию, предлагаемую нами» 27.

В 1869 г. испанские власти выслали на остров Фернандо-По 250 кубинцев, подозреваемых в симпатиях к восставшим, среди них было 5 священников-креолов. 30 апреля 1870 г. в Сьенфуэ-госе испанцы расстреляли настоятеля прихода в Ягуамарасе Франсиско Эккембре за освящение знамени восставших и проповедь в их поддержку. Сообщая об этом 3 мая 1870 г., «Диарио де ла Марина» лицемерно отмечала: «Да примет бог его душу с жалостью» 28.

Та же газета восторженно писала о сотрудничестве духовенства и властей в Испании в антикубинских кампаниях: «Прекрасную и радостную картину представляет г эти дни испанская нация благодаря страстным усилиям ее прелатов, которые во всех провинциях следуют по благороднейшему пути, намеченному светлейшим епископом Овьедо. Прелаты призывают своих прихожан, развивая в них любовь к родине, к формированию батальонов добровольцев для поездки на Кубу, где они разделят вместе с героической и добровольческой армией трудности, опасности и славу военной кампании» 20.

Испанские церковники собрали в 1876 г. на войну против кубинцев 1477 тыс. песет³⁰.

Хотя подавляющее большинство испанских священников не только словом поддерживали колонизаторов, но и сражались против патриотов с оружием в руках, мамбисы (так называли сторонников независимости), как правило, не принимали к ним репрессивных мер. В десятилетнюю войну был только один случай, когда бригадный генерал Монсон, канарец по происхождению, расстрелял в селении Майари 1 февраля 1869 г. несколько испанцев, в их числе двух священников³¹. За это Монсон предстал перед военным судом мамбисов, по приговору которого был казнен.

Мартини и церковь

Руководители войны за независимость остерегались выступать с критикой религиозного мировоззрения и роли церкви как прислужницы власть имущих, чтобы не оттолкнуть от патриотов верующих. Совсем на других позициях в этом вопросе стоял лидер Кубинской революционной партии Хосе Мартини, возглавлявший борьбу патриотов за независимость в последней четверти XIX в. Мартини, которого кубинцы называли Апостолом независимости, открыто критиковал не только союз духовенства с испанскими колонизаторами, но и саму религию, считая ее антинаучной системой взглядов, вредной для народа и полезной для эксплуататоров и угнетателей.

В журнале «Золотой возраст», который Мартини издавал, пребывая в эмиграции в

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org Нью-Йорке, Апостол, следуя Вольтеру, писал в 1889 г.: «Это люди сотворили богов по своему подобию, и каждый народ воображает небо на свой лад с божествами, живущими и думающими одинаково с ним. Люди создали богов, и им поклоняются в храмах, потому что человек чувствует себя маленьким по отношению к природе, создавшей и убивающей его, и нуждается в вере в нечто могущественное, которое способно по-доброму отнестись к нему и сохранить ему жизнь».

В бумагах Марти, опубликованных впервые в 1951 г., мы находим такую запись: «Католицизм был социальной необходимостью. Породившее его общество было разрушено, возникло новое – социальная необходимость изменилась, католицизм должен умереть. Он осмелился жить слишком долго, больше, чем Мафусаил. Хотя между ними есть разница. Мафусаил обладал душой бессмертной, которая пережила его. Католицизму не остается даже этой отрады» 32.

Идею зависимости религии от социального базиса Марти высказывал неоднократно. «Когда меняются условия жизни народа, – писал он в другом произведении, – меняются литература, философия и религия, которая является их частью; всегда небо было копией людей и населялось образами величественными, радостными или мстительными – в соответствии с тем, жили ли народы, их создававшие, в условиях мира, радости или в условиях рабства и страданий... Каждая историческая встряска народа вызывает в Олимпе изменения» 33.

Дворянин, священник и юрист – три змеи, свившие себе гнездо на Кубе в колониальный период, писал поэт в одном из своих стихотворений. «Кто может отрицать, сколько ран открыто, сколько зла и вредных элементов имеется в нашем народе благодаря господству католической доктрины и стремлению ее все подчинить себе» 34.

Не священник, а рабочий – вот подлинный вождь общества, провозглашал Марти. «Во сто раз больше трогает душу, когда видишь ранним февральским прохладным утром на заре не церковь, а конку, которая везет из бедных окраин на фабрики трудящихся в их рабочих спецовках, со здоровыми, загорелыми лицами, с мозолистыми руками, в которых уже в этот час белеет газета. Вот великий священник, живой священник – трудящийся!».

Марти выступал против религиозного воспитания в школе: «Поднимем это знамя и не опустим его никогда! Начальное обучение должно быть научным». Интересы народа требуют отделения церкви от государства, заявлял поэт. Одновременно он осуждал буржуазное понятие свободы совести, ничем не ограничивающее реакционную деятельность церковников. Марти призывал лишать конституционных прав представителей духовенства, пользующихся ими в борьбе с демократическим порядком³⁵.

Внимательно следил великий кубинец за деятельностью католических церковников в США, разоблачал их сговор с крупным капиталом. В статье «Отлучение падре Мак-Глинна»³⁶, опубликованной в 1881 г., Марти писал: «Религии все одинаковы: поставьте их в ряд – ни одна из них не будет ни на йоту выше другой; надо быть круглым невеждой из тех, что сотнями выходят из стен университетов и академий, чтобы не признавать познпаваемости мира. У всех религий один и тот же корень, все они одинаково требовали поклонения идолам, расцветали в силу одних и тех же достоинств, приходили в упадок вследствие одних и тех же пороков» 37.

У всех религий, по словам Марти, есть свои чудеса, свои авгуры, свои оракулы, свои идолы, свои Джагернауты³⁸, карающие и свирепствующие, однако лишь до тех пор, пока люди верят, будто самостоятельность суждения и действия – это неотъемлемое свойство человеческого духа, его зрелое мужество может быть противно слову божию. Когда же люди, отказавшись верить в это, двинутся на Джагернаута с дубиной, сорвут с него мантию и радужные одежды, сокрушат его толстое брюхо, сбросят с него зловещий венец, усыпанный сверкающими самоцветами, они вместо слова божия, которому воздвигаются пышные храмы, не обнаружат ничего, кроме ветхого, источенного червями деревянного болвана с картонными, намалеванными руками и ногами, родного брата потешных карнавалых чучел. Именно так поступили нью-йоркские католики, когда, возмущенные бессовестностью, с какой официальная церковь торгует их правами свободных людей, подняли дубину на папскую власть, столь незадачливо отлучившую от церкви благочестивого священника³⁹.

По словам Марти, католическая церковь так завоевала позиции в Соединенных Штатах: «Как спрут, что из темноты тянется щупальцами к своей жертве, подбирался к республике извращенный католицизм. Вначале он являлся бедной вдовой с сироткой за руку, прося подать Христа ради. „Не пожалейте на бедных сироток“. Им дали землю, построили для них дома; благо центов, собираемых с ирландцев, хватает на все: на больницы, на монастыри, на богадельни, на каменные храмы и на мраморные дворцы. Поначалу, пока почва под ногами была еще зыбкой, сколько почтительности и уважения к свободе.

Ах, да они ни о чем не просят, иметь бы уголок, где славить господя!
Государственные средние школы – как это прекрасно! Церковь и свобода отлично могут ужиться! Эти люди так и расплывались в сладких улыбках. А какая предупредительность, какая готовность посторониться, чтобы, упаси боже, не помешать кому-нибудь, и сколько внимания к чужим словам! Но партии как в политике, так и в религии находят общий язык: единый интерес соединяет даже тех, кого разъединяет вера! И потому различные виды власти инстинктивно стремятся к союзу против людей, властью утесняемых» 40.
Церковь является опорой капиталистического строя в США, доказывал Марти, она поддерживает продажных политиканов, которые в свою очередь покровительствуют ей: «Церковь говорила политику: „Дай мне те земли, дай мне этот закон, дай мне такую-то привилегию, а я заставлю свою паству голосовать за твоего кандидата". Она говорила богачу: „Массы становятся все более непокорными; только церковь, суля им справедливость на небесах, еще может сдерживать их; объединимся же против масс". А бедняку она внушала: „Бедность – от бога. Что может быть благолепнее души, укрепляющей себя смирением? Там, на небесах, ждет тебя и покой и награда!". Но можно ли было в стране, где общественную жизнь каждодневно выносят на солнышко и проветривают, как зерно на току, в стране, где всякое дело немедленно становится достоянием гласности и предметом обсуждения, где обнаженность и лихорадочный пульс жпзпн прп-учают человека смотреть в глаза жестокой реальностп, можно ли было среди этих деятельных людей с крепкими мускулами, не терпящих лжи и знающих цену доброму удару кулаком, можно ли было здесь безнаказанно запродавать политиканам голоса католиков, заключать грязные сделки, сколачивать союзы богачей всех вероисповеданий, можно ли было здесь бесстыдно разглагольствовать о бедности Христа, а самим жить в пышных дворцах, ублажая себя жареными фазанами и дорогим вином и щеголяя шелковистым пурпуром своих ряс перед светскими дамами, падкими до церковных златоустов?» 41.

Марти приводит в своей статье выступление священника Мак-Глинна, звучащее как обвинительный акт против церкви, служанки эксплуататоров – властелинов североамериканской республики. Это выступление не утратило своей злободневности по сей день.

«Знаете, почему они отлучили меня? – вопрошал свою паству Мак-Глинн. – Потому что я хочу, чтобы церковь управляли на благо беднякам, а не во вред им и на пользу одной только церкви. Потому что я не сажусь за столы, где вершатся нечистые сделки и где люди тайком смеются над верой, которую сами же проповедуют с алтарей. Потому что я хотя и дорожу своей верой, но все же не настолько, чтобы ради послушания ее извратителям пренебречь священной заповедью каждого гражданина республики. Потому что, любя свою родину и свою веру, я не могу допустить, чтобы алчная курия, прикрываясь интересами церкви, подрывала свободу в моей стране» 42. В другом месте Марти отмечал: «Церковь всегда была великолепной союзницей власти имущих» 43. Он выражал надежду, что союзу «высших сфер» – церкви, армии, банкиров и правительства США – нанесут поражение «новые классы» – трудящиеся.

Незадолго до смерти Марти начал писать книгу, посвященную крестьянам, в которой разоблачал католическую церковь как угнетательницу кубинского народа. Это произведение, оставшееся незаконченным, начинается так: «Не показывай эту

книжку попу твоего селения, потому что он заинтересован в том, чтобы держать тебя в темноте, чтобы ты обо всем спрашивал его.

И так как он берет с тебя плату за то, что кропит водой голову твоего ребенка, за то, что говорит тебе, что ты муж своей жены, о чем тебе известно с тех пор, как вы любите друг друга; и так как он берет с тебя плату за то, что рождается ребенок, за то, что он благословляет женитьбу, молится за твою душу, за отпевание; п так как он, если ты ему не заплатишь, даже отказывает тебе в праве на погребение, то он никогда не захочет, чтобы ты узнал, что все, что ты делал до сих пор, не нужно, потому что с этого дня он перестанет получать плату за все это» 44.

Марти последовательно выступал с позиций рационализма и светского просвещения, отвергал официальную церковь и религиозные взгляды.

Критическое отношение к религии привело Марти к масонству, хотя последовательным масоном он никогда же был.

Католические церковники относятся к Марти двояко. Одпп. учитывая его авторитет в народе, пытаются задним числом пре-вратить Марти чуть ли не в своего союзника. Так, например, кардинал Мануэль Артеага утверждал в 50-х годах XX в., что Марти родился в католической семье, отличался «религиозным духом», был «очень далеко от атеизма». В качестве доказательства Артеага указывал на то, что Марти обратился к одному священнику на Кубе с просьбой зафиксировать в приходских книгах факт рождения его первенца Хосе франсиско⁴⁵. Действительно, такой факт имел место в 1879 г., но тогда иначе

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org и нельзя было получить метрическое свидетельство, ибо светская запись гражданского состояния была введена на Кубе только с 1 января 1885 г. Другие церковники пытались полемизировать – посмертно – с Х. Марти. В качестве примера такой полемики можно привести статью «Марти несправедливый и заурядный», опубликованную в кубинском «Католическом еженедельнике Сан-Антонио» 7 ноября 1940 г. Комментируя критические высказывания Марти в адрес католицизма и католической церкви, автор статьи писал: «В конце концов Марти не говорит нам ничего нового, не провозглашает никакого порицания, которое не было бы громко высказано до него и после него... Но Марти и все те, кто, подобно ему, выплескивают эти гадости в адрес церкви, должны были бы знать то, что известно самому глупому церковному служке: человеческий материал, из которого состоит церковь, может произвести – и фактически производит больше среди светских верующих, чем среди клириков, – горькие плоды греха и неверности по отношению к евангельским доктринам. Это мрачная сторона деятельности церкви, ибо бог не сотворил нас безгрешными, но все это бледнеет и почти исчезает по сравнению с бесчисленными примерами достоинства, жертвенности, подлинной святости, которые ежедневно показывает церковь и которые спасают и освещают человека вопреки ему самому. Сказав это, мы не имеем ничего против Марти-патриота, преклоняемся перед его духовным обликом, его героизмом, согласны с его апостольским сподвижничеством. Что же касается католицизма, то он для нас не является ни „учителем“, ни „Апостолом“». Кубинское общество исторических и международных исследований (возглавлял его Эмилио Ройг де Леучсенринг) приняло резолюцию, характеризовавшую эту статью, как «оскорбительную» для памяти Марти⁴⁶.

Марти был неприемлем церковникам не только своими взглядами на церковь и католицизм, но также своей ориентацией революционного демократа: беспощадной критикой испанского колониализма, империализма США, преступную политику которого он разоблачал, проповедью социального освобождения трудящихся и сочувствием идеям социализма. Марти с большой теплотой отзывался о Карле Марксе. Описывая в одной из статей траурный митинг в Нью-Йорке по поводу его смерти, Марти писал, что великий пролетарский мыслитель «заслуживает почестей, поскольку встал на сторону слабых... Интернационал – его творение, и воздать ему почести идут люди разных наций. Вид этой толпы мужественных рабочих наполняет нас нежностью и вместе с тем придает силы... Карл Маркс учил, как построить мир на новых основах; он разбудил спящих... И вот здесь – добрые друзья Карла Маркса, который был не только титанической движущей силой гнева европейских трудящихся, но и прозорливым ясновидцем причин человеческой нищеты и судеб людей, человеком, охваченным жаждой делать добро. Повсюду он видел то, что свойственно было ему: дух борьбы и восстания, путь к высоким целям». Марти отмечал, что собрание нью-йоркских рабочих в принятой резолюции назвало Карла Маркса «самым благородным героем и самым могучим мыслителем мира труда»⁴⁷.

Ватикан, США и независимость Кубы

Во время последнего этапа войны за независимость (1895– 1898) испанские колонизаторы под командованием генерала Вей-лера учинили жесточайшую расправу над кубинским населением. Они сжигали, сравнивали с землей селения, убивали мирных жителей, а оставшихся в живых сгоняли («концентрировали») в города, где они гибли от голода и лишений⁴⁸. Церковники не только оказывали всемерную поддержку Вей-леру, но, как указывает кубинский историк Эмилио Ройг де Леуч-сенринг, были вдохновителями проводившейся им политики «концентрации». Именно эта политика рекомендовалась главой (губернатором) гаванского епископата пресвитером Хуаном Баутистой Касасом в его книге «Сепаратистская война на Кубе», изданной в Мадриде в 1896 г. Касас убеждал колонизаторов, что только система «концентрации», т. е. жесточайшего террора, по отношению к гражданскому населению острова может принести победу над кубинскими патриотами⁴⁹.

Пресвитер Касас призывал испанские власти всемерно способствовать переброске церковников из Испании на Кубу: «Если испанское правительство желает уничтожить микробы кубинского восстания, оно должно обратиться за помощью к церкви и подчиниться во всем ее всемогущему руководству. . . Пусть попросит помощи монашеских орденов, они ему в этом не откажут».

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

Священники не ограничивались одобрением зверств колонизаторов, они сами принимали в них активное участие. Касас перечисляет в своей книге десятки церковников, запятнавших руки кровью патриотов. Один из них, священник Эмилио Фернандес, столь «отличился», что был награжден испанским правительством военным крестом, а папа римский Лев XIII оказал ему милость – назначил его своим «личным прелатом».

Особую ненависть к патриотам, борющимся за независимость Кубы, проявлял епископ Гаваны Мануэль Сантандер-и-Фрутос. В своих пастырских посланиях Сантандер осыпал бранью и проклятиями патриотов, клеветал на них, призывал к их истреблению.

В послании от 30 ноября 1896 г., обращенном к испанским войскам на Кубе и опубликованном в «Церковном бюллетене» Гаваны, Мануэль Сантандер-и-Фрутос писал: «Вы защищаете справедливое и святое дело, правое дело против неправого, дело цивилизации против варварства... Это справедливая война, поэтому с нами бог оружия. Наместник бога на земле вас благословил, епископы вас поддерживают, дети церкви молятся за вас» 50.

В обращении к духовенству и церковным организациям острова, опубликованном 8 декабря 1896 г. в газете «Диарио де ла Марина», Сантандер заявлял, что дело чести служителей церкви на Кубе поддерживать Испанию в ее борьбе со сторонниками кубинской независимости. Он понимал патриотизм как поддержку Испании в ее борьбе с Кубой. Сантандер призывал священников острова следовать примеру духовенства в Испании, жертвовавшего крупные суммы денег на вооружение испанской армии. Он предлагал им отдать на нужды армии доход одного дня, сам же пожертвовал 500 песо серебром⁵¹. Кроме того, по его распоряжению все церкви были отданы военным властям под казармы и крепости. Губернатор гаванской епархии пресвитер Хуан Баутиста Касас рекомендовал в 1896 г. властям в спешном порядке открыть свободный доступ на остров монахам, которые вместе с приходскими священниками «восстановят общественное благосостояние и мир в семьях, ибо если на Кубе будет царствовать крест, то Испания сможет спокойно управлять сердцами островитян». Несмотря на враждебность испанских церковников, патриоты, по заявлению самого епископа Гаваны Сантандера от 24 октября 1898 г., относились к духовенству с уважением, и ни один из испанских священников не пострадал от их действий⁵².

Как же реагировал Ватикан на кубинские события? Как всегда в подобных случаях в прошлом, папа Лев XIII поддержал в 1895 г. испанских колонизаторов против борцов за независимость. Он послал свое благословение испанским войскам, направлявшимся на остров для подавления восставших. Папский нунций Серафим Кретони в августе 1895 г. выступил в Витории перед солдатами испанского экспедиционного корпуса со следующей речью: «В тысячу раз вы счастливее, ибо покидаете родную землю, чтобы воевать за самое святое дело. Вы счастливы, ибо направляетесь защищать честь Родины и возвратить спокойствие во многие очаги. Да сопутствует вам бог, пак сопутствует вам наша любовь, и да очень скоро возвратитесь с победой в этот город, где вас так глубоко уважают. Знайте же, солдаты испанской армии, достойные сыны этой благородной и доброй нации, что так же, как Моисей воздел руки к небесам, чтобы благословить свой народ, так и верховный понтифик Лев XIII с высот Ватикана вам посылает свое апостольское благословение, которое по его поручению вам передаю от всей дупттт»⁵³.

По свидетельству прогрессивного кубинского историка Ф. Гонсалеса дель Валье, в освободительной войне 1895–1898 гг. в рядах повстанцев находились только два священника – и те испанцы – Рикардо Элиасари Лопес, настоятель прихода селения Кобре, и 82-летний отец Рамон Вентин, настоятель прихода селения Сан-Хуан-и-Мартинес⁵⁴.

Священники-кубинцы, хотя и сочувствовали патриотам, активного участия в войне за независимость не принимали.

Когда королева Мария-Кристина в тронной речи в кортесах выразила удовлетворение позицией Льва XIII в кубинском вопросе, Лев XIII счел необходимым направить ей 19 мая 1896 г. послание с благодарностью за «это новое свидетельство религиозных чувств и почтения к апостольскому престолу». Папа вновь выражал от всего сердца «наше желание, чтобы господь способствовал успеху испанского оружия в защите трона и католической нации»⁵⁵.

17 января 1897 г. «Диарио де ла Марина» сообщила: папский представитель в Мадриде в заявлении для печати подтвердил, что «святой престол находится на стороне Испании в ее конфликте с заблудившимися детьми, которые стремятся разорвать родственные узы, объединяющие их с метрополией»⁵⁶.

Эта позиция папы вызвала решительное осуждение патриотов. В органе Кубинской революционной партии «Патриа» от 5 февраля 1898 г. один из участников освободительного движения, Нэстор Леонело Карбонель, в статье «Римский католицизм» писал: «Испанские священники – скорей всего солдаты, чем пастыри, – всегда пенавидели Кубу, в особенности кубинцев. Папа,

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
епископы, другие церковнослужители недавно в Испании вручили правительству ценности, имевшиеся в излишке в их покрытых золотом храмах, чтобы во имя их бога превратились в пули и ядра для истребления кубинцев... Такого поведения римских католиков, служителей свирепого, экстравагантного и капризного бога, таковы их духовные отцы, претендующие на вечное спасение!»⁵⁷

Гибель Марти и генерала Масео, павших в сражениях с колонизаторами, вызвала ликование среди церковников. Сантандер приказал во всех церквях служить по этому поводу благодарственные молебны⁵⁸.

В сентябре 1898 г. служители церкви – кубинцы опубликовали манифест священников – урожденных кубинцев (его под писали 52 человека) , в котором, обращаясь к президенту Свободной Кубы Томасу Эстраде Пальме, просилл поддержки и защиты против «наших вечных угнетателей» – испанского духовенства. Нас, утверждали священники-кубинцы, преследовали за «ненасытную жажду свободы и независимости», казнили, бросали в тюрьмы, ссылали с согласия «увенчанных митрами пилатов». В манифесте высказывалось опасение, что в связи с вступлением в войну американцев церковь на Кубе возглавят американские иерархи, и выражалась просьба во избежание этого поручить руководство церковью священникам-кубинцам. Авторы Машт-феста выражали надежду, что «такой гигант, каким является Лев XIII – честь нашего века», поддержит эту просьбу, соответствующую «обычаям суверенного и свободного народа», ибо иначе церковь не сохранит своих позиций на Кубе. Священники призывали президента объявить папе римскому, что кубинский народ имеет право располагать своим собственным духовенством пз урожденных кубинцев и что после признания Кубинской республики и ее правительства папский престол выработает вместе с кубинскими властями окончательное решение церковного вопроса на Кубе и оно будет зафиксировано в соответствующем конкордате или «модус вивенди». Попутно авторы Манифеста сообщали президенту, что испанские власти переписывают свою собственность на Кубе на испанских церковников в надежде, что после завоевания независимости она не попадет в руки кубинцев ⁵⁹.

Обострение отношений между США и Испанией, предшествовавшее объявлению войны, вызвало большое беспокойство в Ватикане, где до. последнего момента надеялись на «чудо» – победу Испании над кубинскими патриотами. Папа, крестником которого был престолонаследник Испании (будущий Альфонс XIII), опасался, что потеря Кубы вызовет падение монархического режима в Испании и тем самым нанесет удар влиянию церкви в этой стране. Еще в апреле 1898 г. представитель царского правительства при Ватикане Н. В. Чарыков сообщал в Петербург: «...кардинал Рамполла (статс-секретарь Ватикана. – И. Г.) уже несколько недель тому назад высказывал мне свои опасения относительно возможности войны (США против Испании. – И. Г.) и неминуемой гибели, коей последняя (война.– Я. Г.) угрожала бы династии в Испании» ⁶⁰.

Вот почему, когда правительство Германии предложило Ватикану выступать в роли посредника между США и Испанией, Лев XIII немедленно согласился с этим предложением и уполномочил американского епископа Джона Айрланда, находившегося в дружеских отношениях с президентом США Мак-Кинли, предпринять соответствующие шаги. Айрланд встретился с Маккинли, однако убедить президента принять арбитраж Ватикана ему не удалось⁶¹. Война разразилась. Тогда Лев XIII стал ходатайствовать перед правительством США, чтобы за Испанией были сохранены хотя бы Филиппины, но не возражал против захвата Соединенными Штатами Кубы. Посол России в Испании Д. Е. Шевич сообщил в Петербург в августе 1898 г.: в Мадриде «убеждены, что папа, в глазах которого потеря Испанией архипелага (т. е. Филиппин. – И. Г.) нанесла бы в то же время чувствительный удар католицизму, деятельно хлопочет теперь в Вашингтоне и в Мадриде ввиду сохранения за Испанией этой колонии с ее восьмимиллионным католическим туземным населением, громадное большинство коего находилось до сих пор под исключительным влиянием монахов» ^{в2}.

После того как США разгромили Испанию и оккупировали Кубу и другие испанские владения, Ватикан стал всячески угождать Вашингтону в надежде сохранить свои позиции в бывших колониях Мадрида. В декабре 1898 г. Н. В. Чарыков писал в одном из своих донесений в Петербург, что американские победы повлекли за собой сближение между Белым домом и Ватиканом. Такому сближению способствовало также и то обстоятельство, что во время войны агрессивный курс правительства США открыто и ревностно поддерживался американской католической церковной иерархией, возглавляемой кардиналом Гиббонсом и епископом Айрландом.

Испанское католическое духовенство на Кубе со своей стороны заискивало перед североамериканскими оккупантами, оказывая им такую же поддержку, как прежде испанцам. Об этом в январе 1899 г. писал из Мадрида в Петербург Д. Е. Шевич, отмечая, что поведение заморского духовенства вызвало возмущение

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosofff.org

в придворных кругах Испании: «Единственно заботясь о материальных выгодах церкви и будущности духовных корпораций в отторженных от Испании колониях, местное духовенство под влиянием североамериканских католических прелатов, получающих инструкции из Рима, с той минуты, как оно убедилось в тщетности усилий Испании сохранить за собой свои колонии, открыто стало на сторону завоевателей. На последней аудиенции, которую я имел у королевы-регентши, ее величество не скрыла от меня своего негодования по поводу антипатриотического поведения испанского колониального духовенства, причем изволила сказать мне, что, встретившись на днях с папским нунцием, она высказала ему „все свое негодование"» 63.

В начале 1899 г. американский военный губернатор Кубы Джон Р. Брук, действуя по рекомендации кубинских советников и желая заручиться симпатиями кубинской общественности, декретировал отделение церкви от государства и ввел гражданский брак как единственно законный (брачная церемония стоила 1 доллар), что соответствовало программе Свободной Кубы. Казалось, что этими действиями влиянию католической церкви нанесен серьезный удар. Однако после назначения в декабре 1899 г. на пост военного губернатора Кубы Леонарда Вуда оккупационные власти стали покровительствовать католическому духовенству, укреплять его авторитет и влияние.

Такой политикой на Кубе правительство США преследовало различные цели. После убийства президента Мак-Кинли его место занял вице-президент Теодор Рузвельт, который готовился выдвинуть свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах и был заинтересован в поддержке католической церкви, имевшей определенное влияние на избирателей. Рузвельт назначил на некоторые ответственные посты в правительстве людей, известных своими связями с католической церковью. Таким был, например, Чарлз Дж. Бонапарт, назначенный военно-морским министром.

Бее это должно было принести Рузвельту голоса в промышленных центрах, населенных преимущественно католиками.

Первые месяцы оккупации Кубы показали, что подавляющее большинство населения острова осуждает оккупантов и готово оказать им активное сопротивление. Об этом хорошо знали как Рузвельт, так и Вуд. Поддержка церковников была необходима оккупантам, и, чтобы получить ее, они готовы были пойти на союз с «папистами».

Находясь в Сантьяго, протестант Вуд участвовал в католических церковных процессиях и всячески угождал местному архиепископу, хотя последний требовал во время войны истребления «ненавистных янки». Из Сантьяго Вуд писал своей жене, что архиепископ – «славный малый и очень приятный старый джентльмен, который недавно во время ужина призывал пролить потоки американской крови» 64.

Вуду не пришлось прилагать особых усилий для того, чтобы подчинить своему влиянию церковную иерархию на Кубе. И Ватикан, и местные священники сами охотно шли в услужение оккупантам, которые представлялись им «меньшим злом» по сравнению с кубинскими патриотами. Не успели США оккупировать остров, как Ватикан поспешил назначить епископом Гаваны итальянского прелата Донато Сбарретти (впоследствии кардинала). Это был подлинно иезуитский ход. Ватикан опасался назначить на этот пост испанца, кубинца не хотел, поэтому назначил итальянца Сбарретти, чиновника статс-секретариата римской курии, явившегося на Кубу, чтобы верой и правдой служить новым хозяевам.

Назначение иностранца Сбарретти епископом Гаваны в момент, когда кубинцы освобождались от испанского гнета и завоевывали независимость, показало, насколько Ватикан не считался с национальными интересами. Поведение Ватикана вызвало возмущение кубинских патриотов: они организовали общество под председательством Сальвадора Сиснероса Бетанкура, агитировавшее за высылку с острова ватиканского посланца⁶⁵.

15 июля 1900 г. 17 священников-кубинцев обратились к Льву XIII и правительству США с просьбой о замене Сбарретти кубинцем⁶⁶. Такая просьба была более чем оправданна: епископ вел себя провокационно по отношению к местному населению, назначал на высокие посты церковников, совершавших в период господства испанцев преступления против патриотов. Даже Вуд отмечал, что Сбарретти слишком мало знает кубинцев и не понимает, что враждебное отношение населения к церкви не может внезапно перемениться⁶⁷.

Своим представителем в Гаване после оккупации острова Соединенными Штатами Ватикан назначил американского епископа Шапелье. На пост заместителя епископа г. Буэнавентуры был назначен американский прелат Бродерик; американский епископ Курьер также был переведен на Кубу. Напрасно кубинцы протестовали против этих назначений. Ненависть к иноземным ирела-там была – столь острой, что, например, Бродерик без полицейской охраны не решался появляться на улице.

Президент Эстрада Пальма вынужден был выразить протест Шапелье по поводу назначения Бродерика. Эстрада Пальма заявил, что предпочел бы на месте

Бродерика видеть священника немца, итальянца, поляка или даже испанца, только не американца. Шапелье не внял протесту, он пожаловался посланнику США в Гаване Герберту Д. Скайрсу, который заявил Эстраде Пальме, что подобные протесты с точки зрения интересов США неуместны⁶⁸. Сам Скайрс слыл католиком-фанатиком. Ранее он занимал пост первого секретаря посольства США в Пекине, где «отличился» во время подавления ихэтуанского (боксерского) восстания. В Гавану Скайрс был назначен по рекомендации Вуда, с которым находился в родственных отношениях. Вуд также добился назначения генеральным консулом на Кубу Штейнгарда, католика, тесно связанного с американской церковной иерархией. Таким образом, основные политические посты США на Кубе оказались заняты людьми, тяготевшими к католической церкви. Из этого обстоятельства, как мы увидим дальше, Ватикан старался извлечь максимум пользы для себя.

Комментируя американизацию церковной иерархии на Кубе в период оккупации острова Соединенными Штатами, Портель Вила пишет: «Ватикан, который прежде, защищая свои привилегии на Кубе, поддерживал Испанию, немедленно после победы Соединенных Штатов примкнул к последним, и апостольский делегат, разные епископы и члены новых монашеских орденов, появившихся на Кубе, были североамериканскими гражданами на службе интересов своей страны и ее идеологии. Их никоим образом не беспокоило укрепление кубинского националистического идеала или защита республики»⁶⁹.

Портель Вила приводит факты, свидетельствующие о тесном сотрудничестве церковной иерархии с американскими военными властями, в частности о передаче важной военной информации военному министру Руту главой, ордена августинцев в США аббатом Джонсом, орудовавшим на Кубе, и уже упоминавшимся епископом Бродериком. Из приводимых Портель Вилой данных следует также, что апостольский делегат Шапелье был подлинным слугой двух господ. Находясь в Гаване, Шапелье получал инструкции как от Ватикана, так и от правительства США⁷⁰. Во время панамских событий 1903 г., приведших к провозглашению Республики Панамы, в которых принимали участие ставленники Вашингтона, Шапелье предлагал правительству США свои услуги, заверяя, что он вместе с архиепископом Боготы может воздействовать на правительство Колумбии в нужном для США направлении⁷¹.

В свете этих фактов понятно, чем были вызваны уступки оккупационных властей по отношению к католической церкви на Кубе. Эти уступки проявились в первую очередь в обязательстве, взятом от имени Кубы генералом Вудом, выплатить католической церкви возмещение за понесенный ею ущерб в связи с распродажей церковного имущества в 40-х годах XIX в. Оккупационные власти выдали церковникам в счет возмещения 865781 доллар из почти пустой тогда кубинской казны и обязались выплачивать ежегодную ренту 5% с 2 млн. долларов, т. е. с остатка суммы, в которую была оценена некогда распроданная испанцами церковная собственность.

США не имели официальных отношений с Ватиканом, и поэтому для них конкордат, заключенный Испанией в 1851 г., не был обязателен. Во всяком случае вопрос о выплате церкви компенсации за конфискованную у нее собственность мог быть решен только самим кубинским правительством. Но оккупационные власти знали, что никакое кубинское правительство, даже состоящее из американских ставленников, в условиях, когда общественное мнение почти единодушно осуждало церковную иерархию за сотрудничество с испанскими колонизаторами и американскими захватчиками, не решилось бы сделать церкви столь щедрый подарок. Поэтому они распорядились за кубинцев. Указ о выплате церкви компенсации был подписан генералом Вудом всего за несколько дней до передачи им власти кубинскому правительству. Этим актом как бы подчеркивался тот факт, что только благодаря американцам церковь смогла получить столь значительный куш. С тех пор церковники из чувства благодарности всегда находились на стороне Вашингтона против Кубы, отмечает Портель Вила⁷².

Мечэм считает, что Вуд своим решением создал условия для последующих гармоничных отношений между католической церковью и кубинским буржуазным государством. «Это было счастьем, — пишет Мечэм, — что именно американец и не католик смог предупредить грубую атаку на церковь. Если бы такая же сдержанность по отношению к церкви была проявлена в других латиноамериканских странах, то достойные сожаления религиозные конфликты никогда бы там не возникли»⁷³. Из этого текста можно сделать вывод, что обвинения патриотов в адрес церковной иерархии якобы были не обоснованны п все сводились к их желанию лишить ни в чем не повинную церковь компенсации за ее собственность, конфискованную некогда испанцами. О том, что конфликты между церковью и государством в Латинской Америке порождались в первую очередь политической позицией духовенства, выступавшего в роли союзника колонизаторов и олигархии, Мечэм счел за благо умолчать.

Генерал Вуд секуляризировал кладбища, но оставил в руках церковников

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org прежние захоронения, хотя и подчинил их контролю светских властей. Он узаконил развод, изъяв бракоразводные дела из компетенции церкви и передав их гражданским судам. Вместе с тем Вуд сделал важную уступку церковникам: отменил решение своего предшественника Брука, объявившего единственно законным гражданский брак, и узаконил также церковно-религиозный брак. Вуд прекрасно отдавал себе отчет, что, поступая так, он действует вопреки воле подавляющего большинства кубинцев, которые, по его же собственным словам, «категорически и с ожесточением» отстаивали гражданский брак⁷⁴. Но американские оккупационные власти не считались с интересами и мнением кубинцев. Империалисты Соединенных Штатов хотели с помощью католической церкви поставить народ Кубы на колени. Иезуиты первыми по достоинству оценили эту политику США. Не успели американцы захватить Кубу, как иезуиты со свойственной им проницательностью и приспособленчеством «поспешили присягнуть на верность звездно-полосатому флагу»⁷⁵.

Республика и церковь

Далеко не дружественные прогрессивной Кубе американские исследователи Вайярт Мак Гаффи и Клифорд Барнетт пишут: «Руководители крупнейших революционных движений в кубинской истории подвергали церковь острым нападкам, ассоциируя ее, всегда находившую поддержку в господствующих классах, с правительственными кругами и империализмом»⁷⁶. Об этом свидетельствуют многочисленные документы и высказывания кубинских политических деятелей.

В декабре 1898 г., несколько месяцев спустя после захвата острова Соединенными Штатами, кубинская газета «Эль Грито де Хара» писала: «Куба, как и все страны Латинской Америки, была пристанищем и золотоносной жилой для честолюбивых испанских прелатов, изгнанных за различные проступки из своих епархий в метрополии. Сюда они прибывали мепые всего для того, чтобы проповедовать церковные догмы, католическую веру, мораль. Здесь они проявляли свою страсть к власти, веру заменяли наживой и ростовщичеством, благотворительность – тиранией. Богом большинства священников был подлый металл. В период своего господства они не думали о спасении душ или напутствиях умирающим, а стремились сколачивать состояния, властвовать, собирать церковные подати»⁷⁷.

Такие же взгляды высказывали и руководящие деятели кубинского освободительного движения. Т. Эстрада Пальма писал: «Католицизм лишился христианского духа, превратившись в языческую теологию – запутанную, темную и зловещую, в схоластику, которая не учит, не убеждает, а только раздражает, в схоластику гневливую, эгоистическую, прикрывающую грубое язычество». Энрике Хосе Барона (1849–1933), видный кубинский патриот и просветитель, отмечал: «Испания установила в Новом Свете культ – карикатуру на религию, – основанный на неумном фанатизме, смесь противоречивых предрассудков и пустого ритуализма... Христианство в Америке для высших классов стало удобной подушкой для блаженных снов, свободных от бурных угрызений совести за их пороки, если не преступления. А для духовенства – неприступной крепостью, под охраной которой они могли предаваться всем своим страстям. Для народа же религия стала еще одной машиной, угнетавшей его и выжимавшей последние соки в обмен на химерические обещания»⁷⁸. «Религия – это не истина, – говорил Барона, – а утешение... Бог – это мягкая подушка нашего невежества»⁷⁹.

Подобные же взгляды высказывал видный деятель освободительного движения Мануэль Сангили (1848–1925). Он называл кубинский народ «самым неверующим на планете». На Кубе, говорил он, «нет религии, если что есть, то это религиозное фарисейство; здесь идут рука об руку безверие и невежество, я не знаю, есть ли более невежественные в мире, чем так называемые духовные наставники нашего народа, которым он в значительной степени обязан своим глубоким неверием»⁸⁰.

За четыре года американской оккупации острова мнение кубинцев о католическом духовенстве несколько не изменилось. Вскоре после ухода американцев кубинская газета «Эль Мундо» писала: «Духовенство утратило свое влияние на Кубе. Наш народ испытывает отвращение к рясе. Еще живо воспоминание обо всем том зле, которое причинило духовенство нашей стране. Церковники на Кубе были герильеросами⁸¹, шпионами и информаторами. Они

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosofff.org

пытались в школах учить детей кубинцев ненавидеть их родителей, а испанских детей – уроженцев Кубы – ненавидеть их родную землю. В их школах господствует порок... Они все еще находят дураков, которых могут эксплуатировать, одурманивая глупыми сказками. Наш народ вовсе не нуждается в священниках, он прекрасно может обойтись без них» 82.

Политика католической церкви, служившей сначала испанским колонизаторам, а потом американским оккупантам, вызвала негодование и возмущение патриотической общественности. Следует ли удивляться, что Учредительное собрание Кубы в 1901 г. подавляющим большинством голосов утвердило 26-ю статью конституции, отделяющую церковь от государства. Эта статья была сформулирована следующим образом: «Исповедание всех религий свободно, так же как практика всех культов, без каких-либо ограничений, при условии уважения к христианской морали и общественному порядку. Церковь отделяется от государства, которое не будет финансировать ни в коем случае какую-либо религию» 83. Конституция 1901 г. запретила также преподавание религии в школе. В 1918 г. был принят закон об обязательной гражданской регистрации браков и закон, разрешавший развод. На этом антиклерикальный запал кубинских властей исчерпал себя. Местная буржуазия все больше подчинялась империализму США, а это толкало ее на сотрудничество с церковной иерархией. Последняя в свою очередь была готова служить кубинской буржуазии так же, как она служила испанцам и американцам.

После ухода американцев кубинское правительство и конгресс отказались утвердить соглашение Вуда с церковниками о выплате им компенсации за ранее конфискованную испанцам собственность, но отменить его они не могли ввиду пресловутой «поправки Платта», 4-я статья которой обязывала кубинское правительство «считать в силе, поддерживать и защищать» все распоряжения оккупационных властей и вытекающие из них права и обязанности. Применение этой «поправки Платта» потребовал папский представитель в Гаване епископ Шапелье. В телеграмме государственному секретарю Хью в связи с отказом конгресса Кубы утвердить соглашение Вуда с церковью Шапелье писал: «Пожалуйста, телеграфируйте Штейнгарту (генеральному консулу США на Кубе. – Я. Г.) для передачи мне Вашего мнения о мерах, какие предпримут Соединенные Штаты для защиты наших прав согласно «поправки Платта» и Парижского договора. Он хорошо знаком с фактами этого дела, и римская церковь относится к нему с полным доверием» 84.

Правительство США, опасаясь реакции кубинцев, не сочло целесообразным применить «поправку Платта» в защиту церковников. Тем не менее Кардинал Гиббонс, епископ Айрланд и другие католические деятели продолжали настаивать на применении санкций против Кубы.

Последовавшая в 1906 г. новая американская оккупация Кубы позволила США удовлетворить претензии церковников. Адмирал Чарлз И. Магон, военный губернатор Кубы, вместо процентов выплатил (и в этот раз за счет кубинской казны!) церковникам в 1908 г. 1747 483 доллара, т. е. сумму, в которую оценивалась к тому времени церковная собственность, конфискованная некогда испанскими властями. Благодарный папа Пий X великодушно наградил адмирала Магона орденом св. Григория Великого.

Пожалуй, нигде в Латинской Америке так отчетливо не проявлялся космополитический характер католической церкви, как на Кубе. Подавляющее большинство церковников и после провозглашения независимости составляли испанцы. Это был подлинный иностранный легион на службе кубинских п североамериканских эксплуататоров. В 1918 г. Гонсалес дель Валье писал: «Духовенство и монашеские ордены или конгрегации состоят почти исключительно из испанцев и преследуют во всем цели, противоположные нашей национальности. Поэтому наша первейшая задача кубанизировать наше духовенство. Пора уже это сделать. Разве кубинский народ не вправе, подобно другим народам, иметь своих собственных священников и прелатов?» 88. Ведь сама-то Испания запрещала у себя деятельность иностранных священников. И все-таки, несмотря на эти призывы, большинство служителей были иностранцами вплоть до победы революции в 1959 г.

Во время борьбы за независимость в сельских местностях Кубы церкви использовались испанцами как крепости и опорные пункты в борьбе против патриотов 88. Многие из них были сожжены или разрушены. В республиканский период церковники не пытались восстановить сельские церкви, зато они строили пышные храмы в богатых городских районах в надежде привлечь состоятельных и влиятельных прихожан. Особое внимание духовенство уделяло родственникам президентов, министров и прочих влиятельных лиц, действуя через которых оно добивалось от властей различных льгот и уступок. В 1916 г. Бенедикт XV провозгласил Медную деву, изображение которой почиталось негритянским населением острова, покровительницей Кубы. Этот акт папы римского должен был способствовать укреплению влияния церкви на местное негритянское население.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

В 10–20-е годы открываются семинарии, церковные общеобразовательные школы и колледжи, учреждаются светские католические организации: «Рыцари Колумба» (1909), Ассоциация кубинских католиков (1918), Федерация католической молодежи (1928), Университетская католическая организация (1931), Ассоциация рыцарей-католиков (1929). Церковь покровительствует диктатор Херардо Мачадо (1925–1933). Ее деятельность находит поддержку реакционной печати, в особенности крупнейшей газеты острова «Диари де ла Марина», ставшей рупором сахарозаводчиков. 17 июня 1935 г. исполняющий обязанности президента Мен-диета, ставленник командующего армией Батисты, устанавливает дипломатические отношения с Ватиканом. В 1938 г. учреждается «Католическое действие», в которое вливаются другие светские католические организации. Вскоре ватиканский нунций становится дуаиеном дипломатического корпуса в Гаване. Государство только в тюрьмах не разрешило иметь церковные часовни, а в больницах, армии и других учреждениях церковники действовали свободно. Церковь получала завещательные дары, что позволило ей вновь быстро обрести солидное недвижимое имущество, как правило не облагавшееся налогами. Опекаемая правящими кругами и американскими компаниями католическая церковь три десятилетия спустя после провозглашения независимости вновь превращается на Кубе в «респектабельный» институт, каким она была при испанских колонизаторах.

Запевалы антикоммунизма

Во второй половине 30-х годов кубинские церковники ведут оголтелую пропаганду против республиканской Испании, превозносят режим Франко, выступают с позиций воинствующего антикоммунизма и антисоветизма. Но в стране растут силы прогресса: крепнет рабочее движение, ширится национально-освободительная борьба.

В 1940 г. Учредительное собрание приняло новую конституцию. Хотя в преамбуле к ней говорилось о «божьем покровительстве», конституция подтверждала принцип отделения церкви от государства. Статья 31 гласила: «Исповедание всех религий свободно, как и практика всех культов без других ограничений, за исключением уважения к христианской морали и общественного порядка. Церковь будет отделена от государства, которое не будет финансировать какую-либо религию». Последняя фраза звучит менее категорично по сравнению с текстом 1901 г., в ней опущены слова «ни в коем случае». Статья 51 новой конституции провозглашала: «Все образование, государственное или частное, должно быть проникнуто духом кубинского патриотизма и человеческой солидарности, преследуя цель воспитания у учащихся сознательной любви к Родине, к ее демократическим учреждениям и ко всем тем, кто за них боролся» 87.

И все же церковникам при поддержке буржуазных партий удалось провести в конституцию 1940 г. статьи, разрешавшие деятельность их учебных заведений, в том числе университетского типа, хотя и подлежащих государственному контролю и регламентации. Конституция разрешала преподавание религии учащимся начальных и средних школ и колледжей, но за пределами учебных заведений и только по желанию родителей.

Опираясь на эти уступки, церковники развязали в стране шумную кампанию за включение преподавания религии в школьную программу в качестве официального предмета. С этой целью была создана организация «За Родную школу», поддерживаемая газетой «Диарио де ла Марина». Церковники требовали исключения видного деятеля Народно-социалистической (коммунистической) партии Кубы Хуана Маринельо. из состава Национального совета по образованию и культуре. Демократические круги объединили свои силы в другой организации – «За свободную школу в свободной Кубе» – под председательством видного прогрессивного историка Эмилио Ройга де Леучсенринга, требуя строгого соблюдения конституции. Им удалось отразить натиск клерикалов и отстоять Хуана Маринельо в качестве члена Национального совета по образованию и культуре, где он на протяжении ряда лет добивался установления государственной инспекции и регламентации деятельности частных (церковных) учебных заведений с тем, чтобы они соответствовали демократическим и светским принципам конституции 1940 г.

Борьба вокруг конституции 1940 г. показала, что католическая церковь на Кубе считала своей главной политической задачей мобилизацию всех реакционных сил против коммунизма, против Народно-социалистической партии.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosofff.org

Именно в 1940 г. в послании от 20 июня архиепископ Мануэль Артеага Бетанкур (будущий кардинал) впервые от имени католической церкви открыто запретил верующим голосовать за партии, программы которых включали атеистические и антирелигиозные положения. Хотя в программе Народно-социалистической партии такие положения отсутствовали, всем было ясно, что речь шла именно о ней. В посланиях от 17 февраля 1944 г., 1 февраля 1945 г. и 3 мая 1948 г. Артеага прямо призвал верующих голосовать против коммунистов. В заявлении архиепископа от 15 февраля 1950 г. говорилось, что католики «никоим образом не могут способствовать победе, распространению, укреплению коммунизма, морально или экономически сотрудничать с коммунистическими партиями или помогать им какими-либо средствами в достижении их целей» 88.

Но церковники не ограничивались только такого рода заявлениями. Они вели активную антикоммунистическую агитацию среди трудящихся путем всякого рода листовок, брошюр, выступлений в печати. Одна из таких листовок, выпущенная в 1940 г., начиналась с перечисления пунктов, по которым коммунисты и католики солидарны. Они солидарны, говорилось в листовке, в том, что существующий социальный порядок уродлив и что социальный вопрос должен быть решен в интересах трудящихся.

Затем перечислялись пункты, по которым коммунисты и католики расходились кардинальным образом. Согласно авторам листовок, коммунисты утверждали якобы, что все должны быть рабочими – рабами государства, что нет другой жизни за пределами смерти; коммунисты якобы призывали «пить и есть, ибо завтра умрем», и т. д. Католики же якобы стремились всех превратить в собственников, добиться справедливого распределения богатств, призывали трудиться на пользу детей, Родины, во исполнение долга. Религия, утверждала листовка, отменила рабочее рабство и провозгласила всеобщее братство. Генеральный секретарь Народно-социалистической партии Блас Рока⁸⁹ в брошюре «Католики и коммунисты» 90 в популярной форме разоблачил всю несостоятельность этих клеветнических противопоставлений. Блас Рока показал, что социальная доктрина церкви, как она изложена в этой листовке, является не чем иным, как демагогией, цель которой – сбить с толку рабочих, увести их от классовой борьбы, заставить покорно сносить капиталистический гнет.

Позиция компартии по отношению к религии, писал Блас Рока, не должна каким бы то ни было образом смешиваться с позицией буржуазных радикалов, вульгарных антиклерикалов, равно как и с позицией анархистов, псевдореволюционеров – сторонников ведения любой ценой борьбы против бога как решающего и первостепенного вопроса социальной борьбы.

Коммунисты выступают против обеих этих тенденций. Будучи марксистами, последовательными материалистами, они отвергают всякую идеалистическую или религиозную интерпретацию жизни и без подвохов и сюсюканья пропагандируют свою научно обоснованную точку зрения. Именно потому, что они марксисты, а не анархисты, они отвергают всякую мысль об «объявлении» авантюристической войны богу и религии. В этом смысле действия анархистов всегда шли на пользу интересам буржуазии и крупных помещиков.

«Много раз мы непосредственно обращались к религиозным организациям, – писал Блас Рока, – приглашая их сотрудничать с нами в этой борьбе. Чтобы установить такое сотрудничество, мы не навязывали никакой дискуссии относительно религии; мы даже не помышляли о том, чтобы требовать от этих организаций или от их сторонников отказаться, принизить или скрыть свою веру в бога. Мы также не думали и о каком-либо обете непризнания или даже утаивания своих материалистических принципов.

Мы просто-напросто просили всех работать вместе с нами ради общего и непосредственного блага, ради прогресса человечества. Мы обращались к верующим с тем, чтобы они усвоили формулу «На бога надейся, а сам не плошай», хотя мы им и оказывали содействие с тем, чтобы благоприятным образом изменить существующие скверные условия».

Невзирая на жестокие порой очень грубые и нелепые нападки реакционного клира, коммунисты, напоминая Блас Рока, всегда избегали и будут избегать всего того, что могло бы означать пусть даже самые незначительные обиды или оскорбление чувств и религиозных убеждений верующих.

В заключение Блас Рока так определял отношение кубинских коммунистов к религии и верующим.

Коммунисты борются за замену капиталистического строя, объединяясь с массами независимо от их вероисповеданий в борьбе за их справедливые требования и за социализм, благодаря которому эти массы освободятся от религиозных предрассудков с помощью научной и воспитательной пропаганды, основанной на диалектическом материализме.

Коммунисты за самую широкую свободу вероисповедания и практического отправления культа гражданами, которые вольны выбирать любую религию или не исповедовать вообще никакой религии.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

Коммунисты против всякого насилия или антирелигиозного преследования и раз и навсегда отвергают все то, что может оскорбить или обидеть религиозное чувство верующих. Коммунисты считают своим долгом работать с рабочими и крестьянами во имя их собственного освобождения.

Коммунисты за самое полное отделение церкви от государства и школы; они отвергают прямые или косвенные привилегии церкви. Они требуют прекращения всякого рода преследований или дискриминации любого культа или верования. Таковы позиция и долг коммунистов.

Другой видный коммунистический деятель того времени, Хуан Маринельо, в своих многочисленных выступлениях в парламенте и печати также разоблачал антинародную деятельность реакционных церковников. Он указывал на то, что в частных (церковных) школах использовались учебники, в которых восхвалялись Гитлер, Муссолини, японский император Хирохито, латиноамериканские диктаторы и подвергались нападкам демократические деятели, борцы за независимость. В этих же школах многие церковники открыто вели фашистскую, фашистскую и нацистскую пропаганду⁹¹. Маринельо отмечал, что речь идет не о борьбе с религией или с церковью как с религиозным институтом. Народносоциалистическая партия приветствует совместную борьбу католиков и коммунистов за лучшее будущее Кубы, именно поэтому она требует положить конец профашистской деятельности церковников. Маринельо требовал регламентировать, как предусматривала конституция 1940 г., деятельность частных (церковных) школ, поставить ее под государственный контроль. Вместо этого буржуазные правительства Кубы поощряли реакционную деятельность церкви, подвергая гонениям и преследованиям подлинных патриотов Кубы – коммунистов.

В 1941 г. главой католической церкви на Кубе был назначен архиепископ Мануэль Артеага Бетанкур, отпрыск крупной помещичьей семьи из провинции Камагуэй, предки которого принимали участие в движении за независимость в XIX в. Сам же Артеага придерживался крайне реакционных воззрений. Он установил тесную связь с Батистой, занимавшим в 1940–1944 г. пост президента Кубы и щедро финансировавшим из государственной казны строительство различных церковных учреждений.

Не менее тесные связи духовенство поддерживало с правительством президента Грау Сан-Мартина (1944–1948), также щедро снабжавшим церковников деньгами, в частности им было предоставлено 200 тыс. песо⁹² якобы на реставрацию гаванского собора. Всего же только от ренты Национальной лотереи, которой распоряжалось правительство Грау, церковники получили свыше 1 млн. песо⁹³. В 1945 г. папа Пий XII назначил Артеагу кардиналом, первым в истории Кубы. Когда новый кардинал возвратился из Рима в Гавану, ему была устроена пышная официальная встреча и в его честь дан государственный прием в президентском дворце.

В 1946 г. в Гаване североамериканские монахи-августинцы учредили католический университет св. Томаса из Вильянуэвы, получивший в 1950 г. право выдавать полноценные университетские дипломы. Деятельность университета финансировали крупнейшие кубинские миллионеры. С 1956 г. католический университет ежегодно получал государственную субсидию 250 тыс. песо.

В 1947 г. в Гаване состоялся I кубинский евхаристический конгресс, получивший широкое освещение в печати и по радио. Многочисленные церковные публичные манифестации (мессы, конгрессы, торжественные молебны)¹, деятельность церкви в области образования (поддержка реакционной печати и радио) создавали церкви искусственный авторитет, не соответствовавший подлинной степени ее влияния на верующих, большинство которых продолжало относиться к религии индифферентно.

По данным иезуита Густаво Амиго Хансена, самая массовая клерикальная организация «Католическое действие» насчитывала в 1949 г. всего около 24 тыс. членов, из них: Мужская организация (быв. Ассоциация рыцарей-католиков)¹ – 8 тыс., Молодежная организации (быв. Федерация кубинской молодежи)¹ – 4,5 тыс., Организация девушек – 9 тыс., Лига дам – 2,5 тыс. Университетская католическая организация насчитывала тогда всего около 400 членов из общего числа студентов 10 тыс. человек. Основанная в 1942 г. иезуитом Мануэлем Фойяка партия социал-хрн-стиаиской демократии пользовалась ничтожным влиянием.

Подавляющее большинство церковников на Кубе до революции 1959 г. составляли иностранцы, в основном испанцы, известные своим сочувствием режиму диктатора Франко.

Ведущая роль в католической церкви на Кубе принадлежала иезуитам. Под их контролем находилась светская деятельность церкви и католическая школьная сеть, в том числе колледж «Белен» и действовавшая при нем электромеханическая школа, готовившая техников для промышленности. Согласно решению американских властей кубинцы могли поступать в высшие учебные

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

заведения США соответствующего профиля, только сдав экзамен в колледж «Белен». До 1952 г. иезуиты, действовавшие на Кубе, входили в испанскую провинцию, руководство которой находилось в Мадриде. Затем они были выделены в Антильскую подпровинцию во главе с иезуитом (кубинцем по национальности) Даниэлем Бальдаром, подчинявшемуся непосредственно «черному папе» — генералу иезуитского ордена с местопребыванием в Ватикане. Теперь буржуазные политики заигрывали с церковниками. В 1948 г. правительственный кандидат в президенты Карлос Сокаррас, чтобы заручиться на выборах поддержкой церкви, развелся с женой, с которой жил в гражданском браке, и вновь женился, оформив на этот раз только церковный брак. В тех же избирательных целях Прио Сокаррас выступил с докладом «о христианском влиянии на эмансипацию Кубы», утверждая вопреки общеизвестным фактам, что церковь являлась сторонницей независимости в годы борьбы против испанского господства.

В период президентства Карлоса Прио Сокарраса (1948– 1952) связь церкви с правительством еще более укрепилась. Прио Сокаррас был первым кубинским президентом, официально провозгласившим себя католиком. В одном из выступлений он признавался: «Я сам выполняю обряды католической религии, и я рад заявить об этом как президент республики». Ему же принадлежит фраза: «Католическая церковь – мать-благодетельница для большинства кубинцев». В свою очередь церковники поддержали кандидатуру Антонио Прио – брата президента, известного казнокрада, на пост алькальда Гаваны. В конгрессе ставленник клерикалов потребовали запретить Народно-социалистическую партию. Все это устраивало реакцию и стоящих за ее спиной империалистов США. Продолжавших, как и 50 лет назад, распоряжаться судьбами Кубы. Церковники агитировали за «христианское» решение социальных проблем. В чем это решение выражалось, можно судить на примере аграрного вопроса, одного из самых острых и наболевших на Кубе. Предложенный ими план аграрной реформы не только не предусматривал национализацию латифундий и земель, принадлежавших иностранным монополиям, а требовал «уважения к законным интересам иностранцев», установления «гармоничности» между сельскохозяйственными рабочими и латифундистами.

В одной из резолюций, принятых участниками Первой католической социальной недели в 1951 г., говорилось: «Социальные классы нуждаются друг в друге. Капитал и труд в равной степени нужны и важны в экономическом производственном процессе. Интересы социальных классов совпадают. Без труда не может быть капитала, без капитала не может быть труда» 94.

Эта проповедь классового мира и сотрудничества в духе энциклики Льва XII «Рерум новарум» заканчивалась предложением установить на Кубе корпоративные порядки фашистского типа.

Союзники Батисты

Когда в 1953 г. в результате переворота к власти вновь пришел ставленник Вашингтона Фульхенсио Батиста, церковь, восхвалявшая до этого Прио Сокарраса, стала возносить молитвы в честь нового правителя Кубы. «Режим Батисты, – признает американский исследователь Лесли Дюарт, – был отмечен невиданным количеством епископских благословений в течение шести с половиной лет его существования» 95.

Как только Батиста занял президентский дворец, к нему поспешил епископ Альфредо Мюллер, который от имени кардинала Артеаги приветствовал новоиспеченного диктатора словами, сказанными некогда Пием XI в адрес Муссолини: «Вы явились инструментом провидения в деле освобождения нашей родины от зол и несчастий».

Всем было понятно, о каких «несчастьях» идет речь. Батиста сразу же после захвата власти объявил вне закона Народно-социалистическую партию, отменил элементарные демократические свободы, заполнил тюрьмы патриотами и борцами за национальное освобождение.

Диктатор со своей стороны не остался перед церковниками в долгу. Через свою жену Марту Фернандес Миранду он щедро финансировал их мероприятия. Ни одна официальная церемония не проходила без участия церкви. Несмотря на зафиксированное в конституции отделение церкви от государства, в казармах, полицейских участках строились часовни, устраивались молебны.

В период диктатуры Батисты из всех политических организаций только клерикальные пользовались неограниченной свободой в своей деятельности.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org

Число их продолжало расти. В 1954 г. были созданы Движение интеллектуалов и специалистов – католиков Кубы и Союз артистов-католиков. В том же году в Гаване заседал V Межамериканский конгресс «Католического действия». В 1956 г. в Гаване проводились Национальная ассамблея и слет всех организаций «Католического действия». Год спустя клерикальный деятель Мигель Фигероа-и-Миранда с удовлетворением отмечал, что, наконец, настал час, когда «священник вышел из ризницы, стал частым гостем в домах, появился на радио и телевидении, когда умножились религиозные организации и кубинский католицизм научился громко говорить и эйгергично защищать принципы своей веры»

Влияние церкви, однако, распространялось в основном на правящие классы. Попытка «социально сознательных» церковников и клерикалов проникнуть в рабочую массу, создать католические профсоюзы, вдохнуть жизнь в демокристическую партию успеха не имела. Да и церковная верхушка, как и господствующая олигархия, не проявляла к такого рода экспериментам большого интереса. Она чувствовала себя надежно под опекой американского империализма и его ставленника Батисты и не считала нужным прибегать к религиозно-социальной демагогии для укрепления своих позиций.

«Неоднократные попытки „Католического действия“, – пишет Мечэм, – связать церковь с жизнью и интересами низших классов принесли мало результатов к 1959 г. Церковь продолжала быть связанной с богачами и империализмом. Католическая иерархия даже отказалась опубликовать энциклику „Мир на земле“ папы Иоанна XXIII, считая его „полу-коммунистом“. Церковь представлялась разложившимся организмом, проводящим антинародную политику, за что подвергалась критике со стороны лидеров революционных движений» 97.

К такому же выводу приходят Мак Гаффи и Барнетт: «Церковные храмы по-прежнему были расположены почти исключительно в городах. В сельских местностях формальная религиозная жизнь крестьян, как правило, ограничивалась случайными посещениями священника для совершения крестин. Церковные организации в основном состояли из женщин средних классов. В целом мужчины считали, что религия – дело женщин... Только в богатых районах, таких, как Мирамар в окрестностях Гаваны, все члены семейств постоянно посещали богослужения. Большинство кубинцев, вступавших в монашеские ордены, также являлись выходцами из высшего класса» 98.

Католическая церковь не поднимала своего голоса против незаконных и преступлений тиранического режима Батисты. В июле 1957 г. церковная иерархия объявила, что она «вне политики и выше всех политических партий». «Нечувствительность кубинской католической элиты, – пишет Мечэм, – к несправедливостям дореволюционного социального положения и решимость иерархии отделяться молчанием (по отношению к Батисте) вызвали критику в ее адрес и даже раскол в католическом лагере» 99.

Особое недовольство позицией католических иерархов ощущалось среди патриотически настроенных студентов – выходцев из средних слоев, находившихся под идейным влиянием церкви. Многие из этих молодых людей приняли участие в борьбе против Батисты в рядах повстанцев Фиделя Кастро и в других революционных движениях, считая, что таким образом они выполняют свой долг католиков и патриотов. Среди них был Хуан Эчеверрия, студенческий лидер, убитый полицией Батисты, и др. Опасаясь потерять влияние на эту молодежь, отдельные церковники поддерживали контакт с подпольным антибатистовским движением, оказывали ему всякого рода мелкие услуги. С повстанческими отрядами в горах с середины 1957 г. находился священник Гильермо Сардиньяс, которому было присвоено высшее военное звание майора. Его назначили капелланом повстанческой армии. Иногда полиция в поисках революционеров обыскивала квартиры священников. В августе 1953 г. неизвестные лица ворвались в резиденцию кардинала Артеаги и нанесли ему увечья. По заявлению секретаря кардинала, нападавшие стремились заполучить у главы кубинской церкви 30 тыс. песо, по другим источникам – 45 тыс., хранившихся у него.

Ограбление было организовано полицией. Его совершили головорезы во главе с братом начальника полиции Гаваны Хосе Марией Салас Кальсаресом под предлогом поисков подпольщиков, якобы укрывавшихся в кардинальском дворце 10°. Раненого кардинала посетила жена Батисты и передала соболезнование диктатора. По-видимому, деньги были возвращены. Сам кардинал никаких публичных протестов по поводу ограбления и избиения не выразил, более того, он делал все возможное, чтобы замаять этот «печальный инцидент», опасаясь как бы он не повредил его «излюбленному сыну» Батисте. И все же это нападение создало церкви мученический ореол, легенду о ее якобы враждебном отношении к диктатуре. В действительности ничего подобного не было. Церковная иерархия поддерживала Батисту, который по мере того, как терял под собой почву, делал все новые и новые реверансы в ее сторону. В 1957 г. исполняющий обязанности министра просвещения Эвелио Пентон заявил о

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
намерении правительства официально разрешить преподавание религии в школах. «Частные школы, – писал Хуан Маринельо, – подчиненные иезуитам, имевшим большое влияние в стране, превратились в активную агентуру империализма и реакции, католические монашеские ордены усиливали свою деятельность, способствовавшую регрессу, и во время тирании Батисты вынашивали проекты такого же подчинения государственных школ, как это было с частными школами, сделав обязательным во всех учебных заведениях преподавание католической религии. Возможно, что если бы не победила революция, церковь достигла бы этого» 101.

Одну из таких частных школ в свое время окончил будущий вождь Кубинской революции Фидель Кастро. Выступая в 1961 г. перед прогрессивными деятелями культуры, Фидель Кастро вспоминал: «Меня формировали худшие представители реакции, значительная часть моей жизни оказалась во власти обскурантизма, предрассудков и лжи. Это было время, когда тебя не учили мыслить, а заставляли верить... Я не восстаю против религиозных чувств человека: мы их уважаем, уважаем право человека на свободу верить и принадлежать к определенному культу. Однако это вовсе не значит, что мое чувство они уважали. Я не имел никакой свободы выбрать ту или другую веру или культ, мне их навязывали и меня приручали в течение двенадцати лет» 102.

Диктатура продолжала свой флирт с церковью. В 1957 г. Батиста, опасаясь студенческих выступлений, закрыл университеты страны, за исключением католического – св. Томаса, возглавляемого американским прелатом Джоном Дж. Келли. Уже после революции были обнаружены донесения Келли начальнику бати-стовской охраны майору Рикардо Медине Барриосу, в которых американский прелат выдавал студентов – противников тирании 103.

13 марта 1957 г. после неудавшейся попытки сторонников Революционного студенческого директората захватить президентский дворец и свергнуть Батисту, когда на улицах Гаваны еще не остыла пролитая полицейскими кровь молодых патриотов, Артеага поспешил лично поздравить Батисту с «чудесным избавлением». Следует отметить, что племянник кардинала – Росейдо Эспи Артеага был одним из приближенных Батисты, при содействии которого скотлил крупное состояние. Брат епископа Мюллера – Карлос занимал в те годы высокий пост в министерстве финансов, где пользовался покровительством батистовского министра Гарсии Райнериса. Таким образом, интересы церковных иерархов и их родственников тесно переплетались с интересами клики Батисты. В 1958 г., когда тирания Батисты доживала последние дни, церковники все еще пытались найти средства, чтобы удержать диктатора у власти. Епископы стали выступать за «мирное» решение политического кризиса, за создание с участием Батисты правительства «национального единства». Батиста охотно соглашался на подобного рода «гуманные» предложения церковников, но Фидель Кастро категорически осуждал и отвергал их, ибо все они играли на руку диктатору. Во второй половине 1958 г. епископы неоднократно проводили секретные совещания, на которых якобы пытались выработать заявление об осуждении режима Батисты. Но из этого «благого намерения» так ничего и не получилось. Епископы не решились осудить тирана.

В начале декабря 1958 г. францисканец Белармино Гарсия обратился к епископам с посланием, предлагая порвать с диктатором. Гарсия писал; «Церковная иерархия оставила католическую общину беззащитной и даже выдвинула обвинение в отсутствии дисциплины и в неповиновении в адрес лучших священников и католиков за их отношение к великим опасностям, угрожающим стране. Высокие церковные иерархи или молчали, или публично выступали с позиции невероятного безразличия по отношению к позорным действиям полицейских сил, воодушевляемых и одобряемых верховным правителем де-факто, который открыто похвалялся преступлениями и жестокостями, унижающими человеческое достоинство и котцунствепно оскорбляющими основные моральные принципы христианского сознания» 104.

Но и этот призыв остался без ответа. Церковные иерархи продолжали оставаться на стороне своего благодетеля.

Даже накануне падения Батисты церковь продолжала играть в нейтралитет. Об этом рассказал французский католический журналист Клод Жульен на страницах парижской газеты «Монд». Жульеи посетил в конце 1958 г. архиепископа Сантьяго Переса Серрантеса и спросил его: «Гавана – это один из городов мира, где больше, чем где бы то ни было, открыто процветают ложь, грабеж, публичные скандалы, убийства, пытки. Считает ли церковь возможным в этих условиях защищать веру и обеспечить торжество своей морали?».

Ответ Переса Серрантеса был достоин иезуита: «Сударь, я вас поздравляю, ибо вы единственный журналист, который задал мне этот основной вопрос. Но я не могу ответить вам на него» 105.

Нейтралитет церковников был только ширмой, за которой они скрывали свое стремление спасти батистовских палачей от на-родного гнева, их устроило бы любое решение кубинского кризиса, но на антикоммунистической основе. Клод

Жульен писал по этому поводу: «В прохладе епископских дворцов прелаты ищут компромисса между непримиримыми силами. Они с печалью наблюдают за положением, которое усложняется с каждым днем. Только они одни могли возвысить свой голос (против Батисты. – И. Г.), не рискуя быть подвергнутыми аресту или убийству. Только они одни могли выступить против диктатуры, не опасаясь, что их кастрируют... Верующие не требовали от них уверений в том, что Фидель Кастро спасет страну. Но в этой атмосфере страстей они хотели услышать голос в защиту прав человеческой личности. Они просили своих пастырей сказать ясное слово по этому поводу, но в ответ получали только жалобные стенания» 106.

В 1957 г. правительство Батисты выделило 200 тыс. песо на строительство гигантской статуи Христа высотой в 33 м, которая была воздвигнута на одном из холмов у входа в гаванский порт, неподалеку от крепости Ла-Кабанья. Предполагалось открыть статую в торжественной обстановке, мобилизовав на церемонию духовенство и верующих. Однако дни диктатуры были сочтены. 25 декабря 1958 г. статую открыли в спешке и без помпы, а пять дней спустя диктатор бежал из страны. Кровавый режим Батисты рухнул. Вооруженная борьба, начатая в горах Сьерра-Маэстры горсткой партизан во главе с Фиделем Кастро, вылилась в мощное освободительное движение, в подлинно народную революцию. 1 января 1959 г. Кубинская революция победила, власть впервые в истории Кубы и Америки перешла к народу.

В книге «Рост и упадок Кубинской Республики», написанной или, вернее, подписанной Батистой после его бегства из Гаваны, автор оправдывал и всячески возвеличивал свою деятельность на посту президента, подчеркивал свое самое благожелательное отношение к церковной иерархии.

Характеризуя деятельность церковной иерархии в период тирании Батисты, Сантьяго Куба с полным правом писал в 1962 г. в партийном органе Коммунистической партии «Куба сосъали-ста»: «В то время как кубинские патриоты гибли на улицах и в казематах тирании и даже некоторые рядовые священники терпели преследования за свое участие в народной борьбе, высокая церковная иерархия посещала президентский дворец, получала чеки, участвовала в празднествах политического характера, организуемых тираном, интриговала в поисках „формул44 с тем, чтобы затормозить бурную и угрожающую тирании волну национального возмущения. Католические иерархи величали „благороднейшим военным*32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 мясника Рио Чавиано107, они приветствовали, называя „сердобольными44, ой реакционными церковниками, работавшими в системе образования или выступавшими в роли советников общественных организаций или профсоюзов, что позволило охранке расправляться со студентами, рабочими, крестьянами и даже с некоторыми „неконтролируемыми44 или слишком независимыми священниками» 108.

Церковь на Кубе, по словам Лесли Дюарта, стремилась не к переменам, а к стабилизации существующего положения. Когда же революция свершилась, церковная иерархия была меньше всех подготовлена к ней 109.

Дж. Ллойд Мечэм в свою очередь отмечает, что «положение римского католицизма на Кубе накануне прихода к власти Фиделя Кастро не было многообещающим. В стране числилось более пяти миллионов католиков, но едва ли 10% из них выполняли какие-либо церковные обряды. Церковь на Кубе никогда не пользовалась таким влиянием в обществе, как в других странах Латинской Америки, здесь она была столь бессильной, что ей нечего было опасаться активного антиклерикализма. Большую опасность, таким образом, представляли для нее не внешние враги, а ее собственные слабости» по. is Brown Castillo G. Cuba colonial, p. 135.

16 Figueras F. Cuba..p. 258.

17 Терновой О. С. философия кубы (1790–1878 гг.). Минск: Изд-во БГУ, 1972, с. 54.

18 Там же, с. 86.

19 Roig de Leuchsenring E. La Iglesia cat so Fundamentos, 1949, N 90, p. 675.

21 Portell Vil

22 Dewart L. Christianity and Revolution: The lesson of Cuba. New York, 1963, p. 93.

23 Robinson A. G. Cuba and the Intervention, p. 328.

24 Gonzalez del Valle F. El Clero en la Revoluci

25 Estrada G. Sobre historia do Cuba. La Habana, 1955, p. 45.

20 Повстанцы поджигали сахарный тростник на плантациях сторонников испанцев.

27 Fernandez Callejas R. El Clero y la Independencia de Cuba. La Habana, 1952, p. 28–29.

28 Ibid., p. 35–36, 40.

29 Diario de la Marina, 17.v 1876.

- Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosofff.org
- 30 Fernandez Callejas R. El Clero y la Independencia..., p. 19.
 - 31 Испанцы впоследствии расстреляли за соучастие в этом акте двух кубинцев и двух испанцев.
 - 32 Roig de Leuchsenring
 - 33 Ortiz F. La fama postuma de Jos
 - 34 Roig de Leuchsenring E. La Iglesia cat
 - 35 Ibid., p. 31, 55.
 - 36 Американский католический священник Эдуард Мак-Глинн (1837–1899) был предан Ватиканом анафеме за осуждение капиталистических порядков. Его отлучение вызвало негодование рабочпх-католиков.
 - 37 Марти Х. Североамериканские сцены. М.: Худож. лит., 1963, с. 144.
 - 38 Одно из имен индуистского божества Вишну.
 - 39 Марти Х. Североамериканские сцены, с. 147–148.
 - 40 Там же, с. 150–154.
 - 41 Там же, с. 151.
 - 42 Там же, с. 161–162.
 - 43 Marti J. Obras completas. La Habana: Ed. Tr
 - 44 Цит. по: Терновой О. С. Философия Кубы, с. 176–180.
 - 45 Roig de Leuchsenring E. La Iglesia cat
 - 46 Ibid., p. 176–181.
 - 47 Цит. по: Роиг де Леучсенринг Э. Хосе Марти – антиимпериалист. М.: ИЛ, 1962, с. 14–15.
 - 48 Зорина А. М. Национально-освободительное движение на Кубе в 1845–1898 гг. – Учен. зап. по новой и новейшей истории, 1957, вып. III, с. 137.
 - 49 Roig de Leuchsenring E. La Iglesia cat
 - 50 Ibid.
 - 51 Fernandez Callejas R. El Clero..., p. 29–31.
 - 52 Gonzalez del Valle F. El Clero en la Revoluci
 - 53 Ibid., p. 60.
 - 54 Ibid., p. 77–78.
 - 55 Roig de Leuchsenring E. La Iglesia cat
 - 56 Ibid., p. 24–25.
 - 57 Ibid., p. 93–94.
 - 68 Это не помешало церковникам после завоевания независимости Кубы выдавать себя за последователей Марти п Масео. Они даже пытались выстроить в честь Масео часовню на месте его гибели. Но возмущение и протесты сторонников Масео были столь сильными, что служители церкви были вынуждены отказаться от своей кощунственной затеи.
 - 59 Roig de Leuchsenring
 - 60 Шейнмап М. И. Ватикан и католицизм в конце XIX–начале XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 309.
 - 61 Sontovonia E. S. Armonias y conflictos en torno a Cuba. Mexico; Buenos Aires, 1956, p. 263.
 - 62 Шейнмап М. И. Ватикан..., с. 309–310.
 - 63 Там же, с. 312–313.
 - 04 Portell Vila H. Historia de Cuba..., p. 101.
 - 65 Infiesta R. Historia constitucional de Cuba. La Habana, 1951, p. 291.
 - 66 Gonzalez del Valle F. El Claro en la Revoluci
 - 67 Portell Vila H. Historia de Cuba..., p. 98.
 - 68 Ibid., p. 539.
 - 69 Ibid., p. 240.
 - 70 Ibid., p. 387.
 - 71 Ibid., p. 98.
 - 72 Ibid., p. 100.
 - 73 Lloyd Mecham J. Church..., p. 301.
 - 74 Portell Vila H. Historia de Cuba..., p. 98.
 - 75 Moran M. V. Church and State in Cuba (Microfilm). Columbia University Library, 1950, p. 31.
 - 76 Mac Gaffy W., Barnett C. V. Twentieth – Century Cuba: The Background of the Castro Revolution. New York, 1965, p. 236.
 - 77 Robinson A. G. Cuba and the Intervention, p. 328.
 - 78 Fundamentos, 1949, N 90, p. 675.
 - 79 Bohemia, 1979, N 19, p. 89.
 - 80 Roig de Leuchsenring E. La Iglesia cat
 - 81 Так назывались банды испанских карателей, действовавших на Кубе в период войны за независимость.
 - 82 Robinson L. G. Cuba and the Intervention, p. 330.
 - 83 Lloyd Mecham J. Church..., p. 301.
 - 84 Portell Vila H. Historia de Cuba..., p. 540. «Поправка Платта» (названа так но имени предложившего ее американского сенатора) была включена по настоянию США в конституцию Кубы; она давала право Соединенным

- Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
- Штатам вмешиваться во внутренние дела острова. Парижский мирный договор был заключен США и Испанией в 1898 г.
- 85 Gonzalez del Valle F. El Clero en la Revoluci
- 86 Leiseca J. M. Apuntes para la historia Eclesiastica de Cuba. La Habana, 1930, p. 17-18.
- 87 Основные законодательные акты Кубинской Республики. М.: Юриздат, 1962, с. 33.
- 88 Moran M. V. Church and State..., p. 66.
- 89 Ныне член 'Политбюро ЦК КПК, заместитель Председателя Государственного совета Кубы, Председатель Национальной ассамблеи народных представителей Кубы.
- 90 Rosa
- 91 Orbita de Juan Marinello. La Habana, 1972, p. 317-319.
- 92 Кубинское песо в то время было равно 1 американскому доллару.
- 93 Cuba S. El Clero reaccionario y la Revoluci
- 94 Soluci
- 95 Dewart L. Christianity..., p. 98.
- 96 Figueroa y Miranda M. Historia de la Agrupaci
- 97 Lloyd Mecham J. Church..., p. 304.
- 98 Mac Gaffy W., Barnett C. R. Twentieth..., p. 243.
- 99 Lloyd Mecham J. Church..., p. 304.
- 100 Julien C. La Revolution Cubaine. Paris, 1961, p. 39-40.
- 101 Маринельо Х. Революция и просвещение. – В кн.: Куба: Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 429.
- 102 Castro F. Palabras a los intelectuales. La Habana, 1961, p. 25-26. Tiempo, 9.III 1959, p. 44.
- *04 Dewart L. Christiniaty..., p. 115. i°5 Julien C. La Revolution..., p. 43-44.
- *oe Ibid., p. 46.
- 107 Один из сатрапов Батисты, командовавший войсками в Сантьяго, ответственный за убийства взятых в плен участников штурма казармы «Монкада» 26 июля 1953 г. ios Cuba S. El Clero..., p. 21.
- 109 Dewart L. Christianity..., p. 101.
- 110 Lloyd Mecham J. Church..., p. 304.
- i/2 19 И. Р. Грпгулевич
Глава одиннадцатая

ЦЕРКОВЬ, ИМПЕРИЯ, РЕСПУБЛИКА (Бразилия)

Бразилия занимает особое место в Латинской Америке. Самая большая и населенная после США страна на континенте* она была завоевана и освоена Португалией. В ней утвердилось плантационное хозяйство (сначала по производству сахара, потом кофе) с широким применением рабского труда. Бразилия, как и испанские колонии, добилась независимости в начале XIX в., однако отделение от Португалии не носило характера затяжной гражданской войны. В 1822 г. Бразилия была провозглашена империей во главе с Педро I, сыном португальского короля Жоана IV. После отречения Педро I (1831) бразильский трон унаследовал его сын Педро II. Весь XIX в. здесь шла борьба между сторонниками и противниками рабства, которое было отменено только в 1888 г. Год спустя в результате военного переворота была провозглашена республика.

На протяжении последующих 40 лет в Бразилии сменялись у власти различные помещичье-буржуазные правительства. В 1930 г. произошел очередной переворот во главе с представителями буржуазии, связанной с интересами американского капитала. Лидером новой правительственной группировки стал Жетулио Варгас (президент Бразилии— 1930-1945, 1950-1954), личность которого доминирует на политической сцене страны в последующие 25 лет. Варгас установил ультраправый диктаторский режим, жестоко преследовал коммунистов и демократов, широко открыл двери страны для иностранного, в первую очередь американского капитала. Во время второй мировой войны, в которой Бразилия участвовала на стороне антифашистской коалиции, правительство Варгаса объявило амнистию политзаключенным, легализовало компартию. Впоследствии отношения Варгаса с США испортились,

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
он оказался в изоляции и в 1954 г. покончил жизнь самоубийством.

Новое десятилетие характеризовалось попытками национальной буржуазии противостоять грабительской политике американских монополий. В 1964 г., когда в результате военного переворота было свергнуто правительство президента Гуларта, в стране установился военный режим. После избрания в 1978 г. президентом генерала Фигейреду правящие круги, опасаясь худшего, амнистировали политических противников режима, восстановили основные демократические свободы.

Бразилия считается самой крупной католической страной в мире. Число ее жителей превышает 120 млн. человек. Около 10% населения страны принадлежит к различным протестантским (евангелическим) культам и афро-христианским, спиритическим и им подобным сектам.

Резительные социальные контрасты в республике. Наряду с высокоразвитыми промышленными районами имеются чрезвычайно отсталые с населением, влачащим нищенское существование. Это в первую очередь бразильский северо-восток. Внутренние районы страны, в частности район Амазонки, пребывали на протяжении десятилетий в заброшенном состоянии и только недавно стали развиваться. В стране господствуют финансовая олигархия, генералитет, иностранный капитал. Имеются многие взрывоопасные проблемы: безработица, нищета сельского населения, студенческо-молодежный вопрос, бедственное положение средних слоев.

Каковы же роль и место католической церкви в анналах бразильской истории? Если вкратце ответить на этот вопрос, то можно сказать, что церковь всегда являлась опорой существующих режимов, хотя между ними нередко имели место конфликты и трения. Только в последнее десятилетие бразильская церковная иерархия выступает, за некоторыми исключениями, с «мятежных» позиций. О причинах этого явления мы уже рассказывали в одной из наших предыдущих работ 1. Здесь же мы проанализируем деятельность церкви в Бразилии от начала XIX в. до военного переворота 1964 г.

Служанка империи

В силу некоторых особенностей, связанных с возникновением и становлением португальского государства (завершившего реконквисту в 1249 г. и на протяжении ряда столетий находившегося на переднем крае борьбы с «неверными» маврами), португальская корона пользовалась правом церковного патроната. Это обстоятельство приобрело особый вес в XVI в. в связи с возникновением могущественной португальской колониальной империи. Патронат превращал церковь в инструмент королевской власти. Король назначал и смещал церковную иерархию, папа же задним числом подтверждал королевские указы. Король пользовался также правом цензуры над папскими документами и документами, которые португальская церковь направляла в Ватикан. Без его санкции ни один такой документ не мог иметь законного основания. Королевская власть являлась последней инстанцией и для апелляций служителей церкви против тех или других решений церковной иерархии. Кроме того, король возглавлял богатейший монашеский Орден Христа, возникший в 1317 г. после ликвидации тамплиеров и унаследовавший их огромную собственность, а его ближайший родственник назначался, как правило, на пост главного инквизитора. В Бразилии десятина шла в королевскую казну (этот налог так и назывался «королевская десятина»), а казна выделяла средства на содержание духовенства.

В отличие от Испании, ее владений и самой Португалии роль церкви в колониальной Бразилии была второстепенной. Даже инквизиция обошла ее стороной. Церковь в этой колонии не смогла ни разбогатеть, ни приобрести заметное влияние на общественную жизнь. Колониальная Бразилия развивалась медленно. Она располагала немногими городскими центрами, главным образом на побережье, слабо связанными между собой. Церковная организация была малочисленной и неэффективной. Влияние духовенства больше чувствовалось на плантациях. Чаще всего вторым сыном плантатора становился духовником, он оставался жить на плантациях, там же получал жалованье. Такие плантационные «падре» не отличались приверженностью к католической морали: они обрастали «незаконным» потомством, которому передавали в наследство свое имущество. Особое место занимал в Бразилии иезуитский орден, представлявший собой самую многочисленную и влиятельную церковную организацию. Он занимался обращением в христианство индейцев, контролировал значительные районы – в основном пограничные. Подчиненные непосредственно Риму иезуиты, как и в других странах, добивались преимуществ за счет других религиозных групп.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosofff.org

Когда сторонники просвещенного абсолютизма в Португалии в лице главы правительства маркиза де Помбала (1750–1777) решили ограничить влияние церкви, они в первую очередь запретили иезуитский орден (1759). Иезуиты были изгнаны и из Бразилии. Таким образом, «бразильская церковь, по словам Томаса К. Брюно, не только лишилась лучшего и самого многочисленного своего отряда, но он не был замещен и другим клиром. Таким образом, и без того слабая церковь с ограниченным влиянием стала еще слабее» 2.

В годы правления Помбала в колонию стали проникать произведения Вольтера и других французских просветителей. Новые идеи оказывали влияние и на низы городского духовенства, отдельные представители которого, как и в испанских колониях Америки, стали высказываться за независимость. Особенно радикально были настроены священники-мулаты³. Одной из причин радикализации низшего духовенства являлось снижение его доходов в результате секуляризаторских реформ Помбала. В республиканском заговоре Тирадентиса (1789) принимали участие отдельные священники, церковная же иерархия как колонии, так и метрополии осудила Тирадентиса и его товарищей, отлучив их от церкви и предав анафеме.

В 1807 г. Португалия была захвачена французскими войсками. В отличие от испанской королевской семьи, оказавшейся в руках Наполеона, регент Португалии (с 1816 г. король Жоан IV) со всем своим двором под охраной британского флота перекочевал в Бразилию, где прожил 13 лет. В 1815 г. Жоан объявил Бразилию королевством. Тогда Испанская Америка уже была охвачена пожаром войны против колонизаторов. Это послужило примером и для бразильцев, среди которых были весьма сильны республиканские настроения. В 1817 г. в Пернамбуку произошло восстание, жестоко подавленное властями. Его называют «революцией священников»: после расправы над восставшими было арестовано 57 служителей церкви. Большинство из них – члены местных масонских лож, в которых преобладали республиканские, антиколониальные настроения.

И все же в основной своей массе бразильские священники, отмечает Мечэм, являлись противниками республиканской формы правления. В апреле 1821 г. Жоан IV вернулся в Португалию, оставив в колонии в качестве регента своего сына принца Педро. Рабовладельческая верхушка 7 сентября 1822 г.

провозгласила Бразилию независимой империей, а Педро императором. К тому времени большинство испанских колоний уже сбросило колониальное иго и установило республиканскую форму правления, ненавистную папскому престолу. Таким образом, Бразилия, отделившись от Португалии, сохранила монархию во главе с отпрыском королевского дома Брагансы, правившего в Португалии. Провозглашение независимости в Бразилии не вызвало вооруженного сопротивления колонизаторов или их союзников, как это имело место в бывших испанских колониях. Оно не нарушило сложившихся в колонии общественно-имущественных отношений, привычных для церкви, рабовладение продолжало оставаться основой плантационной экономики, власть во вновь созданной империи перешла в руки крупных фазендейро, с которыми церковная иерархия была связана материальными интересами и узами родства. Учитывая все эти обстоятельства, церковь охотно поддержала переворот 1822 г.

Новый глава государства – император Педро I не отличался особым благочестием. Он возглавлял масонские ложи Бразилии, был твердым сторонником полноты «реализма» (преобладания королевской власти над духовной). Патронатское право было зафиксировано как в конституции 30 апреля 1823 г., так и в «императорской конституции» 25 марта 1824 г., действовавшей в Бразилии вплоть до провозглашения республики в 1889 г. В конституции 1823 г. католическая религия провозглашалась государственной, одновременно разрешалась деятельность в частном порядке всех других христианских церквей, что было уступкой Англии, пользовавшейся в то время в Бразилии огромным влиянием. Разрешались и нехристианские верования, однако их последователи лишались политических прав. Патронат закреплялся за императором, он получал право назначать на церковные должности и право цензуры церковных документов. В свою очередь церковная иерархия наделялась правом цензуры публикаций, касающихся догмы и морали. Десятина оставалась государственным налогом, взамен государство обязывалось выплачивать жалованье белому духовенству. Церковь продолжала держать под своим контролем просвещение, а также кладбища. Законным признавался только церковный брак.

Доп Педро I, посчитав эту конституцию слишком либеральной, отменил ее и вскоре утвердил новую, «императорскую», церковные статьи которой мало чем отличались от предыдущей. Католическая религия провозглашалась «религией империи». Отправление любых других культов разрешалось в помещениях, приспособленных для этого, но внешне не носящих каких-либо церковных символов. Натурализованные иностранцы независимо от их веры наделялись всеми гражданскими и политическими правами. Однако служители католической

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
церкви лишались права голоса, а некатолики не могли избираться в палату депутатов.

В инструкциях, данных прелату Франсиско Корреа Види-галу, который был направлен в августе 1824 г. в Рим для переговоров с папой Львом XII о признании бразильской монархии, предписывалось заявить понтифику, что «императорское правительство не разрешит вмешательства святого престола в дела государства», а также требовать от папы не посылать монахов в Бразилию, так как правительство «не только не нуждается в иностранных монахах, но и не желает увеличивать число уже имеющих в стране» 4. Переговоры с папским престолом продолжались до 1827 г., когда после получения Бразилией независимости папа римский специальной буллой признал за бразильским императором право патроната и главы Ордена Христа на территории этой страны. Тем не менее бразильское правительство отвергло эту буллу, считая, что право патроната исходит не от папской милости, а основано на конституции страны, и его подтверждение папским престолом означает вмешательство иностранного государства во внутренние дела Бразилии.

Папа римский, авторитет которого к тому времени сильно пошатнулся, вынужден был согласиться с таким решением. Вскоре он освободил бразильскую церковь от подчинения Португалии и установил официальные отношения с Бразилией. Первый нунций прибыл в Рио-де-Жанейро в 1830 г. Конкордат, переговоры о котором велись на протяжении ряда лет, не был заключен, но стороны достигли соглашения о «модус вивенди», согласно которому Ватикан обязался уважать бразильское законодательство о церкви и не вмешиваться в ее дела.

В 1828 г. бразильская палата представителей (ассамблея), в которую входили 22 прелата, приняла при их поддержке ряд решений о монашеских орденах; был запрещен въезд и пребывание в стране иностранных монахов, которым за нарушение этого постановления грозили тюремное заключение и высылка; прекращена деятельность орденов, зависевших от папского престола, их члены подлежали высылке; не допускалось создание новых, а не те, которые из существовавших были закрыты по прямому распоряжению императора Педро I. По мере того как монашеские ордены ликвидировались, их собственность национализировалась. Пытаясь избежать этого, монахи заблаговременно продавали свою недвижимую собственность светским лицам, однако закон от 9 декабря 1830 г. объявил такие сделки, проведенные без санкции гражданских властей, лишенными юридической силы.

Комментируя направленные против монахов мероприятия, Мечэм указывает, что не только правительство и народ, но и белое духовенство относились враждебно к монастырским учреждениям. Монахов было немного, но по сравнению с белым духовенством они располагали большими средствами. Это имущественное неравенство порождало враждебное отношение белого духо-вепства к черному. Кроме того, монахи считались ультрамонумент-намп (сторонниками Рима), иностранцами, врагами нации. Народ с недоверием относился к монахам. Правящие классы были недовольны безбрачием духовенства, что мешало демографическому росту населения. Фейжо⁵, священник и член комитета по делам церкви палаты депутатов, заявил, что «будет правильным обратиться к папе римскому с просьбой освободить духовенство от наказания, связанного с женитьбой». Отмена церковного безбрачия предлагалась также как одно из средств моральной реформы, ибо большое число священников содержало конкубин⁶.

Правительство принимало и другие меры, целью которых было укрепить контроль государства над церковью. В уголовном кодексе 1830 г. ст. 81 наказывала тюремным заключением любого бразильского подданного, который обращался к какому-либо представителю иностранной власти внутри империи или за рубежом с просьбами, касающимися духовных дел или в связи с организацией «культурных актов». Эта статья фактически запрещала церковникам или их доверенным лицам поддерживать какую-либо непосредственную связь с папским престолом или его представителями, минуя бразильское правительство.

В 1831 г. в конституционном добавлении (Ato Adicional) представители белого духовенства приравнялись к правительственным служащим. Таким образом, устанавливался порядок, согласно которому духовенство полностью подчинялось правительству. В 1831 г. после отречения Педро I ввиду малолетства наследника престола было установлено регентство. В 1840 г. им-исщатором был объявлен Педро II, хотя ему исполнилось тогда только 14 лет.

В период регентства (1831-1840) отношения Бразилии с папским престолом были натянутыми. Регенты выступали с позиций регализма и не признавали вмешательства папы в дела бразильской церкви. Священник Фейжо, член регентского совета (с 1834 г. – регент), считался самым ярким «противником папского превосходства, который когда-либо существовал в католической церкви Бразилии»⁷. В 1833 г. регентство назначило епископом Рио-де-Жанейро священника Антонио Марию де Моура, известного противника celibата. Папа

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org категорически отказался утвердить его назначение. Тогда бразильский посланник при папском престоле по поручению своего правительства заявил папе: «Его величество (император Бразилии. – И. Г.) без согласия Вашего преосвященства возведет Моура в сан епископа, расторгнет отношения со святым престолом и будет считать нежелательным дальнейшее пребывание монсеньера Фабрини (папского нунция. – И. Г.) в Рио-де-Жанейро» 8. Папа вынужден был и на этот раз отступить и подчиниться воле бразильских властей.

Государство продолжало контролировать деятельность церкви и при императоре Педро II (1840–1891), которого за его склонность к естествознанию церковные противники регализма называли вольтерьянцем, эволюционистом и даже атеистом. Однако современный клерикальный писатель Магальяес де Азеведо считает, что даже «инквизиция не могла бы придаться к чему-либо из сказанного или написанного Педро II». Влияние церкви при этом императоре продолжало падать. В период империи церковь превратилась в обычный правительственный департамент, указывает Томас К. Брюно. Власти запретили епископам без разрешения покидать свои епархии под угрозой смещения их с должности; военные капелланы были освобождены от подчинения епископам. Все церковные назначения совершались с санкции правительства, разрешение властей требовалось даже на использование свечей при богослужении 9. Бразильская империя, хотя и возглавлялась «поборником» науки и просвещения, оставалась одной из самых отсталых стран Американского континента. В условиях рабовладельческого строя подавляющее большинство населения (85%–в 1870-х годах) 10 оставалось неграмотным, жило в условиях ужасающей нищеты. Экономика страны развивалась медленно. Страной управляли богатые плантаторы и негоцианты.

Американец Даниэль Киддер, внимательный наблюдатель, проживший в Бразилии много лет и исколесивший страну вдоль и поперек, писал в своих воспоминаниях, вышедших в свет в 1845 г.: «О немногих вопросах бразильские писатели, принадлежащие ко всем сословиям, высказываются с таким единодушием как о состоянии (католической. – И. Г.) религии в стране. Народ и духовенство, государственные чиновники, торговцы и политические деятели единодушно считают, что религия находится в упадке и ее будущее беспросветно» и.

Большинство церковников продолжало смотреть на свою деятельность как на источник дохода, а не как на призвание. Церковная иерархия была изолирована от народа, от трудящихся масс: рабов, крестьян, городских низов. Простые люди, писал Хоакин Набуко (1849–1910), один из вождей аболиционистского движения в Бразилии, лидер Антирабовладельческого общества, «смотрели на священника как на человека, услуги которого они могли купить, а он относился к ним, как к бессловесным тварям. Было подлинно постыдным предательство нашим духовенством евангельского учения. Никто не видел, чтобы священники защищали рабов, использовали религию с целью облегчить их положение или разоблачить действия рабовладельцев. Никто из священников никогда не пытался приостановить торги рабов, не осудил религиозный режим, господствовавший в „сензала4412. Католическая церковь, хотя все еще обладала значительной властью и население в некоторой степени находилось под ее влиянием, никогда не подняла своего голоса в пользу освобождения рабов» 13.

Хозяева плантаций, отмечает историк Бусбаум, «видели в священниках людей на службе своих интересов, в задачи которых входило спасти души плантаторов и обеспечить послушание непокорных рабов... Религия, проповедуемая католической церковью, превосходно соответствовала интересам плантаторов, ибо она прощала им все» 14.

Церковники сами владели рабами. Особенно их было много в бенедиктинских и кармелитских монастырях. Хотя в Бразилии, отмечает американский историк Роберт Конрад, католическая церковь являлась высшим моральным и духовным авторитетом, она никогда не выступала против рабства, священников, осуждавших его, насчитывались единицы 15. Папство также не осуждало рабства. Попытка Хоакина Набуко заручиться в этом вопросе поддержкой паны Льва XIII, которого он посетил в 1888 г., не увенчалась успехом. В период империи духовенство получало высокие оклады от государства, немалые средства поступали и от выполнения различных церковных обрядов. Вместе с тем оно не платило налогов, что вызывало возмущение населения. Известный бразильский политический деятель и просветитель Тобиас Баррето (1839–1889) в своей знаменитой «Речи без пиджака» с возмущением говорил, что «привилегированное духовенство, несмотря на высокое жалованье, выплачиваемое священнослужителям за их труд, несмотря на то, что они получают за мессу столько, сколько мелкий торговец не зарабатывает на субботнем базаре, сколько ремесленник не выручает за свои изделия, – несмотря на все это, священники не платят налога как такового, хотя их

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
промысел, чрезвычайно доходный, нисколько не пострадал бы от участия в общих расходах, хотя бы в размере сотой доли их дохода» 16.

В 1885 г. правительство запретило монашеским орденам иметь послушников, поэтому с течением времени число монахов в стране сильно сократилось, тем более что власти не допускали в Бразилию монахов-иностранцев. Между тем папский престол, терявший одну за другой свои позиции в Италии, все больше ожесточался против буржуазного государства. В 1864 г. папа Пий IX в «Силлабусе» осудил масонов, либералов, сторонников преобладания светской власти над духовной, патронат и «пласет». Разумеется, бразильское правительство наложило запрет на этот документ, содержание которого вызвало возмущение в правительственных кругах, где преобладали масоны. Многие священники также принадлежали к масонским ложам. Масоном был и сам Педро II. Следует отметить, что передовая интеллигенция Бразилии того времени в равной степени сторонилась как католической церкви, так и масонства. «Христианская любовь стала лицемерной фразой, масонский гуманизм – смешной бравадой, – писал Тобиас Баррето. – Церковь, которая именует себя первым проводником этой христианской любви, проповедует пост, а сама объедается, советует пить воду, а сама пьет вино, тогда как масонская ложа в свою очередь продолжает скрывать от глаз непосвященных свой страшный секрет, заключающийся как раз в ее „ничегонеделании"» 17 (подчеркнуто. – Т. Б.).

Бразильское правительство отрицательно отнеслось и к решениям I Ватиканского вселенского собора (1870), провозгласившего догмат о непогрешимости папы и подтвердившего «Сил-лабус». Но епископы Бразилии – участники I Ватиканского собора голосовали за его решения. С завершением объединения Италии и ликвидацией светской власти пап можно было ожидать, что Пий IX умиротворит свой «от-лученческий» пыл и постарается по крайней мере за пределами Италии не вступать в конфликты с местными властями. Этого не случилось. Действуя по наущению Пия IX, бразильский епископат запретил священникам принадлежать к масонским ложам. В 1872 г. священник Алмейда Мартинс произнес в масонской ложе в Рио-де-Жанейро проповедь, восхваляя принятый годом раньше закон, согласно которому дети, рожденные от рабов, провозглашались свободными. Вслед за этим епископ Рио-де-Жанейро Ласерда наложил епитимью на Алмейду Мартинса и под угрозой отлучения приказал выйти из масонской ложи. Резкие протесты масонов, в том числе видных членов правительства, таких, как министр иностранных дел барон Рио Бранко, заставили епископа отказаться от своих требований. Несколько месяцев спустя в Ресифи местный масонский клуб отпраздновал свою годовщину торжественным церковным молебном, что вызвало бурную реакцию со стороны Витала Марии Гонзалвес де Оливейры, епископа Олинды (Пернамбуку), юрисдикция которого распространялась на Ресифи. Он приказал священникам и членам «ирмандади» (братства) – светской религиозной организации прихода Сан-Антониу в Ресифи – немедленно выйти из масонских лож. Когда священники отказались подчиниться, на их приходы был наложен интердикт. Его поддержал Антониу де Маседу Кошта, епископ Пара. Характерно, что оба этих прелата получили высшее церковное образование в Европе. Гонзалвес де Оливейра, капуцинский монах, учился в духовных академиях Тулузы и Версаля и после посещения Рима в 28-летнем возрасте был назначен епископом Олинды. Епископ Пара учился в семинарии Сен-Суплиса в Париже и в духовной академии в Риме. Оба епископа отличались ярким фанатизмом и ультрамонтанством 18.

Правительство потребовало от прелатов отменить интердикт и дисциплинарные меры против священников-масонов как нарушающие конституцию. Епископы не повиновались. Дом Витал обратился к Пию IX и заручился его поддержкой. Тогда правительство направило в Ватикан своего посла в Лондоне барона Пинеду, под давлением которого Пий IX обещал осудить действия епископа Олинды. Барону Пинеду был зачитан текст папского послания Гонзалвесу де Оливейре, содержащий фразу «Gesta tua non laudantur» («Твои действия не одобряем») 19. Но Ватикан вел двойную игру. В опубликованном впоследствии тексте послания этой фразы не оказалось.

Позиция дома Витала вызвала волну возмущения в Пернамбуку, где толпа верующих разгромила иезуитский колледж и церковную типографию. Беспорядки имели место и в других городах Бразилии.

В декабре 1872 г. Педро II по рекомендации Государственного совета приказал епископам Олинды и Пара в пятнадцатидневный срок отменить санкции против священников-масонов. Епископы вновь не подчинились. 7 ноября 1873 г. они были арестованы и преданы суду. Дом Витал был доставлен на военном корабле из Пернамбуку в Рио-де-Жанейро. Вскоре верховный трибунал признал их виновными в нарушении конституции. В решении трибунала отмечалось, что епископы, являясь служащими правительства, обязаны выполнять приказы властей. Невыполнение приказов, соответствующих конституции и законам, каралось, согласно ст. 96 Уголовного кодекса, каторжными работами от 2 до 6 лет 20. Обоих епископов приговорили к 4 годам каторжных работ, замененных по

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
решению Педро II обычным тюремным заключением. 17 сентября 1875 г. они и другие церковники были помилованы дочерью Педро II Изабеллой, исполнявшей обязанности регентши во время поездок императора за границу. Изабелла не в пример ее отцу находилась под сильным влиянием церковников. После их освобождения Ватикан отменил интердикт и больше не настаивал на изгнании масонов из церковных братств, хотя продолжал осуждать «свободных каменщиков».

Арест и осуждение ультрамонтанских епископов не вызвали какого-либо движения солидарности верующих с церковью. Даже многие церковники не проявили к ним симпатии. «Поразительным является тот факт, – пишет католический автор Базилиу де Магальяес, – что народ не мобилизовался на защиту двух епископов-страдальцев и не было малейшей попытки освободить их из тюрьмы»²¹. Более того, народ открыто осуждал их. В палате депутатов, где было пять священников, никто не выступил в защиту осужденных.

Как правильно отмечает прогрессивный бразильский исследователь Руй Фако, «религиозный конфликт» отражал, с одной стороны, связь высшего духовенства с помещиками-рабовладельцами, с другой – интересы нарождающейся буржуазии и народа, которых поддерживали низы духовенства.

Церковники надеялись восстановить свой авторитет, действуя через престолонаследницу Изабеллу. Однако монархический строй в Бразилии доживал свой век. Опиравшийся на рабовладельче-

ску
К концу XIX в. католическая церковь в стране переживала такой же упадок, как и монархическая власть, на которую она опиралась. В 1889 г. в стране с населением 14 млн. действовали 12 епархий, насчитывалось 13 епископов и около 700 священников. В то же самое время в США, где проживало значительно меньше католиков, было 84 епископа и около 8 тыс. священников²³. В заявлении бразильского епископата в 1890 г. утверждалось, что «гнет государства, осуществляемый во имя претендующего патроната, был главной причиной слабости нашей церкви и почти разрушил ее»²⁴.

Церковь пребывала в период империи в «золотой клетке», попечительство государства «душило» церковников, как они сами заявляли²⁵. Эти утверждения не соответствовали действительности, ибо патронат и в Испании, и в ее колониях, и в самой Португалии не только не причинил духовенству вреда, но способствовал его обогащению и влиянию. В Бразилии главной причиной церковного упадка было крушение рабовладельческой системы, на которой паразитировало духовенство и без которой оно не мыслило своего существования.

Республика: отделение церкви от государства

Монархия в Бразилии рухнула вскоре после отмены рабства. К власти пришли военные, представлявшие «просвещенную» молодую буржуазию. Они находились под влиянием идей позитивизма Огюста Конта, получивших в стране широкое распространение. О влиянии этих идей говорит тот факт, что в стране существовали даже «позитивистские церкви». Позитивистский девиз «Порядок и прогресс» был изображен на гербе республики, выражая как бы официальную программу нового режима.

Временное правительство республики во главе с маршалом Деодоро да Фонсека находилось у власти с 15 ноября 1889 по 25 февраля 1891 г. 7 ноября 1890 г. оно издало декрет из семи пунктов, отделявший церковь от государства.

Следуя примеру США, декрет запрещал властям – федеральным и штатов – издавать какие-либо законы, правила, административные акты, относящиеся к религии, создавать какие-либо различия среди населения, исходя из философских или религиозных воззрений. Все «религиозные секты» наделялись равным правом на свободное проведение частным и публичным образом своих культовых актов. Все граждане получали право образовывать общества согласно своей вере и взглядам без вмешательства властей. Государственная церковь со всеми ее институтами, правами и привилегиями отменялась. Федеральное правительство обязывалось выплачивать духовенству жалование в течение года, власти штатов наделялись правом по желанию содержать на жалование служителей любых культов²⁶.

Декретом от 7 января 1880 г. отменялись как государственные все церковные праздники, за исключением воскресенья. Вместо них были установлены девять гражданских праздников. 24 января был введен гражданский брак, а 26 января

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
запрещен церковный до гражданской церемонии. 27 сентября кладбища были изъяты из-под контроля церкви и переданы в ведение муниципалитетов, религиозным организациям разрешалось в будущем иметь свои собственные места для захоронения. Таким образом, «отделение церкви от государства освобождало народ от подлинной религиозной кабалы, господствовавшей до этого»²⁷.

Декрет правительства об отделении церкви от государства вызвал у духовенства взрыв негодования. В заявлении от марта 1890 г. епископы провозгласили: «Во имя социального порядка, общественного мира, гражданской гармонии, во имя нравов совести мы, католики, отвергаем отделение церкви от государства. Мы требуем союза обеих властей»²⁸.

15 ноября 1890 г. в Рио-де-Жанейро собрался Учредительный конгресс. Временное правительство представило на его утверждение проект конституции, включавшей декрет об отделении церкви от государства. Кроме того, было предложено запретить деятельность иезуитского ордена, учреждение новых монашеских орденов, лишить политических прав служителей культа, лимитировать права церковников на владение собственностью. Конгресс одобрил запрещение деятельности новых монашеских орденов, лишение политических прав монахов, давших обет послушания. Право собственности религиозных организаций ограничивалось только существующим законодательством.

Гражданский брак объявлялся единственно законным, нерасторжимым, а его заключение бесплатным. Государство отказалось от всех прав на патронат, включая церковные назначения и цензуру отношений с папским престолом. Государство обязывалось только финансировать деятельность миссионеров под предлогом, что они способствовали материальному прогрессу общества. Просвещение провозглашалось светским. Церковники могли преподавать в школах религию после уроков, но государство не оплачивало их услуги. В конституции отсутствовало всякое упоминание о боге. Вместе с тем церковь сохраняла право содержать собственные (частные) начальные и средние школы, вносить вклад в содержание больниц и домов призрения. Продолжали сохраняться и дипломатические отношения с Ватиканом. Таким образом, эти мероприятия, соответствовавшие принятой в Италии формуле Кавура «свободная церковь в свободном государстве», не означали полного разрыва церкви с государством. Между ними оставались связи, используя которые духовенство смогло с течением времени вернуть себе многие из утраченных позиций.

Принятие новой республиканской конституции вызвало резкие протесты церковной иерархии, которая отнеслась к этому акту как к победе атеизма над религией. В коллективном заявлении епископов от 1900 г. говорилось: «Мы не желаем быть на-цией без религии и бога, мы не желаем быть управляемы атеистическим правительством»²⁹.

Известный католический деятель священник Жулиу Мария писал в начале XX в., что духовенство «еще не осознало свой долг по отношению к Бразилии, где в условиях свободы вместо мужественной борьбы, которая могла бы дать бразильской церкви соответствующее в нашем социальном движении место, мы видим, к сожалению, только слабую преданность, без христианской жизненности, пугливую набожность, страх перед новыми веяниями века и трусливое бегство от борьбы»³⁰.

Между тем, пользуясь свободой, предоставленной ей «атеистическим» правительством, церковь быстро наращивала свою мощь, расширяла свою организацию. В 1893 г. лев XIII создал 2 новые епархии в Бразилии, в 1900 г. их было уже 17, десять лет спустя – 30, в 1920 г. – 58, а в 1964 г. – 178. И все же влияние церкви на народные низы росло крайне медленно. В бедняцких районах крупных городов широкое распространение получили негритянские синкретические культы, различного рода евангелические секты, деятельность которых щедро финансировалась США. Среди средних слоев преобладал «народный католицизм» – смесь разнообразных суеверий, очень отдаленно напоминающая католическую доктрину. В сельской местности получили распространение различного рода локальные сектантские движения³¹.

Под опекой буржуазного порядка
Вскоре после отделения церкви от государства Ватикан, воспользовавшись предоставленной ему свободой, стал направлять в Бразилию во всевозрастающем количестве монахов и миссионеров из Португалии, Франции, Бельгии, Италии, Германии, которые со временем захватили ключевые позиции в церковном аппарате страны. «Эта растущая „денационализация“¹¹ черного и белого духовенства, в котором все более преобладали иностранные элементы, – пишет историк Фернанду де Азеведу, – не только ослабляла старые связи между религией и обществом, церковью и народом, представлявшими ранее единое целое, но и превращала духовенство, по мнению некоторых, в „особый“¹¹ класс со своими эгоистическими интересами, придавая ему открыто или скрыто характер „иностранной политической партии“¹¹»³².

В конце XIX в. папский престол начинает уделять особое внимание и другим

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org странам Латинской Америки. В 1899 г. в Ватикане созывается первый латиноамериканский собор, принимающий решения о развитии церковной организации в этом регионе мира. В Риме открывается колледж «Пио Латиноамерикано» по подготовке клира. В странах Латинской Америки создаются первые светские организации типа «Католического действия», возникают католические профсоюзы. В 1905 г. папа Пий X назначил архиепископа Жоакина Арковерде де Албукерке Кавалкапти первым кардиналом Бразилии. (Это был вообще первый кардинал в Латинской Америке.)

евиста социал». В задачи союза входило «защищать и распространять католическую веру», оказывать поддержку политике церковной иерархии, бороться с «тайными обществами» и осужденными церковью сектами и т. п. И все же попытки церковников превратить эту организацию в массовую не увенчались успехом. Рядовые верующие и интеллигенция относились с недоверием к политическим претензиям католической церкви, хотя господствующие классы приветствовали ее деятельность в защиту существующего социального строя.

В период первой мировой войны наметилось сближение церковников и правящих кругов Бразилии. Правительство проан-глийской ориентации, возглавляемое президентом Венеслау Бразом, намеревалось вступить в империалистическую войну на стороне союзников.

Эти намерения разделяла церковная иерархия. Особенно энергично агитировал за вступление страны в войну прелат Жулиу Мария. Выступая 17 февраля 1917 г. в кафедральном соборе в Рио-де-Жанейро в присутствии кардинала Арковерде и президента республики Браза, Жулиу Мария говорил: «Пусть никто не приходит в ужас, что с этой священной трибуны – символа любви – восхваляется война. Война имеет свое объяснение в Писании, где самым громким титулом бога является бог войск, изображаемый на огненной колеснице с молниями в деснице, руководящий и ведущий в бой бесчисленные легионы духов... Война сама по себе является божественной по условиям, которые ее порождают, по последствиям, которые из нее следуют; она представляет мрогим возможность спасения па том свете, и, наконец, она божественна по таинственной славе, которая ее овеивает; безусловно, что во все времена и у всех народов самой большой и чарующей славой была та, которая добывалась на полях сражений, несмотря на пролитую кровь, что никогда не мешало человечеству обожествлять военные победы»³³.

Церковники горячо поддержали объявление Бразилией войны Германии; когда же в России произошла Великая Октябрьская социалистическая революция и во всем мире начался революционный подъем (в том числе и в Бразилии), духовенство потребовало подавления рабочего движения.

В 20-х годах католическая церковь открыто выступила в поддержку реакционных режимов президента Эпистасиу Пессоа (1918–1922) и Артуро Бернардеса (1922–1926). Последний, например, нанес визит кардиналу, отметив «важность постоянного сотрудничества нашего церковного руководства с правительством для сохранения порядка и развития национального прогресса»⁸⁴.

В послевоенные годы духовенство стремилось оказать политическое давление на верующих путем проповеди различных реакционных политических теорий. Для этого периода характерна деятельность клерикального писателя и пропагандиста Жаксона де Фигейреду, основавшего в 1921 г. пропагандистскую организацию «Центро дом Витал» и журнал «Ордем» («Порядок»), само название которого уже было программой.

Жаксон де Фигейреду провозгласил себя монархистом и непримиримым врагом буржуазной демократии, основанной на всеобщем избирательном праве. Он не без гордости называл себя «реакционером», считал борьбу трудящихся против капиталистов «сатанинским наваждением». Фигейреду поддержал в 1921 г. кандидатуру в президенты представителя паулистских «кофейных» миллиардеров Бернардеса, он предавал анафеме революционное демократическое движение – так называемых тениен-тистов 1922 и 1924 гг.³⁵

Как справедливо отмечает бразильский исследователь Гер-рейро Рамос, сформулированная в 20-х годах Жаксоном де Фигейреду «теория порядка» заключала в себе все основные элементы интегрализма – бразильского фашистского движения, возникшего в 1930 г. Интегрализм и католицизм Жаксона де Фигейреду черпали свое вдохновение в португальском фашистском движении, пропагандировавшем корпоративизм в духе социальной энциклики Льва XIII «Рерум новарум».

Один из последователей Жаксона де Фигейреду, Гамилтон Ногейра, в изданной в 1924 г. книге «Доктрина порядка» призывал беспощадно казнить всех тех, кто покушается на установленный социальный строй. Говоря об участниках революционных движений 1922 и 1924 гг., Ногейра писал, что «право убивать преступников, тем более если они покушаются на нацию... основывается не только на самом справедливом, но и на самом необходимом праве защиты общества»³⁶.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosofff.org
Не все католики разделяли программу Фигейреду, более того, даже многие из его сторонников, в их числе и Ногейра, впоследствии изменили свои взгляды и выступили против фашизма. И все-таки нельзя не отметить, что взгляды Фигейреду были весьма близки тогдашнему руководству католической церкви в Бразилии.

Содружество с режимом Варгаса

В 1930 г. в стране под влиянием мирового кризиса, потрясшего ее экономику, произошел переворот. Проанглийское правительство президента Вашингтона Луиза было свергнуто, новую власть возглавил буржуазный политик из южного штата Риу-Гранди-ду-Сул Жетулио Варгас, известный своими проамериканскими симпатиями.

Варгас вначале выдвинул программу либеральных реформ, и его поддержали широкие массы населения. Но, заполучив власть, он и его сторонники открыли двери страны американскому монополистическому капиталу, взяли курс на подавление демократического движения, преследование коммунистов. В 1936 г. Варгас разогнал парламент и учредил авторитарный режим, получивший название «Новое государство» («Эстадо Ново»), напоминавший во многом фашистскую систему, созданную Салазаром в Португалии.

Варгас выступал за сотрудничество с церковной иерархией в борьбе с прогрессивными силами. Его приход к власти приветствовал глава бразильской церкви кардинал Себастьян Леме да Силвейра Синтра (1882–1942). Варгас восстановил в 1931 г. религиозное обучение в начальных и средних школах и педагогических училищах. Против этого выступили все другие культы и секты. Внешне декрет носил демократический характер: предусматривалось, что, если в учебном заведении 20 или более учеников будут ходатайствовать о преподавании другой религии, их просьба будет удовлетворена. Но едва ли можно было найти класс, где собралось бы одновременно столько не католиков. Хотя посещение уроков религии не считалось обязательным, однако с этого времени началась дискриминация учеников, которые не принимали в них участия³⁷.

В 1932 г. по указанию кардинала Леме клерикальный деятель Алсеу Аморозу Лима опубликовал брошюру «Требования католиков»³⁸, в которой выдвигалась программа из трех пунктов: нерасторжимость брака, факультативное преподавание религии в школе, сотрудничество церкви и государства в защите министра в правительстве президента Пессоа Пандия Каложерас, секретарем лиги стал Аморозу Лима. Лига развернула большую пропагандистскую работу. В 1934 г. в связи с выборами в конституционное собрание она угрожала кандидатам в депутаты церковным бойкотом в случае несогласия с ее программой. Под давлением лиги конституция 1934 г. начиналась словами «доверяя богу». Конституция разрешила правительству оказывать финансовую помощь церкви «в общественных интересах». Монахи получили право голоса. Было разрешено служителям церкви выполнять их функции в армии и официальных учреждениях. Гражданский брак объявлялся нерасторжимым, одновременно признавался церковный брак. Преподавание религии в школах вводилось в обязательную программу. Правительству разрешалось субсидировать католические школы. «Конституция 1934 г., – отмечает Томас К. Брюно, – была большой победой для церкви, она означала публичное признание той роли, на которую церковь претендовала в обществе»³⁹.

В 1937 г. после установления «Нового государства» лига временно прекратила свою деятельность. Ее заменила основанная в 1935 г. организация «Бразильское католическое действие». Конституция 1937 г. носила авторитарный характер, и, хотя в ней религиозные сюжеты не упоминались, отношение Варгаса к церкви продолжало оставаться благожелательным, а правительственные субсидии продолжали пополнять церковную казну. Церковная иерархия в свою очередь охотно сотрудничала с диктаторским режимом Варгаса, причем значительная ее часть откровенно симпатизировала интегралистам, фашистскому движению, лозунг которого «Бог, родина, семья» полностью соответствовал традиционной католической доктрине. «Фашистские постулаты, – пишет Руй Фако, – тогда открыто проповедовались церковью, в том числе и в школах, и с амвона»⁴⁰.

Томас К. Брюно указывает, что революция 1930 г. создала условия для возобновления сотрудничества церкви с правящими кругами и внедрения ее в систему государственных структур. Это позволило ей вновь стать влиятельной

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org силой. Варгас вернул духовенству прежние позиции, чтобы заручиться его поддержкой, которую оно в свою очередь жаждало ему оказать. К тому времени церковь восстановила свою организацию и могла стать ценным подспорьем в управлении страной⁴¹. Союз с Варгасом еще более усилил ее позиции. В 1946 г. в Бразилии было уже 16 383 священника, в том числе 7419 монахов, из них 46/з иностранцы⁴².

Во время второй мировой войны, в которой Бразилия приняла участие на стороне союзников, Варгас стал восстанавливать демократические свободы. Правительство намеревалось установить дипломатические отношения с Советским Союзом. Но церковники и другие реакционные силы решительно воспротивились этому, и президент уступил. В 1945 г. военные свергли Варгаса. Было создано Конституционное собрание. Католическая лига вновь активизировалась. Она пыталась оказать давление на избирателей, нападая на кандидатов коммунистов и других прогрессивных деятелей. И все же на этот раз ей не удалось повлиять на конституцию 1946 г., которая по отношению к церкви в основном повторяла положения конституции 1934 г.

В 1950 г. Варгас вновь выдвинул свою кандидатуру в президенты. С ним баллотировался в вице-президенты Жоан Кафе Фильу. Католическая лига выступила против него, обвиняя в принадлежности к масонству. Кампания против Кафе Фильу была тактической ошибкой церковников. Он пользовался поддержкой американских монополий и являлся доверенным лицом Варгаса; кроме того, он был избран на пост вице-президента, несмотря на громкие протесты церкви. В 1954 г., когда Варгаса свергли и он застрелился, временным президентом стал Кафе Фильу, вокруг него объединились все проимпериалистические силы страны. Церковь, тесно связанная с этими силами, была вынуждена поддержать преемника Варгаса.

На выборах в 1955 г. Католическая лига и духовенство воздержались от прямого участия в политической кампании, заявив, что все президентские кандидаты и кандидаты в депутаты являются «добрыми католиками». Однако в 1958 г. во время частичных выборов в конгресс и ассамблеи штатов церковь и Католическая лига ополчились против кандидатов, поддерживаемых коммунистами и другими прогрессивными силами.

После выборов 1958 г. Национальная конференция епископов, заседавшая в Гойании, большинством голосов решила прекратить деятельность лиги. Был взят курс на поддержку недавно основанной демокристической партии, которая тем не менее не стала влиятельной силой.

Растущая связь между церковной иерархией и господствующими классами Бразилии не способствовала поднятию авторитета церкви среди широких масс населения. В стране широко распространились различные негритянские культы, число приверженцев которых постоянно росло. По официальным данным, увеличилось и число неверующих. По переписи 1940 г., 87 тыс. человек объявили себя атеистами, а десять лет спустя их было уже зарегистрировано 220 тыс.

Одной из особенностей Бразилии 70-х годов является рост последователей различных деноминаций протестантизма⁴³.

Французский ученый Роже Бастид связывает рост протестантского влияния с политикой католической церкви по отношению к негритянскому населению. Он пишет: «Успех протестантизма среди негров Бразилии вызван тем, что первые протестанты в XIX в. выступали за отмену рабства. Сегодня католическая церковь проявляет дискриминацию по отношению к неграм в некоторых городах, церковники не принимают негритянских детей в школы гуманитарного профиля, (в некоторые братства белых и т. п., в то время как протестанты выступают с позиций расового равноправия»⁴⁴.

Не менее характерен для условий Бразилии и рост последователей различных спиритических сект, число которых составляет несколько миллионов.

Католический писатель Талес де Азеведу рассматривал спиритизм как одну из самых серьезных опасностей для церкви в Бразилии. Растет также число сторонников оккультизма, теософии и позитивистской церкви. Многие спиритические центры, позитивистские и прочие не католические религиозные организации выступают в защиту мира, против империализма. Успех этих сектантских движений отражает недовольство широких масс политическим курсом церкви, ее связями с наиболее реакционными кругами страны. 47 46 48 49 50 51

тельства необходимости отмены церковного безбрачия палатой депутатов и ее подлинная и законная юрисдикция в этом вопросе».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Природа конфликта между церковью и государством, проходившего через всю историю стран Латинской Америки от войны за независимость в начале прошлого столетия до середины XX в., объясняется прежде всего его классовым характером. Как и в Европе, этот конфликт был столь острым и

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org продолжительным потому, что церковь выступала союзницей олигархии, отстаивала старый порядок, цеплялась за свои особые права и привилегии, унаследованные от колониального режима, и не признавала новых буржуазных реальностей, возникших с образованием независимых республик.

Таким образом, если народам Латинской Америки понадобилось около 16 лет, чтобы избавиться от испанского господства, то на отделение церкви от государства они затратили свыше 100 лет.

Особенно обострялись отношения между церковью и государством в периоды социальных катаклизмов, революционных кризисов, иностранных интервенций. В XIX в. церковь боролась с просветителями, сторонниками независимости и патроната, либералами, а с появлением рабочего движения – с анархо-синдикалистами, социалистами. После победы Октября она воевала с коммунизмом, с Советским Союзом.

Вс. все времена находились служители культа, выступавшие с противоположных позиций. Представители этих течений, как правило, покидали церковные ряды и включались в общегражданское движение. По мере того как в лоне церкви усиливались инте-гристские течения, авторитет ее падал, власть над верующими терялась.

Кризис наступил в конце 50-х годов XX в., когда успехи социализма, крушение колониализма, развитие научно-технической революции и мирового революционного процесса, проникновение человека в космос и другие эпохальные научные достижения со всей очевидностью поставили перед церковью вопрос: или оставаться на прежних позициях и продолжать терять адептов, или попытаться выйти из тупика, сменить старое, потрепанное одеяние на более современное. Последняя точка зрения возобладала. Перемены начались в годы правления папы Иоанна XXIII (1958–1963) и были закреплены в решениях II Ватиканского вселенского собора (1962–1965).

В Латинской Америке новый- курс католической церкви рождался на фоне мощного подъема антиимпериалистической борьбы и победы кубинской революции, открывшей путь к социализму. Ввиду специфики региона обновленческий курс принял здесь особо радикальную окраску. В 60-е годы в Латинской Америке появилась «мятежная» церковь, сторонники которой высказывались за ломку отживших олигархических структур, осуждали империализм, выступали в защиту революционной Кубы и за социализм.

Быстрая радикализация латиноамериканского духовенства вызвала сильное беспокойство в правящих кругах США и в Ватикане. Папа Павел VI, выступая на II конференции Латиноамериканского епископального совета (СЕЛАМ) в Медельине (Колумбия) в 1968 г., осудил «мятежных» церковников, призвал духовенство и верующих отказаться от революции и следовать реформистскому курсу. Однако этот призыв не оказал существенного влияния на ориентацию духовенства, часть которого продолжала выступать с неконформистских позиций. Особенно мужественно «мятежные» священники осудили диктаторские проамериканские режимы в Чили, Парагвае, Уругвае и других республиках, разоблачая их преступления против народа, преследования, пытки и убийства без суда и следствия коммунистов. Многие из этих священников сами пали жертвами террора. В Никарагуа, Сальвадоре духовенство приняло активное участие в свержении режимов Со-мосы, Ромеро и им подобных ставленников Пентагона и ЦРУ.

Активная антивдиктаторская позиция zaangażированных служителей церкви в странах Латинской Америки не встретила поддержки в Ватикане. И Павел VI, и Иоанн Павел II оказались неспособными предложить программу перемен, соответствующую нынешним потребностям Латинской Америки. Народы желают коренных изменений не на словах, а на деле. И если церковь и на этот раз повернется к ним спиной, то вряд ли она сможет удержать свои и без того шаткие позиции в регионе, где проживает почти половина ее нынешних последователей.

Таков урок, преподнесенный католической церкви историей. Будущее покажет, извлечет ли она из него полезные для себя выводы или вернется на прежние позиции защиты несправедливого и обреченного социального порядка.

1

См.: Ларин Н. С. Борьба церкви..., с. 47.

2

Григулевич И. «Мятежная» церковь в Латинской Америке. М.: Наука, 1972; Он же. Крест и меч. Католическая церковь в Испанской Америке, XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1977.

- Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosofff.org
- 2 Ларин Н. С. Борьба церкви с государством в Мексике (Восстание «кристерос» в 1926–1929 гг.). М.: Наука, 1965, с. 47.
 - 3-4 Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. М.: ил, 1953, с. 487.
 - 5 Там же.
 - 6 Nouvelle histoire de l
 - 7 Ibid., p. 361–362.
 - 8 21-й канон, принятый на 21-й сессии Тридентского собора, был сформулирован так: «Если кто-либо будет утверждать, что Иисус Христос был дан людям как избавитель, на которо
 - 9 Murray P. V. The Catholic church in Mexico ((1519
 - 10 El Tiempo, 10.11 1979.
-
- 3
Furlong G. Los jesu
-
- 4
Amunategui
-
- 5
Greenleaf R. E. The Mexican Inquisition and the Enlightenment. – In: History of Latin American Civilisation. London, 1969, p. 388.
-
- 6
Medina L. F. La imprenta en Bogot
-
- 7
Ibid., p. 393.
-
- 8
Levin B. La rebeli
-
- 9
Григулевич И. Р. Крест и меч: Католическая церковь в Испанской Америке, XVI–XVIII вв.
-
- 10
Menendez
-
- 11
Madariaga S. The Fall of the Spanish American Empire. New York, 1947, p. 282–283.

12

Pic

13

Ingenieros /. La evoluci

14

Созина С. А. Тупак Амару – великий индейский повстанец. М.: Наука. 1979, с. 110.

15

Там же.

16

Batllori

17

Ibid., p. 76.

18

Ibid., p. 51.

19

Ibid., p. 93.

20

В списке иезуитов, напечатанном Мирандой в одном из примечаний к письму Вискардо, отсутствуют имена Годоя и братьев Вискардо.

21

После занятия войсками Наполеона Болоньи в 1798 г. иезуитам был разрешен въезд в Испанию, однако в 1801 г. в связи с декретом папы Пия IV, легализовавшего существование ордена в России, Наполеон вновь выслал их из Испании.

22

Batllori M. El abate..., p. 139.

Текст письма без указания авторства и под названием «Письмо к американцам испанского происхождения» опубликован и в монографии А. И. Штрахова (Война за независимость Аргентины. М.: Наука, 1976, с. 354–371). Публикация сопровождается следующим комментарием: «Это письмо написано, по-видимому, в 1791 г. Публикуется оно с незначительными сокращениями. Передавая содержание документа, мы не пытались сохранить стилистические особенности испанского оригинала (подч. – А. /77.), чем и объясняется известная модернизация языка документа». Судя по этому комментарию, автор монографии не знал ни

24

Паркс Г. История Мексики. М.: ИЛ, 1949, с. 164–165.
2 Только епископ мог возвести в эту должность другого священника.
3 Григулевич И. Р. Крест п меч: Католическая церковь в Испанской Америке, XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1977, с. 246.
4 Mora
p4 200–202.
6 historia documental de M

25

Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М.: Мысль, 1975, с. 6.
2 Ruscroft S. W., Clemmer M. M. A Factual study of Latin America. New York, 1963, p. 48. Сравнительно большой процент некатолнков (в Никарагуа– 29%) объясняется тем, что в этих странах распространена конкубинат. Католиками считаются только те, кто был крещен; многие бедняки не крестят своих детей, не имея возможности оплатить связанные с этой церемонией расходы.
3 Zu
4 Леонов Н. С. Очерки..., с. 46.
5 Цит. по: Карнеро Чека Х. Очерки о странах Латинской Америки. М.: ИЛ, 1960, с. 225–226.
6 Диас Россотто Х. Характер гватемальской революции. М.: ИЛ, 1962, с. 228.
7 Там же, с. 21.
8 Цит. по: Торизельо Г. Битва за Гватемалу. М.: ИЛ, 1956, с. 35.
9 The Conflict between church and state in Latin America. New York, 1964, p. 178.
10 Карнеро Чека Х. Очерки..., с. 226.

26

La Civilt
12 Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике. М.: Наука, 1974, с. 185–187.
13 Томас А. Б. История Латинской Америки. М.: ИЛ, 1960, с. 558.
14 Цит. по: Расы и народы. М.: Наука, 1971, вып. 1, с. 205.
15 Там же, с. 209.
16 Леонов Н. С. Некоторые проблемы политической истории Центральной Америки XX столетия. М.: Наука, 1972, с. 166.
17 Lloyd Mecham J. Church and State in Latin America. Chapel Hill, 1934, p. 329.
18 Нитобург Э. Л. Сальвадор. М.: Мысль, 1974, с. 9.
19 Карнеро Чека Х. Очерки..., с. 477–478.
20 Наука, 1967, с. 347.
21 Леонов Н. С. Некоторые проблемы..., с. 172.
22 Lloyd Mecham J. Church..., p. 330.
23 Nicaragua. El pueblo frente a la dinast
24 Lloyd Mecham J. Church..., p. 331.

W

- 2 Ibid., p. 78–79.
- 3 Льянеро – жители степей, скотоводы. Отличались мужеством и свободолюбивым нравом, принимали активное участие в войне за независимость.
- 4 Lloyd Mecham J. Church and state in Latin America. Chapel Hill, 1934, p. 123.
- 5 Гонионский С. А. Колумбия: Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1973, с. 159.
- 6 Lloyd Mecham J. Church..., p. 124.
- 7 Ibid., p. 129.
- 8 Гонионский С. А. Колумбия..., с. 182, 197.
- 9 Ильина И. С. Политическая борьба в Колумбии (1946–1957). М.: Наука, 1968, с. 218.
- 10 Lloyd Mecham J. Church..., p. 135.

28

Watters M. Tel

- 12 Lloyd Mecham J. Church..., p. 102.
- 13 Антонио Леокадпо Гусмап.
- 14 «Революция» – здесь переворот, в результате которого Гусман Блапко пришел к власти.

29

Спвилисты – перуанские либералы.

- 2 Мариатеги Х. К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М.: ИЛ, 1963, с. 219–220.
- 3 Там же, с. 221–222.
- 4 Lloyd Mecham /. Church and State in Latin America. Chapel Hill, 1934, p. 168–170.
- 6 Gonzalez Prada M. Paginas sueltas. Lima, 1929, p. 134.
- 6 Ibid., p. 184.
- 7 Мариатеги Х. К. Семь очерков..., с. 225.
- 8 Пер. О. Савича (Неруда П. Избр. произведения. М.: Гослитиздат, 1958, т. 1, с. 169–170).
- 9 Neiza Samanez H. Huillca: habla un campesino peruano. La Habana, 1974, p. 84.
- 10 Lloyd Mecham /. Church..., p. 177, 178.

30

- 12 Lloyd Mecham J. Church..., p. 189.
- 13 Ibid., p. 186.
- 14 Ibid., p. 188.
- 15 Альперович М. С. Революция и диктатура в Парагвае (1810–1840). М.: Наука, 1975, с. 180–181.
- 16 Там же, с. 341.
- 17 Карнеро Чека Х. Очерки о странах Латинской Америки. М.: ИЛ, 1960, с. 440.
- 18 Lloyd Mecham /. Church..., p. 198–199.
- 19 Ibid., p. 257.
- 20 Ibid., p. 258–259.

31

- Aurora, 1964, N 2, p. 108–109.
- 2 Мильяс О. Чилийская пресса. – В кн.: Чили: Политика. Экономика. Культура. М.: Наука, 1965, с. 141.
- 3 Мильяс О. Новые условия идеологической борьбы коммунистов и католиков.

Церковь и олигархия в Латинской Америке 1810 -1959 - 1981 годы. И. Григулевич filosoff.org
– В кн.: Зарубежные марксисты о религии и церкви. М.: Политиздат, 1975, с.
128.

4 Guilisasti Tagle I. S. Partidos politicos Chilenos. Santiago, 1964, p.
22–23.

5 Очерки истории Чили. М.: Мысль, 1967, с. 100–101.

6 Millas O. El antimilitarista Diego Portales. Ed. Colo-Colo, s. a., p.
48,

32

Figueras J. Cuba

33

Ibid., p. 268, 260.

34

Brown Castillo G. Cuba colonial. La Habana, 1952, p. 136–137.

35

Figueras J. Cuba..., p. 266.

36

Historia de la Naci

37

38

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 751.

39

Майский И. М. Испания: 1808–1917. М.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 83.

40

Там же, с. 186.

41

Там же, с. 206.

42

Там же, с. 226–227.

43

Там же, с. 251, 261.

44

Там же, с. 332.

45

Robinson A. G. Cuba and the Intervention. New York, 1905, p. 325.

46

Bruneau T. C. The Political Transformation of the Brazilian Catholic Church. New York, 1974, p. 19.

47

Григулевич И. Р. «Мятежная» церковь в Латинской Америке. М.: Наука, 1972, с. 163–220.

48

«Почва для вступления мулатов и негров на церковные посты была подготовлена обычаем плантационных священников признавать своих детей» (Томас А. Б. История Латинской Америки. М.: ИЛ, 1960, с. 192).

49

Busbaum L. Historia sincera da Rep

50

Janeiro, 1957, p. 313.

51

Диого Антонио Фейжо (1784–1843), с 1831 г.– член регентского совета, в 1834–1837 гг. –регент империи. Опубликовал брошюру «Доказа-

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petime.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petime.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!